IMT Nuremberg Archives

H – 1198

International Court of Justice

H1198 – 0001

H1198 – 0002

С Т Е Н О Г Р А М М Ы

ЗАСЕДАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Т о м XX-й Экз. 2-ой

С о д е р ж и т :

I3 апреля - утреннее заседание,

I5 апреля - утреннее и вечернее заседания,

I6 апреля - утреннее и вечернее заседания,

I7 апреля - утреннее и вечернее заседания,

I8 апреля - утреннее и вечернее заседания,

23 апреля - утреннее и вечернее заседания.

Страницы: с 8803-й по
9393-ю включительно.

H1198 – 0003

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяю, что данный том, пронумерованный с 8803 стр. по 9393 стр., озаглавленный "Русские стенограммы" содержит в себе стенографическую запись судебных заседаний Международного Военного Трибунала по делу Германа Вильгельма Геринга и других на русском языке за период времени с 13 апреля 1946 г. по 23 апреля 1946 г.

Указанная запись на русском языке составлена на основании стенографических записей и сверена с электрозвукозаписью производившихся в суде.

СЕКРЕТАРЬ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ
М А Й О Р А. Полторак
(А.ПОЛТОРАК)

"11" декабря 1946 г.
г.Нюрнберг

C E R T I F I C A T E

Official transcript of the International Military Tribunal from 13 April 1946 to 23 April 1946 in the matter of the United States of America, The French Republic, The United Kingdom of Great Britain und Northern Ireland und The Union of Soviet Socialist Republic against Hermann Wilhelm Goering and others contained in the volume under the title:

"Russian Transcripts"

numbered 8803 to 9393 inclusively are herewith certified as an authentic official Russian text, having identical force as the English, French und German texts.

John E. Ray

JOHN E. RAY, Colonel, FA
General Secretary
International Military Tribunal

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяется, что русский текст стенограмм заседаний Международного Военного Трибунала за период времени с 13 апреля 1946 г. по 23 апреля 1946 г. по делу: Соединенные Штаты Америки, Французская Республика, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Союз Советских Социалистических Республик против Германа Вильгельма Геринга и других, - содержащихся в данном томе, озаглавленном "Русские стенограммы", пронумерованном с 8803 стр. по 9393 стр. включительно является аутентичным и официальным текстом, имеющим одинаковую силу с английским, французским и немецким текстами.

ПОЛКОВНИК ДЖОН Е. РЕЙ
Генеральный Секретарь
Международного Военного Трибунала

г. Нюрнберг
"11" декабря 1946 г.

H1198 – 0004

H1198 – 0005

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 13 апреля 1946 года

/Утреннее заседание/.

Встать! Суд идет!

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Подсудимый, насколько я помню, Вы в своих показаниях заявили, что Вам ничего не было известно о приказе Гитлера, изданном 8 октября 1942 года относительно групп командос, и вы узнали о нем лишь в 1945 году. Это правильно?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я не думаю, чтобы я сказал именно так. Я думаю, что здесь речь идет о приказе...

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Да, но Вы вчера в своих показаниях заявили, как это видно из протоколов судебного заседания, что Вам не было ничего известно о приказе Гитлера от 8 октября 1942 года касательно групп командос и что Вы узнали об этом лишь в 1945 году. Правильно ли это? Разве Вы теперь это не утверждаете?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я не думаю, что я ответил так. Приказ

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Ну, хорошо. Когда Вы впервые узнали о приказе Гитлера касательно групп командос от 8 октября 1942 года? Я говорю о приказе от 18 октября 1942 г., а не от 8 октября. Когда Вы впервые узнали об этом приказе?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я сейчас точно не могу этого сказать.

ЭЙМЕН: Хорошо.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Во всяком случае, если я смогу прочесть этот приказ, то, наверное, окажется, что это тот самый приказ, который был опубликован в военной сводке и в прессе.

ПОЛКОВНИК ЭЛМЕН: Ну, хорошо. Таким образом, Вы отрицаете показания Вашего собственного свидетеля Милднара о существовании декрета, изданного в июле или августе 1944 года, согласно которому полиция безопасности должна была уничтожать членов совзных групп командос после их допроса? Это правильно, не правда ли?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Об этом меня вообще не спрашивали.

ПОЛКОВНИК ЭЛМЕН: Ну, простите.

Я сейчас передам Вам документ 535-ПС, который я представляю под номером США-807. Я хотел бы Вас прежде всего спросить, подписали ли Вы этот документ сами. Ваша ли это подпись, которая имеется в конце документа?

/Документ передается свидетелю/.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, это моя подпись.

ПОЛКОВНИК ЭЛМЕН: Следовательно, это Ваша подпись?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да.

ПОЛКОВНИК ЭЛМЕН: Вы это признаете? Это правильно.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, это моя подпись.

ПОЛКОВНИК ЭЛМЕН: Итак, Вы при допросе до начала процесса отрицали, что это Ваша подпись, не правда ли?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, не думаю.

ПОЛКОВНИК ЭЛМЕН: Я оглашу ту часть Вашего показания, где Вы говорите по поводу этого, с тем, чтобы Вы вспомнили, отрицали Вы это или нет:

"Ответ: Это лишь доказывает, что командование вооруженных сил намеревалось написать мне это письмо. Правильно это было или неправильно, и являлся ли я именно человеком, которому следовало писать - это очень спорный вопрос. Во всяком случае, вооруженные силы намеревались

8 8 04

H1198 - 0006

H1198 – 0007

связаться с гестапо, как это видно из данного письма, и я убежден, что офицер гестапо, фамилия которого упоминается в начале этого письма, написал этот документ номер 535-НС, так как его подпись стоит в конце этого документа.

"Вопрос: Это то письмо, о котором Вы ничего не знали; но оно, однако, показывает, что Вы исполнили Ваше желание, написав письмо Верховному командованию вооруженных сил. Это вполне ясно.

Ответ: Но я отрицаю, что я написал это письмо.

Вопрос: Нет, Вы только не знали о нем, а сейчас Вы отрицаете это?

Ответ: Я не только не знал о приказе Гитлера, но я также ничего не знал об этом письме.

Вопрос: Но Вы признаете, что подпись Ваша?

Ответ: Я не сказал, что это моя подпись, я только сказал, что она похожа на мою подпись. Я также сказал, что, возможно, это было лишь факсимиле. Я не могу припомнить, чтобы я писал письмо подобного содержания.

Вопрос: Скажите, будет ли для Вас более убедительным, если Вы увидите подлинник письма, подписанный чернилами?

Ответ: Да, может быть это будет более убедительным, но это все же не будет являться доказательством того, что именно я подписал этот документ чернилами".

Скажите, подсудимый, Вы давали такие ответы на эти вопросы?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я, конечно, не помню, давал ли я дословно эти ответы. Но, господин обвинитель, разрешите

H1198 – 0008

возразить вам еще следующее: вопрос о моих подписях естественен и его сотни раз задавали мне на допросах с целью запутать меня. Сегодня мне кажется, что этот документ я вижу в первый раз, но я сразу заявил: это моя подпись, я ведь знаю ее. Но вы показали мне и такие подписи, которые явно сделаны не моей рукой. Кроме того, по дате документа - 23 января 1945 года - вы видите, что правилен тот факт, что я узнал об этом в 1945 году, как Вы и говорили. Я не могу, конечно, иметь ни малейшего понятия о приказе Гитлера, который издан в 1942 году. На этом допросе, протокол которого вы сейчас зачитали, я показал, что я не писал этого письма, это подтверждает шифр наверху, вы видите IУ-А и 2а и цифры. Этот шифр с очевидностью указывает на то, что письмо было составлено в отделе, который занимался этими делами.

Так следует понимать мои слова о том, что я не писал этого письма. Я не оспариваю того обстоятельства, что ~~письмо~~ может быть среди тысяч других бумаг, которые я должен был просматривать за день, мне на подпись было представлено и это письмо. Но на основании этого вы не можете сделать вывод, что я обязательно знал об этих событиях. Вы совершенно не представляете себе об"ема той работы, которую я взял на себя в совершенном неведении относительно всяких полицейских дел. Я принял эту работу не для того, чтобы выполнять полицейские функции, а для того, чтобы организовать службу информации, широко развить ее и руководить ею.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Отвечайте на вопросы и не произносите речей.

1806

ПОЛКОВНИК ЭЛЛИН: Подсудимый, скажите, подпись, имею

щаяся на документе 535-ПС; документ США-807, который нахо дится перед вами, - аналогична Вашей подписи, имеющейся на документе 3803-ПС, США-802? Взгляните на эти две подписи и скажите Трибуналу, являются ли они идентичными?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, я никогда так не подписывался. Я всегда подписывался "д-р К.", так, как это написано здесь, а в одном письме я обращался к адресату на "ты".

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Подсудимый, а что Вы можете сказать в отношении почерка? Кажется ли он Вам одинаковым или различным?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, конечно, имеется некоторое сходство, но я думаю, что с каждым в этом зале бывало, что в его отсутствие кто-либо из его сотрудников подписывал его именем какой-либо особо спешный документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Эймен, Трибунал посмотрит на подписи и сам решит этот вопрос.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Очень хорошо, сэр.

Подсудимый, перед Вами имеется документ 535-ПС?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Заметьте, что этот документ исходит из IУ отд. А 2-а, как это значится в верхнем углу под словами: "Начальник полиции безопасности и СД".

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да. Но сперва Вы сказали, что это письмо написано мной.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Это письмо было адресовано Верховному командованию вооруженных сил, не правда ли?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да.

8107

H1198 - 0009

H1198 – 0010

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: и в нем делались ссылки на приказ фюрера от 18 октября 1942 года, а также на другие приказы фюрера, упоминавшиеся в показаниях Милднера, а именно - ссылка на приказы фюрера от 18 августа 1944 года и от 30 июля 1944 года. Правильно?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Господин обвинитель, я не знал, что в этой связи Мильднер дал показания, мне такие показания неизвестны, они не были представлены мне, но я думаю доказать...

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Хорошо. Заметили ли Вы, что в этом документе делаются ссылки на приказы фюрера от 18 октября 1942 года, от 18 августа 1944 года и от 30 июля 1944 года? Да или нет, ответьте, пожалуйста.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, это здесь написано.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Таким образом, когда Вы писали это письмо 23 января 1945 года, Вы, очевидно, знали об этих приказах фюрера, не так ли?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Это неверно в той степени, что для меня самый важный момент в этом письме изложен в 6,5 и 4 строках снизу, где написано, что они не могут претендовать на какие-либо привилегии согласно Женевской конвенции. Так что если при моей неописуемой загруженности работой мне представили это письмо, то наиболее вероятно, что мой взгляд упал именно на то место, где я должен был подписаться и я прочел последние строчки. Здесь...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый! Это не ответ на вопрос. Вопрос заключается в том, были ли Вам известны приказы от 18 октября 1942 г., от 30 июля 1944 г. и от 18 августа 1944 г. в тот момент, когда Вы писали это письмо? Знали ли Вы о них?

8108

H1198 – 0011

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, этих приказов я не знал, Высокий Суд.

ЭЙМЕН: Хорошо...

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Но я прошу дать мне возможность защищаться. Для меня было ясно, что я должен был выразить свое мнение относительно агентов, которые на основании положений Женевской конвенции не считались военнопленными и что воюющая держава, - этого ведь вы не можете оспаривать, - имеет право полицейскими мерами преследовать людей, которые не подпадают под положения Женевской конвенции. Это полное право всякой воюющей державы; ведь и немецкие агенты, проводившие подрывную работу в Англии и других странах...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы здесь находитесь не для того, чтобы дискутировать, а для того, чтобы отвечать на вопросы.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Подсудимый, Вы давали показания, не правда ли, о том, что Вы впервые узнали о побеге британских летчиков из лагеря для военнопленных летчиков № 3 в марте 1944 года, то-есть спустя приблизительно 6 недель после того, как этот побег имел место. Это правильно?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, теперь я полагаю, что я узнал об этом примерно через шесть недель, во всяком случае в тот момент, когда в связи с речью в палате общин министерство иностранных дел выразило свое мнение, и начальники отделов обратились ко мне, а я отослал их к Гитлеру.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Но когда Вас допрашивали по этому вопросу до процесса, Вы дали следующие показания, не правда ли?

"Вопрос: Вы помните дело о побеге восьмидесяти английских летчиков из стационарного лагеря для военнопленных

ВЦС № 3 в марте 1944 года?

Ответ: Об этом побеге мне неизвестно.

Вопрос. Генерал Вестгоф попытался узнать в гестапо, что произошло с этими людьми?

Ответ: Если он и вел переговоры с гестапо по этому вопросу, то со мной таких переговоров он не вел.

Вопрос: Что Вы скажете об общем положении, заключавшемся в том, что бежавшие заключенные передавались в руки гестапо?

Ответ: Мне неизвестно о таких случаях."

Вы давали такие ответы? Отвечайте - да или нет?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Возможно, что я давал такие ответы, но я обращаю Ваше внимание на то, что такой постановкой вопроса меня совершенно сбили с толку. О 80 бежавших летчиках я действительно никогда ничего не слышал. Ведь и здесь речь шла только о 50.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Я хочу Вам сообщить, что 80 бежали, а 50 были убиты?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: И, кроме того, генерал Вестгоф констатировал здесь, что он не со мной говорил о Загане, а пытался узнать об этом в государственной полиции, что он говорил со мной относительно передачи управления по делам военнопленных командующему армией резерва, Гиммлеру, и что в этой связи указывалось также и на Заган.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Хорошо, подсудимый. Вы дали показание, что Вам ничего не было известно о том, что эйнзацгруппы полиции безопасности и СД действовали на территории Советского Союза в течение долгого времени после того, как Вы

8810

H1198 – 0012

H1198 – 0013

заняли пост начальника Главного имперского управления безопасности в январе 1943 года, не так ли?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да.

ПОЛКОВНИК ЭЛМЕН: И Вы продолжаете утверждать, что это правильно?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да.

ПОЛКОВНИК ЭЛМЕН: Вы отрицаете, что Вам было известно о том, что эти айнзацгруппы уничтожали евреев на территории Советского Союза в течение долгого времени после того, как Вы заняли пост начальника главного имперского управления безопасности?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Об этом мне стало известно лишь во время моих бесед с Гитлером и Гиммлером по принципиальным вопросам, кажется, в конце 1943 года, приблизительно в ноябре.

ПОЛКОВНИК ЭЛМЕН: Я думаю полагаю, что Вы признаете, что в 1942 году Вы являлись начальником СС и полиции в Австрии, правильно?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да.

ПОЛКОВНИК ЭЛМЕН: В то время Ширах был имперским уполномоченным обороны в Вене, не так ли?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я не знаю, когда он стал им. Но я должен указать на то, что начальники СС и полиции получили свои полномочия, которыми они обладали под конец, тремя различными путями. В 1941 году, когда я стал начальником СС и полиции, их полномочия были значительно меньше, чем к концу войны.

ПОЛКОВНИК ЭЛМЕН: Господа судьи, у меня имеется документ, который вчера был доставлен на самолете и который

имеется только в оригинале в одном экземпляре. Мы поэтому не смогли перевести его. Я договорился, в случае если это будет удобным для Трибунала, чтобы переводчик зачитал выдержки из оригинала этого документа, захваченного среди личных архивов Шираха в Вене, затем этот подлинник будет передан Трибуналу, и все это будет сделано по возможности быстрее. Или, может быть, сначала Трибунал пожелает ознакомиться с этим документом. Это - оригинал документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Его будут читать на немецком языке?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Да, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Это документ 3876-ПС. Это отчет, составленный Гейдрихом и предназначенный для всех начальников СС и полиции и имперских уполномоченных по обороне, он касается деятельности эйнзацгрупп на территории СССР в январе 1942 года. Среди адресатов имеется фамилия этого подсудимого. Огласите, пожалуйста, этот документ. Это № США-808.

ПЕРЕВОДЧИК: В документе на правой стороне имеются написанные чернилом инициалы S.S.H и ряд знаков "Z.R.V. K, 4030-519/41 Г. Секретно." А под этим стоит "13 АОС". Наверху, налево: "Начальник СС и полиции при имперском наместнике Вены и Верхнего и Нижнего Дуная, входящих в 17-й военный округ. Адресовано инспекторам полиции по поддержанию порядка. Ниже идет несколько канцелярских пометок. Документ имеет надпись "секретно". Он датирован: Вена. 14 октября 1941 года. Содержание: Доклад об опыте боев на Востоке".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Правильна ли эта дата - 14 октября 1941 года?

8812

H1198 - 0014

H1198 – 0015

ПЕРЕВОДЧИК: Да, 14 октября 1941 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ранее давалась дата -январь 1942 года. Как можно об"яснить такую разницу в датах?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Разница в одном месяце. Мне кажется, что имеется два разных документа. Вы назвали дату, стоящую на одном документе, а на другом документе имеется другая дата. Разве это не так?

ПЕРЕВОДЧИК: Это правильно.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Сообщите нам, пожалуйста, дату, которая имеется на другом документе для того, чтобы внести ясность в протокол.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Эймен, для нас это будет ясно, когда мы получим документ.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Хорошо, милорд.

ПЕРЕВОДЧИК: На втором документе стоит число 23 апреля 1942 года.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Продолжайте.

ПЕРЕВОДЧИК: Я продолжаю: "Содержание: Доклад об опыте боев на Востоке. Основание:" следует ряд обозначений документов. "Вышеупомянутый декрет начальника СС и германской полиции при министерстве внутренних дел, а также один экземпляр докладов об опыте боев командующего северным фронтом и командира полицейской дивизии СС настоящим препровождается для Вашего сведения и использования. По поручению: подписал Мигель".

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Я хочу, чтобы вы просмотрели список тех, кому был адресован этот декрет, и назовите фамилию данного подсудимого, если она имеется в списке.

ПЕРЕВОДЧИК: Фамилии подсудимого в списке адресатов нет. Я перехожу ко второму документу.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Да, он тут же.

ПЕРЕВОДЧИК: Нет, он отдельно. Я читаю второй документ.

"Берлин. 27.II.42 г.

Начальник полиции безопасности и СД, IУ-А-1", затем следуют сокращенные обозначения документов.

"Совершенно секретно".

"Содержание: Донесение № 9 о деятельности эйнзатцгрупп полиции безопасности и СД в СССР".

"В качестве приложения...

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Одну минуту. Простите, Ваша честь, он читает не тот документ. Сейчас мы это выясним.

ПЕРЕВОДЧИК: Мне сказали, что я читаю правильный документ. Это правильный документ. Я продолжаю читать. "В качестве приложения пересылаю донесение № 9 о деятельности эйнзатцгрупп полиции безопасности и СД в СССР. В будущем подобные донесения будут пересылаться регулярно. Подписал: Гейдрих". Затем есть штамп: "Имперский Комиссар обороны по военному округу ЮУП. Получено 5 марта 1942 г.". Затем идет список рассылки.

И на 13-м месте стоит: "Начальнику СС и полиции, группенфюреру СС д-ру Кальтенбруннеру".

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Его фамилия имеется в списке, а сейчас перейдите к пункту "В" этого же документа.

ПЕРЕВОДЧИК: Я читаю на 9-й странице документа отрывок, озаглавленный: "В. Евреи".

"Евреи, как и прежде, занимают явно враждебную и носящую уголовный характер, позицию по отношению к немцам.

"Мы стремимся к тому, чтобы полностью очистить восточные страны от евреев. Расстрелы евреев следует проводить повсюду таким образом, чтобы они были почти неза-

H1198 – 0016

H1198-0017

метными для общественности. Население и даже оставшиеся евреи убеждены, что евреев только переселяют в другое место.

Эстония уже очищена от евреев.

В Латвии из 29.500 евреев, проживавших в Риге, осталось лишь 2.500. В Дюнабурге еще осталось 962 еврея, которые крайне необходимы для использования на работах".

Я пропускаю несколько абзацев и продолжаю:

"В Литве в настоящее время в городе Каунас насчитывается 15 тысяч евреев, в городе Шауляй - 4.500, а в Вильнюсе - 15.000 евреев, которые также необходимы на работах.

В Белоруссии продолжается чистка населения от евреев. ~~Количество евреев~~ В той части страны, которая была в ведении гражданской администрации, насчитывается 139.000 евреев. 33.210 евреев уже убиты членами эйнзатцкоманд групп полиции безопасности и СД".

Я пропускаю остальную часть выдержки и перехожу к оглашению другого документа. Этот документ датирован: "Берлин, 23 апреля 1942 года". Затем какие-то написанные чернилами, но неразборчивые буквы. Документ озаглавлен: "Начальник полиции безопасности и СД, IУ -А-1" и несколько сокращений. Наверху написано: "Секретно, Гос.важности".

На этом документе, подписанном Гейдрихом и полученном 28 апреля 1942 года, в списке рассылки на 14-м месте стоит следующая пометка: "Начальнику СС и полиции, группенфюреру СС, доктору Кальтенбруннеру. Вена".

Я перехожу к странице 11-й донесения и оглашу выдержку, озаглавленную "В.-Евреи".

8815

H1198 – 0018

"При разрешении еврейской проблемы использовались различные методы в различных фронтовых районах.

Так как большая часть Прибалтики/Остланда/ уже очищена от евреев и так как те немногие евреи, которые там остались и необходимы для использования их в качестве рабочей силы, помещены в гетто, то задача полиции безопасности и СД состояла в том, чтобы согнать в одно место всех прячущихся по деревням евреев. Часто арестовывали тех евреев, которые без разрешения покидали гетто или не носили еврейской звезды. В Риге среди других были три еврея, присланных в гетто из Германии, которые убежали из гетто, были пойманы и публично повешены там.

"Во время проведения крупных погромов было расстреляно в Минске 3.412 евреев, в Вилейке - 302 еврея и в Барановичах - 2.007 евреев".

Пропускаю три абзаца и продолжаю:

"В остальных районах Восточного фронта задача полиции безопасности и СД заключалась в том, чтобы наряду с борьбой против отдельных политических и уголовных еврейских элементов проводить чистку населения крупных городов от евреев. Так, только в Ракове было расстреляно I5 тысяч евреев, и в Артемовске I.224 еврея. Эти местности в настоящее время очищены от евреев.

В Крыму I.000 евреев и цыган были казнены".

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Подсудимый, после этого Вы еще имеете наглость утверждать перед Трибуналом, что Вам ничего не было известно относительно деятельности этих айнзатцгрупп, после того как Вы были назначены начальником Главного управления имперской безопасности?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: На документе, в левой верхней его

части ясно написано: "Начальник СС и полиции...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Отвечайте на вопрос. С документом вы ознакомитесь потом. Вы продолжаете утверждать, что Вам ничего не было известно о действиях этих эйнзатцгрупп?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Мне неизвестно содержание этого документа. Я указываю на то, что это письмо было отправлено инспектором полиции охраны порядка 22 октября 1941 года. Доклады об опыте боев на Востоке, об использовании полиции безопасности и СД составлялись в это время по приказу Гиммлера или Гейдриха, а не по моему приказу. Этот документ ни в коем случае не может служить доказательством того, как я сам относился к этому комплексу вопросов. Если в списке рассылки перечислены все начальники СС и полиции, а также все инстанции, которым посылались эти доклады для осведомления, то я не вижу в этом доказательства того, что эти инстанции, т.е. все те люди, которые работали в них, должны были обязательно знать эти доклады. Вы не можете предполагать, что донесения по вопросам, в которых данное лицо не имело никаких полномочий, действительно принимались им к сведению. В том, что эти преступления на Востоке были совершены сегодня, конечно, вовсе не приходится сомневаться. Но нужно разобраться, оказывал ли я просто как человек, как человек, отдающий какие-то законы, как начальник, какое-либо влияние на это, одобрял ли я это, имел ли я возможность прекратить это. Здесь я должен дать совершенно отрицательный ответ.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Подсудимый, это был лишь один из тех регулярных ежемесячных докладов, копии которых направлялись вам ежемесячно. Это факт или нет?

8817

H1198 – 0019

H1198-0020

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я не знаю, как часто поступали эти доклады. Настоящий доклад я вижу сегодня впервые. Конечно, нельзя оспаривать, что во всей империи для осведомления рассылались доклады и отчеты по всем линиям работы, будь то по линии полиции безопасности, будь то по линии полиции охраны порядка, будь то по линии обмена опытом войсковых соединений.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Мне этого вполне достаточно. Было ли вам известно о письме, написанном вашим защитником, который ходатайствовал об истребовании документов от вашего имени для представления в качестве доказательства на данном процессе?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: О таком письме я со своим защитником до сих пор вообще не говорил. Я прошу спросить его, сообщал ли он мне об этом письме.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Разве вам не известен тот факт, что защитник написал письмо мэру Оранienбурга, находящегося близ Берлина, и получил ответ, который будет использован для вашей защиты?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, спросите, пожалуйста, его, он мне ничего не сообщал об этом.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: В таком случае обратимся к документу за номером...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Эймен, разве вы имеете право вмешиваться в вопрос о взаимоотношениях между подсудимым и его защитником?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Ваша честь, в данном случае я сделал это, так как автор этого письма намеренно послал его нам с тем, чтобы оно было использовано нами. Это письмо совершенно не секретное. Это письмо... 2818

H1198-0021

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Покажите, пожалуйста, это письмо Трибуналу.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Пожалуйста, Ваша честь.

КАУФМАН: Г-н председатель, я впервые сегодня слышу об этом факте. Я прошу вас дать мне взглянуть на этот документ, который, якобы, адресован мне, прежде чем его начнут обсуждать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, конечно, дайте сначала ему ознакомиться с этим документом.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: С вашего разрешения, Ваша честь...

КАУФМАН: Разрешите мне пояснить?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, пусть лучше сначала скажет полковник Эймен, так как он желает представить этот документ.

КАУФМАН: Разрешите мне, по крайней мере, кое-что заметить?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Кауфман, что вы хотите сказать?

КАУФМАН: Трибунал, наверно, уже заметил, что я особенно...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы еще не ознакомились с документом...

КАУФМАН: Я видел этот документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я говорю, что мы этого документа еще не видели. Мы разрешили сначала вам с ним ознакомиться, с тем, чтобы вы могли изложить ваши возражения, а затем мы его просмотрим.

КАУФМАН: Хорошо, господин председатель. Я считаю, что не совсем честно вмешиваться в права и обязанности немецкой защиты. Весь мир может прочесть этот документ. Это мой запрос бургомистру Ораниенбурга. Ораниенбург

был большим концентрационным лагерем. По договоренности со своими коллегами, я имел задание выяснить вопрос "Осведомленность немецкого народа". Я написал бургомистру это письмо, задав в нем ряд вопросов, которые может прочесть всякий, с просьбой ответить мне на них. Я намеревался в случае необходимости представить эти ответы Суду. Эти же вопросы были посланы и в другие места. Я уже подал эти документы для перевода и позднее представлю их Суду. Но нетерпимо такое положение, при котором письмо защитника и ответ на него оглашаются здесь обвинением.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подождите минутку, доктор Кауфман. Документ, который полковник Эймен сейчас представил в качестве доказательства, не является ни вашим письмом бургомистру Оранienбурга, ни его ответом на ваше письмо.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Нет, это именно ответ на письмо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Простите, я думал, что вы сказали, что это письмо, которое было послано обвинению.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Я сказал, что копия его была послана обвинению и, насколько я понимаю, не только лицом, получившим это письмо, но эта копия была также переслана английскому обвинению в письме майора Бурмэер от 2 апреля 1946 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, теперь я понял. Мне кажется, что вы раньше не сказали, что это копия. Я понял, что это письмо было направлено вам по ошибке. Если же это копия письма, посланного доктору Кауфману, то тогда мне ясно, что это за документ.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Да, именно так я это и понял, сэр. Это копия его письма, но мне не было известно о том, являлось ли оно секретным. 8820

H1198-0022

H1198 – 0023

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что вы имеете в виду, когда вы говорите - "Копия его письма"? Вы подразумеваете, что это копия письма, посланного доктору Кауфману?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Копия письма, посланного доктором Кауфманом бургомистру Ораниенбурга, а также копия ответа, который был направлен бургомистром доктору Кауфману. Милорд, вам будет яснее, если вы ознакомитесь с об"яснением, того каким образом настоящее письмо непосредственно дошло до нас.

КАУФМАН: Разрешите еще сказать мне коротко, две-три фразы. В факте представления этих двух документов я вижу очень серьезное вмешательство в права защиты. У защиты не было возможности заглядывать в документы обвинения, и нам никогда бы в голову не пришла мысль представить суду документы обвинения, говорящие в нашу пользу. Это письмо касается исключительно меня, как отправителя и адресата, как может обвинение вмешиваться в подобные, чисто частные отношения? Я не думаю, что это порядочно.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Ваша честь, мне кажется, что я смогу пояснить все это. Это письмо от майора Вурмзер от 2 апреля 1946 года, посланное английскому обвинению. Оно гласит:

"При сем прилагается оригинал переписки, касающейся Ораниенбурга. Согласно Вашей просьбе, я установил, что это письмо было получено следующим образом:

"Письмо было адресовано обвинению и доставлено генеральному секретарю. Подлинник был, очевидно, направлен непосредственно д-ру Кауфману. Отправитель - бургомистр города Ораниенбург, некий г-н Клаусман, одновременно направил копию обвинению; он послал не только копию своего ответа, но также копию письма, посланного ему доктором Кауфманом".

H1198 – 0024

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Мне кажется, что теперь нам ясна суть дела.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Итак, мне кажется, что это было послано обвинению именно для той цели, с которой сейчас я пытаюсь использовать это письмо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Эймен, если не касаться вопроса о взаимоотношениях между защитником и его подзащитным, как Вы можете утверждать, что этот документ, который представляет собой письмо, повидимому, написанное частным лицом и адресованное доктору Кауфману, копия которого была направлена вам, может являться доказательством?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Потому, милорд, что в книгу документов этого подсудимого включено письмо, касающееся того же вопроса. Другими словами, этот подсудимый поднял этот вопрос в интересах своей защиты. Подсудимый не читал письма.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Речь идет не об этом. Насколько я понимаю, это письмо, адресованное доктору Кауфману, и копия которого у вас имеется, не является показанием, данным под присягой.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Нет, это не было оформлено присягой, сэр.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но как же, в таком случае, это является доказательством? Свидетеля здесь нет.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Оно имеет такую же доказательную силу, как многие письма, представленные здесь в качестве доказательства. В действительности, мне даже кажется, что оно имеет гораздо большую доказательную силу, чем многие другие доказательства, так как это является письмом, написанным официальным лицом - бургомистром, который

навел справки и установил то, что я считаю одним из важнейших вопросов по данному делу, а именно, что...

Н.Я.

8823

H1198 – 0025

H1198 - 0026

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, я не хочу сейчас заслушивать содержание письма.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Я не могу себе представить, чтобы какой-либо другой документ являлся более важным и мог иметь большее отношение к этому процессу, чем это письмо, особенно если оно... но Вы же не желаете, чтобы я об этом говорил подробно, особенно, если это является документом, который подсудимый сам пытается использовать для своей защиты, и который сейчас отклоняется.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но ведь подсудимый не пытался представлять его в интересах своей защиты.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Я говорю, что он пытается включить это письмо в свою книгу документов и если даже оно не совсем относилось к делу, но включено подсудимым в свою книгу документов, то его следует рассматривать как относящееся к делу. Но даже если это не принимать во внимание, то мне кажется, что это документ является одним из наиболее важных по данному делу. Я не собираюсь излагать содержание этого письма своими словами, поскольку Вы, милорд, не желаете, чтобы я это сделал, но я считаю, что вряд ли имеется другой документ, который имел бы больше отношения к делу, чем настоящий документ, оформленный в виде официального письма.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Эймен, единственный вопрос, который я Вам задал, заключается в том - каки-м образом данный, не оформленный присягой документ, стал рассматриваться как документ, имеющий доказательную силу? Ознакомился ли с ним свидетель, которого в настоящее время Вы допрашиваете?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Ваша Честь, это же официальное письмо, написанное защитнику Кальтенбруннера во время исполнения бургомистром своих служебных функций. Это входит в

его обязанности.

(К микрофону подходит защитник Кауфман).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, д-р Кауфман.

Д-р КАУФМАН: Я сейчас не хочу говорить о процессуальных вопросах. Я только хочу заметить, что это письмо...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Один момент, пожалуйста...

Д-р КАУФМАН: Я не буду распространяться о процессуальном порядке, затронутом сейчас здесь, но я хочу только подчеркнуть, что оба эти документа не имеют никакого отношения к делу Кальтенбруннера как таковому. Как я уже сказал, каждый может познакомиться с ними, но так как они не имеют никакого отношения к Кальтенбруннеру, они вообще не имеют никакой доказательной силы.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Ваша Честь, это может иметь еще большую доказательную силу, если факты, изложенные в этом письме, были известны, согласно тому, что говорится в письме, жителям Ораниенбурга, и поэтому несомненно, что лицо, занимавшее пост начальника главного имперского управления безопасности Германии знало то, что было известно местным жителям города.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал об'являет перерыв.

(Перерыв на 10 минут)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал вынес решение о том, что этот документе не может быть принят в качестве доказательства.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Это был последний документ, милорд, который я хотел представить. Заканчивая свой перекрестный допрос, я хочу затронуть еще один вопрос: имеется свидетель по имени Хёсс, вызванный от имени подсудимого; в связи

8825

H1198 – 0027

H1198 – 0028

с допросом этого свидетеля я намерен представить два документа. Однако,если свидетель вызван не будет, тогда я хотел бы пред'явить эти документы в связи с допросом подсудимого. Поэтому меня интересует вопрос о том, действительно ли защитой будет вызван свидетель Хесс ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кауфман. Предполагаете ли Вы вызвать этого свидетеля?

Д-р КАУФМАН: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да ? Очень хорошо.

Д-р КАУФМАН: К подсудимому у меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я боюсь, что я не слышал, что Вы сказали.

Д-р КАУФМАН: У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае,подсудимый может вернуться на свое место.

(К микрофону подходит полковник Смирнов)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (обращается к Кальтенбруннеру):

Подождите минутку.

СМИРНОВ: Господин Председатель, мы имеем пару вопросов к подсудимому.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Смирнов, мы на днях договорились о том, что лишь один из обвинителей будет производить перекрестный допрос подсудимого Кальтенбруннера.

СМИРНОВ: Мы имеем просьбу к Трибуналу разрешить нам задать подсудимому пару вопросов, которые займут немного времени, но которые необходимы для дальнейших вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: По мнению Трибунала, обвинители должны заранее подготовить те вопросы, которые они считают необходи-

мым задать свидетелю и передать их тому обвинителю, который будет вести перекрестный допрос. Такова цель, которая преследовалась при установлении такого порядка.

Сэр Дэвид, разве Вы не говорили нам о том, что все обвинители согласились с тем, что при перекрестном допросе данного подсудимого все вопросы будет задавать только один обвинитель?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, это правильно, но я понял так, что советская делегация имеет несколько специальных вопросов и они надеются, что с разрешения Трибунала они смогут задать эти вопросы. Именно так информировали меня мои советские коллеги.

(К микрофону подходит французский обвинитель г-н Любост)

Г-н ЛЮБОСТ: Мы обязаны быть очень краткими, господин Председатель. В принципе Обвинение обыкновенно поручает представлять материалы обвинения кому-нибудь одному. Но совершенно невозможно, чтобы перекрестный допрос целиком был проведен одним представителем обвинения, так как мы представляем четыре различных нации, которые могут иметь интересы не то что различные, но свои особые, согласно установленному порядку, Обвинитель, который представляет здесь интересы своей нации, и должен выступать и представлять материалы. Мы просим, чтобы Трибунал разрешил нам иногда выступать с вопросами, которые мы хотим поставить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Любост, Вы не намерены просить разрешения третьим об Обвинения подвергнуть свидетеля перекрестному допросу, а лишь говорите об общих принципах?

Г-н ЛЮБОСТ: Господин Председатель. В данном случае ставится принципиальный вопрос. Обвинение и так ограничивает

H1198 – 0029

H1198 – 0030

себя с тем, чтобы не затягивать судебное разбирательство. Но оно просит Трибунал разрешить ему выступать, когда это необходимо, для того, чтобы защищать интересы своей страны. Лично я сейчас не буду ставить вопросов.

Я знаю, что не к чему сейчас удлинять дискуссию, но я полагаю, что Трибунал нам скажет, что в принципе мы можем задавать вопросы, которые особо касаются нашей страны, так как только мы являемся компетентными и не всегда можем передавать свои полномочия своим коллегам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник СМИРНОВ, сообщите пожалуйста Трибуналу, по каким пунктам Вы хотели бы подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

СМИРНОВ: Вчера подсудимый, давая ответы полковнику Эймену, отрицая свое участие в уничтожении евреев в Варшавском гетто, выдвинул то, что полицайфюрер оккупированной Польши Крюгер, якобы, подчинялся непосредственно Гиммлеру и никакого отношения не имел к Кальтенбруннеру. В польских документах, которые только что пришли ко мне, в связи с чем советская делегация и изменила порядок, которого она намерена придерживаться и далее, в польских документах есть...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне ясен этот вопрос.

Имеются ли у Вас другие вопросы?

СМИРНОВ: Второй пункт касается одного документа, пред'явленного ранее советской делегацией, который не был охвачен предыдущим вопросом, но представляет интерес с точки зрения пред'явленных ранее документов. По этим двум вопросам (и я) хотел допросить подсудимого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Знаете ли Вы о том, что мы намериваемся в половине первого прервать заседание, для того, чтобы разобрать документы подсудимого Розенберга, но по этим пунктам Вы несомненно можете сейчас произвести перекрестный допрос, но постарайтесь провести этот допрос как можно быстрее.

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Я думаю, мы сумеем уложиться в 15минут.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Подсудимый, вчера полковник Эймен пред'явил суду документ, изобличающий Вас в активном участии в ликвидации варшавского гетто. Опровергая это, Вы большое внимание уделяли тому обстоятельству, что начальники полиции в оккупированных областях подчинялись рейхсфюреру СС Гиммлеру и к Вам отношения не имели. Вы подтверждаете это заявление?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, но оно нуждается в дополнении, ибо я вчера уже сказал, что в подчинении Гиммлера находился начальник СС и полиции генерал-губернаторства и что последнему подчинялись начальники СС и полиции областей.

Начальнику СС и полиции генерал-губернаторства были подчинены командующие полиции охраны порядка, полиции безопасности и войск СС; начальникам СС и полиции областей - командиры соответствующих частей полиции по области.

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Может быть Вы скажете, как подчинялись полицейские чиновники?

Может быть, Вы помните и второе заявление, где Вы говорили, что Вы были против крайних тенденций Крюгера в отношении польских евреев и старались удержать его от этого?

H1198 – 0031

H1198 – 0032

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я заявил, что я выступал в духе Франка за устранение Крюгера от занимаемой им должности в генерал-губернаторстве.

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Я прошу передать подсудимому дневник Франка. Пусть он обратит внимание сначала на страницу 13-ю, где выступает Крюгер, а потом на страницу 15-ю. Я оглашу три абзаца из этого места на странице 16-й. Читайте и следите, правильно ли это переведено:

"Нет сомнения, - говорит Крюгер, - что устранение евреев повлияло на успокоение..."

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Это место мне не передано. У меня в руках страница 13-я документа.

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Я снова начну: "Нет сомнения, что устранение евреев повлияло на успокоение. Полиции пришлось выполнить самую трудную и неприятную задачу, но она выполняла ее по приказу фюрера ради защиты интересов Европы. Мы вынуждены устранить евреев также из военной промышленности".

Я опускаю один абзац, прошу Вас тоже пропустить его.

"Мы вынуждены устранить евреев также и из военной промышленности и с заводов, имевших военно-хозяйственное значение, если их использование не вызывалось исключительно важными соображениями военного характера. Евреи в этих случаях будут сосредоточены в больших лагерях и оттуда в дневное время будут отправляться на работу на военные заводы. Рейхсфюрер СС, однако, желает, чтобы и эти евреи были устранены с заводов. По этому поводу он вел разговоры с генералом Шинд... (речь идет о Крюгере) и предполагает, что это желание рейхсфюрера не может быть выполнено в полном объеме. Среди рабочих - евреев имеются специалисты, механики по точным

работам и прочие квалифицированные рабочие, которых нельзя сегодя без всяких последствий заменить поляками".

Я обращаю Ваше внимание особенно на следующую фразу:

"Поэтому он просит доктора Кальтенбруннера доложить об этом рейхсфюреру СС и просить его, чтобы он отказался от устранения этих рабочих - евреев. На заводах остались наиболее выносливые в физическом отношении евреи, так называемые макковеи, которые отлично работают. Кроме них работают также женщины, в отношении которых установлено, что они сильнее евреев. К такому же заключению мы, впрочем, пришли и во время ликвидации варшавского гетто. Выполнение этой задачи было сопряжено с большими трудностями".

Я опуская одну фразу и привожу следующую: "Есть сведения, что в этом случае евреи также защищались до последнего с оружием в руках от СС и полиции".

Не свидетельствует ли это место о том, что Крюгер расценивал Вас как своего начальника и тогда, когда большинство евреев в Польше уже было умерщвлено и осталось очень небольшое количество хороших специалистов, умерщвление которых создавало большой ущерб промышленности, Крюгер обратился через Вас, как своего начальника, к Гиммлеру о том, чтобы сохранить жизнь евреев, оставшихся в живых? Не свидетельствует ли это о том, что Крюгер расценивал Вас как своего начальника и действовал через Вас?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, господин обвинитель, этот документ доказывает нечто совсем иное. Во-первых, автор его сам

8831

H1198 – 0033

H1198 – 0034

говорит здесь, что эвакуация варшавского гетто уже была произведена к этому моменту. Во-вторых, он говорит, что он просит меня пойти к Гиммлеру и сделать представление. О чем я говорил с Гиммлером, здесь, однако, не сказано. То, что я тогда в первый раз мог ясно заявить Гиммлеру;"теперь я знаю, что происходит", и то, как я выступил против происходящего об этом тоже не сказано в документе. Сейчас мне должна быть предоставлена возможность дать об'яснения и доказать, что я выступал против проводимых мер; если Вы при допросе Франка или свидетелей...

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Минутку, Вы уже говорили об этом, подсудимый.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я еще не кончил. Если вы допросите свидетелей по комплексу вопросов, связанных с генерал-губернаторством, то вы точно узнаете, что я вообще в первый и единственный раз был в генерал-губернаторстве и именно по этому делу и что об итогах моей поездки я специально докладывал Гиммлеру. Вы не можете ведь с одной стороны обвинять меня в том, что я знал об этих вещах, а с другой стороны, не дать мне сказать, как я на это реагировал. Лишь в последние два года войны я был в состоянии знакомиться с происходящим в империи, а позже, совсем к концу войны, - и в генерал-губернаторстве. Но вы не даете мне никакой возможности сказать, как относился к этому человек, имевший несчастье к концу войны получить такой пост...

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Минуточку. Но почему все-таки Крюгер действовал через Вас?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: И затем в этом документе совсем не указано в качестве кого я там был. Он ни одним словом не говорит о том, что я был там в качестве начальника по линии

полиции. Он знает лишь одно, что я, как само собой разумеется, в качестве начальника службы информации часто приходил к Гиммлеру с докладом, и он просит меня сделать доклад по этому вопросу. Но Крюгер был, как действительно написано в этом документе, статс-секретарем безопасности в генерал-губернаторстве, как таковой он подчинялся генерал-губернатору и...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы говорите слишком быстро и произносите речи.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Как статс-секретарь по линии полиции в генерал-губернаторстве он подчинялся непосредственно Гиммлеру.

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Я Вас прошу ответить коротко: просил ли Вас Крюгер представить отчет Гиммлеру по данному вопросу или нет? Это все, о чем я вас спрашиваю.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Насколько я знаю, на этом совещании присутствовало много чиновников администрации и каждого, кто был близок к фюреру или Гиммлеру, кто-нибудь о чем-нибудь просил...

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Я Вас прошу ответить на вопрос: "да" или "нет". Просил он вас доложить или нет?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Этого я не знаю.

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Не знаете? Тогда я Вас задам второй вопрос.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Но из этого текста я могу лишь заключить...

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Минуту.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Вы не даете мне говорить !

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что вы ответили на последний вопрос?

Полковник Смирнов, Ваш последний вопрос был: "Были ли Вы там?"

H1198 – 0035

H1198 – 0036

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: У меня был следующий вопрос, господин Председатель: просил ли Крюгер доложить Гиммлеру об этом через Кальтенбруннера? Я просил ответить только "да" или "нет" и воздержаться от каких бы то ни было речей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я спрашиваю, какой был ваш последний вопрос?

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Просил ли Крюгер Кальтенбруннера доложить об этом Гиммлеру. Мой второй вопрос, вы, господин Председатель, спрашиваете о моем втором вопросе?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я хотел, чтобы он ответил на ваш вопрос. Скажите ему, чтобы он вам ответил. Не задавайте ему два вопроса, задайте ему один вопрос. Вы слышите, что я сказал?

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Да, господин Председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Задайте ему один вопрос и добейтесь, чтобы он на него ответил.

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Просил ли Крюгер доложить Гиммлеру, и что тот сказал?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Возможно, что он просил меня, но ни в коем случае не как начальника, вы должны уяснить себе, какое количество людей там собралось. Это явствует также из дневника. Я был там не как начальник полиции безопасности или начальник Крюгера. Крюгер, как и эн-ное количество людей, говорил другим людям о питании , административных вопросах...

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Я просил бы вас воздержаться от дальнейших об'яснений. Вы ответили уже и не стоит больше продолжать

(К микрофону подходит защитник Зайдль).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В чем дело, доктор Зайдль?

ЗАЙДЛЬ: Господин Председатель, подсудимому Кальтенбруннеру была зачитана цитата из дневника Франка. Дневник Франка

составляет 42 тома. Я хотел бы лишь просить, чтобы представитель Обвинения указал страницу, том и дату записи, чтобы вообще можно было проверить, в какой связи она сделана.

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Здесь имеется точное указание: это заседание от 31 мая 1943 года. Там стоит заголовок "Рабочее заседание"... Документ зарегистрирован под № США 613.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он спросил Вас, имеется ли на этом документе число?

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Так точно. Это - заседание от 31 мая 1943 года. Вот дата...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это как раз то, что хотел знать доктор Зайдль?

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: У меня, милорд, второй вопрос к подсудимому.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте.

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Если подсудимый занимался чисто информационной работой, как он говорил, что кроме информации он ничем не занимался, то считал ли он подкуп выборов в Иране, получение от Риббентропа миллиона туманов для посылки агентам, относящимся к чисто информационной работе?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я определенно не имел никакого отношения к оплате выборов в Иране, но я признаю, что, само собой разумеется, агенты службы информации, которой я руководил, работали в Иране.

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Вы у Риббентропа не просили одного миллиона туманов на подкуп ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет. У меня было достаточно средств, чтобы самому оплачивать своих агентов.

H1198 – 0037

H1198 – 0038

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Это письмо за подписью Кальтенбруннера было передано суду при допросе Риббентропа под № СССР-178. В нем говорилось об ассигновании одного миллиона туманов. Подсудимый опровергает показания Риббентропа, который признал это.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я думаю, что я не требовал никаких денег от Риббентропа, так как у меня самого было достаточно денег. Покажите мне это письмо. Может быть, так оно и было. Я имел достаточно средств для службы информации.

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Подлинник этого письма был передан суду при допросе Риббентропа, у нас имеется только копия, но подлинник сейчас может быть принесен из комнаты для документов.

Тут сказано, что для того, чтобы оказать решающее влияние на выборы, на подкуп для Тегерана, необходимо 400 тысяч туманов, а для всего остального Ирана, по крайней мере, 600 тысяч туманов. Письмо кончалось: "Прошу вас сообщить мне, возможно ли получение одного миллиона туманов от министерства иностранных дел. Переслать эти деньги можно будет с людьми, отправляемыми туда самолетом. Хайль Гитлер! Преданный вам Кальтенбруннер, обергруппенфюрер".

Это письмо определенного содержания. Риббентроп признал его. Вы отрицаете показания Риббентропа?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, я не думаю делать этого, но относительно этого документа я хотел бы сказать еще следующее. Я не могу сразу вспомнить это письмо, так как оно было составлено в У1 отделе. Содержания я не знаю, до сих пор не знал. Я подписал его совершенно определенно уже потому, что оно направля-

лось имперскому министру и я должен был подписать его сам, хотя бы из чувства такта. По существу я должен сказать, что я благодарен за то, что последний вопрос в этом перекрестном допросе является вопросом о собственно моих функциях. Вы - первый Обвинитель, которому я должен быть благодарен, который больше не мог скрыть, что я распространил свою деятельность и деятельность своих агентов до самого Ирана.

(Пред'являет документ Кальтенбруннеру).

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Это Ваша подпись?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да.

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Я не имею больше вопросов к подсудимому.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой это был документ, который Вы ему пред'явили?

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Это документ № СССР-178, господин Председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: 178?

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ: Это письмо Кальтенбруннера на имя министра иностранных дел фон Риббентропа, датированное 27 июня 1943 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Благодарю Вас. Сейчас Трибунал займется документами доктора Тома по делу Розенберга. Подготовлено ли к этому Обвинение? Вы готовы, господин Додд?

Г-н ДОДД: Да, Ваша Честь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Додд, скажите нам, как обстоит дело ! Доктор Тома, не будет ли для Вас более удобным, чтобы г-н Додд об'яснил, как обстоит дело с документами.

Д-р ТОМА: Да.

8837

H1198 – 0039

H1198 – 0040

Г-н ДОДД: Доктор Тома подготовил три книги документов, первая книга документов состоит из двух томов и двух частей. Я хотел бы сначала обратиться к первому и второму томам первой книги документов. В первом томе...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал уже видел эти тома.

Г-н ДОДД: Итак, в книге содержится и было представлено вам несколько компетентных документов, начиная с документа Фалькенберга "История современной философии" и кончая документом Хельпах: "Введение к психологии нации". Насколько мы поняли, в решении Трибунала от 8 марта указывалось, что эти книги могут быть использованы в той мере, в какой они будут нужны для обсуждения. Поэтому их следует пред'явить и предоставить защите. Суд затем решил, что любая выдержка, которую защита пожелает огласить, должна быть включена в книгу документов, предназначенную для перевода. Мы возражаем против всех этих выдержек в основном по одним и тем же причинам. Мне кажется, их следует рассматривать в целом, а не по отдельности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы прочли эти документы и мы готовы заслушать только те доводы, по которым доктор Тома пожелает дать об'яснения.

Д-р ТОМА: Господин Председатель! Я хотел бы подчеркнуть, что я руководжусь лишь правовыми соображениями, желая ввести в качестве доказательств на данном процессе исторические произведения современных авторов. Суд должен решить, существует ли причинная связь между идеологией Розенберга, с одной стороны, и военными преступлениями и преступлениями против евреев, с другой.

H1198 – 0041

Я утверждаю, что, наряду с идеологией, этому содействовали и другие причины, обстоятельства, предпосылки, а именно общее современное положение, и история духовного развития. Главный вопрос, однако, заключается в следующем: учитывал ли Розенберг возможную опасность своих идей и, несмотря на это, преступным образом распространял их? Какая это форма вины, если Розенберг был убежден в правильности своих идей, и он не представлял себе опасные последствия их? Я хочу привести факты из истории его времени, из которых следует, что его идеи признавались представителями точных наук и что некоторые ученые придерживались их. В связи с этим я хочу указать, что и другие государства еще до Розенберга осуществляли национал-социалистские требования, например, требование об устранении возможностей возникновения неполноценных жизней. Далее, я хочу указать на выводы естествознания об естественной базе человека и ограниченную ею свободу человека. Я хочу указать на последствия технического века. Я хочу указать на влияние иррационального мировоззрения, в том числе и в рациональных эмпирических науках, я хочу указать на законы развития философских понятий и политических движений, иногда неизбежных. Из выводов науки явствует, что Розенберг мог недооценить и просмотреть опасность своей идеологии, он мог проглядеть, что, согласно закону духовного развития, все идеи приходят к своему вырождению. Учитывая все это, в понятие вины могут быть внесены большие изменения, по-моему, и в понятие халатности. Эти тезисы должны быть взяты из трудов по естествознанию Айнштедта, Иольмана, Шайлта, Кайтера и из философских произведений Гельпаха, Мессера, Тиллиха, Бубера и т.д.

Господа Судьи, вера в то, что иррациональная философия применима в политике, может показаться глупой. 15 лет тому

8839

назад в Германии проповедывалось, что политика, основывающаяся на этических требованиях христианства - глупость, так как христианская этика не может быть перенесена в политическую жизнь. А сегодня мы знаем, что это возможно; поэтому я перед Судом заявляю, что мое убеждение основывается на этических соображениях. Это лишь пример значения иррационализма в политике. Вера в силу идеала и морали тоже иррациональна

Высокий Суд ! Вопрос о причинной связи между идеологией Розенберга и военными преступлениями не следует путать с обвинением, пред'явленным Розенбергу в фактическом участии его в убийствах евреев и в преступлениях на Востоке. Здесь существуют другие связи. Я попытаюсь в первую очередь опровергнуть именно фактическое участие Розенберга в этих деяниях.

Я хотел бы указать еще на один важный момент. Обвиняются организации, многие члены которых ранее находились под влиянием христианства и, так называемого, молодежного движения, а затем перешли к национал-социализму, ибо они верили, что он может осуществить их христианские интересы и идеалы. Сейчас они совершенно беспомощны и разочарованы в своих лагерях. Они могут претендовать на то, чтобы сказать Суду во что они верили, чему их учили. Я думаю, что я показал, что здесь речь идет не о каких-то эстетических рассуждениях, а об очень важных правовых вопросах.

Высокий Суд, я могу отказаться от некоторых авторов, если они не подходят, может быть, от Лапужа, который вообще не подходит. Я отказываюсь от него, хотя именно Лапуж указывает на то, что известные биологические законы применялись в законодательстве и других стран. Но г-н Судья Джексон про-

8840

H1198 - 0042

H1198 – 0043

тестовал против одной цитаты из книги Лапуа, и я отказываюсь от него. Я могу также отказаться от той или иной книги Мартина Бубера. С помощью книг Мартина Бубера я хотел доказать, что перед нами принципы, которые ровно ничего не имеют общего с антисемитизмом, что они - философия, которая имеет такое же право на существование, как и философия просвещения в последние века. Я прошу Суд при моем представлении доказательств принять к сведению фактическую историю духовного развития. Высокий Суд ! Если я буду говорить об этом в своей защитительной речи, то я подвергнусь опасности быть понятым в том смысле, что я представляю свое собственное мировоззрение. Поэтому мне нужны документы.

8241

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Додд, как мы поняли, Вы возражаете против всех документов , идущих до книги Хельпаха.
Что-же касается других томов, то все остальные документы , являются личными документами Розенберга, не так-ли ?
Два последних документа относятся, как я думаю, к той же самой категории , как и документы, предшествующие книге Хельпаха, не правда-ли ?

Г-н ДОДД: Да, здесь также имеются некоторые цитаты из газет, включенные в книгу документов на стр. с 182 по 185. Против них мы также возражаем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Они также включены во второй том ?

Г-н ДОДД: Да, они включены во второй том первой книги документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я в настоящий момент просматривал первый том первой книги документов.

Г-н ДОДД: Да, мы возражаем против первого тома.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Следовательно , Вы не возражаете против других его книг ?

Г-н ДОДД: Нет, Ваша честь, мы не возражаем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Во второй книге имеется указатель, Да ?

Г-н ДОДД: Мы не имеем никаких возражений против всех документов, содержащихся во второй книге.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Во втором томе первой книги ?

Г-н ДОДД: Я имею в виду второй том первой книги, правильно ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо, понятно. Далее , Вы не возражаете так-же и против второй книги документов ?

8842

H1198-0044

H1198-0045

Г-н ДОДД: Нет, мы не возражаем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А против третьей книги ?

Г-н ДОДД: У нас нет возражений и против третьей книги. Мне кажется, что наши русские коллеги возражают против письменного показания данного под присягой доктором Денкером. Однако, я думаю, что они сами выступят перед Трибуналом по этому вопросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Имеется-ли еще четвертая книга ?

Г-н ДОДД: Нет, Ваша честь, но мы еще ничего не говорили относительно второй части первой книги.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне сказали, что Вы уже говорили.

Г-н ДОДД: Нет, о второй части первой книги мы еще не говорили. Я только упомянул, что там содержатся статьи из газет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Где находятся эти документы, на которые Вы ссылаетесь ? Содержатся-ли они во втором томе первой книги ?

Г-н ДОДД: Первый документ начинается на 182-й странице этого второго тома первой книги документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ : Да, это два последних документа в указателе.

Г-н ДОДД: Да, правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, насколько мы понимаем, Вы возражаете против них ?

Г-н ДОДД: Да, правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но в первом томе первой книги документов имеется указатель для обоих томов ?

Г-н ДОДД: Да, правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Так , Вы возражаете против всех документов предшествующих книге Хельпаха и против двух последних ?

Г-н ДОДД: Да, совершенно правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Понимаю. Что-же касается второй и третьей книг, то Вы не возражаете, но советские представители возражают против письменного показания, данного под присягой профессором Денкером ?

Г-н ДОДД: Да, это именно так, Ваша честь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очевидно целесообразно заслушать то, что желают по этому поводу сказать советские обвинители.

Генерал РАГИНСКИЙ: Я хочу обратить внимание Трибунала на документ Розенберг -38. Это третья книга документов, 29-я страница. Этот документ представляет собой письмо от 24 августа 1931 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Один момент, это разве не письменное показание данное под присягой ?

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Я имею в виду два документа, господин председатель: документ Розенберг -38 и второй документ насчет показаний , данных Данкером.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Мы сначала займемся документом 38, который находится на 29-й странице.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Этот документ представляет собой письмо какого-то неизвестного виноторговца на имя Розенберга по поводу какой-то газетной заметки. Эту газетную заметку мы не знаем, защитник Тома ее не представляет и поэтому мы полагаем, что этот документ отношения к делу не имеет, тем более что ни в одном из своих ходатайств и об"яснений защитник Тома не указал, что должен доказывать этот документ, что из себя представляет это письмо.

8844

H1198 – 0046

H1198 – 0047

Затем я хотел-бы высказать некоторые наши соображения по поводу второго документа, по поводу письменных показаний Денкера, представленных защитником Тома. Эти письменные показания находятся также в третьей книге документов, на странице 8-11 и имеют номер Розенберг -35. Судя по тому, что имеется в этой книге, Денкер, бывший сотрудник штаба "ОСТ", принимал участие в совершении военных преступлений на территориях, оккупированных немецкими войсками. Этот Денкер принимал участие в разграблении оккупированных территорий Советского Союза. Я прошу обратить внимание Трибунала на тот, что защитник Тома 6 апреля этого года обратился в Трибунал с ходатайством о допущении этого документа и генеральный секретарь Трибунала запросил мнение обвинителей. Однако, до решения Трибунала, до заключения обвинителей эти письменные показания Денкера были включены в книгу документов, размножены и розданы всем. Что из себя представляют эти самые, с позволения сказать, показания ? Мы считаем, это очень легко доказать, что те сведения, которые указываются в этом документе, неправильно освещают фактическое положение вещей. Они содержат ряд клеветнических и неправильных утверждений, которые опровергаются уже теми документами, которые были представлены Трибуналу и здесь зачитаны. Поэтому, поскольку Денкер не вызывается защитой в суд и мы лишены возможности, в порядке перекрестного допроса, доказывать лживость его показаний, мы полагаем, что этот документ не должен быть допущен судом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста, доктор Тома.

ТОМА: Господа, я согласен с тем, чтобы профессор университета доктор Денкер, который утверждает, что на Украину были посланы тракторы и иные сельскохозяйственные машины на сумму в 180 милл. марок, был допрошен в качестве свидетеля.

Но этот документ имеет решающее значение по вопросу о том, что на Украине действительно велись крупные восстановительные работы, что там было организовано все хозяйство, и что земля эксплоатировалась, не бессмысленно, а что составлялись широкие планы в интересах страны и населения. Поэтому , я прошу Суд разрешить представить это письменное показание, данное под присягой.

На тот случай, что Суд согласится с мнением г-на представителя Советского Обвинения, - я ходатайствую о вызове в качестве свидетеля профессора в Бонне Денкера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

ТОМА: Господин председатель , я прошу прощенья. Я не совсем понял возражения относительно 3-й книги документов. У меня нет третьей книги документов с собой, и я не знаю, о чем идет речь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: На 29-й странице имеется какое-то письмо, адресованное Розенбергу; оно без подписи. Это документ Розенберг № 38.

ТОМА: Да, да, Но этот документ был допущен Судом, и подписан он: " Адольф Гитлер". Очевидно не могла разобрать машинистка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Итак, это письмо, не так-ли ?

ТОМА: Да, сэр, оно уже разрешено, господа. А теперь я прошу прощенья, но мне все еще не ясно: из всей моей книги документов мне разрешено представить только Гельпаха ? Сэр Дэвид или мистер Додд хотят, чтобы я цитировал только Гельпаха и больше ничего ? Тогда я хотел-бы иметь возможность сказать относительно каждого автора, что я хочу ~~хочу~~ доказать , пользуясь трудом каждого из них. Я, например, ...

8146

H1198 – 0048

H1198 – 0049

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Тома, мы еще не вынесли никакого решения по этому вопросу. Мы считали, что Вы дали нам об"яснения в защиту документов первой и второй части первой книги.

Д-р ТОМА: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ : Если Вы уже изложили нам эти причины, то нет более необходимости говорить о них.

ТОМА: Г-н Председатель , я думал, я могу совершенно кратко сказать, что именно я хочу доказать, пользуясь трудами этих авторов. Трудами Мессера, Тиллиха, Льевана и Бергсона, я хочу доказать, что неоромантизм, т.е. та иррациональная философия, предшественником которой был Руссо под влиянием французской, английской и американской философии со стихийной силой распространился в Германии.

Во- вторых трудами Мартина Бубера я хочу доказать , что эта философия не была антисемитской, а что наоборот, Бубер не только проповедывал ее, но и рекомендовал применять ее в практической жизни, как раз у Мартина Бубера я нашел важные выражения, играющие столь большую роль на настоящем процессе,- о значении крови, о лимфе крови, о связи народа и жизненного пространства, об интуиции, о понятиях движения, наследственности и т.д.

Затем , Высокий Суд, относительно Айкштедта, Мюльмана Хайдта, Кайтера, цитаты которых я собираюсь приводить, я хотел-бы заявить, что эти лица не национал-социалисты и что иногда они ~~за него~~ *даже* боролись с идеологией Розенберга. Но их высказывания служат доказательством того, что идеи о расе, народе, нации, крови, пространстве и т.д. находили поддержку у ученых -естествоиспытателей; Гельпах во "Введении в Психологию народов" выставил чрезвычайно важное утверждение, состоящее в

том, что каждый тезис через антитезу ведет к вырождению. А Гельпах-очень крупная фигура в немецкой философии. Господа, я хочу сделать лишь краткое заключительное замечание. В последнем номере " Нойе Цейтунг" напечатано, что во французском учредительном собрании несколько дней назад возник один из важнейших и самых принципиальных споров современности , о правах человека, что там подвергли контролю момент: каковы внутренние убеждения участников движения сопротивления, что были выставлены совершенно определенные тезисы о свободе, кризисе прав человека и было указано на наличие различных противоречий.

Там, господа, было установлено следующее: существует противоречие между провозглашением свободы и все усиливающимся порабощением человека техникой. Мы тоже утверждаем это. Во-вторых существует противоречие между духовным обнищанием и ростом материального богатства.

В третьих, существует противоречие во всех формах проявления прогресса, т.к. всякое усовершенствование сглаживается соответствующими явлениями декаданса.

В- четвертых, возникает противоречие между гуманистическим идеалом 18-го столетия и открытиями наук о человеке, биологии, психологии, которые вскрыли его подчинение законам природы.

В- пятых, противоречие между массой, "просвещенной " при помощи газет, радио, кино и всех форм пропаганды, т.е. средств дающих поверхностные знания, и избранными, мыслящими и образованными людьми, исчезнувшими сегодня. Об этом велись дебаты в учредительном собрании современного французского парламента в настоящее время, в эти дни; Поэтому я прошу, господа, заслушать подобные вопросы на данном процессе,

8 848

H1198 – 0050

H1198 – 0051

так как они имеют решающее зна чение для идеологической и политической установки народа, ибо в идее народного принципа могут быть найдены и высшие эпические взгляды. То обстоятельство , что они выродились об"ясняется всем ходом развития философских и естественных наук, хотя частично и в силу некоторой преступности, но только частично.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы закончили , доктор Тома ? Вы закончили то, что Вы хотели сказать ?

Д-р ТОМА: Да, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал, конечно, еще не вынес своего решения. Трибунал рассмотрит Ваши доводы. Но я должен обратить Ваше внимание на то, что в обвинительном заключении, а также на данном процессе против подсудимого Розенберга не выдвигается обвинения в том, что он изобрел свою философию, или что он имел какие-то определенные философские идеи. Обвинение , которое было выдвинуто против него , состоит в том, что он использовал свои философские идеи. Во все, что я хотел сказать. Я также хотел коснуться Вашего ходатайства о том, чтобы подсудимый Розенберг был вызван в качестве свидетеля не первым , а несколько позднее. Что касается этого, то если Трибунал решит, что другие философские произведения Розенберга здесь не являются материалами, которые следует рассматривать, то не думаете -ли Вы, что не будет целесообразно откладывать допрос подсудимого Розенберга на более позднюю стадию процесса ? Не будет-ли в интересах дела допросить его первым ?

ТОМА: Господин председатель, разрешите сказать следующее. Я ошибочно полагал, что всякое представление доказательств должно начинаться....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, пожалуйста.

ТОМА: Господин председатель, я ошибочно полагал, что всякое представление доказательств должно начинаться с допроса подсудимого. Я полагал, что нельзя вначале зачитывать документы. Поэтому , я ходатайствовал о том, чтобы мне разрешили сперва представить некоторые документы, дабы потом легче проходил допрос подсудимого Розенберга, т.к. по моему мнению с помощью этих документов можно быстрее осветить суду общее положение дел. Далее я просил, чтобы свидетель Рик(е), который даст краткие показания по проблемам Востока, особенно по вопросу о снабжении, был допрошен до Розенберга, т.к это тоже ускорит разбирательство дела. Я так представлял себе это. В первую очередь я хотел-бы зачитать самые основные документы, не только идеологического характера, но и все документы, которые касаются оперативного штаба и администрации на востоке. Затем я хотел-бы вызвать свидетеля Рик(е) и лишь потом подсудимого Розенберга.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал уже сказал, что по его мнению в каждом отдельном случае, в интересах ускорения процесса сначала следует вызвать подсудимого в качестве свидетеля и, несомненно, все документы, которые являются существенными, могут быть пред"явлены подсудимому во время его допроса, для того, чтобы он дал свои об"яснения этим документам.

ТОМА: Высокий Суд, я думаю, что, если я сделаю короткие замечания к документам, дело пойдет быстрее, чем, если о каждом документе будет говорить в своих показаниях Розенберг. Поэтому я и хочу зачитать сперва несколько документов. Я руководствуюсь только интересами экономии времени.

8250

H1198 – 0052

H1198 – 0053

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Итак, для того, чтобы Вы были готовы начать свой допрос в понедельник утром, Трибунал, рассмотрев этот вопрос, решил, что Розенберг должен быть вызван в качестве свидетеля первым . Таково решение Трибунала.

Что касается документов, - то мы посмотрим, каково будет наше решение в отношении тех документов, против которых были возражения. Я сказал: в понедельник утром. Простите, я имел ввиду после того, как окончится дело подсудимого Кальтенбруннера.

ТОМА: Высокий Суд ! Еще короткое замечание относительно идеологии Розенберга. Я хочу зачитать речь господина де Менгона, который утверждает, что эта идеология преступна уже потому, что она связана с деятельностью Розенберга в качестве редактора и издателя " Фелькишер Беобахтер" , с Розенбергом как автором " Мифа" и других произведений, что делало его якобы руководителем психологической подготовки немецкого народа к агрессивным войнам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я сказал, в пред"явленном ему обвинении речь идет не о том, каково происхождение его философии или каковы основы его философских идей, но о том, каким образом он практически осуществлял эти философские идеи.

2-й ДОДД: С разрешения Трибунала, я хотел-бы пояснить, что мы не возражаем против работ Хельпаха.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, конечно.

Г-н ДОДД: Доктор Дикс просит о том, чтобы его документы были рассмотрены сегодня.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, что сейчас слишком поздно, но мне кажется, что мы их рассмотрим очень скоро, если доктор Дикс того желает.

Д-р ДИКС (защитник подсудимого Шахта) . Я был-бы очень благодарен. Я говорил об этом с сэром Дэвидом, с мистером Доддом и мистером Альбрехтом, у них есть возражения и их надо разобрать здесь на Суде. Но документы еще не переведены, таким образом нужно скорее принять решение, иначе книга документов не будет готова. Я был-бы благодарен, если-бы в понедельник мы могли ~~было-бы~~ коротко обсудить это.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, мы постараемся сделать это в понедельник.

ДИКС: В понедельник ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

/ перерыв до 10 часов утра 15 апреля /.

8852

H1198 – 0054

H1198 – 0055

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

15 апреля 1946 г.

Утреннее заседание

Встать! Суд идет!

КОМЕНДАНТ СУДА. Господа судьи! Подсудимый Риббентроп отсутствует на этом заседании суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прежде всего я займусь документами подсудимого Розенберга.

Трибунал вынес решение о том, что все документы, входящие в первую книгу /1 том и второй том/ отклоняются, в том числе книга Гальпаха, т.е. документы с № 1 по № 6, а также № 7 "Е" и № 8.

Во-вторых, Трибунал вынес решение о том, что принимает без доказательства номера 7-а, 7-б, 7-с и 7-д, т.е. 7-а по 7-д. Трибунал решил, что эти документы, с 7 по 7-д не будут оглашаться на данной стадии процесса, но могут цитироваться защитником в его заключительной речи.

В-третьих, Трибунал допускает книги вторую и третью.

В-четвертых, Трибунал вынес решение вначале вызвать Подсудимого Розенберга и все допущенные документы представить ему во время его допроса. Это все.

Пожалуйста, доктор Кауфман.

/К микрофону подходит защитник Кауфман./

Д-р КАУФМАН /защитник подсудимого Кальтенбруннера/. С разрешения Трибунала я вызываю свидетеля Рудольфа Гесс.

/Свидетель занимает свое место./

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Встаньте. Назовите свое имя.

СВИДЕТЕЛЬ. Рудольф Франц Фердинанд Гесс.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю.

/Свидетель повторяет присягу./

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Садитесь.

/Прямой допрос д-ром Кауфманом./

КАУФМАН. Свидетель, ваши показания будут иметь большое значение. Вы, вероятно, единственный человек, который может пролить свет на еще неизвестные факты и показать, кто давал приказы на уничтожение евреев, проживающих в Европе, как эти приказы и в какой степени их выполнение было секретным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Кауфман, задавайте, пожалуйста, свидетелю вопросы.

КАУФМАН. Вы с 1940 по 1943 г. были начальником лагеря Освенцим?

ХЕСС. Так точно.

КАУФМАН. За этот период времени сотни тысяч людей были там уничтожены? Это правда?

ХЕСС. Так точно.

КАУФМАН. Правда ли, что вы сами не имеете точных записей о количестве этих жертв, так как вам запрещали делать подобные записи?

ХЕСС. Это правда. Да

КАУФМАН. Верно ли, что только один человек, фамилия которого Эйхман, вел такие записи, человек, которому была поручена организация этого дела и сбор людей?

ХЕСС. Так точно.

КАУФМАН. Правильно ли, что Эйхман заявил Вам, что в общем в Освенциме уничтожено более двух миллионов евреев?

ХЕСС. Так точно.

8854

H1198 – 0056

H1198 – 0057

КАУФМАН. Мужчин, женщин и детей?

ХЕСС. Да.

КАУФМАН. Вы участвовали в мировой войне?

ХЕСС. Так точно.

КАУФМАН. В 1922 году вы вступили в партию?

ХЕСС. Так точно.

КАУФМАН. Вы были членом СС?

ХЕСС. С 1934 года.

КАУФМАН. Правильно ли, что в 1924 г. вы были осуждены к довольно продолжительному заключению за участие в убийстве.

ХЕСС. Так точно.

КАУФМАН. В конце 1934 года вы попали в концлагерь в Дахау?

ХЕСС. Так точно.

КАУФМАН. Какие задачи у вас были там?

ХЕСС. Сначала я был руководителем блока заключенных, затем вел учет заключенных и, наконец, был хранителем их имущества.

КАУФМАН. Как долго вы были там?

ХЕСС. До 1938 года.

КАУФМАН. Где вы были с 1938 года? Какие должности вы занимали?

ХЕСС. В 1938 году я попал в лагерь Заксенхаузен, где сперва я был адъютантом начальника лагеря, а затем начальником лагеря, в котором сидели лица, находившиеся в превентивном заключении.

КАУФМАН. Когда вы были начальником лагеря в Освенциме?

ХЕСС. Я был начальником лагеря в Освенциме с мая 1940 года по 1-е февраля 1943 года.

КАУФМАН. Сколько заключенных было в Освенциме при

самой полной наполненности лагеря?

ХЕСС. Максимально в Освенциме было приблизительно 170 тысяч заключенных мужчин и женщин.

КАУФМАН. Правильно ли, что в 1941 году вы были приглашены в Берлин к Гиммлеру? Расскажите кратко содержание вашей беседы?

ХЕСС. Хорошо. Летом 1941 года я был приглашен лично рейхсфюрером СС Гиммлером в Берлин. Я не могу дословно повторить, что он мне говорил, но смысл его слов был таков: Фюрер приказал окончательно разрешить еврейский вопрос. Мы, т.е. СС, должны провести этот приказ в жизнь. Если теперь, в данное время, мы не сделаем этого, то позднее еврейский народ уничтожит немецкий народ. Он сказал, что он выбрал Освенцим потому, что он расположен наиболее удобно в смысле подвоза людей по железной дороге и потому, что на этой местности легко установить заграждения.

КАУФМАН. На этом совещании Гиммлер сказал вам, что вся кампания является "тайным государственном делом"?

ХЕСС. Да, на это он обратил мое внимание особо. Он сказал, что даже своему непосредственному начальнику Глюксу я не должен ничего говорить об этом. Настоящее совещание касается лишь нас обоих, и я должен хранить полное молчание по отношению ко всем остальным людям".

КАУФМАН. Какую должность занимал Глюкс, которого вы только что назвали?

ХЕСС. Группенфюрер Глюкс был инспектором концлагерей и подчинялся непосредственно рейхсфюреру.

КАУФМАН. Название "тайное государственное дело" означает, что знающий что-либо о нем, ни одним намеком не может о нем рассказывать, не подвергая свою жизнь опасности.

8856

H1198 – 0058

H1198 – 0059

ХЕСС. Да. Это означает, человек, знающий что-либо о нем, не должен говорить о нем ни с кем другим и что он ответственен своей головой за то, чтобы никто не знал о нем.

КАУФМАН. Скажите, вы нарушили когда-нибудь это возложенное на вас обязательство, рассказав об этом кому-нибудь?

ХЕСС. Нет, до конца 1942 г. я никому ничего об этом не говорил.

КАУФМАН. Почему вы называете именно эту дату? После вы говорили что-нибудь какому-либо третьему лицу?

ХЕСС. В конце 1942 г. тогдашний гаулейтер Верхней Силезии, своими замечаниями обратил внимание моей жены на то, что делается в моем лагере. Позже моя жена спросила меня соответствует ли это действительности, и я ответил ей утвердительно.

Это единственное нарушение обещания, которое я дал рейхсфюреру. Больше я никому ничего не говорил.

КАУФМАН. Когда вы познакомились с Эйхманом?

ХЕСС. С Эйхманом я познакомился примерно через четыре недели после того, как я получил приказ рейхсфюрера. Он приехал в Освенцим, чтобы обсудить со мной порядок выполнения этого приказа. Как рейхсфюрер сказал мне во время нашей беседы, он поручил Эйхману обсудить его со мной. Все остальные указания я получал от него, от Эйхмана.

КАУФМАН. Опишите кратко, правильно ли, что лагери в Освенциме были совершенно изолированы? Какие меры были приняты для того, чтобы держать в строжайшем секрете проведение возложенной на вас задачи?

ХЕСС. Лагерь Освенцим как таковой находился в трех километрах от города. В округе на 20 тысяч моргенов все население должно было покинуть свое местожительство. На всю эту территорию разрешалось вступать лишь эсэсовцам, гражданские служащие имели специальные пропуска. Лагерь Биркенау, превращенный после в лагерь уничтожения, находился от Освенцима на расстоянии двух километров. Сами сооружения лагеря, использовавшиеся в начале, находились в лесу, были хорошо замаскированы и издали совершенно незаметны. Кроме того, зона была об"явлена запретной, и даже члены СС, которые не имели специальных пропусков, не могли проходить на нее. Таким образом, никто, кроме уже указанных лиц, не имел возможности вступать на эту территорию.

КАУФМАН. Иногда прибывали железнодорожные эшелоны. Через какие промежутки времени они прибывали и сколько примерно людей находилось каждый раз в таком эшелоне?

ХЕСС. До 1944 года соответствующие кампании проводились в разных странах в разное время, так что нельзя говорить о систематическом поступлении людей в лагерь. В течение примерно 4-6 недель ежедневно прибывало 2-3 эшелона с примерно двумя тысячами человек каждый. Сперва эшелоны переводились на запасный путь у Биркенау. Паровоз, доставлявший эти эшелоны, отправлялся обратно. Охрана, сопровождавшая эшелоны, должны была сейчас же покинуть эту область, а заключенные, приехавшие с эшелоном, принимались охраной лагеря. Затем два эсэсовских врача определяли их трудоспособность. Трудоспособные заключенные шли в Освенцим или в Биркенау; нетрудоспособные доставлялись сначала во временные помещения, о которых выше шла речь, а затем - в новоотстроенный крематорий.

8858

H1198 – 0060

H1198 – 0061

КАУФМАН. На недавно проведенном мной допросе, вы заявили, что приблизительно 60 человек были назначены для приемки этих эшелонов и что эти 60 человек были обязаны соблюдать тайну, так как это было описано ранее. Вы подтверждаете это?

ХЕСС. Так точно. Эти 60 человек должны были быть всегда наготове направлять нетрудоспособных заключенных в построенные сооружения. Они, а также и еще около десяти младших командиров и командиров, врачей и санитаров, несколько раз письменно и устно подтверждали свое обязательство держать в строжайшем секрете все, что происходило в лагере.

КАУФМАН. Мог посторонний человек, наблюдавший прибывавшие эшелоны подумать, что люди, находящиеся в них, предназначены для уничтожения , или такая возможность была невелика уже потому, что в Освенциме было очень большое движение эшелонов, подвозились материалы и т.д.?

ХЕСС. Так точно. Наблюдатель, который не ставил себе специальной цели наблюдения за эшелонами, не мог составить себе общей картины, так как: во-первых, прибывали не только эшелоны с людьми, предназначенными для уничтожения, но и эшелоны с новыми заключенными вообще, которые использовались в лагере. Затем довольно большое количество эшелонов уезжало из лагеря с трудоспособными или предназначенными для обмена заключенными. Двери товарных вагонов были плотно закрыты, так что наблюдатель не мог видеть находившихся там людей. Кроме того, каждый день в лагерь прибывало до 100 вагонов с материалами, продуктами питания и проч. и с, другой стороны, они увозили военную продукцию, изготовленную в мастерских лагеря.

КАУФМАН. Правильно ли то, что по прибытии в лагерь жертвы должны были снимать с себя всю одежду и сдавать ценные вещи?

ХЕСС. Да.

КАУФМАН. И затем их сразу отправляли туда, где их ждала смерть?

ХЕСС. Да.

КАУФМАН. Скажите мне, руководствуясь вашим опытом, знали эти люди о том, что их ожидало?

ХЕСС. В большинстве случаев они ничего не знали, т.к. принимались меры в том направлении, чтобы посеять в них сомнение и не вызывать подозрения, что им предстоит смерть. Так, например, на дверях и стенах были развешены об"явления, которые указывали на то, что заключенным предстоит пройти процедуру дезинфекции или санитарной обработки в бане. Это об"являли заключенным на нескольких языках через посредство других заключенных, которые прибыли с прежними эшелонами и при выполнении всей акции работали в качестве подручных.

КАУФМАН. Смерть наступала через 3-15 минут, как вы мне об этом уже говорили? Не так ли?

ХЕСС. Да, так точно.

КАУФМАН. Затем вы мне говорили, что до наступления смерти жертвы теряли сознание?

ХЕСС. Да. Как мне удалось установить благодаря своим собственным наблюдениям или через врачей, в зависимости от температуры и количества людей, находящихся в камерах, срок наступления потери сознания или смерти был очень различен. Люди теряли сознание через несколько секунд или минут.

КАУФМАН. Вы сами, имея семью и детей, у вас когда-нибудь была жалость к этим жертвам?

8860

H1198 – 0062

H1198 – 0063

ХЕСС. Да.

КАУФМАН. Но почему вы все-таки проводили это?

ХЕСС. При всех тех сомнениях, которые у меня возникали, единственным руководящим началом оставался обязательный приказ рейхсфюрера Гиммлера и данное им обоснование этого приказа.

КАУФМАН. Я спрашиваю вас: осматривал Гиммлер лагерь и убеждался ли он сам в том, как происходил процесс уничтожения?

ХЕСС. Да, конечно. В 1942 г. Гиммлер посетил лагерь и проследил за одним процессом целиком с начала до конца.

КАУФМАН. То же самое можно сказать и об Эйхмане?

ХЕСС. Эйхман несколько раз был в Освенциме и знал все хорошо.

КАУФМАН. Подсудимый Кальтенбруннер когда-нибудь осматривал этот лагерь?

ХЕСС. Нет.

КАУФМАН. Вы когда-нибудь говорили об этом с Кальтенбруннером?

ХЕСС. Нет, никогда. Я только один-единственный раз видел обергруппенфюрера Кальтенбруннера на совещании.

КАУФМАН. Когда это было?

ХЕСС: Это было в 1944 году, на завтра после для его рождения.

КАУФМАН: Какой пост вы занимали в 1944 году?

ХЕСС: В 1944 году я был начальником отдела в главном административно-хозяйственном управлении в Берлине. Моим местом службы была бывшая инспекция концентрационных лагерей в Ораниенбурге.

КАУФМАН: Что было предметом совещания, о котором Вы только что сказали.

ХЕСС: Отчет начальника лагеря Маутхаузен о так называемых заключенных без имени и об использовании этих последних в военной промышленности. Обергруппенфюрер Кальтенбруннер должен был принять по этому вопросу решение. Поэтому я и пришел к нему с отчетом начальника лагеря Маутхаузен, но он не дал мне никакого заключения, отложив его на более поздний срок.

КАУМАН: Относительно географического положения лагеря Маутхаузен.Вы должны внести ясность, уточнив,где он расположен в Верхней Силезии или в генерал-губернаторстве?

ХЕСС: Маутхаузен...

КАУФМАН: Освенцим, извините, я оговорился, я имев в виду лагерь Освенцим.

ХЕСС: Освенцим находится на территории бывшей Польши. После 1939 г. он был присоединен к провинции Верхняя Силезия.

КАУФМАН: Правильно считать, что административными вопросами, вопросами снабжения концентрационных лагерей и т.д. занималось исключительно главное административно - хозяйственное управление?

ХЕСС: Да, это так.

8862

H1198 – 0064

H1198 – 0065

КАУФМАН: Управление, которое полностью отделено от главного имперского управления безопасности?

ХЕСС: Совершенно правильно.

КАУФМАН: С 1943 года до конца войны Вы были одним из начальников инспекции в главном административно - хозяйственном управлении?

ХЕСС: Это верно.

КАУФМАН: Вы хотите этим сказать, что Вы были особенно хорошо осведомлены о всем, что происходило в концентрационных лагерях, об их методах и об обращении с заключенными в них.

ХЕСС: Да.

КАУФМАН: Поэтому я и спрашиваю Вас в первую очередь о том, знаете ли Вы об обращении с заключенными, известны ли вам определенные методы бесчеловечного обращения с ними, их мучений и издевательства над ними. В своих показаниях разграничьте период до 1939 года и период после 1939 г.

ХЕСС: До начала войны, до 1939 г. положение в лагерях в отношении питания заключенных, их размещения и обращения с ними было таким же, как в любой другой тюрьме или исправительном заведении империи. Правда, с заключенными обращались строго, но о методическом избиении их или плохом обращении с ними не могло быть и речи. Рейхсфюрер неоднократно издавал приказы, говорившие, что эсэсовец, применивший по отношению к заключенному физическую силу, должен быть наказан, и это проводилось в жизнь.

Питание заключенных и их размещение в тот период было точно таким же, как и заключенных в системе юридического ведомства.

Размещение заключенных в лагерях было в то время нормальным, так как не было такого массового притока, как это наблюдалось потом, с началом войны и во время войны. Когда началась война и массами начали поступать политические преступники, а позднее из оккупированных областей - участники движения сопротивления, то лагерные постройки даже с дополнительно отстроенными, не могли вместить все количество прибывавших заключенных. В первые годы эти трудности еще можно было преодолевать путем устройства временных сооружений, но потом в военных условиях это стало невозможным, так как нельзя было получить никаких строительных материалов. И все время во все больших размерах уменьшались пайки для заключенных, выделяемые экономическими управлениями провинций.

Таким образом создалось положение, когда все большее и большее количество заключенных в лагерях становилось неспособным сопротивляться постепенно возникавшим эпидемиям.

Главной причиной того, что в конце войны заключенные были в плохом состоянии, что многие тысячи их были найдены в лагерях исхудавшими и больными, является то обстоятельство, что рейхсфюрер всегда при каждом случае подчеркивал свою цель, заявляя через начальника главного административно-хозяйственного управления обергруппенфюрера Поля и начальников лагерей, созываемых на специальные заседания, что каждый заключенный должен быть обязательно использован в военной промышленности до предела его возможностей. Каждый начальник лагеря прилагал все усилия, чтобы сделать это. Нельзя сказать, что мы хотели иметь как можно большее количество мертвых или что мы стремились уничтожать заключенных, рейхсфюреру важно было использовать каждые руки в военной промышленности.

8264

H1198 – 0066

H1198 – 0067

КАУФМАН: Таким образом, нет сомнения, что по мере того, как война затягивалась, число заключенных, которых мучили и терзали, все время увеличивалось. Инспектируя концлагери, Вам не было известно что-нибудь о жалобах и т.п., или только что описанное положение вещей считалось более или менее значительным эксцессом?

ХЕСС: Так называемое плохое обращение и всякие мучения в концлагерях, о которых повсюду становилось известно народу и сообщения о которых потом распространялись самими заключенными, освобожденными оккупационными армиями, все эти мучения не были, как это принято думать, методом, а лишь эксцессами отдельных начальников и эсэсовцев, допускавших подобные вещи в отношении заключенных.

КАУФМАН: До вашего сведения никогда не доводилось о чем либо подобном?

ХЕСС: Когда подобные сведения до нас доходили, то данного человека, конечно, тотчас же снимали с работы или переводили на какую-нибудь другую и если его не наказывали, поскольку не было достаточного количества доказательств, подтверждавших его вину, на этой новой работе он уже не имел дела с заключенными.

КАУФМАН: Чем же вы об"ясняете крайне плохое и недостойное положение в лагерях, которое было констатировано вступившими союзными войсками и частично зафиксировано в фильмах?

ХЕСС: Катастрофическое положение в конце войны было вызвано тем, что в результате разрушения железных дорог, систематических бомбардировок заводов нельзя было обеспечить плановое снабжение этих масс заключенных. Например, в Освенциме было I40 тысяч заключенных. Его невозможно было обеспечить, несмотря на все вспомогательные мероприятия, проводимые начальниками лагерей: колонны грузовиков и т.п. Несмотря на все их старания улучшить положение, ничего не

365

выходило. Число больных невероятно увеличивалось, медикаментов почти не было, эпидемии свирепствовали. Трудоспособных заключенных по прежнему использовали на работах. По приказу рейхсфюрера даже наполовину больные люди должны были посылаться на работу, туда, где они могли еще что-то делать. Помещения, которые предназначались для размещения вообще всех заключенных, были переполнены больными и умирающими.

КАУФМАН: Посмотрите, пожалуйста, на карту, которая находится за вашей спиной. Красные точки означают концлагери. В первую очередь я спрошу Вас, сколько концентрационных лагерей, в собственном смысле этого слова, было к концу войны?

ХЕСС: К концу войны имелось I3 концентрационных лагерей. Все остальные точки на карте означают, так называемые, трудовые лагери, находившиеся при военных заводах. Каждый из I3 существовавших концентрационных лагерей был центром и одновременно сборным пунктом какой-нибудь области. Таким лагерем в Баварии был Дахау, в Австрии - лагерь Маутхаузен, все трудовые лагери данной области подчинялись концлагерю, который должен был обеспечивать остальные рабочей силой, производить обмен больных заключенных и снабжать их одеждой. Он же выставлял охрану. С 1944 года продовольственное снабжение заключенных стало обязанностью только военных заводов, на которых они работали. Это было сделано с тем, чтобы заключенные могли пользоваться военной прибавкой в снабжении.

КАУФМАН: Что вам известно о так называемых медицинских опытах с живыми заключенными?

ХЕСС: Медицинские опыты проводились в различных лагерях. В Освенциме производились опыты по стерилизации профессором Клаубертом и доктором Шуманом, и опыты над близнецами эсэсовским врачем доктором Менгеле.

3866

H1198 – 0068

H1198 – 0069

КАУФМАН: Знаете Вы доктора Рашер?

ХЕСС: В Дахау был врач военно-воздушных сил Рашер, который делал опыты над заключенными, приговоренными к смерти, с целью определить сопротивление человеческого организма в камерах с сжатым воздухом и при низкой температуре.

КАУФМАН: Вы сами знаете, насколько подобного рода опыты были известны другим людям, находящимся в лагере?

ХЕСС: Конечно, эти опыты, как и все остальное, проводились как „тайное государственное дело". Но нельзя было избежать того, чтобы эти опыты, которые проводились в таком большом лагере, и заключенные сами должны были их както наблюдать, стали известны.

Насколько эти опыты стали известны вне пределов лагеря, я не знаю.

КАУФМАН: Вы заявили, что в Освенцим поступали также приказы о проведении экзекуций, что до войны эти приказы были редки, но затем участились. Это правильно?

ХЕСС: Да, до начала войны экзекуций вообще не проводилось, разве только в самых совершенно исключительных случаях. Я припоминаю один случай в Бухенвальде, когда заключенные напали на эсэсовца и убили его. После этого заключенных повесили.

КАУФМАН: Но во время войны, - это Вы признаете, - число экзекуций значительно увеличилось?

ХЕСС: Да, они начались с началом войны.

КАУФМАН: Что в большинстве случаев служило основанием приказа о проведении экзекуций, приговор немецких судов?

ХЕСС: Нет, при проведении экзекуций в лагере руководствовались распоряжениями главного имперского управления безопасности.

КАУФМАН: За чьей подписью были приказы об экзекуциях, поступавшие к Вам в руки. Правильно, что иногда вы получали такие приказы за подписью Кальтенбруннера и что это были не подлинники, а телеграммы, т.е. фамилия подписавшего была напечатана.

ХЕСС: Это верно. Подлинники приказов о проведении экзекуций никогда не поступали в лагерь. Они поступали в инспекцию концлагерей и затем передавались по телеграфу в соответствующий лагерь, в особо срочных случаях они передавались по телеграфу в лагерь прямо из главного имперского управления безопасности, а инспекцию только ставили в известность. Таким образом, в лагере подпись была только на телеграммах.

КАУФМАН: Для того, чтобы еще раз уточнить вопрос о подписях, будьте добры сказать Трибуналу, что преобладавшее большинство приказов о проведении экзекуций в период до войны и вплоть до ее окончания шло за подписью Гиммлера или Мюллера.

ХЕСС: Только совсем небольшое количество телеграмм, которые я видел, поступало за подписью рейхсфюрера и еще меньшее количество за подписью подсудимого Кальтенбруннера. На большинстве из них, можно сказать, почти на всех значилось: " Подлинник подписал: Мюллер".

КАУФМАН: Это тот самый Мюллер, о котором Вы упоминали, сказав, что имели с ним несколько раз беседу по этим вопросам?

ХЕСС: Группенфюрер Мюллер был начальником 4-го отдела в главном имперском управлении безопасности. В его

H1198 – 0070

H1198 – 0071

задачу входило обсуждение с инспекцией всех вопросов относительно концентрационных лагерей.

КАУФМАН: Как Вы считаете, не потому ли Вы посещали начальника гестапо Мюллера, что на основании Вашего собственного опыта у Вас создалось впечатление, что этот человек,много лет работавший на этой работе, действовал почти самостоятельно?

ХЕСС: Да, я должен был вести переговоры с группенфюрером Мюллером о всех делах концентрационных лагерей. Он был в курсе всего и в большинстве случаев сразу же принимал нужное решение.

КАУФМАН. Чтобы установить окончательно, скажите, Вы когда-либо разговаривали по этим вопросам с Кальтенбруннером?

ХЕСС. Нет.

КАУФМАН. Известно ли Вам, что к концу войны концлагери были эвакуированы и, если да, то по чьему приказу это было сделано?

ХЕСС. Я могу сказать следующее: сначала был приказ рейхсфюрера, который гласил, что в случае приближения противника или в случае воздушных налетов оставлять лагерь противнику. Позднее, когда фюреру доложили о Бухенвальде ...

Нет, в начале 1944 года, когда различные лагери оказались в районах воздействия противника, этот приказ был отменен и рейхсфюрер поручил начальникам СС и полиции, которые в серьезных случаях несли ответственность за безопасность лагерей, самим решать вопрос, эвакуировать данный лагерь или нет.

Освенцим и Гросс-Позен были эвакуированы. Бухенвальд нужно было также эвакуировать, но затем пришел приказ рейхсфюрера, согласно которому в основном всем лагерям следовало оставаться, предварительно отправив в другие лагери видных заключенных, которые ни в коем случае не должны были попасть в руки союзников. Также обстояло дело в Бухенвальде. Когда заняли Бухенвальд, фюреру доложили, что заключенные вооружились и учинили в городе Веймаре разбой. После этого Гиммлер получил от фюрера строжайший приказ, который гласил, что в будущем ни одного лагеря оставлять нельзя. Ни один заключенный, который только мог двигаться, не имел права оставаться в лагере. Это было незадолго до окончания войны перед тем, как между

H1198 – 0072

H1198 – 0073

северной и южной Германией была проведена граница. О лагере Заксенхаузен. Однажды вечером мне позвонил начальник гестапо группенфюрер Мюллер и сказал,что рейхсфюрер приказал тотчас же эвакуировать лагерь Заксенхаузен. Я обратил внимание Мюллера на то, что из этого могло получиться.Заксенхаузен не мог эвакуироваться ни в один другой лагерь,если не считать некоторых и без того переполненных трудовых лагерей, т.е. лагерей при военных предприятиях.Большинство заключенных нужно было разместить где-нибудь в лесах. В результате будут тысячи смертных случаев и никакой возможности кормить эту массу людей. Он обещал мне доложить об этом рейхсфюреру.Затем он снова позвонил мне и сообщил,что рейхсфюрер подтвердил вторично свой приказ и потребовал от начальников лагерей его немедленного выполнения. С этого времени должен был таким же образом начать эвакуацию лагеря Равенсбрюк. Но это было уже невозможно. Как проходила эвакуация лагерей в южной Германии я не знаю,так как мы,инспекция, уже не имели больше никакой связи с южной Германией.

КАУФМАН. Здесь утверждалось, - это мой последний вопрос,- что подсудимый Кальтенбруннер издал приказ уничтожить лагерь Дахау и еще два расположенных рядом с ним лагеря,разбомбив их или отравив всех заключенных. Слышали ли Вы что-нибудь об этом приказе? Если нет,то считаете ли Вы такой приказ вероятным?

ХЕСС. Я никогда не слышал о чем-либо подобном. Как я уже упоминал,я ничего не знаю и о приказе об эвакуации лагерей в

южной Германии. Кроме того, я считаю совершенно невозможным уничтожить лагерь так, как Вы говорите.

КАУФМАН. У меня нет больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желают ли другие защитники задать свидетелю вопросы?

Д-р МЕРКЕЛЬ (защитник гестапо). Господин свидетель, принимала государственная полиция какое-либо участие в уничтожении евреев в Освенциме?

ХЕСС. Да, она участвовала в той степени, что все приказы о проведении акции я получал от оберштурмфюрера Эйхмана.

МЕРКЕЛЬ. Скажите, администрация концлагерей подчинялась главному административно-хозяйственному управлению?

ХЕСС. Да.

МЕРКЕЛЬ. Вы сказали, что Вы не имели никакой связи с главным имперским управлением безопасности.

ХЕСС. Да.

МЕРКЕЛЬ. Я прошу еще раз подтвердить, что государственная полиция сама по себе не имела никакого отношения к администрации лагерей, что от нее не зависело размещение и снабжение заключенных и не ею диктовались методы обращения с последними, что все это находилось в ведении главного административно-хозяйственного управления.

ХЕСС. Да, это правильно.

МЕРКЕЛЬ. Как Вы об'ясните тот факт, что Вы все же с Мюллером обсуждали вопросы относительно концлагерей?

ХЕСС. При 1У отделе имперского управления безопасности имелся исполнительный комитет, который ведал направлением заключенных. Он распределял их на три лагерных категории, приво-

8872

H1198 – 0074

H1198 – 0075

дил в исполнение наказания, наложенные на них по линии главного имперского управления безопасности, ведал проведением экзекуций, размещением особых заключенных и всеми связанными с этим вопросами, т.е. всем тем, что входило в компетенцию главного имперского управления безопасности.

МЕРКЕЛЬ. Когда было создано это главное административно-хозяйственное управление?

ХЕСС. Главное административно-хозяйственное управление существует с 1933 г. под различными названиями. Но инспекция концлагерей подчиняется ему лишь только с 1941 г.

МЕРКЕЛЬ. Таким образом, концлагери вначале были подчинены исключительно административно-хозяйственному управлению, т.е. СС, а не государственной полиции?

ХЕСС. Да.

МЕРКЕЛЬ. Вы упомянули перед этим имя доктора Рашера. Вы знакомы лично с этим врачем?

ХЕСС. Да.

МЕРКЕЛЬ. Вы знаете, что доктор Рашер до начала своей деятельности в Дахау был принят в члены СС ?

ХЕСС. Об этом мне ничего неизвестно. Я видел его в форме врача военно-воздушных сил. Может быть, он позднее был принят в члены СС, но я его больше не видел.

МЕРКЕЛЬ. У меня больше нет вопросов. Благодарю.

(Прямой допрос свидетеля Рудольфа Хесса адвокатом Бабелем, защитником СС).

Д-р БАБЕЛЬ (защитник СС). Господин свидетель, вначале Вы показали, что рейхсфюрер СС Гиммлер, пригласив Вас к себе, сказал Вам, что проведение этого приказа фюрера поручено СС. Как

нужно понимать в данном случае это общее название "СС"?

ХЕСС. Судя по словам рейхсфюрера, под "СС" подразумевались команды, предназначенные для охраны концлагерей. При осуществлении задачи, поставленной данным приказом, можно было иметь ввиду только команды концлагерей, а не войска СС.

БАБЕЛЬ. Сколько членов СС и какие подразделения СС были в концлагерях?

ХЕСС. К концу войны в охране трудовых лагерей участвовало приблизительно 35 тысяч эсэсовцев и около 10 тысяч солдат из сухопутных войск, ВВС и военно-морского флота.

БАБЕЛЬ. Каковы были задачи этой охраны? Насколько мне известно, эти задачи были различны. Во-первых, охрана в собственном смысле этого слова, а кроме того, частично также участие во внутри-лагерном управлении.

ХЕСС. Да, это правильно.

БАБЕЛЬ. Сколько требовалось внутрилагерной охраны примерно для одной тысячи заключенных? Сколько охраны приходилось, скажем, на 1.000 человек заключенных?

ХЕСС. Это трудно определить. Насколько мне известно, для целей внутренней службы, - сюда включается администрация, наблюдение за заключенными, медицинский персонал лагеря, - для всего этого требовалось 10 процентов всей охраны лагеря.

БАБЕЛЬ. Вы хотите сказать, что 90 процентов были использованы для осуществления внешней охраны лагеря, т.е. на лагерных башнях и т.д. и для сопровождения заключенных на работу?

ХЕСС. Да.

БАБЕЛЬ. Наблюдали Вы, чтобы охрана в той или иной мере плохо обращалась с заключенными, издевалась над ними, или же это можно сказать только о так называемых КАПО ? (лица, завербованные из числа заключенных. Прим.пер.)

8874

H1198 – 0076

H1198 – 0077

ХЕСС. Если и были случаи издевательства над заключенными со стороны охраны, ~~и~~ правда, я сам этого не видел, то они могли быть очень редко, так как все инстанции заботились о том, чтобы как можно меньшее количество эсэсовцев соприкасалось с заключенными, так как с течением времени личный состав охраны настолько ухудшился, что к нему нельзя было больше подходить с такой меркой, как раньше. У нас были тысячи охранников, которые почти не знали немецкого языка, так как были набраны в качестве добровольцев во всех странах, или же это были лица престарелого возраста, 50-60-летние старики совершенно не интересовавшиеся службой. Начальник лагеря должен был все время следить за тем, чтобы эти люди хотя бы мало-мальски выполняли свой долг. Что среди них были элементы, которые позволяли себе издеваться над военнопленными - это совершенно ясно, но подобный элемент не терпели в лагере. Невозможно было управлять этой огромной массой людей, как при выполнении ими работы, так и в лагере только с помощью эсэсовцев. Поэтому повсюду были выделены заключенные, которые следили за работой других, посылали их на работу и т.п., так что руководство внутренней жизнью лагеря было сосредоточено почти целиком в их руках И здесь, конечно, имелось много случаев издевательств, которые нельзя было предотвратить, поскольку ночью в лагере почти вообще не было эсэсовцев; последние имели право входить в лагерь только в определенных случаях. Таким образом, заключенные в той или иной степени находились во власти этих, выдвинутых из их среды начальников.

8875

БАБЕЛЬ. Вы уже говорили о правилах, существовавших для охраны. Но везде существовал также лагерный порядок, которым были предусмотрены наказания для заключенных, допускавших нарушения этого порядка. Какие же наказания были предусмотрены?

ХЕСС. Во-первых, отправка в штрафные роты, т.е. более напряженный труд, худшие условия размещения и прочее; затем заключение в одиночные камеры, в темные одиночные камеры, а особенно строптивых заковывали в кандалы, привязывали. Правда, эта последняя мера наказания была запрещена рейхсфюрером в 1942 г. или в 1943 г., точно я не могу сказать. Имелось еще одно наказание: стоять у входа в лагерь и, наконец, как последняя мера - порка. Накладывать это наказание не имел права ни один начальник лагеря. Он имел право только внести предложение об этом наказании. В отношении мужчин вопрос решал инспектор концлагерей, группенфюрер Шмидт. Когда дело касалось женщин, право решения вопроса оставалось за рейхсфюрером.

БАБЕЛЬ. Вам, вероятно, известно также и то, что имелось два исправительных лагеря для членов СС, на которые иногда смотрели, как на концлагери; находились они в Дахау и Данциг - Матцгау.

ХЕСС. Да, известно.

БАБЕЛЬ. Лагерный порядок в этих лагерях и обращение с членами СС, помещенными в этих лагерях, отличались чем-нибудь от соответствующего порядка других концлагерей?

8876

H1198 - 0078

H1198 – 0079

ХЕСС. Да, оба этих штрафных лагеря подчинялись не инспекции концлагерей, а суду СС и полиции. Я лично не был ни в одном из этих концлагерей.

БАБЕЛЬ. Значит, вам ничего не известно о порядке в них?

ХЕСС. Ничего.

БАБЕЛЬ. У меня нет вопросов к свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас об"является перерыв на 10 минут.

(Перерыв на 10 минут).

ГЕНЗЕЛЬ. (Ассистент защитника СС). У меня есть вопрос к Высокому суду. Для СС назначена вторая защита. Разрешено ли будет ей ставить вопросы?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал давно вынес постановление, согласно которому выступать может только один защитник.

КРАНЦБЮЛЛЕР (защитник Деница). Свидетель, вы сказали только что о том, что люди, принадлежавшие к военно-морскому флоту, осуществляли охрану концентрационных лагерей.

ХЕСС. Да.

КРАНЦБЮЛЛЕР. Шла речь о концентрационных или о трудовых лагерях?

ХЕСС. Речь шла о трудовых лагерях.

КРАНЦБЮЛЛЕР. Скажите, трудовые лагери - это бараки около военных заводов?

ХЕСС. Да, если только они не помещались в зданиях, где собственно и происходили производственные процессы.

КРАНЦБЮЛЛЕР. Мне говорили, что солдаты, которые привлекались к охране трудовых лагерей, были переданы СС?

ХЕСС. Это только частично правильно. Часть этих людей, число которых я сейчас не помню, была действительно принята в СС. Другие отсылались обратно в свои войсковые части или им приходила замена, так что состав все время менялся.

КРАНЦБЮЛЛЕР. Спасибо.

(К микрофону подходит представитель американского обвинения полковник Эймен).

ЭЙМЕН. С разрешения Трибунала я, прежде всего, хотел бы от имени наших британских союзников представить целый ряд документов касательно войск СС, не оглашая их. Это лишь статистические сведения относительно численности охранных войск СС, которые использовались в концентрационных лагерях.

Я прошу показать свидетелю документы Д-745а и Д-745-б, документы Д-746а и б, Д-747, Д-748, Д-749б и Д-750. Один из этих документов является письменным показанием, данным под присягой этим свидетелем.

(Документы передаются свидетелю. Прямой допрос свидетеля полковником Эймеком).

ЭЙМЕН. Свидетель, вы дали одно из этих письменных показаний, которое вам сейчас передали?

H1198 – 0080

H1198 – 0081

ХЕСС. Да.

ЭЙМЕН. Вы знакомы с содержанием других документов?

ХЭСС. Да.

ЭЙМЕН. Вы подтверждаете, что эти цифры верны и правильны?

ХЕСС. Да.

ЭЙМЕН. Хорошо. Это будет документальное доказательство № 810-США.

Свидетель, посещали ли время от времени какие-либо высшие нацистские деятели лагерь Маутхаузен или Дахау, когда Вы там находились?

ХЕСС. Да. ЭМ

ЭЙМЕН. Сообщите, пожалуйста, фамилии этих лиц Трибуналу.

ХЕСС. Я помню, в 1935 году, когда целая группа гаулейтеров приехала в Дахау под руководством рейхсфюрера Гиммлера. ~~Остальных~~ Отдельных лиц я теперь уже не помню.

ЭЙМЕН. Помните Вы, приезжал какой-нибудь министр в один из этих лагерей в Вашу бытность там?

ХЕСС. Имеется в виду посещение 1935 года?

ЭЙМЕН. В любое время, пока Вы находились в одном из этих концентрационных лагерей?

ХЕСС. В 1938 году министр Фрик посетил Заксенаузен вместе с ~~регирунгспрезидентом~~ руководителем района.

ЭЙМЕН. Помните ли Вы каких-либо министром, когда-либо приезжавших туда?

ХЕСС. В Заксенаузен - нет, но в Освенциме - да. Там был министр юстиции.

ЭЙМЕН. Кто это был?

ХЕСС. Это был Тирак.

ЭЙМЕН. А еще кто? Вы помните еще кого-нибудь?

ХЕСС. Да, но я сейчас не могу вспомнить имени.

ЭЙМЕН. Ну, кто же?

ХЕСС. Я уже указывал в протоколе, но сейчас я не помню имени.

ЭЙМЕН. Ну, хорошо. Вы дали показание, что многие приказы о казнях были подписаны Мюллером. Это верно?

ХЕСС. Да.

ЭЙМЕН. Верно ли, что все эти приказы о казнях, как Вы показали, были подписаны...

ШТЕЙНБАУЕР (Защитник подсудимого Зейсс-Инкварта). Простите, господин председатель, здесь пред"являются документы и свидетеля спрашивают о их содержании. Защитники не в состоянии следить за ходом процесса, так как мы не знаем, что в них написано. Я прошу дать указание, чтобы нам также дали возможность ознакомиться с этими документами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Разве копии этих документов не были переданы защите?

ЭЙМЕН. Как выяснилось, роздано только 5 экземпляров. Но здесь еще имеются экземпляры.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну, хорошо. Этот вопрос можно будет рассмотреть и выяснить.

ЭЙМЕН. Свидетель, я спрашивал Вас относительно приказов о казнях, которые (как) Вы показали, были подписаны Мюллером. Понимаете?

ХЕСС. Да.

8880

H1198 – 0082

H1198 – 0083

ЭЙМЕН. Скажите, ведь верно то, что все эти приказы о казнях, которые, как Вы показали, подписывал Мюллер, подписывались также по приказу и от имени начальника главного имперского управления безопасности Кальенбруннера?

ХЕСС. Да. Так подписаны были те приказы, которые я получал в оригинале. После моей работы в Ораниенбурге я получал бумаги, на которых имелась подпись "За нач.главного имперского управления безопасности: Мюллер".

ЭЙМЕН. Другими словами, Мюллер подписывал приказы лишь в качестве заместителя начальника РСХА Кальтенбруннера. Разве это не так?

ХЕСС. Повидимому, так.

ЭЙМЕН. И, конечно, Вам известно, что Мюллер был подчинен начальнику главного имперского управления безопасности Кальтенбруннеру?

ХЕСС. Да, это верно.

ЭЙМЕН. Свидетель, Вы дали письменные показания под присягой по требованию обвинения?

ХЕСС. Да.

ЭЙМЕН. Я прошу, чтобы свидетелю показали документ номер 3868-ПС, который я представляю Трибуналу в качестве документального доказательства за № США-818.

Свидетелю передается документ.

Вы подписали это письменное показание добровольно, свидетель?

ХЕСС. Да.

ЭЙМЕН. И это письменное показание, данное под присягой, верно во всех отношениях?

ХЕСС. Да.

ЭЙМЕН. Господа судьи, мы имеем это письменное показание на четырех языках.

Вы уже частично осветили нам некоторые вопросы, которые содержатся в этом письменном показании. Поэтому я опущу некоторые части этого показания. Следите, пожалуйста, за текстом, когда я буду читать. Экземпляр письменного показания перед вами?

H1198 – 0084

H1198 – 0085

ХЕСС: Да.

ЭЙМЕН: Я опускаю первый абзац и начинаю со второго:

"Я постоянно имел дело с администрацией концлагерей, начиная с 1934 года, и служил в Дахау до 1938 года. Затем с 1938 года до 1 мая 1940 года я был ад"ютантом начальника лагеря Заксенхаузен. Затем я был назначен начальником лагеря в Освенциме. Я был начальником лагеря Освенцим до 1 декабря 1943 года. Я думаю, что по крайней мере 2.500 тысяч жертв было там истреблено и казнено путем отравления их в газовых камерах и сожжением, и по крайней мере еще полмиллиона человек погибло от голода и болезней. Таким образом, общая цифра погибших достигает приблизительно 3-х миллионов человек, т.е. 70 или 80 процентов всех лиц, посланных в Освенцим в качестве заключенных. Остальные заключенные попали в число отобранных для использования на принудительных работах в промышленных предприятиях, которые имелись при концлагерях. Среди казненных и сожженных лиц имелось примерно 20 тысяч русских военнопленных, которые были предварительно из"яты гестапо из лагерей для военнопленных. Эти военнопленные были доставлены в Освенцим в армейских эшелонах офицерами и солдатами регулярной германской армии. Среди остальных погибших было примерно 100 тысяч немецких евреев и множество лиц, принадлежавших в большинстве случаев к еврейской национальности из Голландии, Франции, Бельгии, Польши, Венгрии, Чехословакии, Греции и других стран. В течение лета 1944 года только в Освенциме мы казнили, примерно, 400 тысяч венгерских евреев".

Это все правильно, свидетель?

ХЕСС: Да.

ЭЙМЕН: Теперь я опущу несколько первых строк третьего абзаца и начну с середины его.

"До того, как было создано главное имперское управление безопасности, арестами и направлением в концлагери, наказаниями и казнями в этих лагерях ведали гестапо и имперский отдел уголовной полиции. После учреждения главного имперского управления безопасности все эти функции выполнялись по-прежнему, но уже согласно приказам, подписанным Гейдрихом как начальником главного имперского управления безопасности. Когда Кальтенбруннер находился на посту начальника главного имперского управления безопасности, все приказы о превентивном заключении, о ссылке, наказании и особых казнях подписывал Кальтенбруннер или Мюллер, начальник гестапо, в качестве заместителя Кальтенбруннера".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В интересах точности - последняя дата второго абзаца - это что - 1943 или 1944 год?

ЭЙМЕН: Я полагаю - 1944 год./Обращается к свидетелю/: Скажите, свидетель, правильна ли дата в конце второго абзаца, в том месте, где говорится о том, что только в Освенциме в течение лета 1944 года было казнено 400.000 венгерских евреев Это - было в 1944 или в 1943 году?

ХЕСС: 1944 год. Частично число это относится и к 1943г., но только частично. Я не могу сейчас точно указать количества, во всяком случае, конец относится к осени 1944 года.

ЭЙМЕН: Хорошо.

"4/ Массовое истребление путем отравления газом началось летом 1941 года и продолжалось до осени 1944 года. Я лично осуществлял наблюдение за казнями в Освенциме до 1 декабря 1943г. Благодаря своей инспекторской должности, занимаемой мною в концлагерях в течение долгого времени, мне известно, что эти массовые казни продолжались так же, как и раньше. Все массовые казни путем удушия в газовых камерах проводились по непосредственному распоряжению, под наблюдением и на ответственность главного имперского управления безопасности. Все распоряжения

H1198 – 0086

H1198 – 0087

о выполнении этих массовых казней я получал непосредственно от него".

Свидетель, эти показания, верны и соответствуют действительности?

ХЕСС: Да.

ЭЙМАН: "5/ 1 декабря 1942 года я был назначен начальником 1 отдела группы "Д" главного административно-хозяйственного управления. На этом посту я занимался координированием всех вопросов, возникавших между РСХА и концлагерями, находившимися в ведении главного административно-хозяйственного управления. Я оставался на этом посту до самого конца войны. Поль, бывший начальником главного административно-хозяйственного управления, часто вел письменные и устные переговоры по вопросам, касавшимся концлагерей".

Вы уже сообщили нам, об об"емистом отчете, который Вы привезли Кальтенбруннеру в Берлин. Поэтому я опускаю остальную часть 5-го абзаца.

"6. Окончательное разрешение еврейского вопроса означало полное уничтожение всех евреев в Европе. В июне 1941г. мне было приказано позаботиться об оборудовании для истребления их в Освенциме. В то время в генерал-губернаторстве существовали 3 лагеря уничтожения: Бельзен, Треблинка и Вольцек. Эти лагери подчинялись эйнзатцкомандам полиции безопасности и СД. Я поехал в лагерь Треблинка, чтобы ознакомиться с тем, как там проводилось истребление. Начальник лагеря в Треблинке сказал мне, что он ликвидировал 80 тысяч человек в течение полугода. Он занимался, главным образом, истреблением евреев из варшавского гетто. Он применял газ монооксидин, но считал, что этот метод не очень эффективен. Поэтому, когда я устроил в Освенциме помещение для уничтожения, я применял циклон Б – кристал-

лизованную синильную кислоту, которую мы бросали в камеру смерти через небольшое отверстие. В зависимости от климатических условий в этой камере люди умирали в течение 3-15 минут. О наступившей смерти мы узнавали по тому, что находившиеся в камере люди переставали кричать. Перед тем, как открывать двери, чтобы убрать трупы, мы выжидали обычно с полчаса. После того, как трупы были вынесены, наши особые команды занимались тем, что снимали с жертв кольца и извлекали золотые зубы".

Все это правда и соотьетствует действительности, свидетель?

ХЕСС: Да.

ЭЙМЕН: Кстати, что делали с золотом, которое вынимали изо рта трупов, вы это знаете?

ХЕСС: Да.

ЭЙМЕН: Скажите же это Трибуналу.

ХЕСС: Золото расплавлялось и передавалось главному санитарному управлению СС в Берлине.

ЭЙМЕН: "7/ Другое усовершенствование, которое мы провели по сравнению с лагерем Треблинка, было то, что мы построили нашу газовую камеру так, что она могла вместить 2.000 человек одновременно, а в Треблинке десять газовых камер вмещали по 200 человек каждая. Жертв мы выбирали таким образом: в Освенциме два дежурных врача осматривали заключенных, прибывающих эшелонами. Заключенных направляли к одному из врачей, который тут же на месте принимал решение. Пригодных к работе направляли в лагерь, остальных же немедленно посылали на фабрики истребления. Маленьких детей истребляли всех, так как они не могли работать.

8886

H1198 – 0088

H1198-0089

Еще одно усовершенствование, которое мы ввели по сравнению с Треблинкой. В Треблинке жертвы всегда знали, что они умрут; у нас жертвы думали, что их подвергнут санобработке. Конечно, часто они догадывались о наших действительных намерениях и иногда начинались бунты и возникали затруднения. Очень часто женщины пытались спрятать своих детей под одеждой, но, конечно, когда мы обнаруживали их, мы отправляли их в камеры уничтожения. Нам было приказано проводить все это истребление тайно, но ужасающий и тошнотворный смрад от постоянного сжигания трупов заполнял всю территорию и все население, проживающее в окрестностях, знало, что в Освенциме проводилось истребление людей".

Скажите, свидетель, все это правильно и соответствует действительности?

ХЕСС: Да.

ЭЙМЕН: Теперь я пропущу параграфы 8-й и 9-й, где говорится о медицинских экспериментах, о которых Вы уже дали показания. Перехожу к параграфу 10-му.

"10. Рудольф Мильднер был начальником гестапо в Катовицах примерно с марта 1941 года до сентября 1943 года. В качестве такового он часто посылал в Освенцим пленних для заключения или казни. Несколько раз он сам приезжал в Освенцим. Трибуналы, гестапо и штандгерихт СС, которые судили лиц, обвиняемых в различных преступлениях, как например, побег военнопленных и т.д., часто заседали в Освенциме, и Мильднер нередко присутствовал на разбирательстве дел таких лиц, которых обычно казнили в Освенциме вслед за вынесением приговора. Я показал Мильднеру весь ~~кабинет~~ комбинат истребления в Освенциме; он был в этом непосредственно заинтересован, так как он должен был посылать евреев со своей территории для истребления в Освенцим".

"Я понимаю английский язык, как об этом сказано выше. Вышеприведенные показания правильны; это показание было дано мной добровольно и без принуждения; я подписал его по прочтении 5 апреля 1946 г. Нюрнберг".

Теперь я спрашиваю Вас, свидетель, правильно ли все то, что я зачитал Вам?

ХЕСС: Да.

ЭЙМЕН: На этом я заканчиваю перекрестный допрос. Имеется еще один документ, который наши британские коллеги хотели бы передать Трибуналу. Это - перечень документов, которые были представлены мною Трибуналу в начале перекрестного допроса. Это будет документ № 819. Это - перечень всех документов относительно войск СС, которые я представил в начале перекрестного допроса.

8888

H1198 – 0090

H1198 – 0091

Я думаю, Ваша честь, что теперь представители советской и французской делегаций желают задать этому свидетелю один - два вопроса, непосредственно относящиеся к их стране.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал Руденко, Вы помните, что Обвинение заверило Трибунал, что, поскольку речь идет о свидетелях, то, за исключением одного-двух подсудимых, всего лишь одно лицо от обвинения может подвергать перекрестному допросу свидетелей. Однако, с тех пор, как было дано это заверение, уже вторично обвинение выдвигает более одного представителя для перекрестного допроса свидетелей.

РУДЕНКО: Правильно, господин председатель, что обвинение в свое время сделало такое сообщение Трибуналу, но обвинение оговорило свои права в тех случаях, когда будет необходимо, поскольку здесь обвинение представляет четыре страны, в необходимых случаях каждый из обвинителей вправе поставить вопрос подсудимому или свидетелю по интересующим нас вопросам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не могли бы Вы указать, какого характера вопросы намеревается задать советское обвинение, т.е. на какую тему эти вопросы? Я не имею в виду точно самый текст этих вопросов, я имею в виду их тему.

РУДЕНКО: Я понимаю. Сейчас полковник Покровский, который намерен ... доложить Трибуналу.

ПОКРОВСКИЙ: Господин председатель, разрешите доложить, что нас интересует некоторое количество вопросов, касающихся уничтожения миллионов советских граждан, и некоторые подробности, связанные с этим уничтожением. По поручению французской делегации, я хотел бы задать два-три вопроса, связанных с теми документами, которые в свое время в книге документов французского обвинения представлялись Трибуналу

под № Ф-7709/а, в целях уточнения этой документации. Вот, собственно, и все. Но эти вопросы для нас имеют очень большое значение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Покровский, как сейчас уже было указано, Трибунал, с согласия обвинения, вынес решение, что один только представитель от обвинения должен подвергать свидетеля перекрестному допросу. В Уставе нет никаких указаний о том, что каждый обвинитель может подвергать перекрестному допросу свидетелей. Напротив, там имеется статья 18, предписывающая Трибуналу принимать строгие меры для того, чтобы избежать каких-либо необоснованных задержек. По мнению Трибунала, в данном случае весь вопрос уже полностью охвачен, и Трибунал считает правильным придерживаться установленного порядка. Поэтому суд не желает, чтобы перекрестный допрос продолжался.

Д-р Кауфман, Вы хотите подвергнуть свидетеля повторному допросу?

/Вторичный допрос свидетеля доктором Кауфманом/.

КАУФМАН: Свидетель, в письменном показании, данном под присягой, которое только что было предъявлено, Вы в пункте 2-ом говорите: "... по крайней мере еще полмиллиона человек погибло от голода и болезней". Я спрашиваю Вас, когда люди начали умирать от голода? Относится этот факт к концу войны или Вы констатировали его раньше?

ХЕСС: Нет, все это относится к последним годам войны, начиная с 1942г.

КАУФМАН: В пункте 3 письменного показания, данного под присягой... оно перед Вами?

H1198 – 0092

H1198 – 0093

ХЕСС: Нет.

КАУФМАН: Могу я попросить еще раз передать свидетелю этот документ?

/Документ снова передается свидетелю/.

В пункте 3 в конце Вы говорите, что : "Приказы о превентивном заключении, о ссылке, о наказании и особых казнях подписывал Кальтенбруннер или Мюллер, начальник гестапо, в качестве заместителя Кальтенбруннера". Но это противоречит тому, что было сказано Вами ранее?

ХЕСС: Нет. Я дополнил сказанное, когда я говорю, что я видел очень мало приказов за подписью Кальтенбруннера и что большинство приказов имело подпись Мюллера.

КАУФМАН: В пункте 4, в конце Вы заявили: "Все массовые казни путем удушения в газовых камерах производились по непосредственному распоряжению, под наблюдением и на ответственность главного имперского управления безопасности. Все распоряжения о выполнении этих массовых казней я получал непосредственно от него". Ваши показания, которые Вы дали суду ранее, сводились к тому, что все распоряжения относительно этих мероприятий Вы получали непосредственно от Гиммлера через им лично назначенного Эйхмана. Вы подтверждаете это?

ХЕСС: Да, подтверждаю.

КАУФМАН: Последней фразой пункта 4 Вы противоречите тому, что Вы говорили ранее?

ХЕСС: Нет. Говоря о массовых казнях и называя главное имперское управление безопасности, я имею в виду обер-

штурмбаннфюрера Эйхмана.

КАУФМАН: В пункте 7, я не буду его зачитывать, Вы говорите, что, несмотря на то, что уничтожение людей производилось тайным образом, население окрестных местностей все-таки подозревало о нем. Я спрашиваю Вас, не проводилось ли также и ранее, до начала этих особых мероприятий по уничтожению, сжигание людей нормальным образом умерших в Освенциме?

ХЕСС: Когда большой крематорий еще не был отстроен, а имелся только временный, мы сжигали покойников в больших ямах, так как не было возможности сжигать все трупы во временных крематориях лагеря. Много трупов - я не могу сейчас точно сказать цифры - было погребено в массовых могилах, где позднее эти трупы сожгли. Так было до того, как началось массовое истребление евреев.

КАУФМАН: Будете Вы согласны со мной, если я скажу, что судя по только что изложенному Вами факту, нельзя сделать вывода о том, что он являлся признаком уничтожения евреев?

8 892

H1198 – 0094

H1198 – 0095

ХЕСС. Из этого вообще нельзя сделать такого вывода. Население ....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какой вопрос Вы задали?

КАУФМАН. Мой вопрос сводится к следующему: руководствуясь фактами, изложенными в конце пункта 7-го, можно ли сделать тот вывод, что это было так называемое истребление евреев. Я увязывал этот вопрос с предыдущим ответом свидетеля. Это - мой последний вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Последняя фраза седьмого абзаца касалась ужасающего и тошнотворного смрада. Какой вопрос Вы задаете по этому поводу?

КАУФМАН. Я спрашивал, могло ли население на основании этого факта сделать вывод об истреблении евреев?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это уже слишком явный вопрос, не так ли? Население, конечно, не могло знать, кого именно истребляли.

КАУФМАН. Этого достаточно. У меня больше нет вопросов.

ПАНЕНБЕКЕР /защитник подсудимого Фрика/: Я прошу Высокий Суд разрешить мне поставить несколько дополнительных вопросов, так как свидетель на перекрестном допросе заявил, что подсудимый Фрик в 1938 г. посетил концлагери Ораниенбург и Заксенхаузен.

Можно было в 1937-1938 г.г. установить в концлагере Ораниенбург какие-либо факты производившихся зверств?

ХЕСС. Нет.

ПАНЕНБЕКЕР. Почему нет?

ХЕСС. Потому, что в то время вообще не могло быть и речи о зверствах.

ПАНЕНБЕКЕР. Правильно ли то, что в то время в конц - лагере Ораниенбург был образцовый порядок и что в основном там проводились мероприятия по культивированию почвы?

ХЕСС. Да, это правильно. Но, главным образом, там работали в деревообделочных мастерских.

ПАНЕНБЕКЕР. Не можете ли Вы рассказать некоторые подробности о том, что показывалось в то время в лагере официальным посетителям?

ХЕСС. Посетителей вели в самый лагерь для заключенных. Они осматривали там жилые помещения, кухню, лазарет и, наконец, все хозяйственные помещения, главным образом те, в которых работали заключенные

ПАНЕНБЕКЕР. Помещения, в том числе и лазареты, были в то время уже переполнены?

ХЕСС. Нет, размещение заключенных было вполне нормальным.

ПАНЕНБЕКЕР. Как же примерно выглядели эти помещения?

ХЕСС. В то время эти помещения ничем не отличались от помещений, где размещаются войска во время маневров. У заключенных было постельное белье и все, что требовалось в смысле гигиены. Тогда все еще было в безупречном порядке.

ПАНЕНБЕКЕР. Это все. У меня нет больше вопросов.

ВИДДЛ /Член Трибунала/: Свидетель, каково было максимальное число трудовых лагерей, существовавших в какой-либо период времени?

ХЕСС. Я не могу сказать этого точно, я думаю насчитывалось, примерно, 900 трудовых лагерей.

H1198 - 0096

H1198 – 0097

БИДДЛ. Сколько человек находилось в этих 900 лагерях?

ХЕСС. Этого я также не могу сказать. В различных лагерях было очень различное количество заключенных: от 100 до 10.000 человек. Я не могу назвать общего числа заключенных во всех лагерях.

БИДДЛ. В чьем ведении находились трудовые лагери, кто ими распоряжался?

ХЕСС. По вопросам охраны, руководства и снабжения трудовые лагери подчинялись главному административно-хозяйственному управлению. По вопросам труда и питания они зависили от фирм, от военных фирм, которые давали заключенным работу.

БИДДЛ. Каковы были условия в этих трудовых лагерях к концу войны? Скажите, были ли они подобны условиям, которые существовали в концлагерях и о которых Вы нам говорили ранее?

ХЕСС. Да, потому что не было больше никакой возможности переводить больных заключенных в настоящие концлагеря, количество людей в трудовых лагерях и смертность в них были очень велики.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель может итти. /Свидетеля уводят/.

Д-р КАУФМАН, на этом заканчивается представление Вами материалов по защите?

КАУФМАН. Господин председатель, с разрешения суда я вызвав еще одного свидетеля - Нейбахера.

/Входит свидетель Герман Нейбахер/.

8195

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как ваше полное имя?

СВИДЕТЕЛЬ: Герман Нейбахер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги. "Клянусь богом, всемогущим и всеведующим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/Свидетель повторяет слова присяги/.

Можете садиться.

/Свидетель садится/.

/Прямой допрос свидетеля доктором Кауфманом/.

КАУФМАН: Свидетель, какую должность вы занимали до и во время войны?

НЕЙБАХЕР: Во время войны я в течение 5 лет выполнял дипломатические поручения за границей. До войны я был бургомистром города Вены.

КАУФМАН: Знаете Вы подсудимого Кальтенбруннера?

НЕЙБАХЕР: Да, я знаю его.

КАУФМАН: С какого времени Вы его знаете?

НЕЙБАХЕР: Я познакомился с Кальтенбруннером в 1934 году в Австрии по случаю кампании инженера Рейнтгалера. Я видел его еще раз, это было после присоединения Австрии.

КАУФМАН: В 1943 году Кальтенбруннер был назначен начальником главного имперского управления безопасности. Известен Вам этот факт?

НЕЙБАХЕР: Этот факт мне известен.

КАУФМАН: Вы не знаете, охотно Кальтенбруннер вступил на этот пост?

НЕЙБАХЕР: Кальтенбруннер говорил мне, - это было, вероятно, в конце 1943 года, - что он не хотел вступать на этот пост. Он три раза отказывался от этого предложения, но затем получил приказ в военном порядке. Он добавил, что он заручился

8896

H1198 – 0098

H1198 – 0099

словом, что после войны его отпустят с этой должности.

КАУФМАН: Сделали вы какие-нибудь наблюдения, по которым можно бы было судить, как Кальтенбруннер как начальник главного имперского управления безопасности представлял себе свои задачи.

НЕЙ-БАХЕР: Когда я по служебным делам приезжал в центральное управление, я несколько раз имел беседу с Кальтенбруннером по вопросам, которые касались службы заграничной информации и внешней политики.

КАУФМАН: Главному имперскому у-правлению безопасности подчинялась государственная тайная полиция /гестапо/. Известен вам этот факт?

НЕЙБАХЕР: Да.

НАУФМАН: Зная личность подсудимого, Вы,может быть, ответите на вопрос: имел Кальтенбруннер какие-нибудь специальные знания и склонность к тому, чтобы принять на себя полицейские полномочия?

НЕЙБАХЕР: Насколько я знаю Кальтенбруннера, у него не было никаких специальных знаний в области полицейской работы, когда он вступал на этот пост. В 1941 году он даже хотел расстаться со своей полицейской карьерой.

КАУФМАН: На чем Вы основываетесь в этом утверждении?

НЕЙБАХЕР: Я был тогда особым уполномоченным по экономическим вопросам в Румынии. Кальтенбруннер сказал мне, что он не любит свое полицейское поприще, ничего не понимает в деле и не чувствует к нему никакого призвания, но что он интересуется вопросами внешней политики.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кауфман, Трибунал не считает, что подобные доказательства должны приводиться здесь. То, что Кальтенбруннеру не нравилось его официальное положение, не

может играть никакой роли.

КАУФМАН: Кальтенбруннера называли преемником Гейдриха. Соответствует ли это определение истине в полном смысле этого слова?

НЕЙБАХЕР: Нет, я утверждаю это на том основании, что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это - спорный вопрос. Мнение этого свидетеля не имеет отношения к должности Кальтенбруннера. Свидетель не может давать показания относительно того, называли ли Кальтенбруннера преемником Гейдриха или вторым Гейдрихом.

КАУФМАН: Но обвинение вкладывает отрицательный смысл в слова, когда оно говорит о том, что Кальтенбруннер является преемником пресловутого Гейдриха, имевшего дурную славу. Этот свидетель знает обоих. Поэтому мне кажется...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель уже признал, что он был преемником Гейдриха. Вы можете спросить его, не был ли он вторым Гейдрихом.

КАУФМАН: Скажите, его называли вторым Гейдрихом?

НЕЙ-БАХЕР: Гиммлер сам сказал...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что свидетель в этом не компетентен.

КАУФМАН: Я понимаю. Я перехожу к следующему вопросу.

Можете Вы об"яснить, почему Гиммлер назначил именно Кальтенбруннера?

НЕЙБАХЕР: Из того, что Гиммлер говорил мне...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что свидетель не может дать каких-либо показаний о том, что думал Гиммлер. Гиммлер его назначил.

КАУФМАН: Насколько это мне известно, свидетель сообщит кое-что из своей беседы с Гиммлером, которая проливает свет на то, что Гиммлер специально выбрал Кальтенбруннера, потому

H1198 - 0100

H1198 – 0101

что он совершенно его не боялся. Обвинение утверждает как раз противное. Он знает, что это совершенно неверно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что Вы не можете спрашивать о том, что сказал Гиммлер о его назначении, если он вообще что-нибудь сказал этому свидетелю. Вы можете спросить его, что Гиммлер сказал Кальтенбруннеру по поводу его назначения.

КАУФМАН: Начинайте, свидетель.

НЕЙ-БАХЕР: Что касается разговора с Гиммлером, то когда я в его бюро в главной ставке рассматривал маску Гейдриха, Гиммлер сказал мне, что со смертью этого человека он понес невозвратимую утрату, что после Гейдриха ни один человек не в состоянии руководить этим колоссальным управлением. Это мог делать только человек, создавший это управление. На мой вопрос, не подходил ли на эту должность Кальтенбруннер, Гиммлер заявил следующее:

"Конечно, это интересует Вас как австрийца. Кальтенбруннер должен будет вработаться. В настоящее время он с большим усердием занимается делами, которые Вас интересуют, т.е. службой иностранной информации".

Это то, что сказал Гиммлер.

КАУФМАН. Знаете ли Вы что-либо о том,что Кальтенбруннер в 1943 году вскоре после того,как он приступил к своей работе,прилагал много усилий к тому,чтобы добиться переговоров с заграницей,так как он считал военное положение Германии того времени бесперспективным?

НЕЙБАХЕР. Как это мне известно из ряда бесед и совещаний,Кальтенбруннер всегда искал возможности начать переговоры с враждебными странами.Он был того убеждения,что мы не сможем благополучно выйти из этой войны без широкого применения всех методов внешней политики. Более детально на тему о войне я с ним не говорил. В Германии приговаривали к смертной казни каждого,кто хотя бы в беседе с глазу на глаз выражал сомнение в победе Германии.

КАУФМАН. Поддерживал Вас Кальтенбруннер в Ваших стремлениях по возможности ослабить политику террора в Сербии?

НЕЙБАХЕР. Да,я очень многим в этой области обязан поддержке Кальтенбруннера. Германские полицейские инстанции в Сербии знали в отношении меня и Кальтенбруннера,что Кальтенбруннер,как начальник службы иностранной информации,безоговорочно поддерживал мою политику на юго-востоке. Благодаря этому мне удалось оказать влияние также и на полицейские инстанции.А поддержка Кальтенбруннера была мне дорога в моих стремлениях с помощью благоразумных офицеров уничтожить существовавшую доныне систему коллективной ответственности и репрессалий.

КАУФМАН. Вам известны принципиальные установки Кальтенбруннера в еврейском вопросе?

НЕЙБАХЕР. Я только однажды имел очень короткую беседу с Кальтенбруннером по этому вопросу.Когда начали усиливаться слухи о систематически проводимой акции,я спросил Кальтен-

8900

H1198 -0102

H1198 – 0103

бруннера, что в них правда? Кальтенбруннер заявил мне только, что это "особая акция", которой руководит не он. Он постарался показать, что он далек от этого. А позднее, мне кажется, в начале или в конце 1944 года, он сообщил мне, что в отношении к евреям принят новый курс. Он сообщил мне это тоном человека, который хвалится своими успехами.

КАУФМАН. Кальтенбруннера характеризуют как властолюбивого человека. Я хочу спросить Вас, не знаете ли Вы, каким был его образ жизни?

НЕЙБАХЕР. Образ жизни Кальтенбруннера был очень простым. Он никогда не приобретал состояния ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Обвинение не называло его "властолюбивым". Он не обвиняется в том, что он был властолюбив.

КАУФМАН. Властолюбив и жесток. Оба эти слова были употреблены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Быть "властолюбивым" и быть "жестоким" - это совершенно различные вещи.

КАУФМАН. Да, но я спрашиваю пока только про первое слово.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я хотел бы знать, где были употреблены эти выражения?

КАУФМАН. В обвинении содержатся оба слова: "властолюбивый" и "жестокий".

БИДДЛ. Во всяком случае, не в обвинительном заключении. Мы не находим в обвинительном заключении слов: "властолюбивый и жестокий". Мы не помним, чтобы во время выступления обвинения было сказано что-либо подобное.

H1198-0104

КАУФМАН. Иначе я бы не записал этого. В обвинительном заключении имеется страница с заголовком: "Выводы и заключение". Я ссылаюсь на последний абзац. Там говорится:

"Как и все прочие нацисты, Кальтенбруннер был властолюбив. Чтобы обеспечить себе власть, он начертал свое имя кровью, имя, которое всегда останется в памяти, как символ жестокости..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Где это Вы читаете?

КАУФМАН. Обвинительное заключение, последняя страница, которая озаглавлена: "Выводы и заключение".

ДОДД. Я думаю, что я могу внести ясность в этот вопрос. Защитник оглашает одно место из моих документов, которые не были представлены Суду в качестве доказательства, но были переданы защитнику.

КАУФМАН. Если в дальнейшем не будут этим оперировать, то мне не нужно ставить никаких вопросов.

Перехожу к следующему моменту.

Вам известно что-нибудь о том, что Кальтенбруннер издал приказ об эвакуации концлагерей?

НЕЙБАХЕР. Нет.

КАУФМАН. Руководствуясь Вашим собственным опытом и наблюдением, Как Вы считаете, Кальтенбруннер, будучи начальником этого управления, сделал все для того, чтобы воспрепятствовать или ослабить мероприятия, которые носили столь бесчеловечный характер?

НЕЙБАХЕР. Я должен обратить Ваше внимание на то, что я 5 лет находился за границей, так что относительно внутреннего развития Германии я мог сделать лишь небольшие наблюдения. Насколько я знаю Кальтенбруннера, я не сомневаюсь в том, что он поддался иллюзии, что он может оказать влияние на все эти мероприятия. Но он был абсолютно не способен на это.

КАУФМАН. Я перехожу к последнему вопросу. Известен ли Вам случай, когда он приложил все усилия к тому, чтобы, вопреки действиям полиции в Сербии, освободить двух патриархов ортодоксальной церкви?

НЕЙБАХЕР. Да, этот факт мне извеатен. Оба патриарха ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какое это имеет отношение к Кальтенбруннеру?

КАУФМАН. Его обвиняют в том, что он во всей своей политике преследовал церковь. Обвинение упорно утверждает, что Кальтенбруннер преследовал церковь с целью уничтожения христианства, и это - я могу с уверенностью сказать, - значится в протоколе. В этой связи я и ставлю свой вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ответ на Ваш вопрос не является опровержением какого-либо обвинения, пред'явленного Кальтенбруннеру, не правда ли?

КАУФМАН. Если подсудимый намеревался искоренить церковь, то он не стал бы предпринимать мер, которые преследуют совершенно противоположную цель. Это свидетель сможет доказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это относится к церкви или к отдельным лицам?

КАУФМАН. Да, к отдельным лицам, но лицам, которые являются представителями церкви. Нельзя же отделять дело от человека.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал считает, что вопрос не относится к делу.

КАУФМАН. В таком случае я заканчиваю допрос этого свидетеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы об'являем перерыв.

мс, вв, лт
нд

(Перерыв до 14 часов).

8903

H1198 - 0105

H1198 – 0106

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 15 апреля 1946 года

(ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ)

Встать ! Суд идет !

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Доктор Кауфман, Вы закончили допрос?

КАУФМАН.Я закончил допрос этого свидетеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Спасибо.Желает кто-либо еще из защитников задать ему вопросы ?

ЗАУТЕР(защитник подсудимого Функа). Господин председатель,у меня есть несколько вопросов к свидетелю,которые, конечно, не имеют отношения к делу Кальтенбруннера,но относятся к теме,которая позже будет обсуждаться в связи с делом Функа.Свидетеля можно допросить лишь один раз,поэтому я не могу поступить иначе,как сейчас задать ему вопросы,которые практически лучше было бы задать позже.

(Перекрестный допрос свидетеля Германа Нейбахера).

Господин свидетель,Вы сегодня сказали,что Вы ведали экономическими вопросами,связанными с заграницей,и были в Румынии.Правильно ли,что во время Вашей деятельности в Румынии Вы были также уполномочены представлять экономические интересы в Греции ?

НЕЙБАХЕР.Осенью 1942 года,вне зависимости от моей работы в Румынии,я получил особое задание совместно с итальянским экспертом по финансовым вопросам министром Д'Агостино путем различных мероприятий воспрепятствовать окончательному упадку валюты и расстройству хозяйства в Греции.

ЗАУТЕР.Господин свидетель, соответствовало ли Ваше назначение на этот трудный пост Вашему образованию и имевшемуся у Вас тогда опыту?Скажите нам кратко,какие посты занимали Вы

прежде?Я задаю этот вопрос с тем,чтобы составить себе представление - могли ли Вы вообще выполнить такое задание в Греции? Но,пожалуйста,господин свидетель,будьте кратки.

НЕЙБАХЕР:Я был одним из первых экономических руководителей в Австрии.В 28 лет я был директором,в 30 лет-старшим директором Венского общества по делам поселений.В 33 года я руководил большим концерном по промышленному строительству и стройматериалам.Я был членом австрийского национального банка, членом австрийского таможенного совета,членом русского кредитного комитета города Вены и членом экспертной комиссии по ликвидации дел австрийского кредитного общества.

Таким образом,у меня был уже достаточный опыт экономической работы для выполнения такого поручения.

Кроме того,я был в курсе экономических проблем Балкан, так как последнее время я занимался ими в центральном финансовом управлении концерна"Фарбениндустрие"в Берлине.

ЗАУТЕР: Господин свидетель,несколько дней тому назад, когда я был у Вас в тюрьме,я пред'явил Вам отчет комиссии королевского греческого правительства Международному Военному Трибуналу.Я просил Вас прочитать его и высказать свое мнение. Правильно ли то,что здесь утверждают? Господин председатель, это - документ СССР-358.Я повторяю СССР-358, УК-28.

В этом отчете комиссии,господин свидетель,обстоятельства дела излагаются так,как будто бы немецкие органы (а это,в конц концов,подсудимый Функ) совершенно расстроили экономику Греции самую Грецию разграбили и т.д.

Я прошу Вас,не останавливаясь на деталях,коротко осветить Ваше общее мнение по этому вопросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал Руденко, пожалуйста.

8205

H1198-0107

H1198 -0108

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Господин председатель,я хочу сделать Трибуналу следующее заявление:

Отчет греческого правительства представлен Международному Военному Трибуналу Советским Обвинением в порядке статьи 21-й Устава.Мне думается,что вопрос защиты к данному свидетелю о том,чтобы он по этому вопросу высказался,должен быть отведен, так как свидетель не компетентен давать заключение по отчету греческого правительства.Защитник может поставить конкретный вопрос по какому-либо отдельному факту.

ЗАУТЕР:Господин председатель,я могу,если Суд этого желает,поставить отдельные вопросы.В таком случае допрос продлится несколько дольше.Однако,если представитель Советского Обвинения этого хочет,я согласен.

Таким образом, разрешите спросить свидетеля.

Господин свидетель, правильно ли...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подождите минутку.Доктор Заутер, что именно Вы хотите спросить свидетеля в связи с этим отчетом ?

ЗАУТЕР: В этом отчете греческого правительства,пред'явленном русским Обвинением,утверждается,что,например, оккупировав Грецию,Германия разграбила эту страну,что она в некоторой степени виновата в возникшем голоде,так как из страны вывозилось чрезвычайно большое количество товаров,на страну были возложены непомерно высокие расходы по содержанию оккупационной армии, страна терпела большие убытки из-за применявшейся системы клиринга и т.д.Допрашивая свидетеля,который занимался тогда этими проблемами,будучи экономическим экспертом в Греции от министерства иностранных дел Германии,я хочу доказать следующее:

во-первых,что эти утверждения неправильны;во-вторых,такое состояние экономики было налицо при вступлении немецких войск, таким образом, оно не было вызвано действиями немецких учреждений; в-третьих,что как раз подсудимый Функ очень много сделал, чтобы улучшить положение Греции в вопросе оплаты клиринговых долгов и что главное - он распорядился о переводе большого количества золота в Грецию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Разве Вы не можете задать несколько кратких вопросов,чтобы показать,что та программа,которую проводил этот свидетель в Греции,соответствовала международным законам и не была несправедливой по отношению к Греции?Если Вы можете это показать,то ведь это вполне удовлетворит Вас,не правда ли?

ЗАУТЕР: Я хотел это сделать,и свидетель сделал бы это сам,само собой разумеется.

Таким образом,господин свидетель,знаете ли Вы что-либо о том,как немецкие экономические руководящие инстанции и,в частности,подсудимый Функ относились к вопросу о клиринговых долгах и к вопросу о системе клиринга в Греции ?

НЕЙБАХЕР: Относительно финансовых взаимных обязательств я как-то беседовал с имперским министром финансов Шверинг-Крозиком.Предполагалось,что несколько позже,после войны,требования и контртребования будут выработаны на основании единого курса.

ЗАУТЕР:Как же во время войны разрешался этот вопрос об обмене товаров по системе клиринга?

НЕЙБАХЕР: Я могу рассказать об экономическом положении Греции на основании моих собственных наблюдений только с конца октября 1942 года,когда я в первый раз появился в Афинах.Тогда

8984

H1198 – 0109

H1198 – 0110

греческая валюта уже в значительной степени была нарушена, на три тысячи процентов повысилась стоимость банкнотов, находившихся в обращении. Нарушения в экономике Греции возникли в результате того, что наряду с прогрессировавшей инфляцией была предпринята попытка ввести планирование хозяйства и установить максимально высокие цены по образцу Германии. Это, естественно, повлекло за собой то, что продавцы греческих товаров терпели большие убытки, когда оплата по счетам производилась позднее. С другой стороны, импортеры немецких товаров получали колоссальную прибыль, так как они оплачивали по клирингу, исходя из курса марки 1 : 60, а затем продавали по курсу, примерно, 1 : 30.000. Этот хаос, вызванный инфляцией и попыткой установить плановое хозяйство по немецкому образцу, мог быть устранен только путем превращения черного рынка в Греции в свободную торговлю. Это сделали оба эксперта держав оси в конце октября 1942 года, и им удалось достичь чрезвычайного успеха. В течение нескольких недель все предприятия и все рынки заполнились товарами и продовольствием, цены на продукты снизились в пять раз, а на промышленные товары - почти в десять раз.

Несмотря на прогрессировавшую инфляцию, этот успех продолжался в течение 4-х месяцев.

ЗАУТЕР: Г-н доктор Нейбахер, правильно ли, что подсудимый Функ, который тогда был имперским министром хозяйства, в беседах и в переписке с Вами прилагал очень много усилий к тому, чтобы, несмотря на недостаток товаров в Германии, в значительном количестве экспортировать их из Германии и других европейских стран как раз в Грецию ?

НЕЙБАХЕР: Я и министр Функ, с которым я обсуждал трудности моего поручения, полностью придерживались того мнения, что

в Грецию необходимо поставлять максимум товаров и при том не только продовольствия.Я обеспечил тогда поставку 60 тысяч тонн продовольствия и немецких экспортных товаров,так как бессмысленно бороться с инфляцией или с последствиями инфляции,снижая цены,если в стране нет товаров.Министр Функ всеми средствами поддерживал экспорт товаров в Грецию в целях оздоровления экономики этой страны.

ЗАУТЕР: Известно ли Вам,господин свидетель,что в связи с трудностями Германии транспортировать товары в Грецию,подсудимый Функ приложил много усилий к тому,чтобы эти товары перевозились из Германии в Грецию на кораблях нейтральных держав в сопровождении английских кораблей с целью предотвращения голода,угрожавшего этой стране?

НЕЙБАХЕР: Мне кажется,это было в 1941-1942 г.г.,когда я еще не находился в Греции.В 1943 году наши суда больше не могли плавать в греческих водах,так как их торпедировали,а на железных дорогах непрерывно происходили диверсии и взрывы. Тогда с помощью шведского посла Аляра, который возглавлял международную кампанию по оказании помощи Греции,я начал добиваться получения английского эскорта для судов,направлявшихся с продовольствием в Грецию.Англичане согласились,и,когда мы больше не могли посылать свои транспорты,ежемесячно шведский корабль "Гэларен",выходя из Триеста или Венеции,направлялся с немецким продовольствием для Греции в Пирей .В этом мероприятии значительное участие принимал Функ,бывший тогда министром хозяйства.

Имперский министр хозяйства Функ очень интересовался греческим вопросом,который является единственным в мировой истории экономики,и всеми средствами поддерживал меня во всех

8909

H1198 -0111

H1198-0112

моих начинаниях.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, знаете ли вы что-нибудь о том,что подсудимый Функ прилагал усилия также к тому, чтобы расходы на содержание оккупационной армии были ~~бы~~ по возможности невелики. Известно ли Вам,что он выступал за то,чтобы значительную часть этих расходов возложить на Германию с тем, чтобы освободить Грецию от чрезмерного бремени. Что вы можете сказать по этому поводу?

НЕЙБАХЕР: В подробностях я слишком мало знаю о том, что происходило в Берлине. О положении в Греции я докладывал имперскому министру хозяйства Функу через довольно большие промежутки времени. Мне известно, что, предпринимая что-либо в этой области,он опирался на мои доклады. Он полностью представлял себе, что греческая экономическая проблема во время войны в условиях блокады является настолько трудной,что должны быть предприняты все попытки для того,чтобы воспрепятствовать окончательному обесцениванию валюты и развалу экономики. Он использовал в этом отношении все свое влияние.

ЗАУТЕР: Господин свидетель! Подсудимый Функ действовал в том направлении,чтобы значительно снизить или уничтожить ценность греческой валюты,драхмы, или же, наоборот, он действовал в интересах поддержки стоимости драхмы, в особенности для того,чтобы избежать ужасающего голода? Я прошу вас коротко сказать,что вы знаете по этому поводу?

НЕЙБАХЕР: Господин рейхсминистр Функ прилагал все усилия к тому, что вы только что назвали во вторую очередь. Он доказал это тем,что форсировал экспорт в Грецию и,наконец,по согласованию с управлением по четырехлетнему плану,пошел на самую большую жертву,которую толь-

1910

ко могла принести Германия, перелив Греции большое количество золота с целью замедления процесса инфляции.

ЗАУТЕР: Вы говорите: "большое количество золота". У нас в Германии во время войны было уже очень мало золота. Можете ли вы сказать, сколько золота подсудимый Функ направил в Грецию для того,чтобы таким путем в некоторой степени поддержать греческую валюту и избежать грозившей катастрофы. Каково было количество золота?

НЕЙБАХЕР: В общей сумме в Грецию и Албанию вместе,насколько я могу вспомнить, было направлено один и одна треть миллиона фунтов золота.

ЗАУТЕР: Один и одна третья миллиона фунтов золота?

НЕЙБАХЕР: Греция и Албания приняли их,чтобы поддержать свою валюту. Свыше миллиона фунтов золота было направлено в Афины.

ЗАУТЕР: Последний вопрос к вам,господин свидетель. Правильно ли,что как раз греческие торговцы мешали всем этим попыткам германского экономического руководства и министра хозяйства Функа. Так ли,что,например,имели место случаи ,когда немецкие заводы продавали греческим торговцам немецкие моторы по цене в 60 драхм,т.е. за 60 драхм, которые фактически не имели никакой ценности. Эти же самые моторы, которые греческие торговцы покупали у Германии за 60 драхм,они продавали на месте немецкой армии за 60 тысяч драхм за каждый. Это случаи,которые вы сами установили и о котором сообщили затем подсудимому Функу. Поэтому я и задаю вам этот вопрос. Правильно ли вышеизложенное?

НЕЙБАХЕР: По этому поводу я могу сказать следующее: это действительно имело место,но я хочу заметить,что греческие торговцы должны были так поступать. Это как раз и было следствием инфляции и существования черного рынка. Греческий народ слишком умен,чтобы поддаться инфляции. Каж-

H1198 – 0113

H1198 – 0114

дый ребенок в Греции – торговец. Против подобной легко об'яснимой спекуляции, которая сама по себе не несет аморального характера, можно было выступить лишь, превратив черный рынок в совершенно свободный рынок при помощи исключительно торговых приемов. Тогда подобные случаи прекратились бы.

ЗАУТЕР: Превращение черного рынка в свободный, т.е. решение проблемы, которая имела немаловажное значение и во Франции, удалось достичь благодаря вашим усилиям и усилиям подсудимого Функа?

НЕЙБАХЕР: Да. Я начал борьбу за это вместе с моим итальянским коллегой Д'Агостино в конце октября 1942 года.

ЗАУТЕР: Благодарю вас, господин свидетель. Господин председатель! У меня нет больше вопросов к свидетелю.

ШТЕЙНБАУЭР: /защитник подсудимого Зейсс-Инкварта/: Господин председатель! Высокий Суд!

Я буду задавать свидетелю вопросы в отношении аншлюса Австрии.

Господин свидетель! Вы осветили суду вашу экономическую деятельность. Вы были также одновременно и политическим деятелем?

НЕЙБАХЕР: Моя политическая деятельность состояла в том, что я был руководителем австрийско-немецкого народного союза /фолькебунд/.

ШТЕЙНБАУЭР: Каковы были цели этого союза?

НЕЙБАХЕР: Австрийско-немецкий народный союз был стоящей вне партии и вне какой-то определенной религии организацией, которая преследовала единственную цель ревизии запрета присоединения Австрии к Германии, предусмотренного мирными договорами, и цель решения вопроса о немецко-австрийском об'единении мирным путем – плебисцита – народного голосования. В руководстве этого союза официально были представлены

все партии за исключением национал-социалистской и коммунистической. Во главе одноименной немецкой организации стоял социал-демократ, президент рейхстага Пауль Лебе.

ШТЕЙНБАУЭР: У меня здесь есть список руководителей союза в 1926 году. Вы были заместителем государственного советника Пауля Шпейзера. Казначеем был д-р Артур Зейсс-Инкварт. Затем перечислены доктор Венедикт Каутский, господин Георг Штерн, придворный советник и председатель союза банков и некий доктор Штольпер. Это правильно?

НЕЙБАХЕР: Да.

ШТЕЙНБАУЭР: Почему представители различных партийных установок и различных вероисповеданий выступали за аншлюс?

НЕЙБАХЕР: После подписания Версальского и Сен-Жерменского договоров в Австрии возникло широкое движение за присоединение этой страны, которая испытывала большие экономические затруднения, к Германии. К этому движению примыкали представители всех партий и всех вероисповеданий, что можно заключить из списка имен, которые вы, господин доктор, огласили.

ШТЕЙНБАУЭР: Господин свидетель! Знаете ли вы о том, в какой форме и при каких условиях в 1918 году предполагалось решить проблему аншлюса и определить положение столицы Вены.

НЕЙБАХЕР: Как технически предполагалось провести аншлюс, я точно не знаю. Но все австрийцы на основании своего вполне понятного исторического самосознания были едины в том мнении, что город Вена должен быть на положении второй столицы Германии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Извините, пожалуйста, но Трибунал не интересуется вопросом о том, желателен был аншлюс или нет, был он справедлив или нет. Трибунал интересуется вопросом о

H1198 – 0115

H1198 – 0116

том, был он осуществлен при помощи насилия или нет. Большая часть этого показания совсем не имеет никакого отношения к данному делу.

ШТЕЙНБАУЭР: Господин председатель, к сожалению, я должен сказать, что я придерживаюсь несколько другого мнения, чем Суд, так как я убежден, что этот вопрос касается не только подсудимого Зейсс-Инкварта, но и всех других подсудимых, которые участвовали в аншлюссе: Геринга, Риббентропа, Папена, Нейрата, и что важно узнать, в каких условиях экономического, политического и культурного характера и в какой политической ситуации находилась Австрия, когда эти люди выступали за аншлюсс. Поэтому я считаю, что весьма важно установить, какова была общая позиция. Я позволил себе в своей книге документов дать краткий исторический обзор, чтобы изложить различные точки зрения по этому вопросу.

Господин свидетель! В 1938 году вы стали бургомистром города Вены?

НЕЙБАХЕР: Я стал бургомистром Вены, когда подсудимый Зейсс-Инкварт стал федеральным канцлером Австрии - 13 марта 1938 г. Тогда Зейсс-Инкварт стал канцлером Австрии.

ШТЕЙНБАУЭР: Хорошо. В течение какого периода времени вы были бургомистром города Вены?

НЕЙБАХЕР: Согласно австрийскому праву, по февраля 1939 г. Затем гауляйтер Бюркель стал гауляйтером и имперским наместником Вены и тем самым начальником коммунального управления. Вследствии этого...

ШТЕЙНБАУЭР: Благодарю вас.

Каковы были отношения между Зейсс-Инквартом, с одной стороны, и комиссаром по об'единению империи Бюркелем, с другой?

НЕЙБАХЕР: Отношения были явно плохими. Бюркеля не бес-

покоили компетенции имперского наместника Зейсс-Инкварта. Он верховодил через его голову и,пользуясь всеми методами клеветы,интриги и провокаций,пытался свергнуть Зейсс-Инкварта и устранить его с работы. Это ему впоследствии и удалось.

ШТЕЙНБАУЭР: Благодарю вас. У меня нет больше вопросов к свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Обвинение желает допросить свидетеля?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Никаких вопросов?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель может уйти.

Доктор Кауфман,пожалуйста.

КАУФМАН: Еще имеется шесть опросных листов. Я надеюсь, что мне разрешат их пред'явить,когда я их получу,так как они еще не поступили. Я хотел бы оставить за собой право в дополнение к ходатайству, которое я подал два дня тому назад,вызвать еще одного или двух свидетелей из числа тех, которые упоминаются в письменных показаниях,пред'явленных Обвинением.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы подразумеваете под этим,что вы хотите подвергнуть перекрестному допросу лицо, от имени которого Обвинение представило письменные показания под присягой?

КАУФМАН: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы говорите о письменных показаниях,которые уже были представлены?

КАУФМАН: Те,которые были представлены в первые два дня тому назад.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Трибунал считает,что вы должны побыстрее принять решение о том, действительно ли вы хоти-

H1198 – 0117

H1198 – 0118

те подвергнуть этих лиц перекрестному допросу.

КАУФМАН: Конечно. Я хотел уже высказать это ходатайство,но Суд указал на то,чтобы я составил его в письменном виде.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Понятно. Очень хорошо.

КАУФМАН: Таким образом, сегодня я закончил предоставление своих доказательств. Благодарю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

КАУФМАН: Спасибо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид,как мы поняли, доктор Дикс хочет,чтобы был решен вопрос о его документах по делу подсудимого Шахта. Вы думаете это займет много времени?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Разрешите поговорить с господином Доддом. Я не думаю,что это займет много времени,но я только хотел бы удостовериться в этом,если вы разрешите.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что может сказать доктор Дикс?

ДИКС: Я прошу дать мне четверть часа.Но я бы хотел ответить Обвинению, и поэтому длительность моего ответа зависит от того,что скажет Обвинение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да. Может быть, стоит сейчас разобрать этот вопрос, так как иначе нам придется позднее сделать перерыв,и мы не будем знать сколько времени это займет. Это не имеет никакого значения. Сейчас мы можем разобрать этот вопрос, а затем будет продолжать доктор Тома.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Ваша честь,мой коллега господин Дэдд считает,что это займет около получаса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Доктор Тома, вы не возражаете против этого?

ТОМА: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

Г-н ДОДД: Господин председатель,передо мной лежит пе-

речень документов, представленных доктором Диксом по делу подсудимого Шахта. Прежде всего, я думаю, мы должны указать, против каких документов мы возражаем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, но у меня, кажется, нет этого перечня. Нет ли у вас еще одного экземпляра?

Г-н ДОДД: У меня только один экземпляр, который был передан нам доктором Диксом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он был передан Трибуналу?

Г-н ДОДД: Не думаю, не я не знаю. Доктор Дикс качает головой, очевидно, в обозначение того, что нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть, вы можете указать, что это за документ? Вы называйте номера, когда будете указывать на документ?

Г-н ДОДД: Да, Ваша честь.

Первые четыре документа:

№ I - это книга сэра Невиля Гендерсона "Провал миссии".

№ 2 - выдержка из этой же книги, так же как и № 3. Мы возражаем против всех этих трех документов на том основании, что они являются отражением точки зрения лишь сэра Невиля Гендерсона; они не отражают исторических фактов.

№ 4 - это выдержка из книги о докторе Шахте, написанная человеком по фамилии Карл Бах. Мы возражаем против этого документа на том же основании, т.е. потому, что это частное мнение автора и не относится к существу дела.

Документ № 5 представляет собой выдержку из книги, написанной г-ном Самнером Уэллесом: "Время для решения". Мы возражаем против этого документа на том же основании - он содержит лишь мнение господина Уэллеса, и, как бы ценно оно ни было в некоторых местах книги, оно не имеет к делу никакого отношения.

Документ № 6 - это книга виконта Ротермира, решение о

8917

H1198 - 0119

H1198 – 0120

которой было уже принято Трибуналом в связи с ходатайством подсудимого Геринга. Мы возобновляем возражение,сделанное нами в то время,указывая на то,что книга содержит мнение лишь этого джентльмена и для Суда не представляет никакой ценности.

Документ № 7 – это письменное показание Мессершмидта, данное под присягой, + против которого мы, конечно, не возражаем,т.к. оно было уже представлено Обвинением.

Документ № 8 – также документ Обвинения и также не вызывает возражений.

Документ № 9 – тоже;

Документ № IO – аффидевит или заявление покойного фельдмаршала фон Бломберга,против которого мы не возражаем. Далее мы не имеем никаких возражений по всем последующим документам до документа № I4. Это дневник посла Додда. Мы не возражаем против его предоставления,но просим,чтобы были указаны даты записей, которые указаны не были,или страницы дневника,которые будут цитироваться.

Мы переходим к документу № I8. К документам №№ I5 – I7 у нас возражений нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Додд,как я понимаю,это фактически вопрос о том,что будет переводиться? Не так ли?

Г-н ДОДД: Да. Мы предоставляем наши возражения сейчас, потому что хотим сократить труд переводчиков.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае переходите к № I8.

Г-н ДОДД: Документ № I8 состоит из трех частей: а,б,в, – заявления Поля Бонкура, Бриана и лорда Сесиля. Это – заявления о праве Германии на вооружение. Мы возражаем против них потому,что это не заявления, сделанные официальными членами этих двух правительств; кроме того, не указывается, откуда взята выдержка,которая должна цитироваться,

так что, повидимому,это лишь частное мнение,которое было высказано после ухода этих лиц в отставку.

Теперь переходим к документу № 33. Это речь доктора Шахта,произнесенная в 1937 году. Мы,конечно,не сомневаемся в ее уместности,но хотели бы знать,нельзя ли получить оригинал этой речи? Пока что мы этого не узнали.

Документ № 34 - это речь Адольфа Гитлера. Она очень коротка,и мне совсем не хочется делать слишком много возражений против использования ее, но я не вижу,какое значение она имеет здесь. По-моему,она не относится ни к одному из вопросов,поднятых на этом процессе, и, если у доктора Дикса нет каких-либо соображений,о которых мы не знаем,мы будем возражать против нее.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А какова тема этой речи,господин Долл?

Г-н ДОЛЛ: О вооружении вообще; но в ней ничего не говорится о докторе Шахте или о каких-либо утверждениях, сделанных здесь. Она представляет собой,повидимому,лишь общее заявление о перевооружении.

Мы останавливаемся на документе № 37. Это - письмо доктора Шахта господину Леону Фрейзеру.Мы хотим сначала знать,имеется ли подлинник. Если подлинник имеется,мы возражать не будем.

Документ № 38. Это - выдержка из одной швейцарской газеты.В этой выдержке рассматриваются мысли доктора Шахта.Против нее мы возражаем. Во-первых,автор неизвестен; во-вторых, это лишь газетная заметка,которая кажется нам несущественной и неважной здесь.

Документ № 39 - это письмо, написанное неким Ричардом Мертоном,адресованное юрисконсульту казначейства Великобритании. Кажется, письмо было послано генеральному со-

H1198 -0121

H1198 – 0122

кретарь. Во всяком случае, мы возражаем на том основании, что использование его недопустимо. Оно имеет своей целью показать, что думал Мертон о Шахте и какую он от него получал помощь. Если защитник доктора Шахта – доктор Дикс – считает, что Мертон может дать здесь важные и относящиеся к делу показания, мы бы предложили послать ему опросный лист. Он находится в Лондоне. Тогда мы получили бы более достоверные показания, чем это письмо, написанное без всяких указаний или основания.

Затем, переходим к документу № 49. Это – переписка между издателем дневника посла Додда и сэром Невилем Гендерсоном. Переписка опубликована в томе, содержащем дневник Додда. Какое отношение имеет эта запись к данному делу или каким образом ее можно здесь что-то доказать – для меня не совсем ясно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это длинный документ?

Г-н ДОДД: Нет, не очень. Мне не совсем понятны последние документы – от № 54 до № 61. Мы знаем только, что документ № 54 – это стенограмма показаний Геринга перед Трибуналом и т.п., стенограмма таких-то и таких-то показаний перед Трибуналом, три выдержки из показаний Геринга и четыре выдержки из заявлений лейтенанта Брейди Брайсона, сделанных в связи с выступлением Обвинения по делу подсудимого Шахта.

Я лично должен сказать, что эти выдержки вообще не нужно переводить, совершенно достаточно лишь сослаться на них. Они уже вошли в протокол, и я не совсем понимаю, что имеет в виду доктор Дикс. Конечно, я не возражаю против того, чтобы он ссылался на них или использовал их как-то по-другому.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это длинные выдержки?

Г-н ДОДД: Я не знаю. Дело здесь просто в том,чтобы снова перепечатать их на протокола. Они уже имеются в стенограммах Суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

Г-н ДОДД: Господа судьи, в данный момент у меня этих выдержек нет. Такова наша точка зрения на ходатайство защитника по делу доктора Шахта. Если имеются вопросы,я с удовольствием на них отвечу. Я не входил здесь в слишком большие детали.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет,это и хорошо. Сейчас может ответить п-р Дикс. Да,доктор Дикс?

ДИКС /защитник подсудимого Шахта/: Что касается возражений в отношении документов № I - № 6,я вполне согласен с сэром Додд,что они пригодны для использования их в качестве аргументации,а не как доказательства. В своей аргументации Шахт ссылается на тот факт,что влиятельные лица иностранных держав придерживались одинаковой с ним точки зрения,которая привела его к его общей позиции по вопросу о вооружении. В своем выступлении он будет цитировать высказывания этих лиц, то же буду делать и я в своей защитительной речи. Поэтому,если г-н Додд заявляет,что это скорее аргументация,чем доказательство, то он прав. Однако,по моему мнению,мы сейчас спорим не в отношении того, что официально в ходе процесса может быть предъявлено Суду в качестве доказательств. Мы рассматриваем вопрос о том, переводить ли эти документы с тем,чтобы Шахт во время его допроса или я во время своей защитительной речи могли ~~бы~~ цитировать их и Суд мог бы следить за ними. Мы уже неоднократно наблюдали,что Суд предпочитает, и это понятно, иметь у себя переводы оглашаемых здесь документов,т.к. это дает ему возможность следить за ходом дела.

8921

H1198 – 0123

H1198 – 0124

Таким образом,в отношении документов № I – № 6, а также № I8 я не настаиваю на том,чтобы их приняли в качестве доказательств. Я лишь хочу просить,чтобы в общих интересах эти документы были переведены на тот случай, если их будут цитировать перед Судом.Следовательно,это вопрос целесообразности. Это относится к документам с № I по № 6 и ко всем документам,идущим под № I8.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Дикс, разве Трибунал уже не вынес решения о том,что дневник виконта Ротермира и выступление или книга Поля Бонкура не могут быть представлены в качестве доказательств и на них нельзя ссылаться?

ДИКС: Мне известно лишь одно решение Суда,а именно,что он не будет заслушивать рассуждений на тему о справедливости или несправедливости Версальского договора. Мы,безусловно,будем придерживаться этого решения. Однако, цитирование этих мест не послужит рассуждением о справедливости или несправедливости Версальского договора. Этого не имеет в виду ни Шахт,ни я. Чтобы привести пример,я скажу следующее:

Обвинение интерпретирует определенную точку зрения Шахта так,что он, поддерживая вооружение Германии,поддерживал и ее агрессию. Это он хочет опровергнуть,ссылаясь на то, что некоторые влиятельные лица за границей придерживались такой же точки зрения и что при этом они никак не могли ~~преследовать~~ иметь своей целью немецкую агрессию.Это только пример. Во всяком случае,эти цитаты приводятся не для академических рассуждений относительно справедливости или несправедливости Версальского мира,которые я совсем и не предполагал здесь высказывать,т.к.я чувствую,что подобные рассуждения не найдут отклика. Я не могу основываться на рассуждениях,о которых я знаю, что они не найдут себе отк

ка. Разрешите мне продолжать?

Затем я хотел бы остановиться на документе № 18. Прошу извинения. Я только что слышал доводы господина Долда и должен немедленно на них ответить. Но я должен сначала подобрать некоторые места. Я заметил себе в отношении документа № 18, о котором я только что говорил и к которому точно так же, как к документам № 1 - № 6, г-н Долд не нашел указания на то, откуда они взяты. Это, вероятно, следует об'яснить тем, что у него перед глазами был лишь перечень документов. В самих цитатах указаны источники, из которых они заимствованы.

Теперь я перехожу к документу № 37. Это - письмо Шахта некоему Фрейзеру. Я понял господина Долда так, что он не возражает против этого документа, но хотел бы лишь знать, где находится подлинник. Да, это письмо Шахта Фрейзеру, покойному председателю Первого национального банка. Следовательно, подлинник письма, если он вообще еще сохранился, очевидно находится в делах Фрейзера. Ни я, ни кто другой не может получить его.

Одну минуточку, господин председатель. Шахт говорит мне, что у него копия, заверенная им самим, т.е. автором. Из-за своего содержания она хранилась во время войны в Швейцарии. Эта копия, лично подписанная Шахтом, находится здесь, и тот экземпляр, который помещен в книгу документов, является снятой с нее копией. Подлинность ее содержания удостоверена профессором Краусом. Таким образом, я считаю, что сделано все, в пределах возможного для того, чтобы доказать подлинность этого документа. Это то, что касается документа № 37.

Далее я себе заметил, что к документу № 34... минуту... также не нашли указания, откуда взяты цитаты. Здесь дело обстоит так же, как и в случае, на котором я уже останавли-

H1198 – 0125

H1198 – 0126

вался. В книге документов указан источник, – это цитата из сборника "Документы немецкой политики", который неоднократно здесь цитировался. Далее делались возражения против ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Дикс, против документа № 34 имелись возражения не на том основании, что не был указан источник, а на том основании, что этот документ представляет выступление Гитлера о перевооружении и кажется здесь не имеющим значения.

ДИКС: Да, это правильно. Благодарю вас, господин председатель.

Господин Донц, конечно, не мог установить значение этого документа. Значение этого документа может установить только Шахт, так как он один знает историю его возникновения. Это – речь Гитлера, в которой имеется место, об'ясняющее постепенно увеличивавшееся подозрение Шахта в том, что политика Гитлера не только могла привести к агрессии, к агрессивной войне, но что Гитлер добивался этого, в частности, этим местом своей речи на заседании рейхстага 28 февраля 1938 г. Таким образом, эта речь Гитлера означает межевой камень в изложении того, как складывались внутренние отношения Шахта к Гитлеру и его политике, начиная с 1933 года, когда он стал приверженцем Гитлера, и до поворотного момента, когда он перестал ему доверять, когда это недоверие перешло в оппозицию, усилившуюся до ~~так и непре-~~ ~~кратившейся~~ подготовки путча. Таким образом, для понимания внутреннего развития Шахта этот документ имеет большое значение. Поэтому я считаю, что он может считаться доказательством, которое я буду предъявлять под № 34.

Далее документ № 38 – это статья из газеты "Вэлер Нахрихтен". С моей точки зрения, это доказательство име-

от очень большое значение. Во всяком случае,я буду бороться за то,чтобы этот документ был приобщен к делу.Содержание документа: до войны - борьба против войны,во время войны - борьба за мир и попытка возможно скорого установления его; борьба с распространением войны.

В 1941 году,т.е. перед вступлением России и США в войну, Шахт имел беседу с американским специалистом по национальной экономике.О беседе он вспомнил,когда получил от своего знакомого эту статью,которая была опубликована в газете "Базлер Нахрихтен" от 14 января 1941 года. Шахт говорит: "Само собой разумеется, теперь я вспоминаю. Четыре года тому назад,а именно весной 1941 года, я беседовал с американским экономистом." Фамилию его он забыл. Эта беседа показывает,что еще в 1941 году он прилагал все усилия к тому,чтобы помешать распространению войны; он пытался установить связи,которые помогли бы ему достичь поставленной цели,прежде всего,связи с влиятельными людьми.в США,с людьми,окружавшими президента Рузвельта.

У нас нет других доказательств в подтверждение того, что эта беседа состоялась. Мы ведь не можем вызвать профессора,потому что Шахт забыл его фамилию. Но,должно быть, это был именно профессор,который анонимно выступил в номере газеты от 14 января 1946 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Дикс, каково было содержание беседы,о которой, как вы говорите,упоминается в этой газете?

ДИКС: Это довольно большая статья.Я хочу указать лишь на некоторые моменты ее,чтобы Суд мог понять сущность этой беседы. В своей газетной статье профессор рассказывает,что Шахт чрезвычайно критически относился к национал-социалистской системе, что он указывал на опасность продолжения существования такой системы, которая могла привести

H1198 – 0127

H1198 – 0128

к полному отмиранию всякой активной духовной жизни. Далее Шахт говорил профессору, что война совершенно бессмысленна и что, исходя из высших соображений, он считал войну бессмысленной и бесполезной даже в том случае, если Германия одержит в ней победу. Он говорил профессору, что необходимо использовать все средства для того, чтобы затормозить возникновение войны. В мире, устроенном на принципах мира, правительства сами собой станут либеральными. Он предложил в конце предпринять попытку установить контакт между нациями, в частности, с выдающимися лицами Соединенных Штатов Америки до того, как Россия и Америка вступят в войну.

Он выражал сожаление о том, что Рузвельт, простите... Он называл Рузвельта и его друзей подходящими людьми для выполнения этой великой задачи, людьми, которые искусно и осторожно могут подготовить почву для подобного мероприятия. Это та же попытка, о которой говорится в уже цитированном письме к Фрейверу, так как Фрейвер относился, скажем, к тем людям, которые имели доступ к президенту Рузвельту. Таким образом, это была последняя отчаянная попытка со стороны Шахта добиться мира, прежде чем это будет уже поздно.

В опровержение обвинения в поддержке агрессии, такая позиция, естественно, является весьма важной. Поэтому я считаю, что Суд непременно должен разрешить мне пред'явить эту статью в качестве доказательства. Нельзя не предположить, что профессор сказал неправду. Технически существует возможность установления этой фамилии через редакцию газеты "Баслер Нахрихтен", но я полагаю, что газета " Баслер Нахрихтен" не сообщит фамилии, пока не спросит разрешения господина профессора, живущего в Америке. Разрешит ли он назвать себя, неизвестно. Следовательно, перед нами стоят

большие трудности. Опыт говорит за то,что обычно профессор, выступая в газете "Базлер Нахрихтен",говорил правду. Почему же он не должен говорить правду в этот раз. Кроме того, он - человек,пользующийся уважением. Таким образом, я считаю, что эта статья является вполне эквивалентной устным же показаниям. Я думаю,что этот документ полностью равноценен допросу профессора. Поэтому я прошу разрешить эту статью не только к переводу,но и принять ее в качестве документального доказательства. Это был документ №38.

В отношении письма Мертона.

Я вполне согласен с тем,чтобы послать Мертону опросный лист. Только я полагаю,что это будет напрасным трудом, так как письмо Мертона мне нужно лишь для того,чтобы показать тот факт, что лорд Монтегю Норман, возвратившись в 1939 г. с одного заседания в Англию,рассказывал Мертону, который был весьма видным гражданином города Франкфурта на Майне и впоследствии эмигрировал,что Шахт находится в весьма большойопасности вследствие занимаемой им политической позиции. Это-факт,который я должен доказать при помощи этого письма; в нем написано это. Это письмо написано Мертоном не мне или господину Шахту, оно было отправлено юрисконсульту государственного казначейства и оттуда переслано Обвинению. Обвинение было столь любезно,что ознакомило меня с этим письмом.Вызывать сэра Мертона в качестве свидетеля,кажется мне очень сложным и я с удовольствием составлю опросный лист,но считаю,что гораздо проще и вернее можно добиться цели,если Суд разрешит мне зачитать здесь одну или две кратких выдержки из данного письма. Я представляю это на решение Суда,я охотно пошлю опросный лист в Лондон. Это документ № 39.

Что касается документа № 49,то надо сказать,что переписка между сэром Невилем Гендерсоном и издателем дневни-

8927

H1198 – 0129

H1198 – 0130

ка покойного посла Додда имеет весьма важное значение в том отношении,что она подтверждает достоверность сведений, приведенных в дневнике Додда,который,как мне кажется,неоднократно цитировался не мной, а Обвинением.Во избежание недоразумения я хотел бы сейчас заявить,что я далек от того,чтобы сомневаться в самой личности покойного посла Додда,которого лично знали и доктор Шахт, и я, и которого мы считали абсолютно честным человеком. Высокий Суд знает, что этот дневник, составленный на основании беглых заметок посла, издан его детьми после его смерти. Поэтому возможны ошибки. А что ошибки могут быть значительными,об этом свидетельствует переписка между сэром Невилем Гендерсоном и издателем дневника,в которой Гендерсон указывает на то,что полностью искажены одна или несколько бесед,которые, согласно этому дневнику, произошли между ним и Доктором. Я думаю,что не может быть лучшего доказательства ~~неправильности~~ об'ективного,я повторяю,об'ективного изложения фактов в дневнике,чем переписка между сэром Невилем Гендерсоном и издателем. Следовательно, для того,чтобы правильно оценить достоверность документального доказательства,представленного Обвинением, я прошу разрешить мне пред'явить этот документ в качестве доказательства.

Что касается документов с № 45 до № 61,я совсем не намерен пред'являть их в качестве доказательств. Мне все равно,если они и не будут переведены. Я имел в виду облегчить работу Суда. Я буду допрашивать Шахта,ссылаясь на соответствующие показания Геринга. Если Суд считает,что можно обойтись без того,чтобы в нужный момент иметь эти цитаты перед глазами,довольствуясь тем,что они есть в стенограммах, подобрать эти стенограммы, которые находятся здесь,в здании,то безусловно, эти цитаты могут и не переводиться. Вопрос сводится исключительно к тому,как Суд

сочтет более удобным для себя. Мы приготовили цитаты. Если суд пожелает, их можно будет перевести. Остаются письменные показания. Господин Долл не останавливался на них. Я думаю, Суд знает, что на открытом заседании сэр Дэвид и я разошлись во мнениях в отношении свидетелей и письменных показаний. Эти письменные показания были допущены, конечно, с тем условием, что Обвинение, ознакомившись с их содержанием, сможет со своей стороны послать свидетелю опросный лист или вызвать его в Суд для перекрестного допроса. Такое право за ним, конечно, остается. Мы лично удовлетворились письменными показаниями из соображений экономии времени. Если Обвинение желает, чтобы были вызваны свидетели, письменные показания которых у нас имеются, то защита полностью согласна.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Объявляется перерыв.

/Перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Прежде всего, о документах по делу подсудимого Шахта.

Должны быть переведены следующие документы: № 7, № 8, № 9, № 14, № 18, № 33, № 34, № 37, № 38, № 39 и № 49. Документы с № 54 по № 61, которые уже вошли в протокол, не будут переводиться, но просьба к доктору Дикуту в своей книге документов сослаться на эти документы.

Документы с № I по № 6 вообще не будут переводиться. Документы, которые я не назвал, должны быть переведены.

Теперь, пожалуйста, доктор Тома.

ТОМА /защитник подсудимого Розенберга/: Господин председатель! Сначала я представлю разрешенные мне сегодня до-

8329

H1198 – 0131

H1198 – 0132

кументы – цитаты из книг Розенберга: "Традиция и современность","Идеи и речи", "Кровь и месть","Образование идеи", "Миф XX века". Эти документы должны служить доказательством того, что подсудимый не участвовал в заговоре против мира и в психологической подготовке войны. В этих выдержках имеются речи,с которыми подсудимый выступал перед дипломатами, студентами,юристами. Они должны показать,что он боролся за социальный мир, в частности,что он не хотел,чтобы борьба мировоззрений влекла за собой борьбу во внешних сношениях. Он с презрением отзывался об антирелигиозной пропаганде,ратовал за свободу совести,выступал за разумное решение еврейского вопроса,иногда оставляя за ~~евреями~~ некоторые привилегии и особенно подчеркивая необходимость соблюдения в этом вопросе справедливости и четкости. Я прошу Суд принять к сведению эти речи, а сейчас, с разрешения Суда,вызываю в качестве свидетеля подсудимого Розенберга.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите свое имя и фамилию.

РОЗЕНБЕРГ: Альфред Розенберг.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь богом, всемогущим и всеведущим,что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не добавлю."

/Свидетель повторяет слова присяги/.

Вы можете сесть.

ТОМА: Господин Розенберг, изложите,пожалуйста,Суду свою биографию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Г-н доктор Тома,вы не дали никаких номеров ваших документов?

ТОМА: Нет,дал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо, когда вы будете ссылаться на какие-либо документы, называйте их номера.

ТОМА: Да,хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подождите минуту. Доктор Тома, для того, чтобы правильно велся протокол,мне кажется, что вам следует оглосить список документов, которые вы намереваетесь представить, и указать их номера. Есть у вас список документов,которые вы будете представлять в качестве доказательств?

ТОМА: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Так оглосите этот список,чтобы занести его в протокол.

Д-р ТОМА: Доказательства РС-7 "Миф XX века", РС-7-а - "Образование идеи", РС- 7-б-Розенберг "Кровь и честь", РС-7-в -Розенберг " Идеи и речи" и РС-8 - выдержки из газеты "Фелькишер Беобахтер" за март и сентябрь 1933 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Этот последний документ был исключен Трибуналом. Документы 7-а и 8 были исключены Трибуналом.

ТОМА: Документ 7-а я не указывал, но РС-8 - да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но документ № 8 вы назвали,он тоже исключен.

ТОМА: Да, документ № 8 я назвал.

Господин Розенберг, прошу вас рассказать Суду свою автобиографию.

РОЗЕНБЕРГ: Я родился 12 января 1893 года в Ревеле, в Эстонии. После окончания местного реального училища, с осени 1910 г. я начал изучать архитектуру в институте в Ревеле. Когда в 1915 г. к нам приближался германско-русский фронт,институт вместе с профессорами и студентами был переведен в Москву,и я продолжал учиться в русской столице. В конце января или начале февраля 1918 года я закончил учебу с дипломом инженера-архитектора,вернулся в свой родной город. При вступлении немецких войск в Ревель я хотел

8931

H1198 – 0133

H1198 – 0134

добровольно вступить в германскую армию,но без особой рекомендации не мог быть принят, т.к. являлся подданным оккупированной страны. Я не хотел жить всю жизнь между разными странами. Поэтому я попытался поехать в Германию.Для балтийского немца при всей его политической лояльности в отношении русского государства,немецкая культура была ему все-таки духовной родиной. То,что я пережил в России,укрепило во мне решение сделать все,что было в моих силах,чтобы по возможности не дать политическому движению в Германии сойти на неправильный путь,не допустить большевизм.Я считал,что при восприимчивости структуры германской империи, подобное движение означало бы для Германии полную катастрофу. В конце ноября 1918 года я мог поехать в Берлин и оттуда в Мюнхен. Я хотел,собственно,работать по специальности в качестве архитектора, но в Мюнхене встретился с лицами, которые мыслили так же,как и я. Я стал сотрудничать в одном еженедельнике, который в то время начал издаваться в Мюнхене. В этом еженедельнике я работал с января 1918 года и с того времени не прекращал писать. В Мюнхене я пережил развитие политического движения вплоть до создания Советской республики 1919 г. и ее подавления.

Д-р ТОМА: Вы только что назвали Германию своей духовной родиной. Может быть,вы об'ясните суду,какие труды и какие ученые Германии имели на вас влияние?

РОЗЕНБЕРГ: С ранних лет наряду с особым интересом к архитектуре и искусству я питал большой интерес к философии. Поэтому,само собой разумеется, мне были внутренне близки Гете, Гердер и Фихте. Они оказали сильное влияние на формирование моего мировоззрения. Одновременно я находился под влиянием социальных идей Чарльза Диккенса, Карлейля, американца фон Эмерсона. В Риге я продолжал эти занятия,

познакомившись,разумеется,с произведениями Канта и Шопенгауэра. Больше всего я занимался изучением индусской философии и родственных ей течений. Затем я,естественно,начал изучение различных авторов исследований по европейской культуре и истории и,наконец, в Мюнхене я подробно изучал последние труды в области биологии.

Д-р ТОМА: Вы говорили часто в своих речах об "Образовании идей".В этом отношении вы были под влиянием Гете?

РОЗЕНБЕРГ: Это само собой разумеется,потому что идея, состоящая в том,чтобы рассматривать мир,как образ,идет от Гете...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Г-н доктор Тома, Трибунал хочет,чтобы вы ограничились его собственной философией,а не происхождением различных философских течений, поскольку он вообще будет касаться философских тем.

ТОМА: Как вы примкнули в Мюнхене к НСДАП и Гитлеру?

РОЗЕНБЕРГ: В мае 1919 года издатели упомянутого еженедельника посетил некий Антон Дрекслер,который отрекомендовался председателем недавно основанной немецкой рабочей партии.Он сказал,что он является последователем тех же идей,что и еженедельник. С того времени началась первая связь с очень небольшой группой немецких рабочих,которая образовалась в Мюнхене. Там осенью 1919 года я познакомился с Адольфом Гитлером.

ТОМА: Когда вы примкнули к Гитлеру?

РОЗЕНБЕРГ: Тогда у меня с ним состоялась серьезная беседа,во время которой мне бросилась в глаза его замечательная оценка всей европейской ситуации. Он заявил,что, по его мнению, сегодняшняя Европа находится в социальном и политическом кризисе, подобного которому не было со времен гибели древней Римской империи. Он сказал,что очаги

8933

H1198 – 0135

H1198 – 0136

волнения наблюдаются повсюду и он лично старается отдать себе отчет в том,как добиться оздоровления Германии. Я слышал некоторые из первых выступлений Гитлера на небольших собраниях в 40 - 50 человек. Я считал,что право говорить тогда было прежде всего за солдатом-фронтовиком,который до этого в течение четырех с половиной лет молча выполнял свой долг.

В конце 1919 года я вступил в партию,хотя не раньше Гитлера,как здесь утверждалось, а несколько позже, получив партийную книжку за № 625.

В составлении программы я не участвовал,не присутствовал,когда 24 февраля 1920 года эта программа была зачитана Гитлером и утверждена.

ТОМА: Вы согласились с этой партийной программой и даже пытались разрешить вопросы,связанные с социальным и политическим кризисом. Как представлялось вам это решение?

РОЗЕНБЕРГ: На различные вопросы,которые поступали к нам в связи с выдвинутыми нами 25 пунктами программы,я издал в конце 1922 г. комментарии,которые были зачитаны здесь в Суде. Всю нашу позицию того времени коротко можно обрисовать следующим образом:

Техническая революция XIX века имела определенные социальные и духовные последствия. Так называемые рациональность и рентабельность стали господствующими элементами в жизни,они создали мировые и промышленные государства со всеми их подвалами,отчуждением от природы и истории. На рубеже двух столетий многие выступили против такого одностороннего развития, они хотели снова отвоевать родину,историю. Этим об'ясняется появившаяся тогда тяга к традициям, к народной песне, к обычаям прошлого. Художественные произведения,например, профессора Шульца в Наумбурге

и некоторых других поэтов выражали общий протест против одностороннего движения того времени. К этому протесту пытается присоединиться национал-социализм, полностью сознавая, что он должен быть современным, а не сентиментальным движением, ориентирующимся на прошлое. Национал-социализм берет свое начало от попыток социального движения Штеккера и от национального движения Шенерера в Австрии, не считая, однако, все это образцом. Я хотел бы заметить, что название национал-социализм, как мне кажется, идет из Судетской области. Маленькая немецкая рабочая партия была названа "национал-социалистская немецкая рабочая партия". Если разрешите, я скажу, что составляло в конце концов сущность всего движения, почему мы назвали себя национал-социалистами, но мне кажется, что за 3 месяца обвинение сказало очень много кошмарных вещей, но о национал-социализме ничего не сказало. Дело было так: в Германии существовало 2 противостоящих друг другу враждебных лагеря. В обоих из них боролись миллионы порядочных немцев. Перед нами всеми стояла проблема: в интересах национального единства выявить то хорошее, что было у каждого из этих лагерей, и определить, что служит помехой для установления взаимопонимания между ними. Коротко говоря, в отношении пролетариата мы заявили, что если классовая борьба была раньше и является теперь фактом социально-политической жизни, то будучи положена в основу мировоззрения, она должна будет вечно обозначать разрыв нации. Руководство борьбой за социальное умиротворение и вообще за решение социальных проблем из какого-то международного центра представляло собой второе решающее препятствие социального уравнивания. Однако требование социальной справедливости со стороны всех рабочих было правильным, достойным и необходимым. В отношении буржуазии

8935

H1198 – 0137

H1198 – 0138

нам казалось возможным установить, что некоторое реакционное сословное высокомерие привилегированных кругов имело вредное влияние на народ; во-вторых, представление национальных интересов не является наследным владением определенных сословий. Требование национального единства представлялось нам справедливым.

Таким образом, Адольфу Гитлеру следовало...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Тома, не можете ли вы попытаться ограничить показания свидетеля теми обвинениями, которые выдвинуты против него? Против подсудимых выдвинуты обвинения не в том, что они пытались восстановить Германию, а в том, что они использовали для этого методы, состоявшие в нападении на другие расы и народы.

ТОМА: Но в отношении Розенберга, по-моему, следует несколько подробнее остановиться на том, почему он действовал именно так, а не иначе. Теперь я спрашиваю:

- Было ли вам известно, что вопросы социализма, капитала и труда носили международный характер? Почему, собственно говоря, вы вели борьбу с демократией, которая являлась делом всех стран?

/К микрофону подходит представитель американского обвинения Додд/.

Г-н ДОДД: Господин председатель, по-моему, это продолжение вопроса по той же линии. Мне хотелось бы сказать, что никто из обвинителей не инкриминирует подсудимому его идеи. Я думаю, что мы все в принципе против преследования кого бы то ни было за его идеи. Я совершенно уверен в том, что такова точка зрения и Трибунала. Поэтому мы считаем, что совершенно не нужно касаться идей подсудимого по данному или по какому-нибудь другому вопросу.

ТОМА: Насколько мне известно, ему было пред'явлено об-

винение в том,что он вел борьбу с демократией. Поэтому я поставил данный вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой вы задали вопрос?

ТОМА: Почему национал-социализм и он сам вели борьбу с демократией?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не думаю, что это имеет какое-нибудь отношение к данному делу. Единственный вопрос заключается в том, использовал ли он национал-социализм с целью преступного нападения на другие страны.

ТОМА: Господин председатель, я считаю, что понятие национал-социализма должно быть разложено на свои составные части. Как утверждает Обвинение, национал-социализм состоит в борьбе против демократии, в одностороннем подчеркивании национал-социализма и милитаризма. Поэтому здесь ему должна быть предоставлена возможность пояснить,почему национал-социализм выступил за милитаризм, почему он именно выступил за него и вообще было ли это на самом деле. Нужно разложить понятие национал-социализма, чтобы установить его составные части.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что из себя представлял национал-социализм, уже было показано Трибуналу. Никто не опровергает того, что в Германии был введен принцип фюрерства. Вопрос состоит не в том, почему он был введен. Если бы этот принцип фюрерства был введен в Германии и касался бы исключительно внутренней жизни страны, то никакого обвинения не было бы выдвинуто. Обвинение состоит единственно в том, что национал-социализм использовался с целью ведения агрессивной войны и совершения преступлений, о которых мы слышали.

ТОМА: Агрессивная война, насколько мне известно, обосновывалась тем,что это была борьба против демократии на

8937

H1198 – 0139

H1198-0140

базе национал-социализма и милитаризма.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Демократии за пределами Германии, а не в самой Германии.

ТОМА: Тогда я хотел бы спросить подсудимого, как он относится к обвинению в том, что национал-социализм проповедывал "расу господ"?

РОЗЕНБЕРГ: Я знаю, что эта проблема является центральной проблемой обвинения, и мне понятно, что, рассматривая вещи с точки зрения ряда ужасных событий настоящего времени, непроизвольно делают заключение, что причина в прошлом, в возникновении теории о так называемой "расе господ." Но, мне кажется, что решающее значение при оценке этой проблемы ~~является~~ имеет знание того, в чем заключалось существо вопроса для нас? Термин "раса господ" я никогда не слышал так часто, как в этом зале Суда. Насколько мне известно, в своих сочинениях я его вообще никогда не упоминал и не использовал. Я еще раз просмотрел все свои труды и речи и не нашел этого выражения. Я лишь один раз говорил о "людях-господах" Гомера и нашел цитату английского писателя, который в своей биографии лорда Китченер заявил, что последний показал себя человеком-господином. Затем я нашел термин "раса господ" в трудах американского исследователя вопросов расы Мадисона Гранта и французского исследователя Лапуж.

Я хотел бы признать здесь, и не только признать, но и подчеркнуть, что, работая министром по делам оккупированных восточных территорий, я обратил внимание на слово "люди-господа", которое употребляли некоторые руководители администрации на Востоке и которое очень неприятно поразило меня. Может быть я смогу остановиться на этом подробнее, когда меня будут допрашивать по вопросам, связанным с мо-

ей деятельностью на Востоке. В принципе я был убежден, что расоведение не является изобретением национал-социалистского движения, а биологическим открытием, итогом европейских исследований в продолжении четырехсот лет. Законы наследственности, открытые в 60-х годах, были вновь открыты несколькими десятилетиями позже. Они дали возможность глубже заглянуть в историю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Тома, подсудимый снова возвращается к истокам той философии, которую он исповедывал. Единственно, что нас должно интересовать, - это его заявления в речах и документах и то, как он использовал эти заявления, а не вопрос о том, что подобные вещи существовали уже четыреста лет.

ТОМА: Подсудимый говорит о расовом вопросе и я воспользуюсь этим, как отправной точкой, чтобы перейти к так называемому еврейскому вопросу. Я хотел бы задать подсудимому такой вопрос: как получилось... как вы пришли к тому...

РУДЕНКО: Господин председатель, здесь мой коллега г-н Долд уже указывал на то, что Обвинение пред'явило подсудимым конкретно совершенные ими преступления: агрессивные войны, совершение злодеяний. Я полагаю, что самым правильным допросом защитника Тома своего подзащитного будет постановка конкретных вопросов по пред'явленным обвинениям. Я полагаю, что Трибунал совершенно не намерен слушать лекции по вопросам национал-социализма, расовой теории и проч.

ТОМА: Г-н председатель, я еще буду иметь возможность поставить отдельные вопросы, но, поскольку преступной об'явлена идеология и философия национал-социализма, ~~я~~ необходимо дать подсудимому Розенбергу некоторую возможность изложить свое мнение. Может быть верно и, пожалуй, г-н

8939

H1198-0141

H1198 – 0142

Розенберг, целесообразнее, если вы будете несколько короче в некоторых вопросах.

Я хотел бы задать вам следующий вопрос: вы считали, что так называемый еврейский вопрос в Европе может быть решен тем, что последний еврей оставит европейский континент. Вы говорили, что совершенно все равно, будет эта программа осуществлена в пять, десять или пятнадцать лет. Решение упиралось в конце концов в транспортные возможности и вы придавали большое значение тому, чтобы этот вопрос был решен международной комиссией. Как вы пришли к этому убеждению и почему вы пришли к нему? Я сказал бы так, каким образом вы видели разрешение проблемы в том, что последний еврей покинет Европу?

РОЗЕНБЕРГ: Я хотел бы, идя навстречу желаниям Суда, постараться не давать здесь пространных раз'яснений по поводу того, как при изучении истории у меня сложилась такая точка зрения, причем я имею в виду изучение не по каким-нибудь антисемитским произведениям, а по работам самих еврейских историков.

Мне казалось, что после эпохи широкой эмансипации в ходе развития национал-социалистского движения XIX века, еврейский народ так же, как и другие народы, вновь обратился к своим традициям и особенностям и все сознательнее начал ~~разграничивать~~ ощущать различие между народами. Это была проблема, которая обсуждалась на многочисленных международных конгрессах. Один из идейных руководителей евреев в Европе Бубер заявил, что надо будет возвратиться на азиатскую землю, потому что только там следует искать корни еврейского народа и еврейской крови.

К резкому отношению к евреям в политической жизни я пришел частично на основании наблюдений и переживаний в

России, частично на основании переживаний в Германии, где их отчужденность особо подтвердилась. Я не мог понять, как при возвращении немецких солдат домой - один еврей, преподаватель университета, встречая их, сказал, что немецкие солдаты пали на поле бесчестия. Я не мог понять, как можно зайти так далеко в отсутствии чувств уважения. Если бы это было единичное высказывание, то можно было бы сказать,-это отдельный случай. Практика последующих 14 лет показала, что это было выражением совершенно определенного убеждения.

ТОМА: Г-н Розенберг, может быть, следует сказать, что наличие такого убеждения было вызвано прессой,настроенной национал-социалистски.

РОЗЕНБЕРГ: В течение четырнадцати лет появлявшиеся такого рода статьи относятся к периоду до возникновения национал-социалистского движения. События, связанные с образованием Советской республики в Мюнхене и Венгрии, произошли прежде, чем национал-социалистское движение могло стать влиятельным движением.

ТОМА: Г-н Розенберг, как вы раз'ясняли себе тот факт, что в первую мировую войну на фронте погибло 12 тысяч евреев?

РОЗЕНБЕРГ: Само собой разумеется, я всегда сознавал, что евреи - подданные Германии в некоторой степени ассимилировались на немецкой почве, что они участвовали в отдельных трагических исторических событиях и что к ним следует подходить по-иному. Но в принципе это не изменяло направления всего социального и политического движения, и не могло его изменить, когда руководящие органы так называемых демократических партий, наблюдая постоянно увеличивающуюся безработицу в Германии, предложили вы-

8941

H1198 – 0143

H1198 – 0144

селить немцев во французские колонии, в Аргентину и Китай. Выдающиеся евреи и руководители демократической партии трижды открыто предлагали в связи с ростом безработицы отправить немцев в Африку и Азию. Наконец, за эти 14 лет из Польши было изгнано столько же немцев, сколько евреев было в Германии, причем Лига наций не предприняла ничего действенного против этого нарушения соглашения о нац-меньшинствах.

ТОМА: Вы были руководителем отдела внешней политики партии. Какие функции Вы там выполняли?

РОЗЕНБЕРГ: Отдел внешней политики партии был основан в апреле 1933 года. После перехода власти большое количество иностранцев прибыло в Германию, чтобы ознакомиться с историей возникновения и с сущностью национал-социалистской партии. Надо было создать в партии некий центр, руководство которым фюрер поручил мне.

Как сказано, его задачей было принимать интересовавшихся иностранцев, давать им об'яснения, указывать им на соответствующие организации партии и государства, если они проявят интерес к трудфронту, к молодежному движению, к кампании зимней помощи и т.п. Далее, мы были заинтересованы в том, чтобы известные предложения, которые нам вносили, передавать в учреждения, ведавшие внешней торговлей, и в тех случаях, когда эти предложения, оказывались ценными, передать их соответствующим официальным государственным учреждениям. Мы изучали иностранную прессу, чтобы иметь хорошие архивы для позднейших исследований и информировать партийных руководителей о политической жизни заграницы, основываясь на кратких вырезках из иностранной прессы.

Между прочим, мне инкриминируется, что я писал статьи для прессы Херста. По просьбе концерна Херста я опубликовал пять или шесть статей в 1933 или 1934 гг., но с Хер-

стом я не виделся и не говорил с тех пор, как мы с ним в течение двадцати минут виделись в Наугейме. Я лишь слышал, что концерн Херста имел исключительно большие неприятности из-за того, что был так любезен и поместил мои статьи.

ТОМА: Являясь руководителем отдела внешней политики партии, вы предпринимали какие-либо официальные политические шаги?

РОЗЕНБЕРГ: В представленных здесь документах 003-ПС, 004-ПС и 007-ПС описывается деятельность отдела внешней политики. С помощью этих документов я мог бы кратко изложить Суду работу этого отдела.

ТОМА: Я хотел бы, чтобы вы рассказали о том, какие шаги вы предпринимали, как руководитель отдела внешней политики партии, для того, чтобы побиться действенного взаимопонимания между европейскими нациями?

РОЗЕНБЕРГ: Гитлер, как мне думается, в 1927 году созвал в Бамберге совещание, на котором высказал свою точку зрения по вопросам внешней политики. Он сказал, что, по крайней мере, некоторые нации могут быть не заинтересованы в полном уничтожении европейского центра, имея при этом в виду в первую очередь Англию и Италию. С этого времени я стал его приверженцем. Используя свои личные знакомства, которые у меня были, я начал искать путь взаимопонимания с этими странами. Часто я мог говорить с английскими офицерами из генерального штаба военно-воздушных сил. По их приглашению я был в 1934 году в Лондоне. Выступая, как совершенно частное лицо, я имел беседы с большим количеством англичан.

Когда на заседании Королевской Академии в Риме впервые предоставилась возможность высказаться на тему "Европа", я

8993

H1198 – 0145

H1198 – 0146

выступил там с докладом. Я говорил в том смысле, что успехами последнего столетия мы в первую очередь обязаны четырем народам и государствам: Англии, Франции, Германии и Италии, что в итоге эти четыре страны должны разграничить области своих интересов, чтобы иметь возможность сообща, плечо к плечу, защищать этот уважаемый континент и его традиции. Я считал, что это признание четырех основных общепринятых истоков богатой европейской культуры являлось политическим и историческим завещанием.

Отдельные выдержки из моего доклада были опубликованы, и часть их с разрешения Суда переведена.

В последний день конференции ко мне пришел бывший английский посол в Италии сэр Ранналь Родд. Он сообщил, что он только что от Муссолини. Последний сказал ему, что „самое важное на этой конференции сказано вами, господин Розенберг."

ТОМА: Господин Розенберг, разрешите обратить ваше внимание на то, чтобы вы говорили несколько короче.

РОЗЕНБЕРГ: В мае 1933 г. я еще раз был в Лондоне, уже как личный представитель Адольфа Гитлера. Я посетил большое количество английских министров, имена которых к делу не относятся. Я старался добиться понимания неожиданного и удивительного развития Германии. Встретили меня несколько сдержанно. Разыгрался ряд инцидентов, которые показывали, что налицо явно отрицательное отношение. Это не помешало мне продолжать поддерживать личную связь и позднее пригласить в Германию многих английских представителей. Никакого официального задания в то время у меня не было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Почему вы не спрашиваете подсудимого, в чем должно было состоять соглашение? Почему он не рассказывает нам о том, в чем оно должно было заключаться. Вме-

ого этого он говорит о соглашении совершенно абстрактно.

ТОМА: Господин председатель, я спросил подсудимого по данному вопросу потому, что он предпринимал шаги для достижения эффективного взаимопонимания между Германией и Англией, стремился к этому. Подсудимый обвиняется в том...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Взаимопонимание в каком вопросе?

ТОМА: Подсудимый приехал в Лондон, чтобы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я хочу, чтобы вы спросили подсудимого. Я совсем не хочу, чтобы вы мне отвечали.

ТОМА: Я как раз спрашивал его об этом, г-н председатель. Подсудимому инкриминируется участие в норвежской операции, выразившееся в том, что он содействовал нарушению нейтралитета со стороны Норвегии.

Расскажите, как вы познакомились с Квислингом?

РОЗЕНБЕРГ: С Квислингом я познакомился в 1933 г., когда он был у меня с визитом. У нас состоялась 20-минутная беседа. После этого мой сотрудник, занимавшийся скандинавской культурой и имевший свои труды по этому вопросу, завел с Квислингом систематическую переписку. Целых шесть лет я не видел Квислинга. Я не вмешивался ни в политические дела Норвегии, ни в дела движения Квислинга, пока он не посетил меня в июне 1939 г., когда напряженное положение в Европе обострилось. Он изложил мне свои опасения относительно положения Норвегии в случае возникновения конфликта. Он сказал, что следует опасаться того, что Норвегия не сможет остаться нейтральной, что при таких обстоятельствах его родину оккупируют на севере русские, на юге - войска западных держав. Он смотрел на будущее с тревогой.

Эти высказанные им опасения были зафиксированы и переданы по назначению доктору Ламмерсу.

ТОМА: Когда это было?

8945

H1198 – 0147

H1198 – 0148

РОЗЕНБЕРГ: Это было примерно в июне 1939 г. Затем Квислинг попросил у меня сотрудника, который должен был оказать помощь в деле установления германо-норвежского взаимопонимания; конкретно,он должен был ознакомить его партию с организацией нашей партии и ее пропагандистской работой. В начале августа, как мне кажется, 25 норвежцев прошли у нас специальную подготовку с тем,чтобы затем у себя дома вести пропаганду.

ТОМА: Чему их обучали и как?

РОЗЕНБЕРГ: Я их не видел и не говорил с ними подробно. Их обучали тому, как следует разворачивать широкую пропаганду и какие организации партии в Германии занимаются этим. Мы могли им помочь. После начала войны, или очень незадолго до того,я не помню точно, неожиданно пришел ко мне знакомый Квислинга Гагелин. Он выразил опасения,какие ранше выражал Квислинг. Когда началась война,этот сотрудник Квислинга сообщил различные подробности о деятельности западных держав в Норвегии. Наконец, в декабре 1939 г. Квислинг прибыл в Берлин с заявлением,что на основании точных сведений он знает,что существует лишь видимость нейтралитета норвежского правительства,но что в действительности почти принято решение об отказе от этого нейтралитета.Когда-то Квислинг сам был военным министром Норвегии, и потому он мог располагать точными сведениями.Я счел долгом немецкого гражданина посоветовать фюреру выслушать Квислинга. Фюрер дважды принимал Квислинга. Одновременно Квислинг со своим сотрудником Гагелином был у командования военно-морского флота, проинформировав его в том же направлении. После этого я говорил раз с Редером.Последний также рекомендовал фюреру выслушать доклад Квислинга.

ТОМА: Следовательно,вы лично передавали только те сведения,которые вам сообщал Квислинг?

РОЗЕНБЕРГ: Да, я хотел бы подчеркнуть, что Квислинг явился ко мне по своей инициативе, ибо я в течение шести лет не вмешивался в политические дела Норвегии. Естественно, я посчитал своим долгом довести до сведения фюрера сообщения, которые означали бы для Германии ужасную военную угрозу в том случае, если бы они оказались соответствующими действительности. Квислинг рассказал мне устно свой личный план, состоявший в том, чтобы, рассчитывая на поддержку Германии, организовать в Норвегии политический переворот в создавшейся обстановке. Он просил меня записать это и также сообщить фюреру. Текст этих записей содержится в документах, представленных Обвинением. В них все изложено гораздо точнее, чем я мог бы здесь сказать. В документе 004-ПС все это коротко резюмировано моим начальником штаба I,5 - 2 месяца спустя после норвежской операции.

ТОМА: На этот документ я хотел бы обратить особое внимание Суда. Он был составлен непосредственно сразу после норвежской кампании, под свежим впечатлением удавшейся операции. Он очень четко описывает, что вся инициатива исходила от Квислинга, что Квислинг неожиданно появился в Любеке сделал сообщение и что он снова и снова приезжал, информируя Розенберга о последних событиях в Норвегии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: О каком документе вы говорите?

ТОМА: 004-ПС, ВВ-40, вторая книга документов, страница II3.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не пронумерованы страницы документальной книги.

ТОМА: Я думаю, что номер написан вниву, г-ин председатель

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы о какой книге говорите?

ТОМА: О моей книге документов № 2, страница II3, книга документов "Альфред Розенберг" № 2, страница II3. В англий-

8942

H1198 - 0149

H1198 – 0150

ском переводе страница 72.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы какой вопрос задали?

ТОМА: Я хотел указать, что на странице первой сказано: "До заседания Северного общества в Любеке Квислинг был в Берлине, где его принял рейхслейтер Розенберг".

Это было в июне 1939 г., как явствует из документа 007-ПС. Затем на следующей странице говорится, что в августе в Берлине, в Далеме состоялись занятия, что в декабре 1939 года Квислинг снова по собственной инициативе появился в Берлине и сделал некоторые сообщения. Это было 14 и 15 декабря. Розенберг, во исполнение своего долга, каждый раз передавал фюреру эти сделанные Квислингом сообщения. Больше он ничего не предпринимал по этому делу. Параллельно с этим и независимо от этого к Редеру начали поступать донесения.

Что вы можете добавить по документу № 004-ПС?

РОЗЕНБЕРГ: Я прошу дать мне документ.

/Документ дается свидетелю/.

На странице 5-й этого документа № 004-ПС говорится о Гагелене, сотруднике Квислинга, который вращался в норвежских правительственных кругах и имел от норвежского правительства задание обеспечения поставки оружия из Германии, например, после так называемой Альтмаркской /Альтмарк - область в Саксонии/ сферы, т.е. обстрела германского судна в норвежских территориальных водах.

На странице 7-й в середине сказано:

"20 марта во время переговоров о германских поставках зенитной артиллерии, он доложил о прогрессирующей деятельности сообщников в Норвегии и терпимом отношении к делу со стороны правительства Нигаресвольда. По его сообщениям сообщники исследовали норвежские портовые города на случай воз-

можной высадки войск и поставок материалов. Занимавшийся этим французский офицер Кармаррек..., кстати сказать, его фамилия пишется, как я сейчас вспомнил, "Каррамас" или как-то так, в конфиденциальном разговоре с полковником Зундло, комендантом Нарвика, который являлся также сторонником Квислинга, информировал его о намерениях союзников высадить моторизированные войска в Ставангере, Тронхейме и, возможно, в Киркенесе и оккупировать аэродром Эсло под Ставангером".

Ниже говорится:

"В своем докладе от 26 марта он /т.е. Гегелен/ еще раз сказал, что речь норвежского министра иностранных дел Кота о норвежском нейтралитете и его протесты ни англичане в Лондоне, ни норвежцы в Норвегии не приняли всерьез, так как точно знают, что правительство вовсе не намерено действительно занять позицию против Англии".

ТОМА: Это сообщил вам Квислинг?

РОЗЕНБЕРГ: Это были доклады, сделанные Гагелином по поручению Квислинга. Я хотел бы далее заметить, что после того, как фюрер принял Квислинга, некоторое время спустя он сообщил мне, что он поручил ОКВ изучить это дело с военной точки зрения, и просил меня ничего не говорить с ним. Я указывал в этой связи также на то, что, как это следует также из документа 004-ПС, фюрер подчеркивал, что он хочет непременно поддерживать нейтралитет со всеми скандинавскими странами и изменит свое намерение только в том случае, если этот нейтралитет будет поставлен под угрозу срыва со стороны других стран.

В последующее время фюрер поручил одному из моих сотрудников поддерживать связь с Квислингом в Осло. Для поддержки прогерманской пропаганды в ущерб другой пропаганде были

8949

H1198 – 0151

H1198 – 0152

выделена от министерства иностранных дел определенная сумма денег. Он являлся в Германию с сообщениями о намерениях Квислинга. Затем мне стало известно,что этот сотрудник, бывший тогда солдатом,имел поручения передавать сведения и военного характера,которые он и передавал с началом норвежской операции.

ТОМА: Господин Розенберг,говорите короче.

РОЗЕНБЕРГ: Каким образом фюрер решил и действительно решил ли он провести операцию – об этом он мне больше ничего не сообщал. О всей операции от 9 января я узнал из газет. В этот же день я посетил фюрера,а пару недель спустя фюрер вызвал меня к себе и сказал, что он должен был принять это решение на основании конкретных предостережений, которые он получал и правильность которых подтвердилась в найденных документах. Он сказал,что он поступил совершенно верно, потому что,когда последние немецкие суда входили, кажется,в фиорд Тронтхейма,они должны были принять бой с прибывшими английскими судами.

ТОМА: В этой связи у меня есть еще только один вопрос. Привлекал ли фюрер вас, руководителя отдела внешней политики, на совещания,на которых обсуждались военные вопросы и вопросы внешней политики?

РОЗЕНБЕРГ: Фюрер делал строгое различие между официальной внешней политикой и теми предложениями,которые исходили от представителей иностранных государств и поступали ко мне. Он не приглашал меня ни на одни официальные переговоры,ни на одно совещание, посвященное подготовке войны. Мне кажется, это явствует из всех документов,которые вам представлены.

Д-р ТОМА: Следовательно,вы никогда не привлекались к участию в операциях в Австрии, Чехословакии,Польше, Рос-

сии и т.п.

Мне кажется, господин председатель, что сейчас подходящее время для того, чтобы на сегодня закончить.

/Об'является перерыв до 10.00 16 апреля/.

8951

H1198 – 0153

H1198 – 0154

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 16 апреля 1946 года

/Утреннее заседание/

Встать! Суд идет!

ТОМА: Господин Розенберг, вы были уполномоченным фюрера по духовному и идеологическому воспитанию НСДАП и всех примыкающих к этой партии организаций. Имели ли вы, занимая эту должность, какое-нибудь влияние на государственное законодательство?

РОЗЕНБЕРГ: По этому вопросу со мной однажды говорил фюрер. Он изложил свою точку зрения, заявив, что в руководстве большим движением, в руководстве государством следует учитывать три момента. Есть люди, которые, в силу своих способностей, должны основательно разрабатывать возникающие проблемы, продумывать их, а затем излагать в докладах. Руководство, т.е. он, должно выбирать из изложенного то, что возможно осуществить. Задача же третьей группы людей состоит в претворении в жизнь этих избранных проблем в экономической и социально-политической области в процессе тяжелого и упорного труда. К моей задаче он отнесся как к задаче людей первой группы. И поэтому он поручил мне следить за воспитанием с тем, чтобы я, основываясь на моем опыте в партии,

давал руководящие указания. Исполнительная и законодательная власть находилась в руках соответствующих министров, т.е. министерства по вопросам воспитания, имперского министерства пропаганды. Партию в целом представляла партийная канцелярия. Партийная канцелярия в том или ином случае просила меня высказать свое мнение по тому или иному вопросу, но она не была обязана считаться с моей точкой зрения.

ТОМА. Господин Розенберг, имели ли вы влияние на политику национал-социалистов по школьному вопросу?

РОЗЕНБЕРГ. Я не имел влияния непосредственно на политику в области школьного образования. Системой школ занималось министерство по вопросам воспитания, и внутренняя организация школы /ее не следует смешивать с обучением внутри партии/, так же, как и организация университетов, входили в ведение соответствующего министерства.

ТОМА. Существовали национал-социалистские воспитательные заведения? Что вам известно об этих учреждениях и каковы были ваши функции в этой области?

РОЗЕНБЕРГ. Так называемые национал-социалистские воспитательные учреждения были особыми учреждениями, созданными под руководством министерства по вопросам воспитания и рейхсфюрера Гиммлера. Эти учреждения должны были выращивать особую касту дисциплинированных людей. Инспектирование этих учреждений находилось в руках фюрера СС в министерстве по вопросам воспитания.

ТОМА. Господин Розенберг, вас обвиняют также в преследованиях церкви. Эти идеи в основном выражены вами в работе

8253

H1198 – 0155

H1198 – 0156

"Миф 20-го столетия". Признаете ли вы, что по отношению к церкви вы занимали иногда слишком резкую позицию?

РОЗЕНБЕРГ. Я признаю, само собой разумеется, что я резко критиковал исторически сложившиеся вероисповедания. Но при этом я хотел бы подчеркнуть, что в предисловии к своей книге я оговаривал, что эта книга является произведением, где высказано мое личное мировоззрение; во-вторых, что эта работа не была предназначена для верующих слоев населения, - в первой книге документов на стр. 125 имеется цитата, подтверждающая мое высказывание, в-третьих, что я отрицательно отношусь к пропаганде об отказе от принадлежности к церкви. На эту тему в первой книге документов, на стр. 122 также имеется цитата. Я также отрицательно относился к политическому вмешательству государства в чисто религиозные дела. В моей книге об этом также вполне ясно сказано. Далее. Я отклонил многочисленные предложения о переводе моей книги на иностранные языки. Только один раз ко мне попал японский перевод книги, причем я не помню, чтобы я дал разрешение на этот перевод.

ТОМА. Господин Розенберг, вы не имели специального богословского образования. Не кажется ли вам, что в некоторых своих суждениях по богословским вопросам вы ошибались?

РОЗЕНБЕРГ. Само собой разумеется, я никогда не предполагал, чтобы в моей книге, в которой разбирается так много проблем, не имелось бы ошибок. Я всегда приветствовал работы, в которых высказывали противоположные точки зрения. Я несколько раз исправлял отдельные положения в своей книге,

но целый ряд нападок, я, конечно, не мог всегда считать справедливыми. Я само собой разумеется намеревался позднее основательно переработать мою книгу, в которой имелось также много высказываний политического характера.

ТОМА. Скажите, вы когда-нибудь использовали против своих противников в области науки и теологии государственно-полицейские средства?

РОЗЕНБЕРГ. Нет. Я хотел бы здесь еще раз сказать, что моя книга была опубликована за 2 1/2 года до прихода к власти нацистов, что все могли свободно критиковать мою работу, но что основные труды, авторы которых выступали с совершенно противоположными мне убеждениями, появились уже после нашего прихода к власти. На эти труды я ответил двумя брошюрами, но я никогда не призывал полицию для преследования этих работ или их авторов.

ТОМА. Господин Розенберг, в Главном управлении имперской безопасности имелось управление, которое занималось вопросами преследования политических церквей, занимавшихся политической деятельностью Вы имели какое-нибудь отношение к этому управлению?

РОЗЕНБЕРГ. Я знаю лишь, что один из моих сотрудников, и это вполне естественно, поддерживал контакт со многими партийными учреждениями и имел также контакт с СС. Через него я получал некоторые циркуляры церковных инстанций, пастырские наставления, циркуляры, присылавшиеся так называемой Фульдской конференцией епископов, и тому подобное. Об единичных случаях ареста различных руководителей церкви я не знал.

8955

H1198 -0157

H1198 – 0158

Уже позже я узнал, что во время войны были конфискованы отдельные монастыри, как говорилось, по государственно-политическим причинам, но я так и не мог узнать этих политических причин в отдельности. Я хотел бы сейчас сказать еще следующее: в 1935 году один епископ обратился к президенту своей провинции с письменной просьбой, чтобы президент запретил мне выступить с докладом в этом городе. Его просьба не была выполнена. Но и этого церковного сановника также никто не преследовал, ни я, ни какая-либо другая инстанция.

ТОМА: Как вы относились к церковному вопросу, когда вы уже занимали должность министра по делам оккупированных восточных областей?

РОЗЕНБЕРГ. После вступления наших войск на восточные территории верховное командование вооруженных сил разрешило свободное отправление религиозных культов во всех занятых областях. Став министром по делам оккупированных восточных областей, я издал специальный вердикт о церковной веротерпимости в декабре 1941 года, утвердив при этом законодательным порядком то, что осуществлялось на практике.

ТОМА. Обвинение для подтверждения своего утверждения о преследовании церкви пред"явило целый ряд документов - это в основном письма руководителя партийной канцелярии, которые представляются в качестве доказательства того, что вы преследовали религию. Я попросил бы вас высказаться относительно этих документов. Это документы - 107, 116,122,129,101, 107-США ~~685, ПС-107~~ - США-351, *116-США 685*

8956

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Тома, вы так быстро называете эти номера, что мы не можем успеть записать их. 107-ПС вы сказали? Говорите, пожалуйста, "ПС", если вы имеете ввиду документ серии "ПС", - 107-ПС, 116-ПС.

ТОМА. Да, хорошо, я добавлю и номер США: 107-ПС - 351-США.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я бы хотел, чтобы вы называли номера серии: ПС или какие-либо другие, а также номера докадательства 107-ПС, 116-ПС.

ТОМА. 116, 122, 129, 101, 100...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Номера, идущие после 129-ПС, я не успел записать.

ТОМА. 101, 100, 089, 064, 098, 072, 070.

РОЗЕНБЕРГ. Документ номер 107 - был пред"явлен обвинением в качестве документального доказательства преследований церкви. Этот документ представляет собой разосланный партийной канцелярией циркуляр руководителя управления по вопросам трудовой повинности. В этом циркуляре, на странице первой, имеется указание о запрете всякого обсуждения религиозных вопросов внутри управления по вопросам трудовой повинности. Мне кажется, что это указание было дано для того, чтобы держать вдали от всяких религиозных дебатов и дебатов по вопросу вероисповедания, управление по вопросам трудовой повинности, которое ведало молодыми людьми из всех классов и лагерей.

8957

H1198 – 0159

H1198 – 0160

На стр. 2 дословно говорится:

"Хотя это и не является делом имперского управления по вопросам трудовой повинности - запрещать отдельным лицам, отбывающим трудовую повинность, соблюдать религиозные обряды при бракосочетании или погребении,-однако управление по вопросам трудовой повинности, как организация, должно всячески избегать участия в религиозных торжествах, об"единяющих людей одной веры, которые исключают присутствие на них людей другого вероисповедания.

Я смотрю на это распоряжение как на самое точное выполнение положения о свободе вероисповеданий. В силу этого распоряжения протестантов не могут заставить принимать участие в католических торжествах или наоборот, и далее лиц, которые возможно не принадлежат ни к одной из церквей, нельзя будет заставить принимать участие в таких торжествах определенного вероисповедания. Таким образом, я не могу считать, что в этом документе речь идет о каком-либо преследовании церкви.

Документ 116-ПС это письмо начальника партийной канцелярии имперскому министру по делам наук и воспитания от 24 января 1939 года, которое было мне прислано для ознакомления, я подчеркиваю "для ознакомления". Здесь указывается на то, что существовала переписка между партийной канцелярией и министерством по вопросу об ограничении количества богословских факультетов, причем здесь подчеркивается, что следует считаться с положениями конкордатов и договоров по церковным вопросам.

8958

Во-вторых, здесь говорится о том, что необходима планомерная организация всей системы высшего образования, многочисленные упрощения и об"единение некоторых высших учебных заведений и т.д.

В конце сказано, что вновь созданные области исследования, а именно, расовые вопросы, вопросы древней истории и другие также следует учитывать при общем руководстве высшими учебными заведениями. Мне кажется, что совершенно понятно, что, спустя шесть лет после национал-социалистской революции были открыты совершенно новые специальные области исследования и что, конечно, следовало считаться с результатами исследования в этих областях. Я лично сам выступал за то, чтобы считались с этими исследованиями при изучении крестьянской социологии, древней истории Германии, а также при изучении истории развития немецкого мышления.

То же самое относится к документу ПС-122, дата - апрель 1939 года. Я не думаю, что мне следует подробно освещать этот документ. Имперский министр воспитания высказывает в нем такую же точку зрения в отношении науки, воспитания и народного образования, подчеркивая, сколько богословских факультетов он считает нужным сохранить.

Документ ПС-129 - это письмо имперского министра по делам церкви известному немецкому писателю д-ру Штапелю, который особенно энергично выступал за религиозную реформу. В этом письме имперский министр по делам церкви говорит о том, что необходимо оказывать всяческое содействие тем

H1198 – 0161

H1198 - 0162

церквям, которые положительно относятся к национал-социалистскому государству. Министр пишет, что таким церквям необходимо оказывать покровительство, т.к. они являются как-бы непосредственной опорой министерства по делам церкви.

Во время предварительного следствия мне пред"явили один документ по этому вопросу - письмо, посланное мной в партийную канцелярию, в котором я выступаю против созыва конференции по церковным вопросам. При этом я исходил из того принципиального соображения, что в задачи национал-социалистского имперского министра по делам церкви не входит обязанность быть членом какой-нибудь церковной общины, хотя он непосредственно возглавляет их. Это - та же самая точка зрения, которая справедлива и по отношению к некоторым пред"явленным мне обвинениям.

Если бы в мои намерения, кроме докладов о своих личных мыслях, входило еще создание или руководство религиозной общиной, как единым целым, я должен был бы оставить все свои должности и функции в партии. Это вытекает из моей принципиальной точки зрения, которой я придерживался. Министр по делам церкви, будучи национал-социалистским министром, был, по-моему мнению, обязан не покровительствовать какой-либо одной, возможно, ему и внутренне близкой общине, а быть нейтральным и независимым по отношению ко всем вероисповеданиям.

Документ 101-ПС - письмо начальника партийной канцеля-

рии, в то время еще бывшего начальником штаба заместителя фюрера. В этом письме он жалуется на то, что некоторые труды религиозного содержания ведут к ослаблению наступательного духа армии. Все же он просит меня издать эти труды. Мой ответ на этот документ здесь мне не пред"явился. Моя точка зрения по этому вопросу была всегда следующей: моей задачей не являлось составлять религиозные трактаты от имени официальной партийной инстанции, но любой человек, если он хочет сказать, что-либо существенное по этому вопросу, может написать на эту тему.

Документ 100-ПС - это письмо тогдашнего руководителя штаба заместителя фюрера Бормана с жалобой на то, что я говорил на приеме у фюрера ~~следующее~~, что один из протестантских епископов написал очень полезную книгу для немецких солдат. Борман сказал, что ему кажется, что эта книга Мюллера не является для нас полезной, поскольку она в замаскированном виде проводит религиозную пропаганду. Мне кажется, что нельзя обвинять меня в том, что я бесчестно примкнул к мыслям, изложенным в книге рейхсляйтера Мюллера, на основании того, что я заявил, что и он высказывает свое мнение в подобающей форме, соответствующей его характеру, и рассматривать это как преследование религии.

Документ 080-ПС представляет собой письмо Бормана, которое было прислано мне для ознакомления. Здесь он сообщает, что он во время переговоров с рейхсляйтером Аманном просил его, учитывая дефицит в бумаге, сократить количество

H1198 – 0163

H1198-0164

бумаги, предоставляемой для печатания религиозных трудов, тем более, что ранее оно было ограничено лишь на 10%. Я не знаю, до какой степени было ограничено печатание религиозных журналов. Я могу лишь констатировать, что во время войны и по моему ведомству постоянно сокращалось количество бумаги для издания 7 журналов по вопросам искусства, музыки, литературы, немецкой драматургии и т.д. Это имело место во всей Германской империи.

Следующий документ ПС-064 представляет собой письмо руководителя партийной канцелярии, в котором мне сообщается о письме одного гауляйтера по поводу книги генерала Равенау под названием "О душе и мыслях солдата". Гауляйтер критикует взгляды генерала Равенау, мировоззрение которого находится под большим влиянием религии, и протестует против издания этой книги в партийном издательстве.

Я хотел бы дополнительно заявить, что эта работа генерала фон Равенау была опубликована в серии, изданной моим партийным ведомством. Перед этим я лично читал эту работу и допустил, чтобы эта работа вышла в этой серии наряду со многими политическими и общеисторическими трудами. Эта работа не была мной из"ята.

Документ 98-ПС представляет собой письмо, содержащее новый упрек начальника партийной канцелярии по моему адресу. Он пишет, что имперский епископ Мюллер рассказывал,

что получал от меня поручение разработать директивы по вопросу преподавания религии в школах. Борман подробно пишет о том, что в круг задач партии не входит осуществление каких-либо реформаторских попыток в системе школьного преподавания религии. По этому поводу я должен раз"яснить следующее: я не мог давать какие-либо указания имперскому епископу Мюллеру по этому вопросу. Имперский епископ посетил меня два раза. Во время одного из своих визитов он сообщил мне почти со слезами на глазах, что его деятельность не находит должной оценки. В ответ на это я ему сказал: "Господин епископ, вы, очевидно, не особенно известны широким кругам военного духовенства. Было бы правильно, если бы вы написали работу, где вы бы изложили свои основные идеи и намерения и ознакомили бы тем самым различные группы евангелической церкви со своими идеями и повлияли на них тем самым в том духе, который является для вас желательным". Очевидно, об этом говорил имперский епископ, возможно и с некоторыми добавлениями. Но мне кажется, что нельзя рассматривать этот упрек, который в этом письме делает мне Борман, как преследование церкви.

Документ Д-75 представляет собой чрезвычайный циркуляр руководителя партийной канцелярии со следующим содержанием. Здесь излагается его точка зрения по вопросу об отношении национал- социализма к христианству. Насколько я припоминаю, здесь речь идет о следующем документе:

8963

H1198 – 0165

H1198 – 0166

Я слышал как-то, что Борман послал такого рода письмо всем гаулейтерам. Я просил его довести до моего сведения содержание этого письма. Спустя длительное время я получил этот циркуляр. Мне показалось совершенно невозможным, что такой циркуляр мог исходить от партийных инстанций. Я писал по этому вопросу Борману /письмо должно находится в моем деле/ и сказал ему, что циркуляр в такой форме я считаю совершенно недопустимым, и затем, для того, чтобы вопрос обсудили, я от руки приписал тогда, что фюрер никогда бы не разрешил издать такого рода циркуляр.

Я затем еще разговаривал с Борманом лично и раз"яснил ему, что каждый из нас имеет право высказать свою точку зрения по этому вопросу, но что является совершенно невозможным для партийных инстанций издавать такого рода циркуляри. Борман был очень смущен после этой беседы и, как я случайно слышал от подсудимого Шираха, ему кажется, что этот циркуляр был впоследствии из"ят. Во всяком случае более подробных показаний я об этом циркуляре дать не могу.

ТОМА: Господин председатель, я хотел бы обратить Ваше внимание на то, что я неправильно сообщил номер этого документа 075. Правильный номер этого документа Д-75.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минуту. Какой номер этого документа?

ТОМА. Д-75.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

РОЗЕНБЕРГ. Документ 072-ПС представляет собой письмо Бормана мне относительно расследования конфискации целого

ряда монастырских библиотек государством. Политическая причина этого во всех подробностях мне не была сообщена. Однако, я слышал, что полиция претендовала на то, чтобы ей, кроме того, было предоставлено право расследования этой области. Это было проблемой, по поводу которой мы в эти годы расходились с Гиммлером. Я считал совершенно недопустимым, чтобы еще и эта область отдавалась под контроль полиции. Это заставило меня высказать свое недовольство Борману. Об этом говорится в документе 071.

Документ № 072 представляет собой как раз ответ Бормана, в котором он говорит, что Гейдрих настаивает на том, чтобы полицейские органы в дальнейшем проводили расследование этих трудов, а также следующее:

Цитирую:

"Научная обработка трудов нашего противника в области идеологии может происходить лишь в связи с политически-полицейской работой".

Я считал, что такая постановка вопроса является невозможной и протестовал против нее.

Вот то самое существенное, что я хотел бы сказать относительно этих документов. В заключение я могу сказать одно, что я всегда отказывался официально от лица партии издавать какие-нибудь трактаты религиозного содержания и составлять катехизисы в своих партийных инстанциях.

Я старался представлять национал-социалистские интересы, но я не рассматривал мои инстанции как духовную

H1198 – 0167

H1198 – 0168

полицию, однако, дело обстояло так, что фюрер поручил Борману представлять партию при разрешении церковно-политических вопросов.

На все эти письма моих ответов нет. Я также не знаю, отвечал ли я на все эти документы письменно или я вел по этому вопросу переговоры с Борманом. Несмотря на то, что таких моих ответов нет, Обвинение здесь заявило, что мы оба, т.е. я и Борман, издавали распоряжения и циркуляры, смысл которых заключался в практическом проведении политики преследования церквей и склоняли других немцев также принять участие в этом преследовании религии. Резюмируя, я хотел бы ответить на все эти документы следующим образом: здесь мы имеем дело с проблемой тысячелетней давности, а именно проблемой отношения между церковной и светской властью. Многие государства издавали декреты, против которых церковь протестовала.

Если заняться рассмотрением законодательства новейшего времени, а именно законодательства Французской республики при министре Комбэ и законодательства Советского Союза, то мы увидим, что они официально поддерживают и стимулируют пропаганду ариизма с помощью брошюр, газет и каррикатур.

Заканчивая, я хотел бы сказать, что национал-социалистское государство при всем имевшемся положении вещей, насколько мне известно, до самого конца предоставляло церкви для ее организационных нужд 700 млн. марок в год

9966

из общей суммы взимаемых налогов.

ТОМА. Господин свидетель! Как известно, противоречия между вами и руководителем партийной канцелярии Борманом все больше возрастали. Скажите, что в последующее время было причиной этих разногласий? Было ли причиной разногласий то, что вы проявляли большую терпимость при разрешении церковных вопросов?

РОЗЕНБЕРГ. Очень тяжело сказать, какие причины в отдельности играли во всем этом роль. Что эта вражда была очень сильной, я почувствовал в после дние годы при решении во сточных проблем. Но я узнал это по-настоящему лишь позднее, слишком поздно. Я должен признать, что в больших движениях, каким было национал-социалистское движение, всегда имеет место тот факт, что отдельные руководители этого движения защищают различные точки зрения по тем или иным вопросам, что эти руководители по-разному подходят к их решению. Я не считаю, что я в этом отношении являлся каким-то исключением. Я также совершал ряд ошибок и промахов, которые могли критиковать другие. Я не верил в то, что такие разногласия во взглядах на отдельные вопросы могли привести к такой вражде, что они должны были оканчиваться подкопом под то положение, которое занимает один из них.

ТОМА. Ограничивалось ли в Третьей империи когда-либо свободное отправление богослужения в церквях, так например,

8917

H1198 – 0169

H1198 – 0170

воскресное богослужение и т.д.?

РОЗЕНБЕРГ. В настоящий момент я не могу дать точного ответа. Но насколько мне известно, богослужение по всей Германии не было запрещено до самого конца.

ТОМА. Теперь я задам вопросы относительно вашего "оперативного штаба". Я хотел бы передать вам документ 1015, где содержатся самые существенные моменты, и обратить ваше внимание на книгу документов, пред"явленную французским Обвинением, в особенности на документ ФА № 1. Скажите, какие обстоятельства обусловили создание "Оперативного штаба Розенберг"?

РОЗЕНБЕРГ. Представители Обвинения утверждали, что этот штаб был создан по заранее составленному плану в целях разграбления культурных ценностей других государств. В действительности же дело обстояло так, что имелся заранее не предусмотренный повод к созданию штаба.

Один из моих сотрудников во время вступления германских войск в Париж, сопровождая делегацию прессы, установил, что все парижане, за исключением еврейской части населения, возвращались назад целыми массами. Большое количество учреждений оказались пустыми, дома видных деятелей были оставлены также пустыми. Он предложил исследовать архивы, корреспонденцию, оставленные в этих учреждениях. Я сообщил об этом фюреру и спросил его, считает ли он правильным проведение такого расследования.

Это мое письмо к фюреру пред"являлось мне уже во время предварительного следствия, но этот документ не был доведен до сведения Суда со стороны Обвинения. Несмотря на то, что имеется документальное доказательство /это письмо как раз и является таким документальным доказательством/ по тому вопросу, что послужило поводом для создания моего штаба, Обвинение продолжает утверждать, что создание штаба явилось результатом продолжительного планирования.

В начале июля 1940 года фюрер издал распоряжение, где говорится об этом поручении. Поскольку наряду с архивами во многих замках было обнаружено большое количество предметов искусства, часть которых могла подвергаться опасности, фюрер приказал доставить эти предметы искусства в Германскую империю, где они должны были храниться.

ТОМА. Скажите, что вам было известно о том, какие основания правового характера были у фюрера для проведения таких мероприятий?

РОЗЕНБЕРГ. Да, я хотел бы сказать, что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Минутку, я не понимаю, о чем вы говорите... Говорите ли вы о том, что вы направили такое предложение фюреру, и что доказательством этого является ваше письмо, содержащее это предложение, и что обвинение скрывает это доказательство. Вы об этом говорите? Ответьте, пожалуйста, на вопрос, утверждаете ли вы, что Обвинение скрывает дока-

H1198 – 0171

H1198 – 0172

зательство о том, что вы действительно сделали предложение фюреру относительно вывоза еврейской собственности из Франции?

РОЗЕНБЕРГ. Я не хочу сказать, утаивает или скрывает, я хочу сказать, что этот документ не был здесь пред"явлен, несмотря на то, что этот документ был доведен до моего сведения во время предварительного расследования.

ТОМА. Господин Председатель. Я хотел бы указать на следующее. Я неоднократно указывал в своих письменных ходатайствах, что этот документ имеется, поскольку он был пред"явлен подсудимому Розенбергу во время допросов при предварительном следствии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подавали ли вы ходатайство относительно представления этого документа?

ТОМА. Да, конечно, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Когда?

ТОМА. Я несколько раз обращал внимание Суда на этот документ и говорил о необходимости предоставить его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал не помнит, чтобы он отклонял подобное ходатайство. Разрешите мне посмотреть на это ходатайство. Возможно, это не является особенно важным вопросом, но я просто хочу понять, о чем говорил свидетель.

ТОМА. Я просмотрю свои документы и сообщу затем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, вы пока можете продолжать.

РОЗЕНБЕРГ. Было ясно, что здесь речь идет не о совсем обычном деле. Я поэтому и не говорил с военной администра-

цией, я обратился непосредственно к фюреру, чтобы выслушать его мнение по этому вопросу. Мне кажется, что само по себе было совершенно понятно, что мы были заинтересованы исследовать с исторической точки зрения, в какой степени различные организации принимали участие в работе, которая противоречила интересам мира, в течение прошлых лет и десятилетий; во-вторых, каково было участие выдающихся личностей во всем этом. И, в-третьих, я помню, что очень много предметов искусства, которые были вывезены когда-то из Германии, не были возвращены ей вновь, несмотря на положения договора 1919 г. Кроме того, я не забывал о мероприятии, к которому союзники с 1914 по 1918 г.г. относились как к совместимому с положениями Гаагской конвенции. За упомянутый промежуток времени у определенной категории германских граждан, а именно у имперских немцев за границей, т.е. в других государствах, а также в оккупированных немецких областях, т.е. в колониях, была конфискована их собственность, а позже она была отчуждена без всякого возмещения убытков, причем стоимость конфискованного имущества достигала 25 миллиардов рейхсмарок. По мирному Версальскому договору Германия была обязана, кроме того, взять на себя обеспечение этих имперских немцев, чье имущество было отчуждено, и создать для этого особый фонд. Главный обвинитель от Франции заявил на этом процессе, что Версальский договор был составлен на основе Гаагской конвенции. Таким образом, я имел еще раз возможность сделать заключение, что это мероприятие против известной категории граждан, наряду с другими непредвиденными мероприятиями военного времени, может явиться вполне

8971

H1198 – 0173

H1198 – 0174

оправданным, но при соблюдении остальных правил относительно частной и общественной собственности. Во время предварительного следствия меня спрашивали относительно правовых предпосылок этого мероприятия. Я хотел указать на вышеизложенный момент, но меня прервали замечанием, что допрашивающих в данный момент это не интересует. В протоколе этого допроса, который был пред"явлен здесь французским обвинением, содержится замечание, что я, якобы, сказал следующее...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нас не интересуют протоколы допросов, постольку, поскольку они не представлены в качестве доказательства. А эти протоколы допросов еще не были представлены в качестве доказательства. Вы сможете дать ваше об"яснение к этим протоколам в случае, если они будут пред"явлены вам во время перекрестного допроса.

РОЗЕНБЕРГ. Господин Председатель! Этот документ здесь был уже пред"явлен в книге документов. Обратный перевод моего замечания на немецкий язык сделан не совсем точно и не совпадает с точным текстом французских документов.

ТОМА. Господин Председатель! Свидетель этим хочет только сказать, что он с самого начала указывал на то, что следовало исходить из статьи 279 Версальского договора и что неправильно, что он лишь позже придумал это оправдание.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Тома, я указал подсудимому Розенбергу, что протоколы различных допросов, которые были проведены, вероятно не были представлены в качестве доказательства. Конечно, если он ссылается на протоколы, которые

уже представлены в качестве доказательства... Но, разве, это так?

ТОМА. Да, этот протокол был представлен, это документ ГА-16 , господин председатель.

РОЗЕНБЕРГ. Об этом документе шла уже речь. Но протокол этого допроса суду...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минуту. Если он ссылается на протокол, который уже представлен, то у этого протокола должен быть номер доказательства.

ТОМА. Этот протокол находится в книге документов, его номер, по-моему, ГА-16.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, если он ссылается на представленный в качестве доказательства документ, пожалуйста, он вполне может это сделать.

РОЗЕНБЕРГ. Я хотел бы здесь раз"яснить те ошибки, которые встречаются в немецком переводе. Я не сказал: "да, правильно; я припоминаю, что это мероприятие было проведено". Я сказал тогда: "Я думал об этом, т.е. я уже раньше об этом думал, а не вспомнил в тот момент, когда меня спросили". Я установил эту ошибку после того, как я получил перевод. Раньше же я этого перевода не видел. Относительно документа 1058-ПС, который здесь имеется, я хотел бы вкратце, чтобы долго не задерживать внимание Суда, сказать следующее: В отчете за 1940-1944 г.г. на стр. 2 было указано на то, что происхождение предметов искусства было совершенно точно установлено.

H1198 - 0175

H1198 – 0176

Здесь же на стр. 3 далее говорится, что вся инвентаризация этих предметов искусства должны проводиться на научной базе на основе научного каталога.

Здесь же говорится об учреждении реставрационных мастерских и о том, чтобы отсылать эти произведения в определенное место после реставрации.

В заключение я хотел бы сказать несколько слов по поводу выступления советского обвинения об обращении оперативного штаба с сокровищами искусства на ранее оккупированных восточных территориях. В конце рабочего отчета под заголовком: "Работа на восточных территориях" говорится следующее: "В оккупированных восточных областя х деятельность Особого штаба по делам изобразительного искусства ограничивалась чисто научным и фотографическим учетом общественных коллекций, их охраной и заботой о их сохранении в сотрудничестве с военными и гражданскими инстанциями. В ходе эвакуации этих областей несколько сот ценнейших русских икон и несколько сот картин русской живописи 18 и 19 столетий, мебель и ценная утварь были сохранены и отправлены на место их хранения в империю". Я хотел бы этим указать на то что наш оперативный штаб на Востоке никаких советских произведений искусства и культурных ценностей в империю не отправлял, а что он лишь в ходе эвакуации из этих районов, как это ясно вытекает из документов более позднего времени, отправлял их из непосредственно находившихся под угрозой военных действий областей в тыловые районы, а затем еще в более глубокий тыл и частично - в империю для хранения их там.

В этой же связи я хотел бы обратить Ваше внимание на письмо рейхсминистра и начальника имперской канцелярии от 5 июля 1942 г.. Я здесь делаю ссылку на обвинение польского правительства, где было заявлено, что все вывезенные оперативным штабом из Польши сокровища и скусства и музейные экспонаты были сконцентрированы в руках эйнзатцштаба или в аппарате Розенберга в Берлине. Я еще вернусь к этому обвинению польского правительства. Сейчас же я хотел обратить Ваше внимание на ~~н~~ письмо д-ра Ламмерса, где говорится следующее: "Фюрер постановил, чтобы различные библиотеки восточных областей были конфискованы". Но здесь также совершенно ясно сказано, что "к этим восточным областям и к зонам, в которых должна быть проведена эта конфискация, генерал-губернаторство не относится".

Затем обращаю Ваше внимание на декрет имперского министра по делам восточных оккупированных областей от 20-го августа 1941 г. Этот декрет был направлен рейхскомиссару Остлеру.

ТОМА. Какая страница?

РОЗЕНБЕРГ. На странице 2-й этого декрета в конце сказано, что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. О каком документе вы сейчас говорите Назовите его номер.

РОЗЕНБЕРГ. К сожалению, на этих документах, которые у меня находятся в руках, эта часть не отчеркнута красным . Во всяком случае, это в конце 1-й страницы документа. Это

8975

H1198 - 0177

H1198 – 0178

не специальное письмо. Речь идет о циркуляре от 7 апреля 1942 г. Прошу прощения, речь идет о циркуляре от 20 августа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я хотел бы лишь точно выяснить это обстоятельство. Я записал у себя, что он ссылался на декрет от 20 августа 1941 г.

РОЗЕНБЕРГ. Простите ... Да, он датирован 20-м августа.

ТОМА. 20 августа - это правильно. Год - 1941.

Это находится во второй книге документов на стр. 78, в конце страницы. Там говорится: "Я убедительно прошу ни в коем случае не допускать того, чтобы какие-нибудь инстанции вывозили без Вашего разрешения культурные ценности, имеющиеся в Вашем рейхскомиссариате. Вопрос о том, что из конфискованных ценностей останется в Остланде и что будет использовано для исследовательской работы в высшей школе НСДАП, - будет решен позже. Я прошу проинформировать об этом указании подчиненных Вам генеральных и областных комиссаров. Это указание не распространяется на государственные музеи, библиотеки и т.д., хотя за оперативным штабом сохраняется право инвентаризации книжных фондов и контроля над ними".

Я должен буду возвратиться к этому документу еще позже, когда я буду говорить относительно выступления советского обвинения по вопросу об управлении Литвой, Латвией и Эстонией.

Мы переходим теперь к следующему вопросу, к вывозу мебели из Франции.

РОЗЕНБЕРГ. Простите, я еще не закончил. Здесь мне предъявляется очень серьезное обвинение. Я хотел бы

РОЗЕНБЕРГ. Простите, я еще не закончил. Здесь мне пред"является очень серьезное обвинение. Я хотел бы здесь коснуться второго распоряжения имперского министра по делам восточных оккупированных областей от 7 апреля 1942 года, где в конце первого раздела имеется ссылка на только что оглашенные положения. Это второй том документов, стр. 94. Здесь дается указание о необходимости в принципе воздерживаться от самовольных действий. А в разделе П говорится: "В исключительных случаях для устранения угрожающей опасности /например при опасности обвала зданий, при угрозе обстрела со стороны противника, при метеорологических влияниях и т.д./ могут быть приняты немедленные меры для охраны или эвакуации предметов в надежное место".

Я возвращусь потом к этому документу по поводу обвинения, выдвинутого советским правительством о событиях в Минске. В заключительной части оглашавшегося здесь документа 076-ПС было сказано: "Никогда такого рода приказы относительно охраны предметов искусства не издавались". Как известно, такой приказ,однако, здесь имеется в двух копиях. Я затем хочу сослаться на указание имперского министра по делам оккупированных областей начальнику оперативного штаба от 3 октября 1941 г. В этом указании обращается еще раз внимание на только что оглашенный документ.

Затем я хочу далее обратить внимание на приказ командования сухопутных сил от 30 сентября 1942 г. Этот приказ был издан совместно с имперским министром по делам восточных оккупированных областей. Здесь в разделе II говорится о следующем:

8977

H1198 – 0179

H1198-0180

ТОМА. В книге документов это 89 страница?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какая это дата - сентябрь 1942 г.?

ТОМА. 30 сентября 1942 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, сейчас я нашел это. А что вы скажете относительно документа от октября 1941 г., где он находится?

РОЗЕНБЕРГ. Это был документ от 3 октября 1941 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Тома, Вы знаете, где находится этот документ?

ТОМА. Он имеется в документе 1015-ПС, США-85, который уже был пред"явлен здесь. Очень может быть, что этот документ не содержится в моей книге документов. Я не могу этот документ в данный момент разыскать, но он значится под № 1015-ПС и уже был здесь пред"явлен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

РОЗЕНБЕРГ. В приказе командования сухопутных сил от 30 сентября в пункте 1 говорится следующее: "За исключением отдельных случаев, когда будет совершенно необходима охрана предметов искусства, которым угрожает опасность, их следует сохранять в том месте, где они находились до этого, причем все решения относительно этих вопросов ~~не~~ должны приниматься после согласования их между начальником тыла при командовании сухопутных сил и оперативным штабом Розенберга , последнему разрешается ведать охраной тех культурных ценностей в районе боевых действий на Востоке, которые не попадают под действие раздела "Б". Здесь в особенности следует учитывать музейные ценности".

И в конце этого приказа в пункте 1У говорится:

"Независимо от задач зондеркоманд рейхслейтера Розенберга, указанных в разделах 1-а, б, в, войска и все военные инстанции, находящиеся в районах боевых действий, обязаны по мере возможности бережно относиться к ценным памятникам искусства и охранять их от разрушений и повреждений".

Я чувствую себя обязанным, по крайней мере в очень кратких чертах, тем самым, доказать, что, как мой оперативный штаб, так и все военные инстанции издавали совершенно ясные приказы о необходимости охраны ценных памятников искусства русского, украинского и белорусского народов даже во время самых жестоких боев.

ТОМА. Г-н Розенберг, Вы знаете, что Геринг и Гитлер присвоили себе некоторые предметы искусства из числа конфискованных во Франции? Каково Ваше участие в этом деле?

РОЗЕНБЕРГ. В принципе это было решено фюрером. В составленных по приказу фюрера генерал-фельдмаршалом Кейтелем сообщениях было совершенно ясно сказано, что фюрер оставил за собой право распоряжаться всеми этими памятниками искусства. Я не хочу оспаривать здесь, что я надеялся, что, по крайней мере, значительная часть этих памятников искусства останется в Германии, тем более, что в то время очень большое количество памятников искусства в Германии было разрушено во время сильных бомбардировок на Западе. Эти предметы искусства являлись как бы залогом для мирных переговоров впоследствии. Когда рейхсмаршал Геринг, который особенно поддерживал эту деятельность оперативного штаба, взял для себя, т.е. для своих

8979

H1198 – 0182

коллекций, известное число предметов искусства, я был, откровенно признаюсь, немного обеспокоен, как это сказано в протоколе. Я был обеспокоен потому, что, получив поручение от фюрера, я счи тал себя ответственным за всю конфискацию предметов искусства и культурных ценностей.

Я был обязан составить на все предметы искусства каталоги, чтобы предоставить их в нужный момент в распоряжение тех, кто дал мне такое поручение, для принятия соответствующих решений при ведении мирных переговоров. Поэтому я попросил своего уполномоченного дать также сведения о том, что Геринг, с разрешения фюрера, взял для своей коллекции. Я знал, что рейхсмаршал Геринг намеревался в будущем не оставлять их себе, а передать все эти сокровища искусства германскому государству. В протоколе, который пред"явился здесь французским обвинением, также имеется одна ошибка, о которой следует весьма сожалеть. Там говорится о том, что я был очень обеспокоен тем, что Геринг похитил эти предметы искусства. По немецки "похитить" означает следующее: взять что-либо, не имея на это права. Я не употребил этого слова, я сказал, что он "использовал" эти предметы искусства для своей коллекции, а это имеет иной смысл.

ТОМА. Я прошу вас обратить внимание на эту ошибку в протоколе французского текста, это слово „détourné".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: "Об"является перерыв.

/Перерыв 10 минут/.

8990

ТОМА: /защитник подсудимого Розенберга/. Я перехожу к вопросу о мебели во Франции и передаю подсудимому в связи с этим документ № 001-ПС и далее вторую книгу французских документов. Я хочу, чтобы подсудимый высказал свою точку зрения по этому вопросу.

РОЗЕНБЕРГ: Документ № 001-ПС. Там сказано вначале, что на востоке было такое ужасное положение с квартирами, что я предложил обдумать вопрос об использовании пустых еврейских квартир во Франции и меблировать их. Эта инициатива была проведена в жизнь указом рейхсминистра и начальника имперской канцелярии от 31 декабря 1941 года, по поручению фюрера. Ввиду все усиливавшихся бомбардировок в Германии, я считал, что я не могу нести ответственности за это, было сделано предложение передать эту мебель пострадавшим от бомбардировок в Германии. Здесь речь шла о сотнях тысяч людей, пострадавших в одну ночь. Им надо было, таким образом, оказать первую помощь.

В сообщении, помещенном во французской книге документов, в 7-м абзаце описывается, как производилась эта конфискация: покинутые квартиры сначала были опечатаны и оставлены опечатанными длительное время для того, чтобы можно было выждать ходатайства со стороны владельца, а затем уже мебель транспортировалась в Германию. Я сознаю, что это было, безусловно, покушением на частную собственность. Я обдумал все возможности, но я ведь думал о миллионах немцев, лишенных крова. При этом я хочу подчеркнуть, что я получил точные сведения о том, что в большой книге были зарегистрированы все владельцы квартир, собственники и, в основном, все то, что находилось в этих квартирах, для того, чтобы можно было вести впоследствии перегово

H1198-0183

H1198 – 0184

с владельцами.

Затем, в Германии дело обстояло так. Пострадавшие от бомбардировок должны были платить за предметы домашнего обихода и мебель, находившуюся в этих квартирах, а затем эта сумма высчитывалась из той денежной суммы, которую они должны были как пострадавшие, получить от государства. Эти деньги перечислялись в особый фонд имперского министерства финансов.

Этот документ № 001-ПС содержит в пункте 2 предложение, которое я должен рассматривать как серьезное обвинение против меня. Это указание на то, что ввиду многочисленных убийств немцев во Франции должны расстреливаться не только французы-заложники, но и следует привлекать к ответственности и еврейских граждан. Я должен здесь заметить, что расстрелы заложников уже потому, что о них официально сообщалось, я рассматривал как допустимое мероприятие в особых условиях во время войны, и тот факт, что это проводилось представителями армии, мне казалось, свидетельствовал о тщательной проверке, тем более, что речь шла об области, о государстве, с которым империя заключила перемирие.

Во-вторых, это имело место во время всеобщего возбуждения, в связи с началом войны с Соединенными Штатами Северной Америки и после сообщения польского посла графа Потоцкого от 30/1-1939 г., которое я не имею возможности зачитать здесь, т.к. Трибунал не разрешил этого. Несмотря на все это, я должен сказать, что я лично признаю допущенную мною в данном случае несправедливость. Но с правовой точки зрения я хотел бы указать

на то, что в книге документов 1015-ПС под латинской буквой "ипсилон" помещено письмо имперского министра и начальника имперской канцелярии от 31 декабря 1941 г. Там сказано:

"С вашей об"яснительной запиской от 18 декабря 1941 г. фюрер ознакомился. Фюрер об"явил о своем согласии с вашим предложением по пункту № 1. Ту часть вашей об"яснительной записки, которая относится к вопросу об оценке имущества еврейских квартир, я передал начальнику ОКВ и рейхскомиссару Нидерландов вместе с приложением"./Конец цитаты/.

Таким образом, пункт первый был принят, а второе предложение было отклонено, т.е. это предложение не имело никаких правовых последствий. И никогда более не возвращался к этому вопросу и, должен сказать, что я совсем забыл о нем, когда он был мне здесь вновь пред"явлен.

ТОМА. Теперь я перехожу к теме: "Министр по делам оккупированных восточных областей". Подсудимый придает большое значение тому, чтобы он мог высказать свое мнение об утверждении, имеющемся в ноте Молотова. Там сказано, что он был якобы царским шпионом. Это характеризует подсудимого с отрицательной стороны и поэтому я хочу коснуться этой ноты. Я спрашиваю подсудимого: имел ли он когда-либо связь с царской полицией?

РОЗЕНБЕРГ: Нет.

/К микрофону подходит представитель советского обвинения генерал Руденко/.

РУДЕНКО: Г-н председатель, в обвинительном заключении, которое пред"явлено подсудимому Розенбергу, нет пункта, где бы ему инкриминировалось то, что он являлся царским шпионом.

8983

H1198 – 0185

H1198 – 0186

Поэтому постановка этого вопроса мне кажется излишней.

ТОМА: Трибуналу были представлены отчеты Молотова, - они были приведены к ак доказательства. Поэтому я считаю себя вправе поставить этот вопрос.

8984

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он уже дал на это отрицательный ответ и поэтому вы можете перейти к другому вопросу. В обвинительном заключении нет подобного пункта.

ТОМА: Да. Когда вы узнали, что вы будете назначены на пост министра по делам восточных областей, которые будут оккупированы, и почему вам дали это поручение?

РОЗЕНБЕРГ: Я должен заявить, что фюрер в начале апреля, как я помню, это было 2 апреля 1941 года, пригласил меня в полдень к себе и заявил мне, что он рассматривает столкновение с Советским Союзом, как нечто неизбежное. Для обоснования этого он выдвинул два пункта: во-первых, военная оккупация румынских территорий, а именно - Бессарабии и Северной Буковины и, во-вторых, чрезвычайное сосредоточение войск Красной Армии по демаркационной линии и вообще на всей советско~~й русской~~ территории. Все это настолько важно, что он уже дал соответствующие военные и другие приказы и что он хочет включить меня в это дело как политического советника/консультанта/.

Таким образом, я был поставлен перед совершившимся фактом, а попытку вообще еще раз об этом поговорить фюрер пресек замечанием о том, что приказы уже даны и что, очевидно, нельзя будет ничего изменить. На это я сказал фюреру, что, конечно, в таком случае я желаю счастья немецкому оружию и нахожусь в его распоряжении, как консультант по политическим вопросам. Я сейчас же после этого собрал своих самых близких сотрудников, так как я ведь не знал, когда начнутся эти военные действия, и мы обсудили возможные политические проблемы и возможные мероприятия в оккупированных восточных областях. Эти проекты были здесь пред"явлены.

H1198-0187

H1198 – 0188

~~дели~~.

20 апреля я получил временное поручение - создать центральное учреждение для рассмотрения этих восточных проблем и установления связи по этим вопросам с вышестоящими имперскими учреждениями.

Д-р ТОМА: Я хочу пред"явить подсудимому те инструкции которые он разработал по этому вопросу после своего назначения. У меня есть еще одна просьба к Трибуналу. Эти инструкции перечеркнуты на фотокопии и снабжены всякими замечаниями, и я прошу Трибунал лично ознакомиться с этими копиями, для того, чтобы он увидел, как были перечеркнуты эти инструкции. Сами документы уже представлены Трибуналу в качестве доказательства.

РОЗЕНБЕРГ: - Я хочу сказать об этих документах № 1017, 1028, 1029, 1030...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Они уже были представлены в качестве доказательства?

ТОМА: Да, уже представлены. Назовите, пожалуйста, номера этих документов как доказательств.

РОЗЕНБЕРГ: Я только что назвал номера, но какие это номера США - я не знаю. Здесь номера 1028, 232. На документе 1030 есть № США-144, на № 1028 есть № США-273. На других я не нахожу этого номера.

ТОМА: № 1017. Это, кажется, № США-142, затем № 1028, это США-273, затем 1029, это США-145 и затем № 1030 - это США-144. Они находятся в дополнительной книге документов Розенберга

Я хочу заметить, что это лишь проекты и это проекты, относящиеся к началу апреля и началу мая. Эти предварительные проекты не были обуществлены и закреплены в приказах.

8286

H1198 – 0189

Они были снабжены некоторыми замечаниями на полях и они содержат некоторые высказывания, которые впоследствии не были одобрены фюрером и уже по этому одному не могли быть осуществлены по отношению к Украине. Настоящие первые инструкции, направленные рейхскомиссарам Остланда и Украины после основания министерства по делам оккупированных восточных областей, к сожалению, не были найдены. Таким образом, я не могу сослаться на них здесь далее.

20 июня 1941 года, т.е. за день до начала войны с Россией, вы обратились с речью о восточных проблемах ко всем лицам, работающим над восточными проблемами. Это - документ № США-147, 1058-ПС.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сказали документ № 1058-ПС, не так ли?

ТОМА: Да.

Здесь речь идет о документе США-147, из которого обвинение неоднократно цитировало один единственный абзац.

РОЗЕНБЕРГ: Это довольно длинная речь, произнесенная без подготовки и обращенная к людям, заинтересованным в восточных проблемах и работающих над ними, и я должен сказать, что моим долгом было обдумать, какие политические мероприятия следует провести для того, чтобы обеспечить Германии то, за что она боролась на Востоке. Я должен здесь подчеркнуть, что все сказанное мною здесь совершенно не соответствует утверждениям советского Обвинения, а именно, что я одобрял систематическое истребление славянского населения. Я не хочу зачитывать слишком много, но некоторые абзацы я хочу зачитать в свою защиту. Абзац второй.

"Первоначально русская история была чисто континентальным делом. Московская Русь жила 200 лет под татарским

игом и была теснее всего связана с Востоком. Русские торговцы и охотники, так сказать, открыли этот восток до Урала. Несколько казацких отрядов двинулись на восток и, без сомнения, эта колонизация Сибири является великим деянием в мировой истории".

Я считаю, что здесь высказано мое уважение к России и ее историческим заслугам. В следующем абзаце сказано: "Для Германии возникает цель - свобода украинского народа. Ее нужно принять, как пункт политической программы. В какой форме и в каких размерах будет создано позднее Украинское государство - говорить сейчас не имеет смысла... При этом нужно действовать осторожно. Необходимо стимулировать выпуск литературы о борьбе украинского народа для того, чтобы в украинском народе снова пробудилась любовь к истории. В Киеве следует открыть университет, высшие технические училища, сохранять украинский язык и т.д."

Я цитирую это для того, чтобы документально доказать, что я не хотел уничтожить культуру восточных народов. В следующем абзаце я указываю на то, что важно привлечь постепенно 40 миллионов к добровольному труду. Далее, в следующем абзаце сказано о кавказских национальных государствах, которые должны были быть оккупированы, следующее:

"Здесь нашей целью и будет являться создание кавказского национального государства. Нужно найти федеративное решение, которое с помощью Германии может быть доведено до того, что эти люди будут просить Германию гарантировать им их культурное и национальное существование".

И здесь ничего не говорится об уничтожении.

8988

H1198 - 0190

H1198-0191

Затем следует пункт, который был пред"явлен мне американским обвинением как особо тяжкое обвинение. Здесь речь идет о так называемой колонизации и о немецком народном достоянии на востоке. В этом абзаце сказанл следующее:

"Наряду с этими проблемами стоит вопрос, в равной степени являющийся важным, вопрос, о котором нам всем следует подумать. Это - вопрос о собственности немецкого народа. Немецкий народ работал на этом огромном пространстве в течение сотен лет. Результатом этой работы было, между прочим, крупное землевладение. Конфискованные землевладения в Прибалтике могут быть сравнены по величине с территорией Восточной Пруссии. Все землевладения в районе Черного моря занимали такое пространство, как Вюртемберг, Баден и Эльзас, вместе взятые. В районе Черного моря обрабатывали больше земли, чем во всей Англии.

Эти соотношения показывают нам, что немцы там не занимались ростовщичеством и не грабили народ, напротив, они занимались созидательным трудом. И результатом этого труда является немецкая национальная собственность, безотносительно к ее прежним индивидуальным владельцам. Как это будет компенсировано - сказать сейчас еще нельзя, но, исходя из этого, можно будет создать правовую основу этой компенсации..."

Я это цитирую, так как к этому необходимо будет вернуться при рассмотрении аграрного вопроса в связи с имперским комиссариатом Остланд. Там, несмотря на эту идею, семисотлетнее землевладение немцев не было восстановлено, а было законно передано эстонцам, латышам и литовцам. Далее здесь сказано:

"Мы должны заявить, что мы и сейчас не являемся врагами русского народа".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы все еще читаете документ 1058-ПС?

РОЗЕНБЕРГ: Да. Я цитирую следующий абзац: "Я должен заявить, что мы и сейчас не являемся врагами русского народа. Всем нам, давно знавшим русский народ, известно, что каждый русский в отдельности является чрезвычайно вежливым, способным к культурному развитию человеком, которому только недостает такта, характерного для европейца Западной Европы. Наша борьба за новое устройство ведется с учетом права народов на самоопределение". Я не буду цитировать этого до конца, впоследствии это еще будет освещено. Я держал эту речь, будучи убежденным в том, что фюрер в общем утвердил мои принципы по этому вопросу, которые я изложил ему. Я не знал и он мне не говорил, что были уже даны другие приказы армии и полиции и мне было бы иначе невозможно в присутствии Гейдриха сделать доклад, который резко бы противоречил тенденциям Гейдриха и Гиммлера.

Что касается пункта этого документа, который цитировался обвинением, то я должен сказать следующее: от людей имевших отношение к четырехлетнему плану, я узнал, что в случае оккупации московского промышленного района, очевидно в боях будут произведены большие разрушения и крупные промышленные предприятия нельзя будет вывезти и, очевидно придется ограничиться вывозом основных промышленных предприятий.

Это, конечно, приведет к большой безработице, но неизвестно - каковы запасы продуктов питания на Востоке, учитывая продовольственное положение в целом, следует принима

8990

H1198 - 0192

H1198 – 0193

во внимание и продовольственные запасы Германии, ввиду возможной блокады. Это было предпосылкой для замечания о том, что при определенных условиях должна была быть проведена эвакуация из этих русских областей и большое количество индустриальных рабочих будут безработными. В этой связи я хочу сослаться на документ № 1056. Это – первые инструкции имперского министерства по восточным делам, где сказано, что продовольственное снабжение также и населения является особым долгом рейхскомиссаров.

ТОМА: 17 июля 1941 года вы указом фюрера были назначены на пост имперского министра по делам восточных областей. За день до этого состоялось совещание между Гитлером, Кейтелем, Герингом и Ламмерсом. На этом совещании Вы доложили о вашей административной программе. Это – документ № 2201, США -317. Прошу Вас высказаться по этому поводу; это в книге документов Розенберга , том 2, стр.128.

РОЗЕНБЕРГ: Этот документ, который, очевидно, является обобщающей записью Бормана, конечно, здесь пред"являлся четыре или пять раз. Я на этом совещании не намеревался развивать большой программы. Это совещание было созвано для того, чтобы обсудить проекты приказов фюрера и дать всем участникам возможность высказать по этому поводу свою точку зрения. Я также был занят вопросом о кадрах, о котором я хотел доложить фюреру. Поэтому я был очень удивлен, когда фюрер, говоривший очень возбужденно, начал с далеко идущих рассуждений и сделал много неожиданных заявлений о политике на Востоке. У меня создалось впечатление, что фюрер находится в данном случае под впечатлением усиления вооружений Красной Армии и тяжелой борьбы с Красной Армией. Это, очевидно, и послужило причиной того, что фюрер сделал подобные

H1198 – 0194

высказывания, к которым я, возможно, еще вернусь в конце. Я в присутствии других свидетелей возражал фюреру по поводу этих неожиданных высказываний и хочу из записи Бормана огласить цитату, которая здесь еще не зачитывалась. Я цитирую из подлинного документа, страница 4.

"Рейхслейтер Розенберг подчеркивает, что, по его мнению, в каждом комиссариате должно быть особое отношение к населению. На Украине мы должны удовлетворить культурные запросы населения. Мы должны воскресить в сознании украинцев их историю, открыть университет в Киеве и т.д.

Рейхсмаршал, напротив, утверждает, что мы, в первую очередь, должны обеспечить себя продовольствием, а все остальное может быть сделано гораздо позже".

/Дополнительный вопрос Бормана: имеется ли еще вообще культурная прослойка на Украине или украинцы, принадлежащие к высшим сословиям, находятся только вне современной России, являются эмигрантами/.

Я хочу заметить, что это дополнительное замечание Бормана. Я цитирую дальше:

"Розенберг продолжает: На Украине следует развивать известное стремление к самостоятельности".

Далее, на стр.5 цитата о том, что намеревался сделать фюрер: Крым и обширные примыкающие к нему районы севернее Крыма должны стать имперскими районами. Эти районы по возможности должны быть территориально большими".

Против этого выступил Розенберг, указав на проживающих там украинцев.

Дальше идет снова дополнительный вопрос Бормана, я цитирую: 8992

"Неоднократно замечалось, что Розенберг слишком

H1198-0195

внимателен к Украине. Он хочет также значительно расширить пределы старой Украины".

Я здесь, таким образом, перед фюрером высказал по возможности все то, что уже говорил 20 июня 1941 года перед сотрудниками в своей речи. Из дальнейшего вытекает, что рейхсмаршал выступил за назначение бывшего гауляйтера Коха, а я возражал против этой кандидатуры, так как я боялся, зная характер Коха, что он, находясь далеко от империи, не будет следовать моим директивам и вообще не будет их выполнять, ввиду того, что он будет находиться далеко от меня и от империи.

Я не мог еще тогда знать, что Кох в такой степени будет саботировать мои директивы, как это случилось позднее. И я должен здесь не добавить, что он так поступал при особой поддержке со стороны начальника партийной канцелярии.

В заключение я остановлюсь на странице 10-й оригинала. Здесь есть не оглашенный абзац. Я цитирую: "Затем следовал длительный спор о компетенции рейхсфюрера СС. Все участники при этом, совершенно очевидно, также признают компетенции рейхсфюрера СС". Я лично должен отметить, что это частное замечание начальника партийной канцелярии. Этот документ не является подлинным протоколом совещания. Я цитирую дальше: "Фюрер, рейхсмаршал и другие неоднократно подчеркивают, что Гиммлер не должен получить никаких других функций, кроме тех, которые он выполняет в империи, последнее, однако, является необходимым". Эта запись говорит о длительном споре, который имел место не только на этом совещании. Я неоднократно и раньше говорил, что полиция должна быть совершенно независима от гражданской

администрации. Далее я протестовал против указа фюрера, но здесь меня никто не поддержал в этих вопросах. Это подтверждают, как дальнейший ход событий, так и содержание указа фюрера по вопросу урегулирования всего управления оккупированных восточных областей.

ТОМА: 17 июля Вы стали министром по делам восточных областей и одновременно был произведен целый ряд других назначений. Теперь возникает вопрос, каковы были Ваши полномочия и каков был об"ем вашей деятельности на Востоке? Это книга документов Розенберга, стр.46, том П-й.

РОЗЕНБЕРГ: Я хочу указать сейчас на § 2 об учреждении министерства по делам восточных областей и о назначении рейхсминистра. Здесь, в параграфе 3-м, далее сказано: "Верховная военная власть в новых оккупированных восточных областях осуществляется военными командующими в соответствии с моим указом от 25 июня 1941 года. Функции уполномоченных по Ч-летнему плану в новых оккупированных восточных областях определены в соответствии с моим указом от 29 июня 1941 года. Функции рейхсфюрера СС и начальника немецкой полиции в соответствии с моим указом от 17 июля 1941 года будут упорядочены особо, на них не распространяются данные указы." Далее идет § 6-ой. "Во главе каждого рейхскомиссариата стоит рейхскомиссар." А затем идут отдельные и более подробные замечания о том, что рейхскомиссары и генеральные комиссары назначаются лично фюрером и не могут быть мною ни сняты освобождены от должности, ни сняты с должности. § 7-ой говорит, что "рейхскомиссары подчиняются рейхсминистрам и получают указания исключительно от них, поскольку не применяется § 3, который относится к командующим войсками и начальникам полиции." Затем идет § 9-й. "Рейхскомиссарам

8994

H1198 – 0196

H1198 – 0197

подчиняется вся гражданская администрация их области". В следующем пункте, содержание которого диктуется условиями войны, говорится, что все железные дороги и почта империи остаются в ведении соответствующих министров. Затем идет § 10. И в этом параграфе сказано, что "рейхскомиссар должен находиться постоянно в Берлине и должен согласовывать свои планы с высшими имперскими инстанциями для приведения их в соответствие с общеимперскими интересами, в случаях разногласий, испрашивая мнение фюрера". Я не буду (здесь) говорить о военных приказах фюрера, - это совершенно ясно, и я не буду также говорить о функциях уполномоченного по четырехлетнему плану, где указывается, что Геринг, уполномоченный по четырехлетнему плану, может давать указания всей гражданской администрации, а также и военной администрации и в оккупированных областях. Решающее значение для рассмотрения полномочий и общего порядка, который впоследствии был установлен, имел указ фюрера о полицейском надзоре в оккупированных областях от 17 июля 1941 года. Здесь под цифрой I написано: I. При наличии же разногласий вопрос решается по усмотрению фюрера. Полицейская охрана в новых оккупированных областях является делом начальника немецкой полиции и рейхсфюрера СС". Это - конец цитаты из первого параграфа. В этом параграфе указывается, что все меры безопасности и вопросы самой безопасности должны быть безоговорочно переданы в ведение рейхсфюрера СС в восточных областях, который, таким образом, стал третьей независимо центральной имперской инстанцией в Берлине наряду с уполномоченным по четырехлетнему плану. Таким образом, все эти инстанции были независимы друг от

друга и могли давать указания и, следовательно, имперский министр по делам оккупированных восточных областей не мог учредить полицейского отдела в своем министерстве.

В параграфе II-м сказано, что рейхсфюрер СС имеет право давать указания не только всей полиции, но и в случае необходимости непосредственно рейхскомиссарам гражданской администрации и что он может издавать основные политические приказы без санкций министра по делам оккупированных восточных областей в том случае, если они являются необходимыми для борьбы с непосредственно угрожающей опасностью. Это давало рейхсфюреру СС практическую возможность самостоятельно издавать те или иные мероприятия или приказы, которые он считал необходимыми в политическом отношении, в том случае, когда существовала какая-либо опасность.

Параграф III является очень важным, так как из документа № 1056 на странице 2084 немецкого протокола суд сделал вывод, что министр по делам восточных областей распоряжался частями СС в восточных оккупированных областях, что эти соединения были ему подчинены. Неправильность этого вывода уже доказана параграфом I-м, но что дало повод к такому недоразумению - сказано в параграфе III-м: "Для обеспечения полицейской охраны каждому рейхскомиссару придается высший чиновник СС и полиции, который подчиняется ему непосредственно и лично. Генеральным комиссарам гауптком иссарам и районным комиссарам придаются чиновники СС и полиции, которые подчиняются им непосредственно и лично". Доктор Ламмерс, которому было поручено формулировать эти положения, уже отвечал здесь, что это означает,

H1198 -0198

H1198 – 0199

что рейхскомиссар гражданской администрации может давать указания полиции в области политической, но что слова "которые подчиняются им непосредственно и лично" не значат что полиция была подчинена рейхскомиссарам. Она была подчинена начальнику германской полиции. Насколько я знаю, Гиммлер настаивал именно на такой формулировке, так как она ни к чему не обязывала, и по отношению к гражданскому населению это значит какое-то единоначалие администрации, с юридической точки зрения. Практически же это означало, что гражданская администрация не могла издавать приказы. Существовала договоренность между Гейдрихом и начальником тыла сухопутных сил, о чем я услышал на процессе здесь впервые, из чего следует, что мои утверждения соответствуют действительному положению вещей о том, что обозначали для полиции эти поручения и эти полномочия.

Далее идут приказы, касающиеся устройства рейхскомиссариатов. Я думаю, что не стоит цитировать их здесь перед Трибуналом. Это лишь отдельные мероприятия, которые вытекают из всего вышесказанного. Я хочу лишь отметить указ Ламмерса от 9 февраля 1942 года по вопросу вооружения. Я должен указать, что министерство по делам Востока и рейхскомиссариат по желанию имперского правительства перестали руководить техническим отделом и отделом пропаганды. Последние стали подчиняться непосредственно соответствующим министерствам, причем имперский министр Шпеер имел своих представителей в рейхскомиссариатах, которые действовали как офицеры связи; также поступал и имперский министр транспорта. Издание политических директив по проведению пропаганды оставалось в ведении имперского министерства по делам

H1198 – 0200

оккупированных восточных областей, практическое же проведение их в жизнь оставалось однако за имперским министром пропаганды.

ТОМА: Господин д-р Розенберг, я думаю, Вам надо говорить несколько короче.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, Трибунал надеется, что Вы будете говорить короче.

ТОМА: Самое важное выяснить не только полномочия начальника СС и полиции, а еще и вашу связь с генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы. Каковы были здесь ваши функции и кому Вы подчинялись? Имел ли Заукель право давать Вам указания?

РОЗЕНБЕРГ: Фюрер дал очень ясные полномочия уполномоченному по четырехлетнему плану в своем указе от 21 марта...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вопрос заключался в следующем: "Имел ли право Заукель давать Вам указания?" Вы же начинаете говорить о четырехлетнем плане. Я уверен, что Вы можете прямо ответить на этот вопрос.

ТОМА: Я считаю...

РОЗЕНБЕРГ: Генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы мог давать указания всем высшим инстанциям, а также и имперскому министру по делам восточных областей. Это...

ТОМА: Достаточно. Были ли Вы вправе сказать рейхскомиссару Коху, что нельзя больше предоставить требуемое количество рабочих. Да или нет?

РОЗЕНБЕРГ: Я не мог этого сделать просто так, как как генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы

H1198 – 0201

получал задания от фюрера на определенное количество рабочих, которое от него требовали в свою очередь другие. Если это количество казалось мне слишком большим/а это было почти всегда так/, то я указывал на это уполномоченному и созывал совместно с ним и его заместителями совещание, на которое вызывались также представители министерства по делам Востока. Это делалось для того, чтобы по возможности как-нибудь уменьшить количество требуемых людей. Мне часто удавалось добиться этого в результате переговоров. Число требуемых рабочих снижалось, несмотря на то, что цифры все же оставались очень высокими, но я не мог ничего больше сделать, а мог только прибегать к такого рода действиям.

Г-н ДОДД: Этот подсудимый продолжает произносить речь. Вопрос был очень прост. Его спросили, имел ли он право заявить имперскому уполномоченному Коху о том, что количество требуемых рабочих невозможно предоставить. Он уже три минуты отвечает на этот вопрос, и я не сомневаюсь в том, что это будет продолжаться еще 30 минут, если его не остановить. Он не должен так подробно останавливаться, а должен отвечать на этот вопрос по существу.

ТОМАС: Г-н свидетель, я должен подчеркнуть это заявление г-на Додда и подтвердить его. Я спросил вас, давали ли вы указание Коху, чтобы он не брал больше рабочей силы?

РОЗЕНБЕРГ: Я этого делать не мог.

ТОМАС: Значит, вы отвечаете нет. Но не пытались ли вы все-таки, несмотря на это, поступать таким образом? Вы когда-нибудь говорили Коху, чтобы он использовал свою власть и не требовал больше рабочей силы? Да или нет?

РОЗЕНБЕРГ: Да, так точно. Я говорил это в письме

H1198 – 0202

генеральному уполномоченному по распределению рабочей силы. Это было в декабре 1942 года. Я говорил об этом категорически и указывал на многие инциденты, которые имели место при вербовке рабочей силы, и просил его поддержать меня для того, чтобы пресечь все эти инциденты, которые нельзя было дольше терпеть.

ТОМА: Я прошу Вас высказать свое мнение относительно рабочей силы, причем опираясь на документы. Эти документы: США: 016-ПС, 017-ПС, 018-ПС, 054-ПС, 084-ПС, 204-ПС, 265-ПС и 031-ПС. Вы, я думаю, будете кратки, рассматривая эти документы. Они ведь говорят сами за себя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Находятся ли они в папке документов?

ТОМА: Частично они находятся в дополнении к книге документов США "Альфред Розенберг".

РОЗЕНБЕРГ: Там есть документ 061-ПС. Это письмо от 24 апреля, написанное генеральным уполномоченным, адресованное ко мне. В нем отражены его личные взгляды на программу действий. Обвинение неоднократно указывало на это письмо. Я хочу только разрешить себе коротко процитировать два замечания, касающиеся министра по делам Востока. На странице 17 под заголовком: "Военнопленные и иностранные рабочие" в конце абзаца сказано: "Для нас, немцев, само собой разумеется, что мы по отношению к побежденному врагу, даже в том случае, если это самый наш жестокий и непримиримый враг, воздержимся от жестокостей, не будем к нему придираться, будем корректны с этим врагом, будем обращаться с ним корректно и тогда, ~~когда~~ можем мы ожидать от него полезной работы". /Конец цитаты/.

На стр.18, абзац 5-й сказано: "Поэтому в русских лагерях должны неукоснительно применяться принципы немецкой чистоплотности, немецкой гигиены". Было

Это для меня было решающим. Я полностью одобрял это указание генерального уполномоченного. В связи с этим понятен и мой ответ, который содержится в документе 018-ПС от 21 декабря 1942 г. ...

ТОМА: Это книга документов "Розенберг", на странице 64, том II-А.

РОЗЕНБЕРГ: Если кратко сказать, я был согласен с решением вопроса о восточных рабочих и говорил, что Заукель будем придерживаться одних и тех же принципов. Это касается только что зачитанной программы Заукеля.

Затем я говорил то, что я должен указать на недопустимые методы, которые в некоторых случаях применяются, несмотря на имеющееся цитированное положение.

Затем на странице 2-й я говорю о том, что "по сообщению, которое получило восточное министерство, еще неудовлетворительно поставлены различные бараки для больных, которые должны были быть созданы для возвращающихся больных восточных рабочих, с целью восстановить здоровье вернувшимся на родину. Рейхсминистерство по делам Востока уже установило связь с министерством здравоохранения по вопросу о санитарии и здравоохранении.

Затем на странице 3-й я говорю о том, что "для поставки требуемого количества рабочих с Востока я прошу совершенно не применять некоторые методы, которые впоследствии будут поставлены в вину мне и моим сотрудникам. Чтобы добиться этого и согласовать требования, вызванные особым политическим положением в восточных областях, с мероприятиями комиссий и штабов, осуществляющих власть в этих областях, я уполномачивал рейхскомиссара Украины использо-

H1198-0203

H1198 – 0204

вать свое служебное положение и заботиться о пресечении применения нежелаемых методов при вербовке рабочей силы.Эти методы противоречат интересам ведения войны и военного хозяйства в оккупированных восточных областях."

ТОМА.Было ли Вам ясно,что с прекращением применяемых методов по вербовке прекратились бы поставки требуемого количества рабочей силы?

РОЗЕНБЕРГ.Я принимал это не без оговорки,так как ведь я знал,что вначале пропаганда играла большую роль.Во многих областях было много добровольцев,но только из сельских местностей, а не из городов,и вербовка проводилась на законном основании. Вообще же истинное положение вещей скрывалось от рейхскомиссара,что и явствует из этого письма,рассказывающего об инцидентах,происходивших в каждом лагере.

Я хочу указать на другой документ,представленный Обвинением, - 054-ПС.Это - полученные мною сообщения связного офицера министерства по делам Востока,прикрепленного к Южной группе армий.Они содержат очень резкую критику.Но здесь я должен указать на стр. 1 телеграммы,которая ему была известна (пункт 8). Там указано,что украинцы,работавшие в качестве кустарей - одиночек,например, в ремесленных мастерских, в качестве сельскохозяйственных рабочих, в качестве прислуги и на других работах,за немногими исключениями,были очень довольны своим положением. Они только жалуются на размещение в общих лагерях. Это была попытка повлиять на постановку вопросов, которые разрешались не гражданской,а военной администрацией,находившейся в Харькове,и на ее действия,а я был министром по делам Востока и не имел права давать указания непосредственно из Германии.Но все -таки я все время стремился улучшить по возможности положение восточных рабочих.

9002

H1198 – 0205

Документ 084 относится к мероприятиям и поднимает ряд вопросов по улучшению положения семей восточных рабочих и свидетельствует о тех усилиях ~~того старания~~, которые прилагались для корректного обращения с ними. Затем здесь говорится о зарплате, о налогах и т.д. Мне кажется, что обо всех этих вопросах я не должен говорить подробно, так как об этом будет говорить сам уполномоченный по распределению рабочей силы. Я хочу лишь добавить, что для проведения этих мероприятий прилагались длительные усилия.

Я хочу сказать, что у нас была договоренность между уполномоченным по вербовке рабочей силы Заухом и министерством по делам Востока о том, что восточные рабочие, возвращающиеся из империи, получают на родине землю. Это ограждало интересы отсутствующих и они получали то же, что и те, которые оставались на родине.

В документе № 204 затрагивается вопрос о недостаточной материальной поддержке населения. Я не буду его дословно цитировать, но хочу лишь обратить на него внимание Трибунала.

Документ № 265 – доклад рейхскомиссара в Житомире на Украине. Он в этом докладе сообщает, что генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы лично об"ехал восточные области, изложил всю важность вопроса по вербовке рабочей силы и передал ему, рейхскомиссару, строжайший приказ фюрера предоставить необходимое количество рабочих. Далее он заметил, что ему, рейхскомиссару, таким образом, не оставалось никакого выбора, кроме как завербовать необходимое число рабочих, причем полицейские органы поддерживали гражданские власти в восточных областях в этом мероприятии.

Документ № 031-ПС кажется мне лично особенно важным,

H1198 – 0206

так как обвинение, ссылаясь на этот документ, инкриминирует мне то, что я, якобы, ~~примкнул~~ причастен к этому документу о планировании и проведении биологического ослабления восточного народа. Этот вывод сделан на основании сделанного мною примечания, которым снабжен документ. Из документа зачитывались лишь только самое начало и его заключительная часть.

Я прошу Трибунал разрешить мне ознакомить его с истинным положением вещей. В начале документа сказано, что министр по делам Востока отказался предоставить в распоряжение империи молодежь с прифронтовой полосы Центрального фронта. После этого министр по делам Востока еще раз выслушал доклад о центральном фронте, который составлялся в определенном аспекте и при определенных предпосылках. В подлиннике было указано, что центральный фронт намеревался отвести молодежь в тыл, так как на работах занято много взрослых, а молодежь остается необеспеченной, там же о ней будут разумно заботиться. В конце I страницы и в начале стр. 2-й в документе высказано опасение министра, что это мероприятие в политическом отношении будет неблагоприятным; могут понять это как увоз детей. Поэтому он просит ограничить это мероприятие. Затем было сказано, в пункте 4, что в том случае, если министр по делам восточных областей не будет поддерживать это мероприятие и не будет его проводить, то военные власти центрального фронта сами могут проводить это, так как они не подчинены министру по делам Востока. Однако, военные власти считают необходимым обратиться к министру по делам восточных областей, так как считают, что, как дословно сказано, необходимо: "обеспечить корректное политическое и деловое отношение". Военные власти желают, чтобы это мероприятие было проведено вполне лойяльно. Детей надо по возможности изолированно поместить в деревнях,

в небольших лагерях, а затем направить на работу на заводы. В конце документа сказано: "В случае если эти эвакуированные восточные области будут вновь оккупированы, министерство по делам Востока может опять вернуть этих детей на родину, что, конечно, будет иметь лишь политически положительное значение когда они примут совместное с родителями участие в восстановительных работах своей области". Вот там в конце сказано, что только именно с этими оговорками и при этих условиях министр по делам Востока взял на себя эту миссию - заботу об этой молодежи. Я согласился на это, будучи вполне уверен, что я через молодежный отдел министерства по делам Востока смогу проявить возможно большую заботу.

Я должен еще сказать, что я однажды посетил Дессау, где работало 4 с половиной тысячи молодых ремесленников, и там был организован особый лагерь для детей под покровительством белорусских матерей. Я мог установить следующее. Эти ремесленники были хорошо одеты. Там детям преподавали русские учителя математику и родной язык. В лагере были русские няни и был детский сад, над которым шефствовала организация гитлеровской молодежи/"Гитлерюгенд"/. Одна женщина из Белоруссии, которая заботилась о детях, выразила мне со слезами на глазах свою благодарность за это человеческое обращение с детьми. При даче показаний я должен указать на допущенную фактическую ошибку. Здесь речь идет о посещении города Дессау, а не об Одессе. Я никогда не бывал в Одессе.

ТОМАС: Господин председатель, теперь мы окончили вопрос о рабочей силе. Перейдем к вопросу о рейхскомиссарах. Мне кажется, что сейчас время сделать перерыв.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Можете ли вы сказать Трибуналу, сколько

9005

H1198 - 0207

H1198 – 0208

времени еще может занять прямой допрос?

ТОМА:Я считаю, что до половины четвертого мы закончим.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сказали, до половины пятого?

ТОМА: Нет, я сказал половины четвертого. Но подсудимый Розенберг как раз качает головой. Я не могу сказать точно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Перерыв до 5-ти минут третьего.

/Об"является перерыв до 5 минут третьего/.

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 16 апреля 1946 года

(ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ)

Встать! Суд идет!

ТОМА. Сначала в качестве доказательства № 11 я хочу передать Суду документ ПС-194 - секретный приказ Розенберга Коху относительно достойного обращения с гражданскими лицами с Украины от 14 декабря 1942 года.

Господин свидетель, прошу Вас высказаться относительно этих общих инструкций, увязав их с Вашими директивами, значащимися здесь под № 1056-ПС.

РОЗЕНБЕРГ. Этот документ - 1056-ПС не представляет собой непосредственно директив министерства по делам восточных областей, а является записью результатов беседы с различными центральными учреждениями империи по служебной линии, заинтересованными в восточных областях. Здесь имеются директивы самого министерства по делам восточных областей, договоры с различными техническими учреждениями, как, например, с министерством путей сообщения, министерством почты и с полицией. Все эти документы собраны для того, чтобы по крайней мере на Востоке иметь зафиксированным создание единой гражданской администрации. По соображениям, которые я вначале упомянул, большего сделать было нельзя. Что касается других вопросов подчинения начальников СС и полиции, на которые я обратил внимание Обвинения на основании этого документа, 1220 я хочу сослаться на то, что я говорил вначале относительно укомплектования органов администрации восточных областей 17 июля 1941 г.

Останавливаясь на документе 1056-ПС, я хочу сказать, что из семи пунктов, которые здесь указаны как наиболее важные, особо

H1198 – 0209

H1198 – 0210

следует подчеркнуть пункт третий, озаглавленный "Снабжение населения". Дальше в самом документе еще раз говорится о том, что на снабжение населения продовольствием и медикаментами, на ветеринарное обслуживание следует обратить особое внимание, но, если надо прибегнуть к помощи военных властей. Более я не хотел бы останавливаться на этом документе.

Документ 194-ПС является, к сожалению, единственной найденной инструкцией министра по делам восточных территорий имперским комиссарам. Это инструкция от 14 декабря 1942 г., в которой еще раз подчеркивается необходимость гуманного и политически верного поведения. Я разрешу себе кратко указать на некоторые из положений этой инструкции. Вначале в ней обращается внимание на то, что поведение немцев не должно создавать такого впечатления, будто бы у Украины нет надежды на будущее, что распоряжения немецких властей должны проводиться в жизнь обдуманно и умело, и далее говорится: "С испокон веков народы Востока видели в Германии носителя законного порядка, который хотя и связан с жестокостью, но не является выражением произвола. Если путем целесообразных законных мер суметь показать народам Востока, что война связана с ужасной суровостью, но тем не менее проступки подвергаются справедливому расследованию и осуждению, тогда этими народами будет легче руководить, чем в том случае, если вызвать у них представление произвольного господства, аналогичного тому, которое существовало раньше."

Еще далее говорится: "Народные школы с четырехгодичным обучением должны быть повсюду сохранены, за ними должны следовать профессиональные школы, соответствующие практической необходимости. Германская администрация нуждается в кадрах ветеринаров, транспортников, специалистов по сельскому хозяйству, по геологическим исследованиям и т.д., в кадрах, которых немецкий народ не в состоянии дать. В этой области украинской молодежи, убранной

с улицы,можно внушить сознание необходимости ее участия в деле восстановления своей страны.Недопустимо,чтобы немецкие учреждения позволяли себе презрительно разговаривать с населением Подобное поведение недостойно немца."

Затем: " Господином можно стать благодаря соответствующему поведению и поступкам,а не с помощью внешне назойливой манере держать себя.Народами руководят не при помощи спесивых речей, а авторитет приобретается не с помощью выставленного напоказ презрения к другим."

В этой инструкции рассматривается еще ряд вопросов,но я не хочу слишком утруждать Суд всеми подробностями.Мне очень важно показать,каким я хотел видеть поведение гражданской администрации.А для того,чтобы эта инструкция не осталась под сукном,я распорядился,чтобы она была зачитана во всех учреждениях.

Д-р ТОМА. Господин председатель, я хотел бы сейчас остановиться на вопросах,выдвинутых Советским Обвинением,в частности, на документах,касающихся оперативного штаба Розенберга на Востоке,и указать на ,якобы,произведенные разрушения.Поэтому я пред'являю подсудимому документы СССР-376, 161-ПС,076-ПС, СССР-375, СССР-7, СССР-39, СССР-41, СССР-49, СССР-51 и СССР-81.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Скажите,включены ли какие-либо из этих документов в Ваши книги документов?

Д-р ТОМА.Документы,которые были представлены Советским Обвинением,не включены мною в особую книгу документов,так как я полагал - и сегодня утром я проверил это,- что они представлены Трибуналу, СССР №№ 39, 41, 251, 89, 49 и 353.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Я спрашиваю Вас лишь о том,с какой целью Вы ссылаетесь на них сейчас?Несомненно,у нас нет с собой всех этих документов.Они не включены в Ваши книги документов?

Д-р ТОМА.Документ № 161 содержится в книге документов № 3 на 34-й странице... Других документов в моих книгах документов нет.

9009

H1198 – 0211

H1198 – 0212

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

РОЗЕНБЕРГ. Документом № 161-ПС дается задание возвратить определенные архивы из Эстонии и Латвии.На основании этого Советское Обвинение сделало вывод о расхищении культурных ценностей в этих странах. Я хотел бы упомянуть,что инструкция, которую я только что зачитал(документ 1015-ПС),категорически требовала оставления всех культурных ценностей в стране.Так это и было.Позволю себе указать на дату этого документа -23 августа 1944 года,когда боевые операции охватили эти области, и эти культурные ценности и архивы должны были быть сохранены от их воздействия.Указанные архивы должны были быть помещены в эстонские поместья,т.е. во время военных действий оставаться в самой стране.Насколько мне известно,позднее некоторые из этих архивов были перевезены в Германию и,кажется, помещены на хранение в замок Хохштадт в Баварии.

Документ 076-ПС был пред'явлен Обвинением как доказательство расхищения библиотек в М„нске.Документ представляет собою сообщение уполномоченного начальника тыла фронта,переданное министерству по делам восточных территорий.Из этого сообщения действительно следует,что несколько библиотек было разрушено,но это произошло потому,что в них расположились подразделения солдат так как город Минск был разрушен и не легко можно было найти место для их размещения.

Однако далее в пункте первом и в ряде других пунктов совершенно ясно говорится,что повсюду были развешаны об'явления, которые указывали на то,„что книжные фонды конфискованы,и ~~поэтому~~ никто не имеет права касаться их. При этом добавлялось,что всякое из'ятие этих книг будет рассматриваться как грабеж.

Во втором пункте - я должен указать на это,-констатируется, что наиболее ценная часть библиотеки Академии Наук заимствована в библиотеке польского графа Георга Рдзвилла,которая была

H1198 – 0213

вывезена советскими властями с оккупированной польской территории в Минск и передана библиотеке Академии Наук задолго до того, как какое-либо другое государство или какие-нибудь германские инстанции начали свою деятельность в этом направлении.Имеется ряд других документов - 035-ПС и другие,которые были представлены Суду и в которых говорится о вывозе культурных ценностей из Украины.Даты этих документов,относящиеся к 1943 году,показывают, что согласно указаниям,до этого времени эти культурные ценности оставались в стране и что только с момента начала военных действий они были эвакуированы. Документ № 035-ПС на странице 3, пункт 5,гласит: "Командование соответствующей пехотной дивизии придает большое значение дальнейшей эвакуации ценных предметов, так как войска не могут обеспечить необходимую охрану этой зоны военных действий,вскоре начнется артиллерийский обстрел ."

ТОМА. Этот документ я представляю Трибуналу под № РО-37, он еще не был представлен.

РОЗЕНБЕРГ.Далее говорится: "Все необходимые транспортные средства и т.д. должны быть обеспечены самой дивизией."

ТОМА.Разрешите мне получить этот документ.Я хочу представить его Суду.

РОЗЕНБЕРГ. Практически эвакуация проводилась под артиллерийским обстрелом,поэтому культурные ценности,вывозившиеся из Харькова и других городов во время боевых действий ,были переправлены вначале в Германию.

Сейчас я хочу рассмотреть те документы,которые были представлены Советской делегацией в подробном изложении Чрезвычайной Государственной Комиссии,о Латвии,Литве и Эстонии.При этом я остановлюсь только на некоторых конкретных деталях.

На странице первой документа СССР-39 говорится следующее:

"С начала оккупации Эстонской Советской Социалистической Республики немцы и их сообщники упразднили государственную независимость эстонского народа и приступили к созданию "нового порядка", к разрушению культуры, искусства и науки,к истреблению

2011

H1198 – 0214

гражданского населения или к угону его в Германию на рабский труд и к грабежу и опустошению городов,деревень и крестьянских дворов."

По этому поводу я хочу отметить,что,во-первых,двадцатилетняя государственная независимость,установленная после наступления русских в 1919 году - в 1940 году,была упразднена вступлением Красной Армии,точка зрения,которая....

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Господин Председатель, я думаю,что документ, который сейчас оперирует подсудимый Розенберг,конечно, дает ему основание отвечать на конкретное обвинение,пред'явленное за его преступную деятельность в период,когда он был министром Восточных областей.Однако,я полагаю, что то,что начал говорить сейчас подсудимый Розенберг,есть самая настоящая фашистская пропаганда, которая,само собой разумеется,не имеет никакого отношения к делу.

ТОМА. Высокий Суд,если подсудимый Розенберг делает несколько вводных замечаний в связи со своими показаниями по поводу документа,из которого он цитирует некоторые выдержки,то я попросил бы не прерывать его.Затем последует несколько замечаний по существ

РОЗЕНБЕРГ.К пункту 2-му я хотел бы заметить...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Скажите,документ,о котором он сейчас говорит, написан им самим,или он в какой-то степени касается его. У меня нет этого документа.

ТОМА.Этот документ представлен СССР и содержит обвинение Розенберга в том,что он производил в этих странах разрушения и конфискации.Он вправе высказать свою точку зрения по этому вопрос

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но когда Вы говорите "свою точку зрения", он может сказать,как он действовал в соответствии с этим документом,или каково было содержание этого документа.Я хочу сказать, что когда Вы говорите - "высказать свою точку зрения" - то это весьма общая фраза и она может означать слишком многое.Если Вы его спросите,что он делал в соответствии с содержанием этого

документе, то это будет иметь несколько иной смысл и это будет более конкретный и точный вопрос.

ТОМА.Что Вы делали в оккупированных областях в противоположность тому ,что здесь утверждает Советское обвинение?

РОЗЕНБЕРГ.Вопреки утверждению Советского Обвинения относительно разрушений культуры,искусства и науки в Эстонии, я должен констатировать ,что одно из первых распоряжений министерства по делам Восточных территорий говорило о создании в этих 3-х странах администрации из местного населения и о сведении функций германской администрации к функциям надзора и контроля за ними.Во время войны для них имелись,конечно,ограничения,обусловленные этой войной,но эти ограничения распространялись на область военной экономики и вооружения,на область полицейской безопасности и,само собой разумеется, на область общего политического поведения.

Культурную автономию имели как Эстония,так и Латвия и Литва полностью.Их искусство существовало все эти годы,их театры действовали,многие факультеты университета в Тарту работали так же,как и ряд факультетов в Риге.Юрисдикция этих стран находилась в ведении местного самоуправления,так называемых местных директоратов,имевших в своем составе все те инстанции,которые необходимы для администрации.Вся школа осталась неприкосновенной. Я дважды посетил эти области и могу только сказать,что назначенные сюда генеральные комиссары старались по возможности итти навстречу воле местного самоуправления,которая зачастую выражалась в критике по адресу германской администрации,хотя,откровенно говоря, во время войны мы не могли полностью признать политическую государственную самостоятельность этих стран.

На странице 2-й этого документа,в разделе о мерах наказания служащих говорится,что соответственно распоряжению управления жел.дорог от 20 февраля 1942 г.,за уход с работы или за явку на работу в пьяном виде оккупанты ввели для эстонских рабочих

H1198 – 0215

H1198 – 0216

наказание каторжными работами.Это распоряжение директора Управления железных дорог действительно было издано.Но когда оно было оглашено,оно вызвало,естественно, у сотрудников германской гражданской администрации возмущение.Рейхскомиссар Лозе немедленно отменил это распоряжение,а мы просили имперского министра путей сообщения отозвать этого нетерпимого чиновника.Он был тотчас же отозван и понижен в должности,о чем должно было быть сообщено в прессе.Правда, я не могу сказать,действительно ли это было сделано.

На странице 5-й этого документа в абзаце 2-м говорится,что немцы разрушали эстонское зодчество,что они перерыли и разрушили Тартусский университет,славная история которого насчитывает более 300 лет и который являлся одним из старейших источников высшего образования.Я вынужден отметить,что эти здания ХУП и других веков были выстроены исключительно немцами и что немецкие войска вряд ли были заинтересованы в том,чтобы произвольно разрушать произведения собственного народа.

Во-вторых, я должен сказать, что этот существующий 300 лет университет в Тарту,300 лет являлся немецким университетом,который на самом деле поставлял и в русскую и в германскую империи ученых европейского масштаба.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Все это совершенно не относится к делу.Вопрос заключается в том,чт был ли этот университет разрушен?

РОЗЕНБЕРГ: В 1942 г. я был в Тарту. Большая часть города была разрушена в результате военных действий,хотя университетское здание уцелело.Тогда я имел возможность с помощью штаба Розенберга конфисковать на Украине 10 – 12 тысяч томов книг тартуского университета и вернуть их владельцу. предъявлено

Совершенно исключено,чтобы немецкие войска разрушали этот древний немецкий университет.Я могу лишь предоставить себе, что это разрушение явилось результатом боевых действий,если оно действительно имело место. 0014

В отношении остальных деталей этого документа я не могу здесь высказаться. Тут идет речь о расстрелах полицейского характера и о вещах, которые, очевидно, находились в связи с военными действиями. Я не могу высказаться по этому поводу, так как это, по всей вероятности, относится к моменту отступления.

Документ за УУ СССР-41 касается сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии о событиях в Латвии. Я хочу только внести поправку, что резиденция министра иностранных дел находилась не в Риге, а постоянно в Берлине.

В абзаце 5 говорится:

"Немцы конфисковали землю латвийских крестьян для своих баронов и помещиков и безжалостно истребляли гражданское население, мужчин, женщин и детей".

Я хотел бы по этому поводу констатировать, что за все время существования гражданской администрации ни один крестьянский надел не был передан старым германским баронам и что германская администрация сделала то, что по моему мнению, является единственной в своем роде положительной законодательной мерой. Ибо эту землю, в течение 700 лет являвшуюся собственностью немцев и отчужденную молодой Эстонской и Латвийской республиками в основном без возмездия, можно было легко вернуть обратно немцам. Взамен этого в марте месяце 1942 г. или 1943 г. мной был подписан так называемый "закон о реприватизации", который гарантировал латвийским и эстонским крестьянам владения, полученные ими от Германии и переданные им вместе с торжественными грамотами. После занятий этих областей Советским Союзом, там началась коллективизация крестьянской личной собственности. Мы приостановили начатую коллективизацию и передали частные владения прежним собственникам, которыми они стали с 1919 г. Вот, что я могу сказать в об"яснение этого заявления.

На странице 2-й говорится: "

"В течение более трех лет немцы ставили себе задачей разрушать в латвийских городах фабрики, библиотеки, общественные пред-

9015

H1198 – 0217

H1198-0218

приятия, музеи и жилые дома".

Я сам был в музеях искусств Латвии, осмотрел большую выставку латвийского изобразительного искусства, был в Латвийском государственном театре, который давал свои представления исключительно на латышском языке и имел в своем составе лишь несколько немецких дирижеров и певцов, прибывших туда по приглашению. В течение этих трех лет фабрики не разрушались, а, наоборот, оснащались большим количеством германских машин, что увеличивало их производственную мощность. Правда, это вызывало ряд протестов со стороны местних промышленников, т.к. они теряли уверенность в том, что они смогут участвовать в производстве; но во всяком случае это не было разрушением, а являлось увеличением производственной мощности этих предприятий. Наконец, относительно архивов и библиотек. Я уже сказал все необходимое, остановившись на документе СССР-035. Что касается истребления 170 тысяч гражданских лиц, то я не могу ничего сказать о том, что происходило в полицейских лагерях в целях обеспечения безопасности. Но я хотел бы указать, что на основании официальных сведений местного управления после вступления Красной Армии более 40 тысяч эстонцев из Эстонии и более 40 тысяч латышей из Латвии были отправлены в глубь Советского Союза, что большое количество латышей и эстонцев добровольно вступило в легионы для борьбы против Красной Армии, что во время отступления немецкой армии сотни тысяч эстонцев и латышей просили взять их с собой в Германию и что очень многие действительно шли вместе с нами. Население Латвии составляло 2 миллиона человек. Утверждение, что германские власти, якобы, уничтожили 170 тысяч латышей, в высшей степени неправдоподобно.

Я не хочу останавливаться на тех разрушениях, о которых здесь говорится и которые были причинены во время военных операций.

Третий документ СССР-7, представляет собой сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о Литве. На первой странице в абзаце втором говорится, что имперский комиссар Розенберг пытался

подвергнуть литовский народ германизации и истребить национальную культуру. Литва была об"явлена частью германской провинции Остланд.

Крестьянский вопрос в Литве был решен так же,как в Латвии и Эстонии,но только с той разницей,что в Литве имелось большое количество мелких немецких крестьянских дворов,которые к концу 1939 г. перешли в германскую империю,а при вступлении немцев в Литву снова возвращены на свои прежние участки и по возможности сконцентрированы в определенных поселенческих районах, Это соответствует фактам. С остальным я не могу согласиться. Что касается уничтожения национальной культуры, - это такое представляется мне неправильным отображением действительного положения вещей. Напротив,я знаю, что сотрудники моего учреждения очень охотно вели переговоры с литовскими этнологами,что был написан ряд статей об этой образцовой этнологической работе, проводимой в Литве и Латвии. Я не могу себе представить,что здесь могли иметь место какие-либо преднамеренные разрушения. Я припоминаю только,что во время отступления у меня были чиновники администрации из столицы Ковно или Каунас, которые заявили,что они 6 дней работали в этом городе под артиллерийским обстрелом советской армии и что во время боев многие здания были разрушены. Но об этом я не могу ничего сказать по собственным наблюдениям.

Теперь разрешите остановиться на документе СССР-51. В ноте народного комиссара иностранных дел от 6 января 1942 года,во вступительной части, также говорится об уничтожении культурных ценностей Литвы,Латвии и Эстонии.Я ссылаюсь на то,что я уже говорил в отношении только что представленных документов. На второй странице в первом столбце говорится,что немцы безудержно грабили и убивали крестьянское население. Я снова указываю на то,что я уже говорил этой связи.На странице 6-й,первый столбец вверху,говорится,что немцы в своей ярости, направленной против Латвии,Литвы и Эстонии,уничтожали их национальную культуру,национальные памятники,школы и

9017

H1198 – 0219

H1198-0220

литературу.Как я уже сказал, это не соответствует действительности В ноте Народного Комиссара Иностранных Дел от 27.IУ.1942 г.,которую неоднократно зачитывали здесь,на странице первой в первой колонке содержится такое-же утверждение, т.е.,что налицо было разграбление земельной собственности Советского государства.Я опять ссылаюсь на то,что я уже сказал.

На странице седьмой сказано,что немцы поставили себе целью и практически осуществляли ее,грабеж земли,переданной советским правительством колхозам в вечное и безвозмездное пользование.Я не хочу высказывать свою точку зрения относительно этого отдельного вопроса. Что касается закона о новом аграрном порядке, изданного для укрепления крестьянских хозяйств в Белоруссии и на Украине,то о нем дает показания статс-секретарь Рикен,который является специалистом в этом вопросе и утвержден судом в качестве свидетеля. После того, как советская делегация взяла назад обвинение,которое оно выставило против меня и которое состояло в том, что я являюсь бывшим царским шпионом,мне излишне останавливаться на этом.Отдельные представленные здесь выдержки я,естественно, не могу рассмотреть подробно.

Но в данном случае я считаю возможным дать пояснение.

Я имею в виду страницу 9-ю,колонку первую,где комиссар иностранных дел приводит 12 заповедей поведения немцев на Востоке.

Следует цитата,о которой можно подумать,что это сплошная цитата из немецкого распоряжения.Эти 12 заповедей советское обвинение передало суду,как документ под № СССР-89.

Как было установлено, это было распоряжение статс-секретаря Бакке от начала июля 1941 года,о котором я впервые узнал только здесь.Эта цитата,которую приводит комиссар иностранных дел и которая кажется взятой из одного места,на самом деле представляет собой компеляцию различных обрывков фраз,разбросанных на полутора страницах документа,но даже и эти обрывки приводятся не в той последовательности, в какой они действительно написаны. Я хотел бы

указать на некоторые изменения слов. В пункте 6-м этой заповеди сказано:

"Вы должны /это обращение к руководителям сельского хозяйства/ с достоинством осуществлять самые строгие и безжалостные меры, диктуемые требованиями государства. Лиц, не проявивших должного характера, в принципе будут отзывать и в империи им не будут предоставлять решающие должности".

В цитате, приведенной в официальной ноте, говорится буквально следующее: "Поэтому вы сами должны с достоинством осуществлять жестокие и безжалостные меры, диктуемые германскими интересами. В противном случае вы и на родине не сможете занимать ответственных должностей".

Таким образом, вместо слова "строгие" стоит слово "жестокие". Вместо слов "требования государства" написано "германские интересы" и вместо указания на отсутствие "характера" говорится просто, что если эти лица не будут проводить самые жестокие меры, то они не смогут занимать ответственные должности.

Я не хотел бы далее разбирать эти 12 заповедей, но мне хочется указать еще на то, что на стр. 3 в 7-м пункте говорится: "Не будьте справедливыми и лично порядочными и служите всегда примером", а в параграфе 9-м стоит: "Воздерживайтесь от мести коммунистам. Русская молодежь в течение двух десятилетий воспитывалась в коммунистическом духе. Она не знает другого воспитания. Поэтому нет никакого смысла карать за прошлое".

Я думаю, что говоря эти слова, Бакке, который обычно выражался резко, не имел здесь в виду истребление.

Я перехожу к обвинениям польского правительства. Они касаются меня только в одном пункте. На странице 20-й, в пункте 6-м говорится, что захват, грабеж и вывоз произведений искусства и т.д. из музеев и выставок всех видов был централизован в управлении Розенберга в Берлине. Это неправильно. Из неоднократно зачитанного зде[сь] отчета статс-секретаря Мюльмана следует, что делом охранения этих

9019

H1198 – 0221

H1198 -0222

произведений искусств занималось совершенно другое учреждение.

Во-вторых, сегодня я прочел декрет доктора Ламмерса, кажется, от 5 июня 1942 года, где о генерал-губернаторе ничего не говорится.

Правда, я вынужден признать, что в одном случае в начале эйнзацштаб конфисковал немецкую библиотеку одного музыковеда и ее перевез ее в Германию для исследовательской работы. Это было неверно и из переписки с генерал-губернатором Франком, которая также должна находиться здесь в моих документах, следует, что имелась договоренность о том, что после научного исследования, о котором я просил, эта библиотека будет возвращена генерал-губернаторству.

Неправильность этого обвинения явствует еще из того, утверждения, что будто бы в эйнзацштабе Розенберга среди различных отделов имелся также отдел, под названием "Восток", который ведал Польшей. О ложности этого утверждения свидетельствует то, что так называемые особые штабы, занимавшиеся исследованием истории музыки и изобразительного искусства на Востоке, были особыми штабами специалистов и что наряду с ними имелись так называемые рабочие группы, которые работали каждая в своей области; следовательно, я не мог иметь специальный отдел для Польши "Восток". Кроме того, в служебной переписке никогда не употреблялось слово "Польша", а всегда понятие "генерал-губернаторство". Думаю, что я могу удовлетвориться этим пояснением. Наряду с этими документами предоставлено много других общих документов из Смоленска и из других городов, которые указывают на многочисленные разрушения и полицейские мероприятия. Я не могу дать никаких показаний по этому поводу. В заключение мне хотелось бы сказать о документе 073-ПС, который несколько дней тому назад был пред"явлен свидетелю доктору Ламмерсу. Речь идет об одном отношении министерства иностранных дел, в котором ошибочно сообщается, что советские пленные находятся в ведении министра по делам оккупированных восточных областей.

Из вводной части документа следует, что они находятся в его

ведении исключительно по линии пропаганды, на что претендовал министр Геббельс в пику министерству иностранных дел. Министерство иностранных дел заявляло, что оно ведает всеми делами военнопленных, за исключением идейного обслуживания и пропагандистской работы среди советских военнопленных, которые в этом отношении находятся в ведении министра по делам восточных областей, так как они не подпадают под положения Женевской конвенции. Это заявление, что они не подпадают под положение Женевской конвенции, было заключением экспертов юристов, присланным из главной ставки фюрера. Оно послужило основанием введения администрации в оккупированных восточных областях.

ТОМА: Господин свидетель, в ходе этого процесса по крайней мере 4 раза вам пред"являлось дело о золотых пломбах, дело, которое должно было иметь место в судебной тюрьме в Минске. Далее был пред"явлен документ относительно еврейской проблемы и еще один документ относительно поджога и еврейского погрома тоже в генеральном округе Минск. Пожалуйста, выскажитесь по этому поводу.

РОЗЕНБЕРГ: Разрешите мне сказать относительно всех многочисленных документов и отчетов моего учреждения в общем следующее: в течение двенадцати лет существования моего партийного аппарата и трех лет существования министерства по делам восточных территорий, в моем бюро скопилось много отчетов, донесений и копий писем из различных отделов, часть из которых я знаю, другую часть из них мне докладывали устно и затем, подробно записав все, присоединяли к архиву; имеется большое количество более важных и совсем неважных дел, с которыми в эти годы я даже не имел возможности ознакомиться.

Что касается этих документов, по крайней мере документа 212-ПС, то я должен сказать, что это... в моем бюро явно случайно оказавшийся документ, на котором нет ни подписи, ни даты, ни каких-либо других подробных данных, который я никогда не получал, но в отношении которого я предполагаю, что он, очевидно, был прислан в мой

H1198 – 0223

H1198-0224

аппарат из полицейских округов. Таким образом,об этом документе я,при всем желании,ничего не могу сказать.

Документ 1104-ПС,который описывает ужасные вещи,происходившие в городе Слуцке,является отчетом от ноября 1941 г. Должен сказать, что этот отчет мне представлялся. В министерстве иностранных дел он вызвал возмущение.Как из него следует,мой постоянный заместитель,гаулейтер доктор Майер,направил копию этой жалобы гражданской администрации вместе со всеми критическими замечаниями начальнику полиции безопасности Гейдриху,с просьбой проверить жалобу. Я должен отметить,что полиция имела свою собственную юрисдикцию и министерство по делам восточных территорий не имело полномочий вмешиваться в нее. Я не могу сказать,какие меры были предприняты Гейдрихом.Я не мог предположить,что приказ,который вчера здесь подтвердил свидетель, - был дан Гейдриху или Гиммлеру фюрером. Это донесение и многие другие доходившие до меня сообщения, о расстрелах диверсантов, расстрелах евреев,о погромах, устраивавшихся местным населением в Прибалтике и на Украине, я рассматривал,как явления войны. Я слышал о том,что в Киеве было расстреляно большое количество евреев,но также и о том,что большая часть еврейского населения покинула Киев.На основании всех этих донесений,в частности, на основании сообщений из лагерей военнопленных,у меня сложилось впечатление об ужасной жестокости, но я не мог предположить,что все это происходит по приказу,согласно которому все евреи должны были быть уничтожены. Если в нашей полемике говорилось об истреблении евреев, то я должен сказать, что сейчас,перед лицом имеющихся показаний,это слово должно производить ужасное впечатление, но при тогдашних условиях оно не воспринималось,как уничтожение каждого еврея,уничтожение миллионов евреев. Разрешите также указать на то,что даже сам английский премьер-министр в официальной речи 23 или 26 сентября 1943 года в палате общин говорил о полном уничтожении пруссачества и национал-социализма.

9022

Я случайно прочел эти слова из его речи. Но я не воспринял его так, будто бы он понимает под этим расстрелом всех прусских офицеров и национал-социалистов до единого.

О документе 135-Р необходимо сказать следующее. Он датирован 18 июня 1943 г. 22 июня я вернулся из командировки на Украину. Вернувшись, я нашел много заметок о предстоящих совещаниях, много писем, но прежде всего изложенный здесь устно приказ фюрера от середины июня 1943 г., в котором фюрер приказывал мне, излагая директивы, ограничиваться только принципиальных вопросов и не вмешиваться в детали администрации на Востоке. Я вернулся из этой поездки в плохом настроении и не прочитал этого документа. Но во всяком случае я не могу себе представить, чтобы этот документ не был представлен мне сотрудниками моего бюро. При их добросовестности я могу только предположить, что докладывая о многих документах, мне было сказано, что снова имеется тяжелое... большое разногласие между полицией и гражданской администрацией, каких имелось уже много, и самое большое я мог сказать "Передайте это гауляйтеру Майеру или дайте это офицеру связи с полицией для расследования." Иначе ужасные подробности остались бы у меня в памяти. По этому вопросу я не могу сказать больше, чем я уже говорил, когда мне был пред"явлен этот документ.

ТОМА: Я передаю суду документ РС-13. Это - меморандум Коха Розенбергу, жалоба на критику Розенберга и оправдание его политики на Украине от 16 марта 1943 г., 213 и письмо Розенберга рейхсминистру Ламмерсу, его прошение об отставке, направленное фюреру от 12 октября 1944 года.

Высокий суд, документ РС-13, меморандум Коха Розенбергу, я хотел бы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой это номер?

ТОМА: РС-13, 192-ПС, книга документов № 2, страница 14. Я хочу сам доложить его суду, сделав предварительно следующее замечание:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Тома, это очень пространный документ. Я

H1198 – 0225

H1198 – 0226

думаю,что вам не следует его оглашать полностью.

ТОМА: Я не буду вам все зачитывать,но,господа судьи, к сожалению,я имею возможность вызвать в качестве свидетеля только статс-секретаря Рике, чиновника министерства по делам восточних территорий. Но даже на основании показаний этого свидетеля,суд сможет заключить,что как раз лучшие кадри чиновников,какими только располагала Германия,были использованы в министерстве по делам восточних территорий и что они добросовестно рассматривали каждую отдельную жалобу. Дело не в том, что наряду с тем,о чем мы слышали сегодня,было совершено огромное количество других преступлений, которые не доведены до сведения суда.Я думаю исчерпывающе представлено то ужасное,что за эти 4 – 5 лет произошло на Востоке, Сейчас встает вопрос,как реагировал на все это гаулейтер Кох.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал только что предложил вам не оглашать весь документ,так как в нем очень много страниц. Но это не означает,что вы не можете зачитывать наиболее важные выдержки из него.

ТОМА: Итак, я утверждаю,что ни одна жалоба,поступившая в министерство,не оставлялась без внимания. Гаулейтер Кох пишет:

"Различные приказы господина имперского министра по делам оккупированних восточных территорий, изданние в последнее время,в которых в необычно резкой и оскорбляющей меня форме критикуется моя работа и из которих возникают неясности в отношении политической линии и моего юридического положения,побудили меня написать вам,г-н рейхсминистр,этот доклад в форме об"яснительной записки". Затем следуют замечания,из которих вытекает,что министерство по делам восточних областей рассматривало все жалобы. Он пишет,что "например, 12.1.43 г. министерство сообщило мне,что восточная работница Анна Притно из Смигаловска жаловалась на то,что ее родители,оставшиеся на Украине,не могут выплатить налог. Мне предлагается не только снять или на половину уменьшить этот налог,но и доложить об исполнении".

9024

Стр. 13. "В последнее время ко мне поступают многочисленные жалобы от восточных рабочих,работающих в империи,причем от меня требуют,чтобы я в каждом отдельном случае докладывал об исполнении,представляя иногда столь короткий срок" и т.д.,что его невозможно придерживаться.

Страницы 15 и 16. "Звучит как-то странно, - говорит гауляйтер Кох, - когда в указе 1/41 от 22.Х1.41 года украинский народ определяется как народ,в жилах которого течет много германской крови,и что этим должны об"ясняться его значительные культурные и научные достижения.Но когда в секретном приказе от июля 1942 года,о котором я более подробно скажу в конце раздела,устанавливается,что между германским и украинским народами имеется много точек соприкосновения,то простое удивление уступает место известному изумлению. Этот проект приказа требует не только корректного, но еще и любезного отношения к украинцам".

"Далее я хочу привести еще несколько примеров недостаточной сдержанности в отношении украинцев. Например, указом от 18.У1. 1942 года мне сообщается,что вы закупите в счет моего бюджета украинские учебники на сумму в 2,3 миллиона рейхсмарок,о чем со мной не было ранее согласовано".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Скажите, считаете ли вы необходимым оглашать весь документ? Я точно не знаю,где вы читаете,так как я прочитал уже дальше.

ТОМА: Господин председатель,разрешите мне сказать,я и так уже сделал очень тщательные выборки.Этот меморандум - целая книга, но я постараюсь еще больше себя ограничить.Я хотел бы только подчеркнуть,что в этом меморандуме буквально на каждой странице имеется сетование на тщательность,с какой Розенберг разбирал отдельные жалобы. Я постараюсь изложить это как можно короче.

"Нет необходимости,чтобы в многочисленных указах вашего министерства и в ваших телефонограммах снова и снова указывалось на то,что следует воздержаться от какого-либо принуждения в ходе на-

9025

H1198 - 0227

H1198 – 0228

бора рабочей силы!"

И далее, совсем короткое замечание: "Если я издам больше приказов против порки, чем имеется случаев порки, то я выставлю себя в смешном свете". Порка имела место несколько раз, и каждый раз она подвергалась осуждению.

Высокий суд сейчас я перейду к чрезвычайно важному моменту. Гаулейтер Кох, угрожая тем, что он сделает соответствующее представление фюреру, говорит:

"От меня, старого гаулейтера, еще никто не требовал, чтобы я предоставлял ему написанные мною статьи, ибо от политической ответственности, которую я несу за статью, подписанную моим полным именем, кроме фюрера, меня никто не может освободить".

После этих замечаний относительно моих прав, я хотел бы затронуть вопрос об отношении рейхскомиссаров к фюреру. Как старый гаулейтер, я привык к тому, чтобы со всеми своими заботами и пожеланиями итти к фюреру, и это мое право на посту оберпрезидента, /руководитель управления провинции в Пруссии, подчинялся министру внутренних дел. Прим.пер./ никогда не оспаривалось моим министром".

"Указом № 4702/42 мне приказывается не ссылаться на волю фюрера в докладах вам, ибо только вы можете передавать его волю. Я должен здесь заметить, что фюрер неоднократно сообщал мне, как старому гаулейтеру, свои указания политического характера.

Если рейхскомиссар как-нибудь ограничит в их отношениях к фюреру, то ничего не остается, что могло бы стать содержанием их работы".

И далее, на стр. 50-й он говорит:

"Я должен категорически заявить, что я снимаю с себя ответственность за успех в деле вербовки рабочих и за весенний сев". Розенберг рекомендовал ему карать за нарушения "правил вербовки".

В заключение он говорит: "Мое положение в последние 3 недели так пошатнулось благодаря вам, что оно может быть восстановлено только фюрером".

2026

Затем последовала ссора у Гитлера в имперской канцелярии между Розенбергом, Борманом и Кохом, и в результате Борман и в значительной степени Кох оказались правыми, а подсудимому Розенбергу было дано указание заниматься только принципиальными вопросами. В ответ на это подсудимый подал прошение об отставке.

Я хочу просить подсудимого, чтобы он сам более подробно изложил причины этого.

Это - книга документов № 2, странице 27.

РОЗЕНБЕРГ: Я хотел бы заметить, что я...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Тома, сейчас было бы удобно об"явить перерыв на 10 минут.

/П е р е р ы в/

9027

H1198 – 0229

H1198 - 0230

Встать! Суд идет!

ТОМА: Господин свидетель, несколько дней тому назад был упомянут документ, из которого следовало, что лесной район Пуман должен был стать личным охотничьим угодьем рейхскомиссара и что вследствие этого в этом районе были расстреляны сотни людей, так как переселение их заняло бы слишком много сил и времени. Выскажитесь, пожалуйста, по этому вопросу.

РОЗЕНБЕРГ: Я получал некоторые сообщения относительно отдельных актов насилия на Востоке. При расследовании очень часто оказывалось, что эти сообщения не соответствовали действительности. В данном случае это сообщение мне показалось настолько правдоподобным, что я, находясь в конфликте с гауляйтером Кохом, решил непосредственно доложить об этом фюреру. Вместе с другими вопросами, например, с вопросом о школах на Украине, с вопросом об учреждении ремесленных школ и с вопросом о личных высказываниях Коха, на которые я жаловался Гитлеру, я также доложил ему и об этом ~~совещании.~~ сообщении.

Во время моего доклада у фюрера рейхскомиссар Кох представил экспертизу лесного управления Украины, из которой следовало, что эти лесные угодья предназначены для срубки леса с целью производства нед.дор. шпал и др. необходимых предметов, но что в этих лесных угодьях сконцентрировались различные банды и партизанские группы и проведение в них работ очень опасно. Было установлено, что именно поэтому Кох предпринял чистку этой местности, а не потому, что ему хотелось иметь охотничьи угодья, и что при этом было обнаружено большое количество банд и партизанов, которые были расстреляны. Другая часть населения, проживавшая в лесных районах, была переселена и как Кох доложил фюреру, из что переселенцы поблагодарили его за то, что они получили лучшую землю, чем ту, которую они имели в этих лесах. Выслушав это сооб-

шение Кока, фюрер пожал плечами и сказал: "Тут трудно понять решение. Если это сообщение лесного управление отвечает действительности, то я должен оставить дело в том положении, в каком оно находится в настоящее время. Остальные решения по вопросу политики на Украине вы получите позднее". В июле был издан указ, который находился в моих документах, но к сожалению, не был найден и о котором говорил свидетель Ламмерс. Ламмерс установил, что в принципе рейхсминистр должен был ограничиваться в своей деятельности решением общих, принципиальных вопросов, представлять свои распоряжения рейхскомиссару на согласование, и в случае конфликта обращаться за решением к фюреру.

После у выхода этого приказа фюрера я старался все же проводить ту политику, которую я считал правильной. Но я не хочу оспаривать, что иногда под давлением из ставки фюрера я становился несколько податливым, а при недвусмысленном намеке на то, что я больше интересуюсь восточными народами, чем благосостоянием немецкой нации, я давал несколько успокаивающих заверений. Однако, мои приказы и распоряжения продолжали выходить все в прежнем духе и, как я позже установил, я 8 раз докладывал фюреру по этому делу лично и обращался к нему письменно, отдавая свои распоряжения в том духе, в каком считал необходимым.

Когда в 1944 году рейхсфюрер СС занялся не только полицией, но и политикой в восточных областях, и с середины ноября 1943 г. я более не допускался в главную ставку фюрера на доклад, я в последний раз попытался сделать фюреру предложение вести великодушную восточную политику, и в то же время просил его об отставке в том случае, если он отклонит мое предложение.

Этот документ представляет собой письмо Ламмерсу от 12-го октября 1944 года, в котором говорится, что в связи с настоящим развитием восточной проблематики, я прошу вас передать прилагае-

9 029

H1198 – 0231

H1198 – 0232

мое письмо лично фюреру. Я считаю, что те методы, которые применяются при проведении германской восточной политики, в настоящее время очень неудачны. Я не принимаю участия в принятии решений и, несмотря на это, на меня сваливают всю ответственность. Я прошу Вас как можно скорее передать мое письмо фюреру для того, чтобы он принял решение.

Доктор Ламмерс немедленно передал это письмо секретарю фюрера Борману. В письме непосредственно фюреру на стр. 2-й говорится:

"Для контроля и направления этого развития я создал при министерстве по делам восточных территорий руководящие отделы для всех народов Востока, которые после некоторой проверки могут считаться соответствующими условиями и располагающими хорошим аппаратом, в них имеются представители соответствующих районов и рас. Если окажется целесообразным с точки зрения германской политики, эти представители могут быть признанными в качестве особого национального комитета".

Упомянутые здесь руководящие отделы имели своей задачей поставить дело так, чтобы представители всех народов Востока лично принимали жалобы своих соотечественников, находящихся на территории империи, и докладывали о них в министерстве по делам восточных территорий. Затем эти жалобы разбирались вместе с представителями германского трудового фронта и полиции или генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы.

На 5-й странице говорится:

"О том, что сделало министерство по делам Восточных территорий в области политического руководства я сообщил имперскому министру и начальнику имперской канцелярии письмом от 28 мая 1944 г. Я прошу, мой фюрер, приказать доложить Вам о содержании моего письма."

На стр. 6 говорится:

9030

"Я прошу вас, фюрер, сказать мне, хотите ли Вы, чтобы я продолжал свою работу в этом направлении. Я не имею возможности докладывать Вам устно, а по вопросам Востока Вам поступают сообщения с различных сторон и Вы обсуждаете их. Учитывая такое развитие вещей, я должен полагать, что Вы более не считаете мою деятельность нужной.

К этому следует добавить, что из неизвестных мне источников распространяются слухи о ликвидации восточного министерства, что эти слухи упоминаются даже в служебных бумагах, адресованных центральным правительственным учреждениям. При таких условиях никакой целеустремленности в работе быть не может, и я прошу Вас дать мне указание, как я должен вести себя при создавшемся положении вещей".

Далее я указываю на концепцию, которую я высказал в своей речи от 20 июня и в своем протесте на заседании 16 июня. В середине следующего абзаца говорится, что эта концепция предусматривала: "мобилизацию всех национальных сил восточных народов, признание за ними определенной автономии и возможности культурного развития с той целью, чтобы повести их против большевистского врага. Эта, как мне вначале казалось, одобренная Вами концепция, не осуществлена, так как политика, которую здесь проводили, ни в какой мере не соответствует ей. Лишь с помощью Вашего аграрного порядка от 1942 г., который давал восточным народам надежду на приобретение собственности, поддерживалась до конца их готовность к труду."

К этому письму фюреру прилагалось последнее предложение по урегулированию вопросов восточной политики. Оно гласит следующим образом /середина второго абзаца, на странице 2-й/:

"Названные руководящие органы в имперском министерстве по делам восточных территорий фюрер от имени имперского правительства признает национальными комитетами". "Национальный

9031

H1198 – 0233

H1198 – 0234

комитет" следует понимать как рупор, наделенный со стороны германского имперского правительства полномочиями выражать жалобы и чаяния своего народа.

На странице второй, в середине говорится:

"Руководя народами Востока..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал не интересуют все эти подробности. Все основное уже было изложено в показаниях свидетеля, не правда ли? Прежде чем перейти к чтению, он суммировал общее содержание всего письма. И до сих пор пока не было сказано ничего нового по этому вопросу.

ТОМА: Господин председатель, подсудимый хотел еще раз обобщить все свои взгляды в отношении Украины, а именно, что он отстаивал ее автономию и свободное культурное развитие. Это было основным противоречием с Кохом, так как Кох слишком акцентировал на идее эксплоатации. Подсудимый хотел еще раз указать на то, что являлось планом его концепций по отношению к Советскому Союзу. Прежде, чем я перейду к вопросу развития на Украине, я хотел бы попросить подсудимого высказаться по вопросу обращения с военнопленными. Книга документов 081.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это включено в вашу книгу? Это № 081-ПС?

РОЗЕНБЕРГ: Это - СССР-353. Жалобы на военнопленных поступали из различных источников. Они поступали почти с самого начала деятельности восточного министерства. В особенности зимой 1941-42 г.г. Эти жалобы поступали от приезжавших солдат и офицеров. Мне докладывал о них мой политический отдел. Мы рассматривали эти жалобы и посылали их соответствующим военным инстанциям с просьбой учесть их из соображений весьма понятных.

Эти жалобы поступали в большом количестве. Со временем мои сотрудники заявили мне, что они встретили понимание высказанного нами желания классифицировать военнопленных в лагерях для советских военнопленных по национальному признаку и содержать их

порознь, так как легче вести политическую работу и человечески удобнее иметь дело с людьми одной национальности. В связи с большим количеством жалоб на то, что много тысяч советских военнопленных умирало, ко мне неоднократно поступали сообщения, что в боях в окружении войсковые соединения Красной Армии оборонялись с невероятным упорством и не сдавались, что они, попадая в конце концов в немецкий плен, будучи совершенно истощенными от голода и что даже неоднократно наблюдались случаи каннибализма, все из того же упорства ни при каких обстоятельствах не сдаваться в плен.

Третья категория жалоб, о которых я слышал, состояла в том, что расстреливали политических комиссаров. Эти жалобы мы также направляли дальше. То, что на это имелся соответствующий приказ, я не знал. На основании других сообщений мы пришли к выводу, что расстрелы комиссаров - это расплата политического и полицейского порядка, за что как нам стало известно, многих освобожденных немецких пленных находили мертвыми и изувеченными. Позже я получил сообщение о запрещении таких расстрелов, и мы решили, что политические комиссары относятся к кадровым офицерам Красной Армии. Вот документ 081-ПС. Обвинение утверждает, что это - отношение министра по делам Востока к начальнику штаба ОКВ. Этот документ был найден также в моем архиве. Но это не отношение, написанное мною начальнику штаба ОКВ Кейтелю. Очевидно, оно было оставлено отправителем в моем бюро. Сверху в левом углу на первой странице стоит римская цифра 1. Это означает "первый отдел". На моих бумагах такого обозначения не бывало. Все бумаги, написанные мной начальнику штаба ОКВ, обычно начинаются либо с указания фамилии адресата, либо с личного обращения. Начальник ОКВ - это официальное название, должность. Точно также, как письмо, адресованное "Рейхсминистру по делам восточных областей", является

H1198 – 0235

H1198 – 0236

письмом не лично мне, а в мое учреждение. Я не хочу вдаваться в подробности, но разрешите зачитать заключительный абзац, потому что он соответствует тому, как я стремился воспитывать своих сотрудников, и отражает то, что они со своей стороны, считали необходимым поступать и выражаться именно так.

На пятой странице этого документа говорится:

"Во главу требований необходимо поставить..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Каким числом датирован этот документ?

РОЗЕНБЕРГ: Это письмо датировано 28 февраля 1942 года, т.е. ужасно холодной зимой.

На стр. 5-й говорится: "Во главу требований необходимо поставить, чтобы обращение с военнопленными было построено на законах человечности и соответственно достоинству германской империи.

"Совершенно понятно, что установленные многие случаи бесчеловечного обращения с немецкими военнопленными со стороны военнослужащих Красной Армии настолько ожесточает немецкие войска, что они стремятся отплатить тем же."

"Однако, такие меры возмездия ни в коем случае не улучшают положения германских военнопленных, а в конечном итоге приведут к тому, что обе стороны перестанут брать в плен".

Я хотел огласить этот абзац, т.к. у меня в распоряжении нет других документов, свидетельствующих о деятельности моего политического управления, а это лишь один пример ее.

ТОМА: Господин председатель, я хотел бы закончить допрос подсудимого Розенберга о деятельности восточного министерства оглашением письменного показания профессора д-ра Денкера относительно использования сельскохозяйственных машин на Украине. Это документ РО-35, допущенный судом. В этих письменных показаниях речь идет относительно следующего...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы закончили свой допрос?

ТОМА: Я закончил вопрос по министерству. У меня есть еще несколько коротких вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал не так давно уже видел это письменное показание, данное под присягой. Поэтому нет необходимости зачитывать его. А сейчас, пожалуйста, назовите номер, под которым этот документ представлен Трибуналу.

ТОМА: РО-35, РО-35. Здесь речь идет о машинах, которых было поставлено Украине на 180 миллионов, о сельскохозяйственных машинах.

Господин свидетель, вы были членом СА или СС?

РОЗЕНБЕРГ: Нет. Я не был членом ни СА, ни СС.

ТОМА: Таким образом, вы никогда не носили формы СС?

РОЗЕНБЕРГ: Нет.

ТОМА: Вам известно что-либо о концлагерях?

РОЗЕНБЕРГ: Да. Этот вопрос, само собой разумеется, ставился всем. Относительно факта существования концлагерей я слышал в 1933 году. Хотя это звучит, как повторение, я должен, однако, заявить, что я знал только о двух концлагерях, а именно: о лагере в Ораниенбурге и о лагере в Дахау. Об"ясняя введение этого института, мне сообщили, что в одном из этих лагерей находится 800 коммунистических деятелей, которые ранее были приговорены в среднем к четырем годам тюремного заключения, а частично также к каторжным работам. Перед лицом того факта, что мы пережили революцию, хотя и проведенную легальными средствами, я считал вполне понятным, что новое государство должно было временно применить превентивное заключение по отношению к своим противникам. В то же время я видел и слышал, что с нашими самыми ярыми противниками, которые не обвинялись в каком-нибудь уголовном преступлении, обращались весьма великодушно, что, например, наш самый ярый противник, прусский министр Зеверинг, уйдя в отставку

H1198 – 0237

H1198 – 0238

получил полную пенсию министра. Я считал, что как раз такое отношение вполне соответствует линии национал-социализма. Поэтому я должен был предположить, что учреждение этих лагерей было политически необходимым мероприятием и такого убеждения я придерживался.

ТОМА: Вы участвовали в эвакуации евреев из Германии?

РОЗЕНБЕРГ: Разрешите мне добавить, что я никогда не был в концлагерях, ни в Дахау, ни в каком-либом другом. Однажды в 1938 г. я заговорил с Гиммлером по поводу концлагерей и сказал ему, что вот иностранная пресса помещает различные сообщения о злодеяниях в них. Как же обстоит дело в действительности? Гиммлер сказал: "Поезжайте как-нибудь в Дахау и посмотрите. Там у нас есть бассейн, санитарные учреждения, ни к чему не придерешься". Я не поехал, исходя из того соображения, что если бы действительно там были какие-либо непорядки, то после моего вопроса Гиммлер не показал бы мне их. Во-вторых, я отказался от намерения ехать потому, что я не нахожу удовольствия рассматривать людей, лишенных свободы. Однако, я думал, что своим заявлением я обратил внимание Гиммлера на такие слухи.

Второй раз, это было позже, я не могу сказать, до или после начала войны, - Гиммлер сам заговорил со мной о так называемых "серьезных исследователей библии", т.е. о том, что представителями Обвинения инкриминировалось как религиозные преследования. Гиммлер заявил мне, что в обстановке, в которой сейчас находится империя, нельзя соглашаться с отказом от военной службы. Это приведет к чувствительным последствиям. Он рассказал, что он часто лично беседовал с этими заключенными, чтобы понять и, может быть, убедить их. Это оказалось невозможным, так как на все вопросы они отвечали заученными наизусть цитатами из библии, так что с ними ничего нельзя было поделать. Из этого рассказа Гиммлера и из того, как он это рассказывал я никак не мог заключить, что

он собирается подготовить и осуществить расстрелы этих "серьезных исследователей библии". Американский священник любезно передал мне в мою камеру церковную газету из Колумбии, прочтя которую, я сделал вывод, что и Соединенные Штаты во время войны помещали в заключение "свидетелей Иеговы" и что к декабрю 1945 г. их находилось в лагере 11.000 человек. Я полагаю, что каждое государство тем или иным способом должно реагировать на отказ от военной службы в таких условиях. Я так думал и должен был признать, что в этом отношении Гиммлер прав.

ТОМА: Не можете ли Вы сказать что-либо по делу пастора Нимеллера?

РОЗЕНБЕРГ: Да, когда дело пастора Нимеллера разбиралось в суде в Германии, я поручил сотруднику моего учреждения присутствовать на этом процессе, так как это меня интересовало как с человеческой, так и со служебной точки зрения. Этот сотрудник, доктор Циглер, представил мне потом доклад, из которого я сделал вывод, что обвинение частично вызвано недоразумениями со стороны властей, частично не было настолько серьезным, как я и предполагал. Позже я передал этот доклад заместителю фюрера Рудольфу Гессу и сказал ему, не может ли он рассмотреть это дело. Через довольно большой промежуток времени, как-то у фюрера, я снова заговорил с ним об этом деле и сказал, что весь этот процесс я считаю абсолютно неудачным. Фюрер ответил мне: "Я потребовал от пастора Нимеллера только обязательства, чтобы он как священник не об"являл борьбы государству. Он отказался дать такое обещание, поэтому я не могу его освободить. Впрочем я дал указание, чтобы с ним обращались совершенно корректно, чтобы он как большой курильщик получал лучшие сигары и чтобы ему была предоставлена возможность научных исследований, если он пожелает этого". Мне неизвестно на каких источника основывалось заявление фюрера, но для меня оно было так убедительно, что я был не в состоянии

9037

H1198 – 0239

H1198 – 0240

предпринять какие-либо попытки вмешаться в это дело.

ТОМА: Предпоследний вопрос. Правильно ли, что после прихода к власти Вы известным образом пересмотрели свою позицию по отношению к евреям, что вообще после прихода к власти в отношении к евреям наступила некоторая умеренность и что вначале еврейский вопрос предполагалось решить совершенно иначе?

РОЗЕНБЕРГ: Не хочу оспаривать, что в период борьбы до 1933 года я вел очень резкую публицистическую полемику и что в этой полемике было высказано немало очень жестоких слов и сделано много жестоких предложений. После прихода к власти я думал, считая не без основания, что фюрер думал подобным же образом, что теперь можно отказаться от старой политики, что должно наступить некоторое равноправие и что данный вопрос следует решить по-рыцарски. Как я заявил об этом в речи от 28 июля 1933 года и затем в речи на партийном с"езде в сентябре 1933 года, которая передавалась по всем радиостанциям, под "равноправием" я понимал следующее: Например, невозможно, чтобы в берлинских городских больницах 80 проц. составляли врачи-евреи, они должны составлять только 30 процентов. На партийном с'езде я сказал, что мы слышали о том, что имперское правительство при проведении всех мер по установлению паритетных начал сверх того делает исключение для всех лиц еврейской национальности, которые потеряли на войне одного из членов своей семьи - отца или сына. Я сказал, что мы должны приложить усилия к тому, чтобы по-рыцарски решить этот вопрос. Тот факт, что впоследствии дело приняло совершенно другой оборот - является трагедией. Я должен отметить, что деятельность евреев-эмигрантов, поддержка их во многих иностранных государствах вызвали новое обострение нашего отношения к ним и что затем начались такие вещи, о которых следует сожалеть и которые, я должен сказать, отняли у меня внутреннюю силу действовать так, как мне раньше казалось необходимым. То, что

стало известным из секретных полицейских документов и подтверждено свидетельскими показаниями, я считал просто человечески невероятным и я бы не поверил, даже, если бы когда-либо мне рассказал об этом Генрих Гиммлер.

Есть вещи, которые и для меня превосходят все человечески возможное. Такими они и были.

ТОМА: У меня последний вопрос. Я хотел бы в связи с этим вопросом представить документ РС-15, 3761-ПС. Этот документ имеется в книге документов, но еще не представлен Трибуналу. В нем содержится письмо Розенберга Гитлеру с просьбой не выдвигать его кандидатом в рейхстаг в 1934 году.

Господин свидетель, вы участвовали во всех фазах развития национал-социализма от его начала до его страшного конца. Вы пережили его молниеносный под"ем и его ужасный крах и Вам ясно, что все руководство сосредоточилось в одном лице. Сообщите, пожалуйста, Трибуналу о том, что Вы со своей стороны предприняли и в какой степени Вы оказывали воздействие в целях предотвращения сосредоточения всей власти в одном единственном лице. Что вы сделали для того, чтобы в какой-либо форме ослабить последствия всего этого? Передаю вам документ, который был уже Вам пред"явлен, и затем документ 047, который также был предъявлен суду под № США-725.

/Документы вручаются свидетелю/.

РОЗЕНБЕРГ: Действительно, я с самого начала сочувствовал национал-социалистскому движению и относился с полной лойяльностью к человеку, которого в эти долгие дни борьбы я уважал, так как я видел, с какой самоотверженностью и страстью этот бывший немецкий фронтовой солдат вступился за свой народ. Что касается лично меня, то это письмо относится к периоду...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Тома, скажите точно, какой вопрос Вы задаете свидетелю? Мы не хотим здесь выслушивать его речей. Мы

H1198 – 0241

H1198 - 0242

хотим лишь знать, какой вопрос вы задаете свидетелю.

ТОМА: Хорошо. Какие предложения Вы делали? Выступали ли Вы открыто за ограничение власти фюрера?

РОЗЕНБЕРГ: По этому поводу я могу заявить, что тогда в полном согласии с Адольфом Гитлером, а также в полном соответствии со своим трудом "Миф XX столетия" я придерживался той концепции, что принцип фюрерства не должен относиться к одной личности, что и фюрер, и те, кто идет за ним, должны иметь какие-то обязанности по отношению друг к другу, что под понятием "принцип фюрерства" следует подразумевать учреждение сената или, как я выразился, учреждение орденского совета, который играл бы роль исправляющего и совещательного органа. Фюрер сам поддержал эту концепцию, устроив в "Коричневом доме" в Мюнхене зал сената на 61 место, так как он сам считал это необходимым. Я еще раз останавливался на этой мысли в своей речи в 1934 году, однако...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что это не является ответом на Ваш вопрос о том, что он делал для ограничения власти фюрера. Мы хотим знать, что именно он делал, если он вообще что-нибудь делал для того, чтобы ограничить власть фюрера.

ТОМА: На открытом собрании, - я ссылаюсь на книгу документов № 1, часть П, стр. 118, - он указал на то...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Тома, я не хотел, чтобы Вы мне об этом говорили. Я хотел, чтобы свидетель сообщил об этом Трибуналу.

ТОМА: /обращаясь к Розенбергу/ - Тогда я прошу Вас сконцентрироваться на этих двух речах, с которыми Вы тогда выступили.

РОЗЕНБЕРГ: Я могу процитировать эти речи, однако, это также не явится прямым ответом на затронутый вопрос. Они показывают что я заявил, что национал-социалистское государство не должно быть кастой, господствующей над немецкой нацией, и что фюрер не должен быть ее тираном; но я не усматривал в Адольфе Гитлере

тирана. Я лично доверял ему так же, как и миллионы национал-социалистов, на основании опыта 14-летней борьбы. Его личных полномочий я вовсе не хотел ограничивать, сознавая, однако, что это исключение только лично для Адольфа Гитлера, и оно не характеризует национал-социалистского государства. Это также не соответствовало принципу фюрерства, как мы его воспринимали, и как он наполнял содержанием новый порядок империи.

Я служил Адольфу Гитлеру пойяльно и поддерживал все то, что делала партия в те годы. Все, что складывалось плохо и что выражалось как раз в ошибочном господстве в разгар войны я клеймил в своих речах, произносимых перед политическими руководителями, я говорил, что концентрация власти в той форме, в какую она вылилась в настоящее время, в период войны, представляет собой явление, обусловленное войной, и не должна отражать национал-социалистскую концепцию о государстве. Может быть для некоторых, для 200 тысяч человек было бы удобней сохранить подобное положение вещей, но сохранение его в дальнейшем означало бы смерть 70 миллионов личностей. Я высказал эти соображения в присутствии высших начальников СС и руководителей партийных организаций или гаулейтеров. Я установил контакт с руководством "Гитлеровской молодежи", полностью сознавая, что после войны в партии необходимо будет провести реформу с тем, чтобы восстановить перво-начальные лозунги движения, за которые я боролся. Однако это было уже невозможно. Судьба приостановила это движение и пошла другим путем.

ТОМА: Г-н свидетель, можете ли Вы привести конкретный факт, из которого можно было бы сделать вывод, что сначала партия не собиралась пользоваться властью одна, а намеревалась итти к власти при сотрудничестве с другими партиями?

РОЗЕНБЕРГ: Таково 14-летнее историческое развитие, и если

9041

H1198 – 0243

H1198 – 0244

я могу использовать здесь это письмо, то я бы хотел сказать, что в конце 1923 г. после разгрома так называемого гитлеровского путча, когда представители партии того времени либо находились под арестом, либо эмигрировали в Австрию и я с немногими членами партии оставался в Мюнхене, я стоял на той позиции, что развитие должно пойти по новому пути и что партии следовало бы испробовать свои силы в парламентской борьбе.

Фюрер, находившийся тогда в заключении в Ландсберге, отклонил мое предложение. Вместе со своими товарищами я все же защищал эту линию. В ответ на это фюрер послал мне длинное написанное от руки письмо, которое тоже находится в моем архиве и в котором он изложил причины того, почему он не хочет согласиться с моим предложением. Позже, однако, он дал свое согласие.

И здесь, в этом письме, написанном после того, как он согласился со мной, я просил его не выдвигать меня кандидатом в рейхстаг, потому, что в таком случае я пользовался бы привилегией депутата рейхстага, не будучи выбран в него, и, во-вторых, потому что я считал себя в Германии слишком молодым, чтобы после нескольких лет своей деятельности занять уже такой видный пост.

ТОМА: У меня больше вопросов нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желают ли другие защитники задать вопросы свидетелю?

СЕРВАТИУС: /защитник подсудимого Заукеля/:

Г-н свидетель, в сентябре и октябре 1942 г. к Вам поступали различные донесения относительно нетерпимых условий вербовки рабочих в оккупированных восточных областях. Вы проверяли достоверность этих сообщений?

РОЗЕНБЕРГ: В тот период эти сведения, поступавшие в министерство по делам восточных областей, регулярно рассматривались моим главным управлением "Труд и социальная политика". Я просил Трибунал вызвать в качестве свидетеля д-ра Бейля, который как р

1942

занимался рассмотрением этих вопросов. Суд утвердил вызов этого свидетеля. Я слышал, что д-р Бейль заболел и он может дать показания о своей работе только в письменном виде. На основании того, что я знаю, я могу показать следующее:

Эти сведения сообщались мне д-ром Бейлем и так называемым центральным управлением по делам лиц восточных национальностей. Я передал их в своем названном уже письме Заукелю. Затем эти сведения регулярно пересылались рейхскомиссару Украины и другим представителям администрации, причем к ним прилагалось наше мнение и заключение о результатах проверки. Часть из них оказывалась правильной, другая часть преувеличенной. Насколько мне известно, генеральный уполномоченный Заукель, получая жалобы, которые я посылал ему, лично занимался рассмотрением их, позднее ими заинтересовался так же германский трудовой фронт, на которого была возложена задача обслуживания всех иностранных рабочих, занятых в германской империи. Мое министерство поддерживало непрерывную связь с инспекцией трудового фронта и все время высказывало свои пожелания в этом направлении, пока, наконец, в конце 1944 г. доктор Лей, который, ведая этим обслуживанием, смог сообщить, что, несмотря на многие трудности, достигнуты действительно терпимые и хорошие условия. Я тогда ответил ему, что очень рад этому, но что все же я получаю еще сообщения о возникающих то там, то здесь, неполадках. В порядке проведения установленной линии представители моего министерства вместе с инспекторами германского трудового фронта предприняли осмотр ряда трудовых лагерей с целью проверки жалоб и ликвидации непорядков при помощи трудового фронта.

СЕРВАТИУС: Вы говорите главным образом относительно положения дел в Германии, что собственно говоря, не относилось к Вашей компетенции. Что Вы предприняли в отношении Коха? Является

H1198 – 0245

H1198 – 0246

ли меморандум от 16 марта 1940 г., о котором здесь говорилось, ответом на жалобы? В своем меморандуме Вы пишите ему, что он обя зан применять только законные средства и привлекать виновных к ответственности. Это было ответом на жалобы?

РОЗЕНБЕРГ: Да, это было ответом, так как к декабрю 1942 года к нам поступило уже порядочное количество жалоб.

СЕРВАТИУС: Что ответил на это Кох?

РОЗЕНБЕРГ: Кох ответил мне, что он, со своей стороны, так же хочет и будет применять законные средства. Однако в оглашенном сегодня документе /в его донесении от 16 марта 1943 г./ он неоднократно сетует на то, что я не всегда верил этим заверениям и что восточное министерство в каждом отдельном случае не только вмешивалось в его дела, но и требовало от него отчета о выполнении своих указаний.

СЕРВАТИУС: Таким образом, он отрицал наличие больших непорядков?

РОЗЕНБЕРГ: Да, он отрицал большие непорядки. Он указал в документе на один особо тяжелый случай, когда в больнице были сожжены отдельные дома, так как, по его словам, проживавшие там люди, которые получили повестки явиться по мобилизации для отправки на работы, оказали сопротивление силой, и будто бы он не мог иначе поступить. Он добавил, что именно этот случай вызвал новые замечания со стороны министерства по делам восточных территорий.

СЕРВАТИУС: Как Вы считаете, имел ли он право проводить такие мероприятия?

РОЗЕНБЕРГ: В вопросе выполнения всех директив уполномоченных на это высших правительственных учреждений на рейхскомиссара Коха была возложена задача проведения в жизнь соответствующих мероприятий и ответственность за их проведение в рамках имеющихся у него инструкций. Я считаю, что он неоднократно

преступал эти рамки и по своему усмотрению проводил, как ему казалось, исключительно меры военно-экономического характера, о которых я иногда узнавал, а иногда и не узнавал, как следует из данного документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вас спросили, как по Вашему мнению имел ли он право сжигать дома лишь потому, что люди отказывались работать. Вы же даете по этому поводу очень пространные об"яснения, которые совсем не являются ответом на вопрос.

РОЗЕНБЕРГ: Нет, права на сожжение домов он, по моему мнению, не имел. Поэтому я и вмешался, но он пытался оправдать свои действия.

СЕРВАТИУС: В порядке осуществления вербовки рабочих должна была проводиться мобилизация, которая требовала применения административного принуждения. В какой степени было допустимо это принуждение? Имеется ли законное и незаконное принуждение, как Вы расцениваете практически проведенные мероприятия?

РОЗЕНБЕРГ: До 1943 г. я сам настаивал на добровольной вербовке. Однако, учитывая настоятельные требования фюрера, я не мог больше придерживаться этой позиции. Поэтому я согласился с тем, чтобы в целях сохранения хотя бы формальной законности были признаны определенные возрасты, при чем исключались те лица, которые нужны были в восточных областях. Все же остальные подлежали мобилизации с помощью местных постоянных административных органов, имеющихся в областных комиссариатах, т.е. с помощью мелких бургомистров. Не подлежит никакому сомнению, что для подкрепления своих требований они имели в своем распоряжении жандармерию.

СЕРВАТИУС: Если там имели место злоупотребления, мог ли Кох их устранить; имели Вы на это какое-либо влияние?

РОЗЕНБЕРГ: В таком случае долгом рейхскомиссара, которому подчинялось правительство Украины, было провести расследование

2045

H1198 – 0247

H1198 – 0248

и принять соответствующее решение в соответствии с инструкциями, которые он получал от меня.

СЕРВАТИУС: Почему Вы обращались к Заукелю? Заукель был обязан устранять эти злоупотребления?

РОЗЕНБЕРГ: Заукель как представитель уполномоченного по четырехлетнему плану, пользовался правом давать мне как министру по делам восточных территорий директивы и, кроме того, правом через мою голову давать указания рейхскомиссарам. Он несколько раз воспользовался этим правом, выступив с соответствующими докладами в округах Украины и Остланда.

СЕРВАТИУС: Заукель отвечал за состояние дел на Украине?

РОЗЕНБЕРГ: Заукель не нес ответственности за состояние дел, но на основании своих полномочий, полученных им от фюрера, он так сурово и точно пред"являл свои требования, что генеральные комиссары, которые несли ответственность, чувствовали себя внутреннее и формально обязанными подкреплять призывы на работы применением своей полицейской власти. Это видно, например, из документа 263-ПС, отчета генерального комиссара в Житомире, и, из документа, номер которого я точно не помню, кажется, отчета областного комиссара в Каунасе.

СЕРВАТИУС: Заукель имел свой собственный аппарат?

РОЗЕНБЕРГ: Да, у него был штаб, о размерах которого я не могу сказать. Он отвечал лишь за то, чтобы при гражданской администрации были учреждены биржи труда. Его требования исполнялись гражданской администрацией на Востоке, позднее задача обработки вопросов этих бирж труда была возложена на административные учреждения. Большого аппарата, насколько мне известно, у него не было.

СЕРВАТИУС: До того, как Заукель занял свой пост, имелось в Вашем министерстве управление по вопросам труда и соответствующие подотделы и биржи труда в средних и низших инстанциях?

РОЗЕНБЕРГ: Я не могу точно ответить на Ваш вопрос; однако, мне кажется, что в самом начале существования министерства в нем было создано управление "Труд и социальная политика". Я не могу точно назвать времени. Может быть, можно будет почерпнуть что-либо из показаний д-ра Бедля.

СЕРВАТИУС: Таким образом, Вы не знаете организацию вербовки рабочих?

РОЗЕНБЕРГ: Нет. Мне известно то, что я уже сейчас показал. Я только не могу назвать даты основания этого главного управления "Труд и социальная политика" при министерстве по делам восточных территорий.

СЕРВАТИУС: Существовали в восточных областях бирки труда, центральная инстанция над которыми входила бы в Ваше министерство?

РОЗЕНБЕРГ: Да, поскольку управление "Труд и социальная политика" естественно должно было работать вместе с гражданской администрацией, т.е. оба имперских комиссара поддерживали друг с другом постоянный контакт, и между их отделами труда велась переписка. Переписки с нижними инстанциями, безусловно, не было, но она была с соответствующим отделом при рейхскомиссаре.

СЕРВАТИУС: В своем письме Вы упоминаете аппарат Заукеля. Какой аппарат Вы имеете ввиду?

РОЗЕНБЕРГ: В первую очередь я имею ввиду его непосредственного уполномоченного Пейкерта, который позже в целях обеспечения хорошо налаженной совместной работы, формально принял на себя руководство этим главным управлением "социальная политика". Он бывал очень редко в министерстве по делам восточных областей, т.к. по службе он был занят главным образом вопросами, касающимися сферы деятельности Заукеля. Кроме того, у Заукеля были еще другие представители, с которыми мое главное управление постоян-

H1198 – 0249

H1198 – 0250

но вело переговоры о снижении контингента вербуемых рабочих.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Все это может сообщить подсудимый Заукель, когда он будет выступать в качестве свидетеля. Зачем тратить время на то, чтобы сейчас допрашивать по этим вопросам Розенберга?

СЕРВАТИУС: Это важно для того, чтобы установить ответственность, т.к. позднее я уже не могу вызвать к пульту свидетеля Розенберга, хотя могут возникнуть вопросы,...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я это, конечно, понимаю, но все подробности об организации управления Заукеля должны быть известны самому Заукелю.

СЕРВАТИУС: Но позже у меня не будет возможности допросить свидетеля Розенберга в отношении необходимых выводов, которые можно было бы сделать в вопросе об организации, в отношении вопроса об ответственности, вопроса о праве надзора, о праве вмешательства в дела, о том, почему письма направлялись одному лицу, почему оно должно было реагировать на эти письма? Этого нельзя понять иначе, чем путем допроса свидетеля. Или я бы предложил вызвать свидетеля Розенберга еще раз для допроса по делу Заукеля, после того, как Заукель даст свои показания; это сократит время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У Обвинения нет никаких возражений по этому поводу, следовательно показаний Заукеля будет вполне достаточно.

СЕРВАТИУС: Господин председатель, свидетель Розенберг в своем письме к Заукелю говорит о том, что учреждения Заукеля применяют недопустимые методы. По моему убеждению, таких учреждений у Заукеля не было и Розенберг обращался по неправильному адресу. Поэтому необходимо выяснить, какие учреждения вообще имелись. Это жалоба Розенберга, которого угнетали создавшиеся порядки, направленная Заукелю в то время, как он должен был обратиться с ней к Коху.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Сервациус, задайте ему конкретный вопрос.

СЕРВАТИУС: Что сделал Заукель в ответ на то письмо, которое Вы ему направили?

РОЗЕНБЕРГ: Я не получил от Заукеля ответного письма; однако, я слышал, что на одном совещании работников своих бирж труда в Веймаре Заукель останавливался на этих жалобах и старался сделать со своей стороны все, чтобы устранить причины их.

СЕРВАТИУС: Это совещание было созвано спустя две недели, а именно 6 января 1943 года, и вы присутствовали там?

РОЗЕНБЕРГ: Возможно; я один раз выступал на совещании в Веймаре; было ли это совещание как раз тем, о котором идет речь, я не могу сказать.

СЕРВАТИУС: Вы слушали речь Заукеля на этом совещании?

РОЗЕНБЕРГ: Насколько я помню - нет.

СЕРВАТИУС: Вам эту речь представили позже в письменном виде?

РОЗЕНБЕРГ: Я этого тоже не помню.

СЕРВАТИУС: Я представляю эту речь в качестве документа по делу Заукеля. У меня еще есть целый ряд вопросов.

Другие учреждения в оккупированных областях занимались вербовкой рабочих?

РОЗЕНБЕРГ: Да. Я получил несколько сообщений относительно того, что так называемая "Организация ТОДТ" в порядке выполнения своих технических задач также вербовала рабочих. Мне кажется, что рабочих пытались вербовать управление имперских железных дорог и другие учреждения на Востоке, чтобы создать себе некоторые кадры.

СЕРВАТИУС: Разве неправда, что в армии требовались рабочие руки, что рабочая сила была необходима для строительства дорог, для местной промышленности и промышленности в Германии и что существовала общая тенденция использовать рабочих на месте, а не

9049

H1198 – 0251

H1198 – 0252

посылать их в Германию?

РОЗЕН БЕРГ: Верно, однако, понятно, что армия, организация ТОДТ и другие учреждения старались задержать в стране по возможности большее количество рабочих для выполнения тех работ, которые нужно им было там выполнять и что они, вероятно, не так охотно отдавали своих рабочих. С человеческой точки зрения это совершенно об"яснимо.

СЕРВАТИУС: Заукель неоднократно указывал на то, что при любых обстоятельствах соответствующий контингент рабочей силы должен быть завербован и что всякое сопротивление этому должно быть преодолено. Кто оказывал это сопротивление? Местные органы, которые не хотели отдавать рабочую силу?

РОЗЕНБЕРГ: Конечно, это были местные органы и на это было указано в одной из бесед, которую я имел с Заукелем в 1943 году и запись которой находится здесь, как документальное доказательство, но сегодня не представлялась в качестве такового. Во время этой беседы Заукель заявил, что он по приказу фюрера обязан набрать большое количество новых рабочих с Востока, и в этой связи он прежде всего думает об армии, по его выражению, поглотившей рабочих, которых можно было бы использовать в Германии.

ТОМА: Имел Заукель что-нибудь общее с вербовкой рабочих, которая происходила в связи с так называемой германизацией Востока?

РОЗЕНБЕРГ: Я не совсем понимаю вопрос. Что Вы понимаете в данном случае под "германизацией"?

ТОМА: На Востоке СС производили переселение, в том числе переселение рабочих. Так вот были эти рабочие переселены по требованию Заукеля?

РОЗЕНБЕРГ: Прежде всего, я не понимаю, какое переселение Вы имеете ввиду.

ТОМА: Мне был пред"явлен документ, в котором говорилось о

переселении евреев на польскую территорию. Я полагаю, что они прибыли также и в Ваши области. Вам неизвестно об этом?

РОЗЕНБЕРГ: Насколько мне известно, за сосредоточение еврейского населения, проживавшего ранее в восточной Германии, в определенных городах и лагерях, в оккупированных областях Востока отвечал начальник немецкой полиции. Может быть, что в связи с этим переселением в лагери и в связи с концентрацией евреев в определенных городских кварталах, возник недостаток в рабочей силе или что-нибудь подобное. Я только не знаю,какое это имеет отношение к германизации.

ТОМА: У меня нет больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Прежде, чем мы сделаем перерыв, я хотел бы узнать в каком положении сейчас находятся документы подсудимого Франка? Кто-нибудь может мне сообщить что-либо по этому поводу?

Г-н ДОДД: Г-н председатель, что касается американского обвинения, то мы уже обсуждали вопрос о документах подсудимого Франка с д-ром Зайдлем, защитником подсудимого Франка, и с представителями советского Обвинения. Мы готовы дать свои об"яснения по поводу этих документов в любое время, когда это будет более удобно для Трибунала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Д-р Тома. Сколько свидетелей Вы намерены вызвать и сколько времени, по Вашему мнению, займет слушание дела подсудимого Розенберга?

ТОМА: У меня есть только один свидетель, Рике. Мне кажется, что мой допрос займет не более часа. Я не думаю, что это займет больше времени. Все остальное зависит от перекрестного допроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. В таком случае Вы сможете закончить дело подсудимого Розенберга завтра.

ТОМА: Это зависит от того, как долго будет длиться перекрестный допрос.

2051

H1198 – 0253

H1198 – 0254

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, конечно. Доктор Зайдль, сможете Вы немедленно начать представление доказательств по делу подсудимого Франка? Предположим мы закончим слушанием дела Розенберга завтра. Завтра у нас среда, не так ли? Можете ли Вы начать утром в четверг предоставление материалов по делу подсудимого Франка?

ЗАЙДЛЬ: Г-н председатель. Я могу начать дело Франка сейчас же, как только закончится слушание дела Розенберга. Что касается документов, то затруднения были в отношении только одного документа и я отказался от представления его. В остальном это будут документы, большая часть которых была уже пред"явлена обвинением.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если речь идет только об одном документе, то мы могли бы сейчас заслушать Ваши об"яснения по поводу его. Насколько я Вас понял, разногласия имеются только по одному документу.

ЗАЙДЛЬ: Так точно, но господин председатель, я уже отказался от представления этого документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Следовательно, в отношении документов более нет разногласий.

ЗАЙДЛЬ: Нет, разногласий не имеется.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае, Вы готовы приступить к представлению документов?

ЗАЙДЛЬ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Переведены Ваши документы?

ЗАЙДЛЬ: Насколько мне известно, они переведены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Благодарю Вас.

/Трибунал об"являет перерыв до 10.00 17 апреля 1946 г./

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 17 апреля 1946 г.

Утреннее заседание.

Встать! Суд идет!

Г-н ДОДД. Г-н председатель, вчера перед перерывом Трибунал осведомлялся о том, каково положение дел с книгой документов Франка и я довел до сведения Трибунала о том, что мы готовы к рассмотрению этих документов. Д-р Зайдль заявил о том, что у нас имеется по этому поводу договоренность.

Мне не было об этом известно в то время. Мне кажется, мы оба немного заблуждались. Положение дел таково: вчера в 6 ч. 00 мы достигли соглашения и таким образом не будет никаких затруднений с книгой документов Франка.

ТОМА. Г-н председатель, я хотел бы сделать небольшую поправку. Я вчера говорил об истребовании документа относительно создания оперативного штаба Розенберга. Мой подзащитный неоднократно просил меня пред"явить этот документ. Вероятно я перепутал этот документ с другими документами, которые я истребовал, но не получил. Я хотел бы сделать поправку в связи с этим.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы хотите только внести эту устную поправку? Очень хорошо.

Д-р ТОМА. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желают ли другие защитники задать какие-либо вопросы?

АДВОКАТ Д-Р КАРЛ ГЕЙЗЕЛЬ /защитник СС/. Г-н свидетель, придерживаетесь ли вы того мнения, что все то, что вы говорили и писали для выполнения ваших задач, -

H1198 – 0255

H1198 – 0256

а вы были уполномоченным фюрера по идеологической работе в НСДАП и примыкающих к ней союзах,- все то, что вы в качестве уполномоченного фюрера говорили и писали по этим вопросам и по вопросам планомерной, как говорилось, духовной борьбы с еврейством, следует рассматривать как официальное изложение позиции партии и ее организаций?

РОЗЕНБЕРГ. Если ответить по отдельности на эту длинную серию вопросов, то я могу заявить следующее.

По вопросу о духовном воспитании мое учреждение, естественно, поддерживало постоянную связь с главным учебным управлением СС. Мое учреждение получало журнал этого управления СС, я также часто читал этот журнал и за эти годы пришел к заключению, что в управлении, в этом журнале, по крайней мере, имеется ряд очень ценных статей и весьма здравых мыслей. Это послужило мне основанием для того, чтобы в те годы не вступать в конфликт с СС.

Что касается еврейского вопроса, то наша цель в этом вопросе высказана в программе НСДАП, и это единственная официальная позиция, которой и придерживались члены партии. Все остальное, что я говорил и что другие писали по этому вопросу, следует рассматривать лишь как обоснование. Конечно, многое из этого было принято; однако, эти предложения не являлись обязательными для фюрера и государства.

ГЕНЗЕЛЬ. Была ли цель вашей борьбы с еврейством ограничена, намеревались ли вы исключить евреев из государственного управления и хозяйства, или вы с самого начала имели в виду более строгие меры, как истребление

евреев и т.д.? Какова была ваша цель?

РОЗЕНБЕРГ. В соответствии с партийной программой я стремился лишь к одной цели, а именно к тому, чтобы руководство в германском государстве было изменено и не оставалось таким, каким оно было с 1918 по 1933 г.г. Это было самой важной целью.

Относительно исключения евреев даже из экономической жизни тогда не говорилось. Я вчера уже указывал на две свои речи, которые были опубликованы; в них я заявил, что после окончания этой тяжелой политической борьбы необходимо будет пересмотреть этот вопрос. Ранее говорилось о выселении евреев из Германии. Это верно. Позже, когда положение обострилось, я еще раз предложил - в духе пожеланий видных еврейских деятелей - отправить немецких безработных в Африку, Южную Америку и Китай.

ГЕНЗЕЛЬ. Таким образом, следуя за ходом ваших мыслей вчера и сегодня, можно различать три группы мероприятий, направленных против евреев: во-первых, период до 1933 г., до прихода Гитлера к власти - это пропагандитские мероприятия; во-вторых, после 1933 г. - мероприятия, которые нашли свое выражение в законах против евреев и, наконец, после начала войны известные мероприятия, которые, безусловно, относятся к преступлениям против человечности. Вы согласны с таким подразделением на три периода?

РОЗЕНБЕРГ. Да, это примерно так.

ГЕНЗЕЛЬ. Тогда я хотел бы обратить ваше внимание на второй период, а именно на мероприятия, которые были осуществлены после прихода Гитлера к власти путем издания антиеврейских законов. Вы принимали участие в издании этих законов?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы защитник СС, не так ли?

H1198 - 0257

H1198 – 0258

ГЕНЗЕЛЬ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какое отношение имеют поставленные вами вопросы к СС?

ГЕНЗЕЛЬ. Этот вопрос находится в следующем отношении к СС. Если партия в целом ставила своей целью создание антиеврейского законодательства, то СС, очевидно, также ставила себе эту цель и не имела вначале никаких более широких задач. Я хотел бы установить, когда антиеврейские законы и мероприятия стали преступными и что до этого момента СС совершенно не предпринимала никаких преступных акций против евреев.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Он уже сказал, что еврейский вопрос включался в партийную программу. Это все, что вы хотели, не так ли?

ГЕНЗЕЛЬ. Я хотел только сказать: то, что это находилось в партийной программе еще не доказывает, что в партийной программе это фигурировало в качестве преступления против человечности. В программе партии было записано лишь общее положение и я не считаю, что это положение само по себе являлось преступлением против человечности. К этому надо прибавить...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Этот вопрос построения партийной программы. Он не может давать показания по этому поводу. Имеется письменный документ. Партийная программа изложена в письменном виде.

ГЕНЗЕЛЬ. Однако, впоследствии кроме партийной программы был издан ряд законов и указов, которые расширяли эту партийную программу и вопрос заключается в том...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но это тоже документы, которые будет разбирать Трибунал, а не свидетель.

ГЕНЗЕЛЬ. Вопрос заключается в том, если свидетель

может это показать, в какой степени в выполнении этих указаний принимала участие СС.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Он может рассказать нам о фактах, но он не может говорить о законах или о том, как следует трактовать документы. Если вы хотите допросить его о фактах, то, пожалуйста, но если вы хотите, чтобы он истолковал партийную программу или указ, то это не входит в его обязанности. Это дело Трибунала.

ГЕНЗЕЛЬ. Хорошо. В своих книгах вы выступали за то, чтобы немцы об"единились в Велико-Германию. Это записано также в программе партии?

РОЗЕНБЕРГ. Да.

ГЕНЗЕЛЬ. Вы верили, что это возможно только путем подготовки войны или вы верили в то, что этого можно достигнуть мирным путем?

РОЗЕНБЕРГ. В начале моих показаний я ссылался на свой доклад на международном конгрессе в 1932 г. Это предложение было одобрено фюрером и оно заключалось в том,том, чтобы четыре великие державы пересмотрели все европейские проблемы. В эти предложения входил отказ Германии от колониальной политики, отказ от Эльзас-Лотарингии и от Южного Тироля, а также от притязаний на отторгнутые германские...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы все это слышали уже раньше от подсудимого Геринга и Риббентропа. Мы не желаем слушать это снова. Во всяком случае это не имеет никакого прямого отношения к СС.

ГЕНЗЕЛЬ. Последний вопрос. Знаете ли вы, что СС по отношению к евремя преследовала тайные и другие цели, совершенно отличные от тех, которые официально провозглашались?

H1198 – 0259

H1198 – 0260

РОЗЕНБЕРГ? Это я здесь слышал.

ГЕНЗЕЛЬ. Вы не знаете этого из собственных наблюдений?

РОЗЕНБЕРГ. Нет.

ШТЕЙНБАУЭР /защитник Зейсс-Инкварта/. Господин свидетель, у меня есть только один вопрос к вам. Обвинение пред"явило в качестве документа ПС-91 письмо, которое вы, как руководитель оперативного штаба, послали доктору Зейсс-Инкварту, являвшемуся рейхскомиссаром Голландии. В этом письме вы говорили об использовании библиотеки, т.н. социального института в Амстердаме. Я не знаю, помните ли вы об этой библиотеке. Это обширная библиотека социалистической и марксистской литературы. Обвинение не пред"явило ответ моего подзащитного. Поэтому я хочу вас спросить, помните ли вы обстоятельства этого дела и какой ответ дал вам Зейсс-Инкварт?

РОЗЕНБЕРГ. Я хорошо помню эту библиотеку, так как мне докладывали о ней. Речь шла, насколько я помню, об учреждении духовного центра II Интернационала в Амстердаме, в котором была бы собрана литература по истории социалистического движения в различных странах с тем, чтобы на основании этого научного материала вести идеологическую, политическую и научную борьбу...

ШТЕЙНБАУЭР. Хорошо, хорошо. Давайте будем с вами говорить покороче. Таким образом вы знаете о чем идет речь. Какой ответ вы получили - Зейсс-Инкварт согласился, чтобы эта библиотека была вывезена в Германию или он просил оставить ее в Голландии?

РОЗЕНБЕРГ. Вначале было решено, что библиотека останется в Голландии, а катологизация и приведение в порядок этих еще не разобранных библиотечных фондов будут

произведены в Амстердаме. В течение нескольких лет все это действительно делалось в Амстердаме. Только в 1944 году, когда началось вторжение союзников или когда можно было предполагать, что оно начнется в ближайшее время, когда усилились воздушные налеты также и на этот район, часть книг была переведена в Силезию, другая часть не успела туда дойти и осталась в Эмдене, а третья часть, по-моему, вовсе не была эвакуирована.

ШТЕЙНБАУЭР. Правильно ли, что Зейсс-Инкварт воспрепятствовал тому, чтобы эта библиотека голландских рабочих была вывезена?

РОЗЕНБЕРГ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желает ли обвинение произвести перекрестный допрос?

/К микрофону подходит господин Додд/.

Г-н ДОДД. Прежде чем мы начнем обсуждать те вопросы, которые я хотел здесь поставить, не будете ли вы добры написать ваше имя на листочке бумаги карандашом и чернилами?

/Свидетелю передается бумага, ручка и карандаш./

Пожалуйста, напишите чернилами "А.Розенберг" и тоже чернилами "Альфред Розенберг". Напишите также ваши инициалы. То же самое сделайте на другом листочке бумаги карандашом "А.Розенберг", затем "Альфред Розенберг" и затем первую букву вашей фамилии. Потом, пожалуйста, напишите еще печатную первую букву вашей фамилии.

/Розенбергу вручают лист бумаги, который с надписями возвращается господину Додду./

Г-н ДОДД. Вчера днем, когда вам допрашивал ваш защитник, вы заявили Трибуналу, что вы обсуждали с Гиммлером, рейхсфюрером СС, вопросы относительно концлагерей.

H1198 - 0261

H1198 – 0262

Если я правильно понял вас, вы сказали, что это было в 1938 году. Так ли это?

РОЗЕНБЕРГ. Да, я здесь показывал, что однажды говорил с ним относительно концлагерей. Было ли это в 1938 г., я точно не помню, так как не сделал себе об этом никаких заметок.

Г-н ДОДД. Очень хорошо. Он предложил вам осмотреть один из этих лагерей - Дахау или какой-нибудь другой? Не правда ли?

РОЗЕНБЕРГ. Да, он тогда сказал мне, чтобы я осмотрел Дахау.

Г-н ДОДД. И вы отказались от этого приглашения?

РОЗЕНБЕРГ. Да.

Г-н ДОДД. И если я правильно понял, я помню вы сказали, что вы были совершенно уверены, что он не покажет вам всего того, что происходило в этом лагере?

РОЗЕНБЕРГ. Да, я рассуждал примерно так, что если там происходит что-нибудь нехорошее, то я все равно этого не увижу.

Г-н ДОДД. Вы имеете в виду, что вы просто предполагали, что там могли происходить неприятные вещи или вы знали о них?

РОЗЕНБЕРГ. Я узнал об этом из иностранной прессы.

Г-н ДОДД. Когда вы впервые узнали об этом из иностранной прессы?

РОЗЕНБЕРГ. Это было уже в первые месяцы 1933 года.

Г-н ДОДД. А после этого вы постоянно продолжали читать иностранную прессу с сообщениями о германских ~~контра~~ концентрационных лагерях.

РОЗЕНБЕРГ. Нет, я вообще не читал иностранную прессу, так как я, к сожалению, не говорю по-английски, но

время от времени я получал выдержки из этой прессы и в немецкой печати также появлялись сообщения об этом с комментариями, что все это не соответствует действительности. Я вспоминаю, например, заявление министра Геринга, который сказал, что он возмущен, как только могут писаться такие вещи.

Г-н ДОДД. Итак, вы считали, что эти сообщения печати, в которых говорилось о происходящем в лагерях, соответствует действительности, но вы предполагали, что Гиммлер не покажет вам всего.

РОЗЕНБЕРГ. Да, я предполагал, что в процессе такой революции, безусловно, имел место ряд перегибов, что в некоторых областях происходили столкновения и что продолжавшиеся убийства национал-социалистов в месяцы, последовавшие за приходом Гитлера к власти, очевидно, в ряде мест вызывали суровые контрмеры.

Г-н ДОДД. И вы считали, что все эти действия против национал-социалистов, порождавшие строгие меры продолжали иметь место и в 1938 году?

РОЗЕНБЕРГ. Нет, основная масса сообщений о продолжавшихся убийствах членов гитлеровской молодежи, полиции и членов партии приходится, главным образом, на 1943 и 1944 годы. Я не могу вспомнить, чтобы в последующие годы опубликовалось много подобных сообщений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы сказали - в 1943 и 1944 или в 1933 и 1934 годах? Какие годы вы имели в виду?

РОЗЕНБЕРГ. Простите, 1933 и 1934 годы.

Г-н ДОДД. Но во всяком случае в 1938 году вам были известны какие-то обстоятельства, которые заставили вас отказаться от посещения концлагерей, так как там происходят вещи, которые не были бы продемонстрированы

2041

H1198 - 0263

H1198 – 0264

вам.

РОЗЕНБЕРГ. Нет. Но я совершенно откровенно заявил, что при тогдашних обстоятельствах могли произойти перегибы. Я говорил с Гиммлером об этом, чтобы он во всяком случае знал, что в иностранной прессе имеются такие сообщения и обратил на них внимание. Мне лично только один раз сообщили о жалобе на положение в концлагерях.

Г-н ДОДД. Теперь я перейду к другому вопросу. Мы также поняли вас вчера, так: – когда вы написали книгу "Миф XX-го столетия", вы выражали лишь ваши личные мнения и вы этим не намеревались оказать какое-нибудь влияние на государственные дела? Таков был смысл вашего заявления, которое вы сделали относительно вашей книги.

РОЗЕНБЕРГ. Я не совсем понял последние слова. Я должен сказать, что я написал "Миф XX-го столетия" после различных исторических и прочих исследований в 1927 или 1928 г.г. Книга вышла в свет в октябре 1930 года с предисловием, в котором я указал, что это – мое личное мнение и что политическая организация, к которой я принадлежу, не несет ответственности за эту книгу.

Г-н ДОДД. Очень хорошо. Я прошу, чтобы вы показали документ 3553-ПС. Ваша честь, этот документ имеет также номер США-352. Он уже представлен как доказательство. Вы написали предисловие или небольшое введение к этой книге. Она находится сейчас перед вами. Там вами написано: "К 150-тысячному тиражу. Этот миф оставил глубокий, неизгладимый след на эмоциональной жизни германского народа. Каждое новое издание этой книги является показателем этого, как решительное изменение духовного облика превращается в историческое явление. Многое, что в моей книге казалось лишь моим собственным представлением, стало

~~реня~~

реальной государственной политикой. Я надеюсь, что в результате этой новой силы многое еще будет осуществлено".

Вы это написали?

РОЗЕНБЕРГ. И это совершенно правильно, так как эта книга в 700 страниц касается не только тех пунктов, которые мне здесь инкриминируются, - эта книга затрагивала целый ряд проблем: проблему крестьянства, проблему мировых государств, проблему понятия "социализм", проблему отношений между руководством промышленности и рабочими, изображение и оценка...

Г-н ДОДД /прерывая/. Подождите минуту. Я думаю, что нет необходимости сейчас приводить содержание этой книги. Я просто спросил вас, написали ли вы это предисловие?

РОЗЕНБЕРГ. Да, конечно.

Г-н ДОДД. Дальше - в отношении хорошо известной программы принудительного труда. Я думаю, совершенно ясно каждому, кто посещал эти заседания Трибунала, а также и вам, что имелась и осуществлялась программа так называемого принудительного рабского труда и в восточных оккупированных странах и на Западе. Не так ли?

РОЗЕНБЕРГ. Да, об этом был издан закон от 21 марта - о том, что рабочие из оккупированных областей должны быть направлены в Германию. В Германии также действовал закон о трудовой повинности.

Г-н ДОДД. Итак, имеется только два учреждения, которые могут быть ответственны частично или полностью за эту программу рабского труда? Не так ли? Два основных учреждения?

РОЗЕНБЕРГ. Да.

Г-н ДОДД. И это были: ваше министерство, а также управление по использованию рабочей силы?

H1198 – 0265

H1198 – 0266

РОЗЕНБЕРГ. Верно, что задание, возложенное на гаулейтера Заукеля, относилось также и ко мне ко всем высшим имперским властям. Я был обязан выполнять это задание в соответствии со своими возможностями планами и установками и давать соответствующие инструкции в оккупированных областях.

Г-н ДОДД. Вы давали директивы о принудительном труде через ваше министерство, т.е. заставляли людей покидать их дома, их земли и отправляли их в Германию для работы для германского государства?

РОЗЕНБЕРГ. Я, примерно, три четверти года боролся, чтобы этот призыв восточных рабочих проводился на добровольных началах. Из моих заметок о совещании с гаулейтером Заукелем, еще в 1943 году ясно видно, что я все время старался добиться этого. Я сообщил, сколько миллионов листовок, плакатов и брошюр я распространил в стране для того, чтобы создать это добровольное начало. Но когда я узнал, что людские резервы германской армии будут исчерпаны, если не удастся заменить призванных на фронт немецких рабочих, я не мог больше протестовать против призыва определенных возрастов и против того, чтобы для проведения этого призыва было использовано местное самоуправление, а также жандармерия.

Я вчера уже...

Г-н ДОДД. Итак, вы говорите, что вы старались, чтобы люди шли добровольно и только в противном случае вы заставляли их ехать насильно. Это так?

РОЗЕНБЕРГ. То, что здесь применялось насилие – это очевидно и нельзя этого оспаривать. При перегибах – а бывали ужасные перегибы – я делал все, что было в пределах человеческих сил для того, чтобы предотвратить или смягчить эти перегибы.

Г-н ДОДД. Очень хорошо. Вы, конечно, провели закон, касающийся принудительного труда в вашем министерстве?

РОЗЕНБЕРГ. Да. Сначала появление закона о всеобщей трудовой повинности.

Г-н ДОДД /прерывает/. Это было 19 декабря 1941 года? Правильно?

РОЗЕНБЕРГ. Возможно, что он появился в то время.

Г-н ДОДД. Хорошо. Вы можете согласиться с этим, поскольку это издание вашего декрета относительно принудительного труда. Дело идет о принудительном труде в оккупированных восточных территориях. Я хочу, чтобы это было ясно для вас.

РОЗЕНБЕРГ. Да.

Г-н ДОДД. И этот приказ был издан вами, как имперским министром оккупированных восточных территорий?

РОЗЕНБЕРГ. Да.

Г-н ДОДД. Я прошу, чтобы вам показали документ № 1975-ПС, документ представленный в качестве доказательства под номером США-820. Нет, извините, он не был пред"явлен. Я сейчас его представлю, как доказательство. Я не хочу обращать особенно большое внимание на этот документ, но я не хочу, чтобы вы признали, что этот приказ издали вы, и в первом параграфе под маленькой цифрой 1 написано вами: "Все население оккупированных восточных территорий мобилизуется для принудительного труда, согласно их способностям".

И я хочу отметить параграф 1 третий абзац, где вы говорите:

9015

H1198 – 0267

H1198 – 0268

"Особые правила созданы для евреев".

Это датировано 19-м декабря 1941 года.

РОЗЕНБЕРГ. Документ, пред"явленный мне, подписан рейхскомиссаром Украины и издан на основании общего закона имперского министра по делам оккупированных восточных областей. Я прошу дать мне этот общий закон министра по делам оккупированных восточных областей, чтобы я мог правильно оценить, как рейхскомиссар выполнял мои директивы.

Г-н ДОДД. Хорошо. Мы можем вам это представить. Это взято из официальной газеты имперского министерства по восточным оккупированным территориям. Вы не можете отрицать, что этот закон исходил именно от вас и что только что зачитанные мною два параграфа имеются в этом документе.

РОЗЕНБЕРГ. Этого я и не отрицаю.

Г-н ДОДД. Ну, хорошо. Вы можете просмотреть всё остальные параграфы, я прослежу, чтобы такая возможность была вам предоставлена, а сейчас я могу вас заверить, что здесь нет никакого обмана. Теперь я перейду к другому документу.

РОЗЕНБЕРГ. Я хотел остановиться только на одном пункте этого документа. В первом параграфе ясно написано:

"Не полностью трудоспособные люди должны использоваться соответственно их силам". Таким образом, здесь учитывалось состояние здоровья.

Г-н ДОДД. Это я вам зачитывал. Вы имели постоянного статс-секретаря Альфреда Майера. Это так?

РОЗЕНБЕРГ. Я не могу найти пункта об особых законах для евреев. Тут был пункт с указаниями относительно евреев, однако, здесь я этого не нахожу.

Г-н ДОДД. Вы найдете это под тем предложением, на которое вы ссылались минуту назад. Двумя параграфами ниже. Здесь имеется цифра три в скобках и затем сказано следующее: "Особые правила для евреев". Вы нашли?

РОЗЕНБЕРГ. Я здесь не нахожу этого места. /Секретарь показывает подсудимому документ/. Ах, на этой странице. Да, это другой закон.

Г-н ДОДД. Хорошо. Я только хотел, чтобы вы нашли это место. Перейдем дальше. Я спросил вас, был ли у вас постоянный статс-секретарь Альфред Майер?

РОЗЕНБЕРГ. Да.

Г-н ДОДД. Я хочу, чтобы вам показали документ № 58, представляемый в качестве доказательства США-821. Это приказ вашего министерства оккупированных восточных территорий, подписанный вашим постоянным статс-секретарем Альфредом Майером и адресованный имперскому уполномоченному Остланда Лозе и также имперскому уполномоченному на Украине - Коху, о котором мы уже достаточно слышали на этом процессе.

9067

H1198-0269

H1198-0270

Я хочу, чтобы вы подтвердили, что этот приказ был написан в отношении 380 тысяч сельскохозяйственных рабочих и 247 тысяч промышленных рабочих.

Теперь я хочу, чтобы вы особенно обратили внимание на вторую страницу английского перевода, в немецком переводе это также вторая страница, 14 строчка английского текста и 22 строчка немецкого текста. Это параграф 6 и в нем говорится:

"Рабочих следует вербовать. Нужно избегать насильственного набора. Из политических соображений следует проводить вербовку на добровольном начале. В случае, если вербовка не дает требуемых результатов, если должно быть непременно доставлено дополнительное количество рабочих, то в исключительных случаях, по согласованию с генеральным уполномоченным, нужно действовать в соответствии с декретом о принудительном труде, изданном 19 декабря 1941 года для оккупированных территорий". Этот приказ, подписанный Альфредом Майером и направленный имперскому уполномоченному Остланда, был основан на вашем декрете от 19 декабря 1941 г. о принудительном труде.

РОЗЕНБЕРГ: Г-н обвинитель, Вы прочитали вводную часть и из нее также вытекает, что мой заместитель совершенно ясно указывает, что он предпринял все усилия для того, что бы избежать принуждения. Он указывает на то, что необходимо придерживаться принципа "добровольной явки". Это подтверждает то, что я уже показывал вчера, а именно, что Мейер, бывший моим постоянным заместителем, старался действовать в этом направлении. И даже на крайний случай здесь предписан не произвол, а предписано соб-

людение закона о всеобщей трудовой повинности, что должно было воспрепятствовать тому, чтобы сотни тысяч бродили без дела по улице, не учились и не работали. Я хотел бы прочитать последнюю часть этого абзаца. Цитирую:

"Обещания, которые не могут быть сдержаны, не должны даваться ни устно, ни письменно. Воззвания, плакаты и вербовка через прессу и радио не должны содержать неправильных сведений для того, чтобы не вызывать разочарования у прибывающей в империю рабочей силы и, таким образом, неблагоприятной реакции на дальнейший ход вербовки в оккупированных восточных областях". Я считаю, что более лояльной позиции во время войны нельзя себе и представить.

Г-н ДОДД: Очень хорошо. Все что я хочу здесь установить, это то, что, несмотря на эти ваши возражения и замечания, которые вы делали уполномоченным, вы уполномочили ваших представителей на оккупированных восточных территориях фактически проводить насильственный набор рабочей силы для работы в Германии, и это было сделано на основании вашего декрета. Я посмотрю, как вы сможете не согласиться с этим. Вот вопрос, который я старался выяснить с вами.

РОЗЕНБЕРГ: Я издал закон о трудовой повинности в конце 1941 года для областей соответствующих рейхскомиссариатов, т.е. Остланда и Украины. Обязанность работать в империи была возложена на этих рабочих гораздо позже. Что же касается трудовой повинности в оккупированных областях, то по моему мнению, она была необходима и законна для того, чтобы избежать произвола при вербовке рабочих и для того, чтобы сотни тысяч людей не слонялись без дела по улице.

H1198 – 0271

H1198 – 0272

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы не отвечаете на вопрос. Вы говорите длинные фразы вместо того, чтобы сказать "да", т.е. дать точный ответ.

РОЗЕНБЕРГ: Когда было об"явлено, что трудовую повинность нужно отбывать в империи, я выступал за добровольность. Однако это не могло долго продолжаться, и я, разумеется, согласился, чтобы в дальнейшем принимались законы о принудительном труде. Я об этом три раза говорил вчера, я этого вовсе не отрицал.

Г-н ДОДД: Я знаю, что Вы повторяли это вчера трижды и сегодня утром опять возвращались к этому. В Вашей книге документов имеется документ защиты РО-II, являющийся Вашим письмом Коху от I4 декабря I942 г. Я думаю, что нет необходимости его Вам показывать, Вы видели его вчера. Вы особенно указали Коху на то, чтобы людей забирали из театров, на улицах, тех людей, которые посещали кино и проч. Вы знали, что это проводилось согласно Вашему декрету о принудительном труде, не правда-ли? Вы возражали, но Вы знали, что это имело место.

РОЗЕНБЕРГ: При выполнении всякого закона имеют место перегибы, и как только я узнал об этих перегибах, я немедленно выступил против них.

Г-н ДОДД: Хорошо. В конце-концов, можете ли Вы подтвердить честно и справедливо, что в отношении этой программы принудительного труда Ваше министерство не ответственно за осуществление ужасной программы принудительного вывоза людей в Германию или же Вы заявляете, что Вы берете на себя большую часть ответственности за то, что происходило с сотнями тысяч людей на оккупированных территориях?

РОЗЕНБЕРГ: Я, само собой разумеется, беру на себя ответственность за те законы, которые я издал, и за те инструкции, которые издавались моим министерством. За выполнение этих мероприятий по закону несут ответственность местные правительства; там, где эти мероприятия выполнялись неправильно, я занимался каждым отдельным случаем, хотя это и происходило на расстоянии в 1500 км. от меня. Было много перегибов и я согласен, что случались ужасные вещи. Я старался вмешиваться и наказывать виновных. И целый ряд немецких чиновников был приговорен судом к наказанию.

Г-н ДОДД: Оставив в стороне вопрос об ужасных вещах, происходивших с людьми и даже предположив, что не было случаев особого насилия, самый факт принуждения людей оставлять их дома является уже достаточным основанием для того, чтобы говорить о Вашей ответственности за это.

РОЗЕНБЕРГ: Да.

Г-н ДОДД: И вы также предполагаете, что значительная часть...

РОЗЕНБЕРГ: Я беру на себя ответственность на основании имперского закона, поручавшего гаулейтеру Заукелю ставить передо мной такие требования, которые я соответственно переносил на восточные области.

Г-н ДОДД: Я хочу Вам коротко напомнить, что Вы вчера признали, что Вы согласились на то, чтобы дети 10, 12 и 14 лет были перевезены в Германию. Вы сказали, что сначала это Вас тревожило, но потом, когда Вы установили, что они находятся в хороших условиях Вы успокоились. Это правильное утверждение о Вашем отношении к насильственному уводу детей с Востока?

H1198 – 0273

H1198 – 0274

РОЗЕНБЕРГ: Нет, это неправильно. Это, очевидно, ошибка в переводе моего документа. Там было как раз обратное. Я пытался воспрепятствовать тому, чтобы в районе боев предпринимались акции, которые в тех условиях могли иметь тяжелые последствия для детей.

По просьбе командования центрального фронта, которое все равно сделало бы это, я согласился принять на себя этих детей - при условии, что будет обеспечен уход за детьми, уход их собственных матерей, поддержание связи с родителями, с тем, чтобы позднее они снова вернулись на родину. Таким образом это как раз обратное тому, что утверждает обвинение на основании этого документа.

Г-н ДОДД: Хорошо. Я не хочу больше задерживаться с вами на этом вопросе, я только хочу напомнить вам, что в этом документе, который Вы сейчас видели и обсуждали вчера, утверждается и другие вещи, а именно, что переброской детей с Востока, вы достигаете еще одной цели, а именно уничтожаете биологические потенциальные силы людей Востока. Это вы также утвердили, не правда ли?

РОЗЕНБЕРГ: Да, это в пункте I-м который уже оглашался обвинением. Однако, я внес поправку в понимание этого пункта, зачитав весь документ, я показал, что то, что делалось - делалось без согласования со мной, без моего утверждения, что я вначале совсем отказался утвердить эти мероприятия и лишь потом, когда мне были сделаны другие сообщения, я придумал эту форму, за которую меня так благодарили женщины. Это - несмотря на то, что вовсе не мне, а гитлеровской молодежи в Дессау и в других местах принадлежит заслуга в том, что дети были обеспечены уходом.

Г-н ДОДД: Как я понял из ваших показаний, вы - исключая отдельные моменты, о которых мы здесь уже говорили, - были очень добры и человечны по отношению к людям, находившимся в пределах вашей юрисдикции на восточных оккупированных территориях. Вы желали им только добра.

РОЗЕНБЕРГ: Я совершенно не претендую на подобные сентиментальные изречения. Я лишь пытался во время этой ужасной войны на Востоке, когда постоянно происходили убийства немецких чиновников и сельско-хозяйственных руководителей, проводить политику взаимопонимания по отношению к оккупированным странам и привлекать людей к добровольному сотрудничеству.

Г-н ДОДД: Я хочу, чтобы вы показали документ за № 1058-ПС, США-147 /документ передается свидетелю/. Теперь он перед вами. Это - отрывок из речи, которую вы произнесли перед вашими сотрудниками 20 июня 1941 года, т.е. перед самым нападением на Советский Союз. Эта речь уже упоминалась ранее. Я хочу сослаться на самый первый параграф единственного в этой копии документа. Там говорится: "Дело снабжения германского народа продовольствием в этом году без сомнения...

РОЗЕНБЕРГ: Какая это страница?

Г-н ДОДД: Это первая страница. Здесь имеется всего лишь одна страница. Оказывается у вас здесь весь документ. Вы вчера ссылались на него. Вы легко найдете, это 8-я страница, 54-я строчка. Вы может быть вспомните. Вчера вы говорили об этом. Вы говорили, что нашли это на 8-й странице? Это была речь, сказанная без подготовки.

РОЗЕНБЕРГ: Да, я нашел.

2073

H1198-0275

H1198 – 0276

Г-н ДОДД. В этом абзаце между прочим вы говорите, что: "дело снабжения продовольствием германского народа является безусловно одной самых существенных проблем. Южные районы и Северный Кавказ должны послужить для этой цели". Я специально обращаю ваше внимание на эти строчки. И дальше вы говорите, что нет причин снабжать русский народ излишком продуктов этих территорий. Далее вы говорите: "Это суровая необходимость, при осуществлении которой чувства не принимаются во внимание". Далее вы продолжаете:

"Без сомнения потребуется интенсивная эвакуация и в будущем русским предстоит пережить очень тяжелые годы".

Вы читали нам вчера только те выдержки из этой речи, которые, как вам кажется, будут говорить в вашу пользу. Вы утверждаете здесь, что вся ваша речь была произнесена без подготовки или это касается только тех частей, которые теперь могут повредить вам?

РОЗЕНБЕРГ: Я произнес эту речь, исходя из нескольких общих установок. Обвинение уже 3 или 4 раза оглашало этот параграф. Я вчера, когда мы говорили об этой речи, сам указал на этот параграф и, кроме того, добавил, что управлением по 4-летнему плану мне было сообщено о том, что еще неизвестно, можно ли будет полностью сохранить промышленность после захвата Московского промышленного района, что придется ограничиться несколькими ведущими отраслями промышленности и что таким образом, может возникнуть трудная проблема со снабжением этого района. Мое замечание означало, что в случае необходимости этих безработных людей, надо будет, очевидно, эвакуировать.

Я при этом указал на первый документ министерства по делам Востока, в котором среди 7-ми основных задач гражданской администрации 3-м пунктом поставлено обеспечение продовольствием населения оккупированных областей. Об этом сказано далее в самом документе, где говорится, что в любом случае нужно будет предотвратить голод и что в случае голода население должно снабжаться из особых запасов. Я считаю, что в соответствии с законами и данными мне предписаниями я вообще не мог в это тяжелое время распорядиться о чем-либо большем.

Вся моя идеологическая и политическая позиция ясна из того, что я говорил о требовании политической и культурной свободы для украинского народа, о праве народов Кавказа на самоопределение, а также о русском государстве и его великих...

Г-н ДОДД: Хорошо. Дальше нет необходимости углубляться в этот вопрос. Я прекрасно понимаю вас и думаю, что все понимают в чем тут дело. Я только хотел указать вам именно на тот пункт, в котором вы говорили о суровой необходимости, которая ожидает русских. Это все. Если вы не хотите признать, что вы говорили об этом серьезно, так же, как и о ряде других вещей, то я не буду настаивать на этом. Я просто обращусь к документу.

РОЗЕНБЕРГ: Мне кажется, господин обвинитель, что большей заботы о разрешении этой проблемы нельзя было вообразить, если подумать о тех трудностях, которые приходилось тогда преодолевать. Любые оккупационные войска всегда вставали перед подобной проблемой.

2075

H1198 – 0277

H1198-0278

Г-н ДОДД: Хорошо. Я хочу, чтобы вам показали документ ПС-045, представленный в качестве доказательства под номером США-822. /Документ передается свидетелю/.

РОЗЕНБЕРГ: Я хочу еще сказать о переводе этого отрывка. Мне прочли, что эти мероприятия должны были проводиться "без сострадания". В оригинале, однако, говорится: эти мероприятия должны проводиться "вне зависимости от суб"ективной точки зрения".

Г-н ДОДД: Хорошо. Я принимаю вашу интерпретацию. Не будем больше говорить об этом. Теперь взгляните на документ. К Вашему сведению этот документ был найден в вашем архиве.

РОЗЕНБЕРГ: Да.

Г-н ДОДД: Во втором абзаце вы говорите о целях германской политики, особенно на Украине, так как они были изложены фюрером. Они заключаются, как вы говорите, в следующем: эксплоатация и мобилизация сырья, германские поселения в некоторых районах, никакого искусственного образования, направленного к интелектиуальному развитию населения, лишь сохранение их трудоспособности и, кроме того, полное безразличие к их внутренним делам.

Пойдемте дальше. Я не считаю нужным цитировать здесь все, т.к. по этому поводу уже говорилось в связи с другим документом. Посмотрите этот параграф 12-ую строчку снизу, начинаю с 14-й строчки читаем:

"После длительного исследования дел на оккупированных восточных территориях я придерживаюсь того мнения, что в германской политике может быть своя, особая оценка качества покоренных народов. Но германские политические представители не должны особенно провозглашать об этих мерах и наме-

рениях, т.к. они могут возбудить отчаяние в побежденных народах, вместо того, чтобы дать возможность полностью использовать их рабочую силу". И затем в следующем абзаце:

"Дома, на родине, в отличие от других стран, мы должны раз"яснять наши цели всему народу наиболее откровенно и настойчиво, но политические руководители на Востоке должны оставаться молчаливыми в тех случаях, когда германская политика прибегает к необходимой жестокости. Они не должны высказывать своих мнений в отношении побежденных народов. Во всяком случае разумная германская политика может больше сделать при определенных условиях в германских интересах при помощи некоторых уступок, не влияющих на общие политические установки, чем открытая преднамеренная жестокость". Вы ведь выражали вашу точку зрения, когда вы писали этот документ 16 марта 1942 года?

РОЗЕНБЕРГ: Этот документ соответствует действительности. Он пред"являлся мне еще во время предварительного следствия. Из этого документа вытекает, что, несмотря на то, что мне было известно, что фюрер не согласен с моими далеко идущими предложениями, я все же боролся за эти предложения. Во 2-х, из документа вытекает, что я настаивал перед фюрером, чтобы некоторые оставшие мелкие буржуа на Востоке не пытались высказывать свою оценку других народов, которые сейчас живут в условиях крайней бедности. От тех многих тысяч людей, которые прибыли на Восток, я не мог ожидать просто симпатии или антипатии. Я мог требовать, однако, от них одного: если они оставили себе какую-нидуь оценку, то пусть они держат ее при себе и ведут себя прилично. Наконец, я хотел бы добавить то,

H1198 – 0279

H1198 – 0280

что считав особенно важным, а именно в последнем абзаце говорится: "Я прошу фюрера принять решение относительно этих заметок и проекта инструкции". Эта инструкция, к сожалению, не приложена к документу. Думаю, что из нее можно было бы сделать целый ряд выводов.

Г-н ДОДД: Хорошо. Сейчас мы обратимся к документу Р-36, США-699. /Документ пред"является Розенбергу/.

Вы видели этот документ раньше, не так ли?

РОЗЕНБЕРГ: Да, я его видел.

Г-н ДОДД: Это меморандум, который был представлен вам одним из ваших подчиненных - доктором Маркуль и непосредственно передан вам Лейбрандтом, также одним из подчиненных вам ваших руководящих работников.

РОЗЕНБЕРГ: Да.

Г-н ДОДД: Это было 19 августа 1942 года. Я хотел бы, чтобы вы следили за мной, пока я буду зачитывать несколько абзацев. Первые несколько строчек относятся к 5 сентября 1942 года. Здесь написано: "Министру, в этом же помещении". Далее говорится о том, что приложен меморандум, в котором изложено соображение доктора Маркуля о письме Бормана от 23 июля. Прежде чем мы обратимся к этому документу, вспомните, вчера вы сказали, что вы расходились по некоторым вопросам с Борманом. Не так ли?

РОЗЕНБЕРГ: Я сказал...

Г-н ДОДД: Можете вы ответить на мой вопрос? Вы говорили вчера это?

РОЗЕНБЕРГ: По решающим пунктам я расходился с Борманом. Я сказал, что в течение ряда лет на меня так нападали, что я вынужден был раз или два сделать успокоительные заявления. Вся моя политика...

Г-н ДОДД: Сейчас посмотрим на этот документ, меморандум, как я уже сказал, где речь идет о письме Бормана от 23 июля 1942 года.

"23 июля 1942 г. рейхслейтер Борман послал министру письмо, где указаны в 8-ми абзацах принципы, которым должен следовать министр в администрировании оккупированных областей на Востоке".

Здесь говорится, что вы в вашем донесении /письме/ к фюреру от 11 августа 1942 г. подробно об"яснили в какой степени эти принципы уже проводятся в жизнь или используются как основная база для политики. В следующем параграфе говорится, что "любое лицо, которое читает эту переписку, в первую очередь, бывает поражен полным согласием мнений". "Министр /т.е. Вы/ особенно был заинтересован в двух пунктах. Первый относится к защите германского правления против нажима со стороны славянской расы; и второй - крайняя необходимость упрощения системы администрации. Это действительно решающие проблемы, о которых может быть много сказано". И далее: "Что касается остального, то министр /т.е. здесь ссылка на Вас/ не только не возражает против принципов Бормана или даже его фразеологии, наоборот, он использует их, как базу для ответа и пытается показать, что это уже проводится в жизнь. Когда, однако, письмо Бормана было зачитано капитаном Циммерманом на совещании начальников отделов, то оно вызвало серьезное беспокойство, как с точки зрения языка, так и с точки зрения проведения нашей политики на Востоке".

Далее написано:

"Для того, чтобы проверить, оправдалось ли это беспокойство, лучше всего начать с предположения". Затем /смотрите цифру I/, Маркуль пишет: "Предположим, что

H1198-0281

H1198 – 0282

письмо Бормана было направлено имперскому уполномоченному, как министерский декрет. Это предположение, во всяком случае, не является нереальным, поскольку министр /это опять ссылка на вас/ имеет такие же взгляды. Поскольку Остланд представляет собой особый случай и, поскольку, кроме того, Украина является уже или станет наиболее важным районом - политически, то дальнейшее обсуждение этих мероприятий будет преимущественно касаться этого района. О последствиях декрета такого рода можно судить по тому впечатлению, которое он произвел на тех лиц, проводивших его в жизнь. Представьте себе формулу письма Бормана, переведенную на язык члена германской гражданской администрации. Грубо говоря, получается следующее: "Славяне должны работать для нас. А если они нам становятся не нужны, то они могут умирать. Поэтому германское медицинское обслуживание и обязательная прививка являются излишним. Увеличение славянского населения нежелательно. Они могут применять противозачаточные средства или прибегать к абортам. Образование опасно. Вполне достаточно, если они смогут считать до 100. Образование должно служить только непосредственным, конкретным задачам. Каждое образованное лицо является нашим будущим врагом. Религию мы должны оставить им для того, чтобы отвлечь их внимание. Что касается пищи, то они должны получать только самое необходимое. Мы - господа. Мы это главное-первые".

Затем имеется такое заявление: "Написанное здесь отнюдь не является преувеличением. Наоборот эти строки проникнуты

духом письма Бормана. Сейчас возникает вопрос будет-ли результат в интересах империи. Эти взгляды, без сомнения, станут известны украинскому народу. Подобная точка зрения преобладает уже сегодня".

Я обращаюсь к следующему абзацу № 2:

"Нет реальной необходимости принимать на себя вымышленный декрет, как это сделано в § I. Вышеупомянутые представления о нашей роли на Востоке уже существуют на практике. Имперский уполномоченный Украины высказал свои взгляды украинскому народу в трех последовательных речах".

Затем они цитирует эти речи, на которые уже ссылались перед Трибуналом.

Дальше в следующем параграфе говорится, что каждый член местной гражданской администрации на Востоке должен поступать по своему собственному усмотрению, почва для письма Бормана достаточно подготовлена.

Затем имеются такие заявления:

"Что значат люди восточных территорий". "Мы здесь находимся среди негров", "Население здесь грязное и ленивое" и т.п.

Дальше/ в третьем абзаце/ говорится:

H1198 – 0283

H1198 – 0284

"Я могу добавить, что крейслейтер Кнут, которого гаулейтер все еще оставляет на прежнем месте, несмотря на серьезные обвинения, в разговоре по вопросу о Киеве, заявил, что в Киеве все население должно быть истреблено эпидемиями. Было бы лучше всего, если бы излишки населения вымерли от голода".

В третьем абзаце говорится:

"Среди уполномоченных районов 80 процентов не согласны со взглядами, изложенными выше. На многих совещаниях генеральные уполномоченные подчеркивали, что с населением следует обращаться достаточно мягко и с пониманием дела, и такие заявления, которые противоречат политике, изложенной выше, закончатся катастрофой".

В следующем параграфе Маркуль заявляет:

"В результате неправильного понимания концепции "высшей расы" дисциплина наших чиновников падает".

У меня нет времени читать весь этот большой документ. Я уверен, что Вы читали его. Перейдем теперь к очень важному абзацу У:

"Возможно, вы должны были бы спросить, что может быть, там фактически не было согласованности между проводимой политикой и письмом Бормана в том смысле, в каком об этом говорит цитированный выше декрет и что другие инструкции министерства должны быть поняты просто, как фактические мероприятия в то время, как в действительности не было расхождения в мнениях. Но ответ министра от 11 августа следует рассматривать только в этом направлении".

Я хочу напомнить Вам, что каждый раз, когда упоминается "министр" это имеется в виду Ваше имя.

Он продолжает:

"В ответ на это следует указать, что министр знает очень хорошо, что невозможно перестроить территорию таких огромных размеров, как Россия, только политической тактикой и только под маской освободителя. Но это можно сделать только в том случае, если будут проводиться какие-то конкретные меры, соответствующие политической обстановке".

И т.д. Наконец, он говорит: "Другая причина этого, почему я хочу быть справедливым, говоря с Вами об этом документе, следующая...". Он указывает на то, что может быть не следует истолковывать это, как чисто тактический прием (маневр) вследствии противоречивости такого толкования. Потому, что в этом случае слово "освобождение" не должно было быть упомянуто и не должны были быть оставлены открытыми ни один театр, ни одна профессиональная школа, ни один университет.

И, наконец, я намереваюсь прочесть вам еще один очень важный абзац. Здесь говорится - я думаю Вы разрешите мне суммировать - о том, что это письмо Бормана, которое исходит из полевого штаба, не может быть издано в виде министерского декрета, поскольку в нем отрицается вся политика, до сих пор проводимая министром, т.е. Вами. В этой связи Маркуль заявляет, это несколько строчек ниже:

"Необходимо указать еще раз на очевидную схожесть мнений Коха и инструкций, которые даны в письме Бормана".

Если мы обратимся к середине этого абзаца, то там указано, что только Вы можете разрешить этот вопрос и далее он высказывает ряд соображений, которые могут быть полезны при возникающих трудностях.

9083

H1198 – 0285

H1198 – 0286

Перейдем сейчас к абзацу с римской цифрой 1X второй параграф:

"Отнюдь не желая критиковать заявления партийного руководителя Бормана, необходимо указать, что подбор выражений в его письме не всегда показывает важность этого письма. Выражение, подобное следующему - "бойкая торговля противозачаточными средствами" было бы лучше не употреблять в связи с именем фюрера. Подобным же образом резкие фразы, например, "прививка для негерманского населения исключается", и т.п. "с трудом сочетаются со значительностью тех исторических проблем, о которых здесь говорится".

Наконец, я еще хочу прочитать Вам абзац под цифрой Ш. Маркуль пишет:

"Эти заявления, изложенные выше, могут показаться очень резкими. Однако они продиктованы интересами дела и долгом".

Я думаю, что нет необходимости читать последний абзац. Здесь речь идет о философии нашего японского союзника, которую он широко использует в своих новых районах.

Вы помните этот меморандум, который Вы получили от Вашего помощника Лейбрандта через Вашего подчиненного Маркуля. Отвечайте - да или нет? Это все, что я хочу знать сейчас, вспоминаете ли Вы это или нет? Подождите минутку.

РОЗЕНБЕРГ. Да, это доклад доктора Лейбрандта. Я хочу сделать по поводу него следующее заявление ...

Г-Н ДОДД. Вы будете иметь возможность позже это сделать. Прежде всего я хочу спросить Вам о двух вещах. Вы сначала ответьте мне, а потом я уверен, что Трибунал даст Вам возможность высказаться. Я спрашиваю: Вы написали ответ на это письмо Бормана?

РОЗЕНБЕРГ. Да, это правильно.

Г-Н ДОДД. И Вы согласились с этими, если можно так выразиться, шокирующими предложениями Бормана? В Вашем письме Вы согласились с этими шокирующими предложениями Бормана? Да или нет?

РОЗЕНБЕРГ. Я написал успокоительное письмо Борману для того, чтобы добиться передышки в том постоянном давлении, которое оказывалось на меня, и я хотел бы заметить, что моя деятельность и те декреты, которые я издавал после этого письма, оставались абсолютно неизменными. Напротив, были изданы декреты о восстановлении школ, о дальнейшем развитии здравоохранения; об этих декретах я еще скажу в дальнейшем.

Г-Н ДОДД. Вы написали письмо фюреру, а не Борману, не так ли? Ваш ответ был направлен Гитлеру?

РОЗЕНБЕРГ. Да, я написал ответ фюреру.

Г-Н ДОДД. И Вы также старались умиротворить фюрера, когда Вы изрекали выражения, которые повторяются в этом письме, это относительно применения противозачаточных средств и абортов.

РОЗЕНБЕРГ. Нет, кроме того ...

Г-Н ДОДД. Подождите, пока я закончу. Я говорю, что в Вашем письме фюреру Вы написали относительно этих отвратительных, низких предложений Бормана. Вы написали о них Гитлеру?

РОЗЕНБЕРГ. Я написал фюреру письмо, однако, я не повторял текста письма Бормана. Я написал успокоительно, что я не делаю ничего сверх того, что я должен и могу делать. Я хотел защитить себя от атаки со стороны ставки. Я знал, что эта атака последует, т.к. я для восточных народов делал больше, чем для

H1198-0287

H1198 – 0288

немецкого народа, т.к. я требовал для востока больше врачей, чем было у немецкого народа для лечения собственных больных, т.к. для дела здравоохранения и, таким образом, для восточных народов я, как министр по делам оккупированных восточных областей, делал больше, чем немецкие врачи могли сделать для немецкого народа. Нападки на меня дошли до того, что в конце концов, Кох стал упрекать меня в том, что я поддерживаю иммиграционную политику. Именно поэтому вскоре возник конфликт, который позже дошел до фюрера.

Г-Н ДОДД. Чтобы не было никаких сомнений в этом и кроме того, чтобы было какое-нибудь напоминание, Вы хотите сказать, что Вы, почти, слово в слово передали то, что Вам написал Борман?

РОЗЕНБЕРГ. У меня нет здесь текста письма.

Г-Н ДОДД. Но здесь имеется меморандум Маркуля, в котором говорится, что министр не только не сделал никаких возражений против принципов Бормана, но и даже против словесного выражения его принципов. Я думаю, что вряд ли Ваш подчиненный мог взять на себя смелость написать этот меморандум, если бы это не было настоящей правдой?

РОЗЕНБЕРГ. Я всегда приветствовал то, что мои сотрудники имели мужество мне возражать, и даже когда я от них требовал чего-либо, высказывать мне свое мнение. Доктор Лейбрандт примел ко мне и сказал: " Г-н министр, это противоречит тому, над чем мы все здесь работаем". Я сказал ему: "Д-р Лейбрандт, не волнуйтесь. Я просто написал успокоительное письмо. Ничто не будет изменено и я впоследствии лично переговорю обо всем этом с фюрером.

Г-Н ДОДД. Ваш подчиненный не побоялся сказать Вам, что Вы

написали такое письмо,в котором Вы согласились с каждым словом Бормана? Это то,что я хотел бы,чтобы Вы сказали Трибуналу,т.к. Вы действительно написали письмо,повторяя слово в слово эти выражения.

РОЗЕНБЕРГ. Да,ведь это неверно. Автор,д-р Лейбрандт бегло просмотрел этот меморандум,который он мне передал,и сказал: видимо,есть человек,который думает,что я могу делать только то,что считаю справедливым.В этом случае мне предстоит неприятное об'яснение и я буду отстаивать свою позицию,т.к. считаю ее правильной. Это видно из документов,которые я зачитывал вчера. Можно мне теперь высказать свою точку зрения относительно этого документа?

Г-Н ДОДД. Кого же старались Вы умиротворить - Гитлера или Бормана,или их обоих?

РОЗЕНБЕРГ. Прежде всего я согласился со своим сотрудником доктором Лейбрандтом о том,что я никогда не издам министерских декретов в таком духе. Во-вторых,я издал закон о школьном образовании на Украине,который предусматривал организацию четырехлетних начальных школ,а также ремесленных школ и высших специальных школ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подождите минуточку. Это не является ответом на вопрос. Вы сказали,что Вы написали успокаивающий ответ. Вопрос состоит в том,кого Вы пытались успокоить - Гитлера Бормана или обоих?

РОЗЕНБЕРГ. Обоих.

Г-Н ДОДД. Господин председатель,сейчас удобное время для перерыва.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да.

(Перерыв на 10 минут).

9087

H1198 – 0289

H1198 – 0290

ЗАЙДЛЬ (защитник Франка). Господин председатель, я вчера сообщил, что книги документов Франка уже переведены. Я только что выяснил, что книги еще не сброшюрованы, потому что одно занимающееся этим учреждение не получило разрешения от другого занимающегося этим учреждения. Может быть, сейчас Суд вынесет решение, чтобы книги документов были сброшюрованы, иначе весь перевод теряет всякий смысл.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

Г-Н ДОДД. Я не знал, что здесь имели место какие-то задержки. В этом отношении будут приняты все меры, которые позволят устранить эти трудности.

РОЗЕНБЕРГ. Можно мне высказаться относительно этого документа? Этот меморандум, как я заявил вначале, основывался на фикции возможного министерского декрета. В меморандуме употреблены выражения и обороты, которые употреблял Борман в своем письме. Но то письмо, которое я написал фюреру, не может содержать таких выражений, в нем должны быть успокоительные заявления в том смысле, что я в оккупированных восточных областях не делаю того, что ставится мне в упрек, а упрекали меня в том, что я якобы ничего не делал для немецкого населения, но создал управление здравоохранения, школьное управление, управление по вопросам воспитания и что я должен теперь непременно упростить эти административные управления. Но чтобы Борман говорил это, чтобы он употреблял эти фразы!? Очень жаль, что он выразил здесь таким образом то, что мы в последние годы должны были констатировать в большей степени, чем это было нужно. Я хотел бы об'яснить здесь кратко: он сам заявил, что министр, видимо, начал раз'яснять там смысл этих вещей. Но я хотел бы указать на решающий момент: намерения, которые

высказал Борман, были известны и в окружении Кока. В эти трагические годы вся моя работа была направлена против этого личного окружения Кока и заключалась, прежде всего, в воспитании административных руководителей. Это видно из 3-го пункта, где написано: "Среди областных комиссаров, по крайней мере, 80% придерживаются противоположного изложенного здесь мнения".

Г-Н ДОДД. Мне кажется, всем знаком этот документ. Но если у Вас есть какие-либо об'яснения, я думаю, Вы их можете дать.

РОЗЕНБЕРГ. Хорошо. На странице 4-й говорится, что большая часть руководящего состава администрации все надежды возлагала на своего министра, т.е. на меня. Я старался и пытался оправдать эти надежды руководящего состава администрации. Я пытался с помощью своих декретов воспитать те тысячи людей, которых они не могли знать на просторных Восточных областях, те тысячи людей, которые в ходе борьбы с большевизмом не всегда могли понимать истинную обстановку на Востоке. Я должен подчеркнуть, что автор этого письма говорит о том, что декрет министра от 17 марта 1942 г. подчеркивает его прежние требования в более четкой форме.

Декрет от 13 мая 1942 года направлен против мнения, что украинцы вообще не являются народом и против неправильной точки зрения в вопросе о господстве.

Таким образом, эти два декрета не были получены мною. Затем, господин обвинитель, здесь совершенно правильно говорится, что министр, т.е. я, само собой разумеется, знает, что в этих областях следует поступать иначе, чем сказано в настоящих предложениях.

9089

H1198 – 0291

H1198 - 0292

После этого обмена письмами между Кохом и Борманом я занялся созданием школьного управления на Украине и издал распоряжение, разработанное во всех деталях. Во-первых, я потребовал расширения ...

Г-Н ДОДД. Меня это не интересует. Подождите минутку.

РОЗЕНБЕРГ. Но я должен ответить на эти обвинения.

Г-Н ДОДД. Я не думаю, чтобы Вы давали тем, что Вы говорите пояснения или ответ на мой вопрос. Вы произносите длинную речь по поводу того, что Вы делали, получив этот документ, или после того, как он написал письмо. Я прошу, чтобы он дал ответ на мой вопрос, а не давал пространных пояснений относительно его управления Украиной. Это не относится к делу.

РОЗЕНБЕРГ. Я потом лично говорил об этом с фюрером и сказал ему (майский декрет 1943 года также находится в моих архивах), что совершенно невозможно работать на Востоке, если Кох и его окружение будут делать заявления в том же духе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если это письмо имеется в числе документов Вашего архива или если его не было, то по этому поводу может сделать заявление Ваш защитник. Вы не должны во время перекрестного допроса вдаваться в такие подробные пояснения. Вы должны отвечать на вопрос "да" или "нет". Потом Вы можете давать об'яснения, но краткие об'яснения. Сейчас же Вы даете длинные пояснения по поводу этого документа.

Г-Н ДОДД. Когда Вы впервые встретили Эриха Коха?

РОЗЕНБЕРГ. Эриха Коха?

Г-Н ДОДД. Да.

РОЗЕНБЕРГ. В двадцатых годах, в 1927 или 1928 году ...

Г-Н ДОДД. Таким образом Вы знали его достаточно много лет?

РОЗЕНБЕРГ. Я видел его редко,но мне все же приходилось беседовать с ним,как с гаулейтером.

Г-н ДОДД. Когда он стал гаулейтером?

РОЗЕНБЕРГ. Мне кажется,что он стал гаулейтером в Восточной Пруссии в 1928 году. Точной даты его назначения гаулейтером я сейчас не могу назвать.

Г-Н ДОДД. Ну,хорошо,я удовлетворюсь даже примерной датой. Скажите,Вы имели с ним тесный контакт с момента назначения его гаулейтером,скажем с 1940 года?

РОЗЕНБЕРГ. Во время борьбы партии за власть я практически с ним совершенно не сталкивался.Только после 1933 года я имел с ним несколько бесед.

Г-Н ДОДД. Таким образом,Вам была известна его репутация среди его друзей и знакомых?

РОЗЕНБЕРГ. Я считал Коха человеком бурного темперамента, который колебался из стороны в сторону,не мог быть постоянным и поэтому был малонадежным на работе,где требуется постоянство в действиях.

Г-н ДОДД. Из Ваших ответов я понимаю,что Вы не знали до тех пор,пока он не был назначен имперским уполномоченным по Украине,о его характере,Вы не знали о его ужасных делах,которые он совершал,будучи имперским уполномоченным на Украине, не так ли?

РОЗЕНБЕРГ. Нет,и ...

Г-Н ДОДД. Я получил ответ и дальнейших об'яснений мне не нужно.

РОЗЕНБЕРГ. Мне было известно даже,что раньше Кох придерживался противоположной точки зрения.Раньше Кох писал,что перед молодежью Востока и перед немецкой молодежью стоят одни и те же проблемы.Так он писал раньше.

H1198 – 0293

H1198 – 0294

Г-н ДОДД: Таким образом, из Вашего ответа я должен заключить, что Вы были удивлены, что он оказался совершенно другим человеком, чем тот, которого Вы себе представляли ранее? Это Ваше правдивое заявление?

РОЗЕНБЕРГ: Это выяснилось лишь постепенно. Никто не мог предвидеть, что он со своим темпераментом зайдет так далеко. Но дело не зашло бы так далеко, если бы ему не оказывали поддержку со стороны.

Г-н ДОДД: Что Вы нам пытаетесь сейчас сообщить, что он не был таким человеком, как это кажется по записям, а что это другие его подстрекали? Вы это хотите доказать?

РОЗЕНБЕРГ: Это, конечно, сыграло свою роль.

Г-н ДОДД: Ну, хорошо. Я сейчас Вам передам документ 1019-ПС, который я представляю за № 822-США.

Прежде, чем Вы взглянете на этот документ, я хотел бы установить, что Кох это тот самый человек, которого Вы неоднократно обвиняли за ужасные действия, которые имели место при Вашем управлении Украиной? Это ведь несомненно он? Вы вчера целый день говорили об этом.

РОЗЕНБЕРГ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Додд! Говорите, пожалуйста, медленнее.

Г-н ДОДД: Хорошо, Ваша честь.

Взгляните /обращаясь к Розенбергу/ на этот документ, и Вы увидите, что это меморандум, который касался рекомендации в отношении персонала имперских комиссариатов на Востоке и персонала для центрального политического управления в Берлине.

Этот документ был написан 7 апреля 1941 года. Я думаю, что это было всего лишь несколько дней спустя после того, как Гитлер сообщил Вам относительно Вашего нового назначения на Восток, это было всего 4 или 5 дней спустя после Вашего назначения? Отвечайте на мой вопрос.

РОЗЕНБЕРГ: Да.

Г-н ДОДД: В этом меморандуме Вы заявили, что Вы рекомендовали гаулейтера Лозе и по Вашей рекомендации он был назначен. Разве в действительности так не было?

РОЗЕНБЕРГ: Да, это правильно.

Г-н ДОДД: Хорошо. Перейдем к следующей странице английского текста. Там сказано следующее:

"В дополнение стало, в конечном счете, необходимым оккупировать вооруженными силами не только Петербург, но также и Москву. Эта оккупация в корне будет отличаться от той, которая имела место в прибалтийских провинциях, на Украине и на Кавказе. Задача будет заключаться в том, что будет пресечено всякое русское и большевистское сопротивление и поэтому будет необходимость в крайне безжалостных лицах, которые должны осуществлять как военное представительство, так и последующее политическое руководство.

Проблемы, которые возникают из этой необходимости, не могут быть в деталях разрешены здесь. Если нет намерения поддерживать постоянное военное управление, то нижеподписавшийся рекомендует на пост рейхскомиссара и уполномоченного в Москве гаулейтера Восточной Пруссии Эриха Коха.

Скажите, Вы рекомендовали Коха на эту должность, как особенно безжалостного человека, каким Вы тогда его уже знали,

H1198 – 0295

H1198 – 0296

в апреле 1941 года? Отвечайте - да или нет?

РОЗЕНБЕРГ: Да.

Г-н ДОДД: Подождите минуту. Вы здесь в течение последних дней очень много разговаривали. Так теперь я хотел бы сказать следующее: Значит это был тот самый человек, о жестокости которого, как Вы только что сказали, Вы узнали только после его ужасных действий на Украине? А в апреле 1941 года Вы этого не знали? Правильно это или нет? Отвечайте.

РОЗЕНБЕРГ: Нет, это неправильно. Этого здесь и нет. Я заявил, что я знал труды Коха 1922-24 г.г., где он высказывал особое расположение ко всему русскому. Я знал Коха, как человека, работавшего в Восточной Пруссии с большой инициативностью. Я должен был ожидать, что к человеку, который должен стать рейхскомиссаром Москвы и ее окрестностей, будут пред"явлены очень высокие требования, так как Москва и ее окружение являлись опорным пунктом большевизма, и именно тут следовало ожидать наиболее сильного сопротивления. Кроме того, я не хотел, чтобы Кох был на Украине или в Остланде, так как мне не казалось, что в этих районах следует опасаться значительного сопротивления. Кох, с одной стороны, уважал все русское, с другой стороны, являлся человеком инициативным при разрешении различных экономических вопросов. Наконец, я знал, что он пользовался большой поддержкой и был намечен фюрером и рейхсмаршалом для какой-либо работы на Востоке.

Г-н ДОДД: Таким образом, когда Вам понадобился особенно жестокий человек, Вы избрали Коха? Это было уже в апреле 1941 года?

РОЗЕНБЕРГ: Когда я употреблял слово "беспощадно", то я имел в виду его большую инициативность и, разумеется, то, что он будет беспощадно бороться со всяким большевистским сопротивлением. Но я вовсе не имел в виду, что он будет угнетать другие народы или уничтожать чужую культуру.

Г-н ДОДД: Скажите, Вы были особенно заинтересованы в Украине и Вы хотели рекомендовать другого человека, а не Коха, который , по Вашему мнению, мог пригодиться для другой части России, не так ли?

РОЗЕНБЕРГ: Нет, я хотел, чтобы на Украину был назначен статс-секретарь Бакке или начальник моего штаба Шикведанц. Это видно из данного документа. Статс-секретарь Бакке - так как он был кавказским немцем, знал русский язык, знал всю южную часть России и, очевидно, мог бы очень успешно работать на этой должности. Но мне не удалось его получить, мне был навязан Кох, несмотря на мой личный протест, с которым я выступил на заседании 16 июля 1941 года.

Г-н ДОДД: Ну, хорошо. После этого Вашего ответа я не хочу идти дальше.

Что касается Вашей точки зрения по отношению к еврейскому вопросу, - помните, Вы говорили еще в 1938 году в Вашей речи во Франкфурте о том, что евреи должны оставить Европу и Германию?

РОЗЕНБЕРГ: Это выражение было употреблено.

Г-н ДОДД: Слушайте, ответьте "да" или "нет". В 1938 году в Вашей речи во Франкфурте говорили Вы об этом или нет?

РОЗЕНБЕРГ: Ответить "да" или "нет" я смогу лишь в том случае, если мне будет зачитана точная цитата.

9095

H1198 – 0297

H1198 – 0298

Г-н ДОДД: Я не хочу Ваших пояснений. Я спрашиваю Вас, говорили Вы это или нет во Франкфурте в Вашей речи на партийном с"езде?

РОЗЕНБЕРГ: Да, в основном это правильно.

Г-н ДОДД: В этой Вашей речи Вы употребили очень грубое выражение, когда говорили о евреях. Вы тогда возражали против того, чтобы евреи занимались различными профессиями и т.п. Правильно это или нет?

РОЗЕНБЕРГ: Я вчера говорил, что я в двух своих речах говорил о необходимости разрешить этот вопрос по-рыцарски. Я также говорил, что другие государства не могут упрекать нас в дискриминации еврейского народа, пока сами эти государства дискриминируют наш народ...

Г-н ДОДД: Ну, хорошо. Скажите, а Вы говорили когда-нибудь об истреблении евреев?

РОЗЕНБЕРГ: Об истреблении в смысле физического истребления я не говорил. Здесь следует подбирать правильные слова. Например, британский премьер-министр говорил об истреблении...

Г-н ДОДД: Ну, хорошо. Я хотел бы, чтобы Вы это признали. Ответьте мне, говорили Вы об этом или нет? Вы сказали - нет?

РОЗЕНБЕРГ: Ни в одной из своих речей в этом смысле...

Г-н ДОДД: Я понимаю смысл. Вы говорили с кем-либо об этом и рассматривали этот вопрос, как вопрос государственной и партийной политики, вопрос истребления евреев?

РОЗЕНБЕРГ: На одном из совещаний у фюрера мы открыто говорили по этому вопросу в связи с предполагавшейся речью, которая так и не была произнесена. Мы говорили в том смысле, что поскольку началась война, следовало больше касаться этой угрозы. И вооб-

ще вся эта речь не была произнесена.

Г-н ДОДД: Когда это было? Когда Вы намеревались произнести эту речь, какого числа?

РОЗЕНБЕРГ: В декабре 1941 года.

Г-н ДОДД: И Вы написали заметки к Вашей речи относительно истребления евреев. Отвечайте - да или нет?

РОЗЕНБЕРГ: Я уже сказал, что это слово совершенно не имеет того значения, которое Вы ему придаете.

Г-н ДОДД: Мы сейчас вертимся вокруг этого слова. Скажите, употребили ли Вы слова "истребление евреев", когда Вы готовили речь, которую Вы намеревались произнести на "Спорт-пелаце" в 1941 году? Можно просто ответить на этот вопрос?

РОЗЕНБЕРГ: Очень может быть, я не помню. Я даже не перечитывал проекта речи. Я сейчас не могу сказать, в какой форме это там говорилось.

Г-н ДОДД: Я надеюсь, что мы сейчас Вам поможем в этом вопросе. Сейчас Вас ознакомят с документом 1517-ПС, это будет документ, представленный в качестве доказательства США-824. /Документ передается свидетелю/.

Это Ваш меморандум, написанный Вами относительно беседы, которую Вы имели с Гитлером 14 декабря 1941 года, и совершенно ясно следует из первого абзаца, что Вы обсуждали с Гитлером речь, которую Вы собирались произнести в "Спорт-пелац" в Берлине. Если Вы взглянете на второй абзац, то там говорится:

"Я заметил по поводу еврейского вопроса, что ... отношение к нью-йоркским евреям может быть несколько изменено после разрешения этой проблемы на Востоке. Я занял ту точку

H1198 – 0299

H1198 – 0300

арения, что не следует говорить об истреблении /аусротунг/ евреев. Фюрер подтвердил это и сказал, что они возложили на нас бремя войны и что они принесли разрушение и, конечно, не должно никого удивлять, если результаты поразят их в первую очередь".

Вы говорили, что имели некоторые трудности при определении этого слова. Так вот, я Вам назвал это слово: это "аусротунг". Я думаю, что Вы достаточно знакомы с стандартным немецко-английским словарем Кэсселя, не так ли? Вам известно это слово, Вы слышали о нем что-нибудь?

РОЗЕНБЕРГ: Нет.

Г-н ДОДД: Вам это будет интересно. Прочтите Трибуналу определение слова "аусротунг".

РОЗЕНБЕРГ: Мне не нужно иностранного словаря, чтобы понять, какие значения имеет слово "аусротунг" в немецком языке. Слово "аусротунг" означает - уничтожение, искоренение, истребление. Уничтожить можно какой-либо социальный порядок, экономическую систему, можно искоренить какие-либо идеи, можно, наконец, уничтожить какое-либо общество. Таким образом, это слово имеет много значений. Мне не нужно англо-немецкого словаря. Очень часто перевод с английского на немецкий бывает неправильным. Так, например, в последнем документе, который Вы мне пред"явили, я слышал перевод: "раса господ". Но в документе на самом деле нет ни слова о "расе господ". Там речь шла о неправильном понимании господства одних людей над другими людьми. Очевидно, здесь все переводится неверно.

Г-н ДОДД: Меня это не интересует, я только хотел выяснить относительно термина "аусротунг". Я думаю, что это ясно

означает "истребление" в смысле убийства, физического уничтожения. И в разговоре с Гитлером Вы употребили именно этот термин.

РОЗЕНБЕРГ: Сейчас я слышал опять совершенно другой перевод. В этом переводе были употреблены новые немецкие слова, так что я сейчас не могу установить, что Вы хотели сказать этим на английском языке.

Г-н ДОДД: Что, Вы совершенно серьезно пытаетесь убедить меня здесь, что Вы не понимали, что это слово означает уничтожение, или Вы просто зря тратите время? Разве Вам не ясно, что здесь, в зале суда, много людей, знающих немецкий язык, которые согласятся, что это слово означает "истребление".

РОЗЕНБЕРГ: Это слово, с одной стороны, означает "преодолеть". Оно может употребляться не по отношению к отдельным лицам, а по отношению к юридическим лицам и к определенному историческому наследию. Со стороны наших противников это слово также употреблялось по отношению к германскому народу, но мы из этого вовсе не делали вывода, что это будет означать расстрел 60 миллионов немцев.

Г-н ДОДД: Я хотел напомнить, что Ваша речь, в которой Вы употребили слово "аусроттунг", была произнесена 6 месяцев спустя после того, как Гиммлер дал указание Хессу, который давал здесь показания, начинать истребление евреев. Это ведь правильно?

РОЗЕНБЕРГ: Нет, это неправильно. Адольф Гитлер в своем выступлении в рейхстаге заявил, что если начнется новая мировая война из-за этих нападок со стороны эмигрантов, пользую-

H1198 - 0301

H1198 – 0302

щихся иностранной поддержкой, то следствием ее окажется уничтожение и истребление. Это было воспринято как политическая угроза; очевидно, я перед тем как началась война с Америкой я прибег к подобной же политической угрозе. После того, как война началась, я открыто сказал: поскольку дело приняло такой оборот, не имеет больше смысла говорить об этом.

Г-н ДОДД: Таким образом, в действительности евреев истребляли на оккупированных восточных территориях в то время и позже, не так ли?

РОЗЕНБЕРГ: Я хотел бы здесь пояснить следующее. Здесь говорится об уничтожении еврейства. Между "еврейством" и "евреями" существует разница.

Г-н ДОДД: Я спросил Вас, что тогда и позднее проводилось истребление евреев на оккупированных восточных территориях, находившихся под Вашим управлением? Да или нет?

РОЗЕНБЕРГ: Да, я вчера уже цитировал документ по этому вопросу.

Г-н ДОДД: Насколько я Вас понял, после этого Вы хотите убедить Трибунал, что все это проводилось полицией и что Ваши подчиненные не были замешаны в этом?

РОЗЕНБЕРГ. Я слышал тут от одного свидетеля, что один из областных комиссаров принимал участие во всем этом в Вильно. Я также слышал от другого свидетеля, что из других городов поступали сведения о том, что полиция будет проводить там эти мероприятия. Из документа № 1184 я узнал, что один из областных комиссаров всячески препятствовал этому и выступил с протестом против этого, как он назвал, "свинства".

Г-н ДОДД. Ну, хорошо. Д-р Лейбрандт был Вам подчинен и заведывал вторым управлением по делам оккупированных территорий в Вашем министерстве? Это так?

РОЗЕНБЕРГ. Да, в течение некоторого времени.

Г-н ДОДД. Я прошу, чтобы Вам показали документ 3663-ПС, который представляется под № США-925 (Свидетелю передают документ). Этот документ, как Вы заметите, состоит из трех страниц. Первая страница была составлена, повидимому, доктором Лейбрандтом, который работал в министерстве по делам оккупированных восточных территорий. Этот документ датирован 31 октября 1941 г. Это было незадолго до Вашей беседы с фюрером относительно Вашей речи. Он адресован имперскому уполномоченному в Остланде, в Риге. Это был Лозе, человек, которого Вы рекомендовали на этот пост рейхскомиссара. Здесь говорится:

"Управление безопасности жаловалось на то, что имперский уполномоченный в Остланде запретил истребление евреев в Либаве. Я требую, чтобы это было мне доложено обратным курьером. По приказанию (подписал) доктор Лейбрандт".

Переверните страницу и Вы увидите документ, который был прислан в ответ на это письмо. Он датирова: "Рига, 15

9101

H1198 – 0303

H1198 – 0304

ноября 1941 г. имперскому министру по делам оккупированных восточных территорий, Берлин.

Ссылка на истребление евреев, декрет". Ссылается на письмо Лейбрандта, очевидно, от 31 октября 1941 года.

"Я запретил казни евреев в Либаве потому, что не был оправдан тот метод, при помощи которого осуществлялись эти казни. Я хотел бы спросить, следует ли рассматривать Ваш запрос от 31 октября, как директиву ликвидировать всех евреев на Востоке. Должно ли это иметь место, не взирая на возраст, пол и экономические интересы Вармахта, например, в отношении специалистов, занятых в военной промышленности".

Затем имеется пометка, сделанная от руки:

"Конечно, очистка Востока от евреев является необходимой задачей, однако, разрешение ее должно гармонировать с необходимостью соблюдения интересов военного производства. До сих пор я не мог найти директивы, касающейся еврейского вопроса, ни в "Коричневой папке", ни в других декретах".

Здесь имеется инициал "Л", повидимому, это инициалы Лозе в конце страницы. А теперь перейдем к 3-й странице. Я хотел, чтобы Вы посмотрели на документ № 3666-ПС, который я представляю под № США-826. Это другой документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Скажите, здесь имеется только инициал "Л"?

Г-н ДОДД. Да, Ваша честь, в оригинале только инициал "Л".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый согласен, что это является инициалом Лозе?

РОЗЕНБЕРГ. Нет, это едва ли Лозе. Я не знаю инициала г-на Лозе.

Может быть, это Лейбрандт, я не могу точно установить.

Г-н ДОДД. Вы также не можете сказать, что второе письмо было от Лозе и что здесь также его инициалы в конце страницы?

РОЗЕНБЕРГ. Нет, я этого не могу сказать.

Г-н ДОДД. Ну, хорошо, хорошо.

РОЗЕНБЕРГ. Обычно все письма печатаются на пишущей машинке и в таком виде рассылаются. Эта пометка на обороте мне не совсем понятна. Но судя по ее общему смысле, здесь выражается протест против проводимых полицией мероприятий.

Г-н ДОДД. Послушайте, о том, что это означает, мы будем говорить позже. Мы сейчас говорим только об инициалах "Л". Если Вы обратите внимание, мы здесь также имеем инициал "Р". Найдите инициал "Р", заглавное "Р".

РОЗЕНБЕРГ. Да. Здесь есть "Л".

РОСПОДИН ДОДД. Я спрашиваю про "Р".

РОЗЕНБЕРГ. Тут стоят два "Р".

Г-н ДОДД. Ну, как Вы это расшифруете?

РОЗЕНБЕРГ. Я не могу считать, что это мое "Р".

Г-н ДОДД. Таким образом, Вы говорите, что это не Вы написали, это не Ваш инициал "Р"? Разве Вы не можете установить, что это Ваши инициалы, когда Вы смотрите на них?

РОЗЕНБЕРГ. У меня "Р" никогда не бывает так заострено наверху. Я попрошу Вас ~~вырезать~~ сравнить это с моей подписью.

Г-н ДОДД. Не беспокойтесь, мы это сделаем. Значит, Вы утверждаете, что это не Ваш инициал?

РОЗЕНБЕРГ. Я не могу установить, что это мой инициал.

H1198 – 0305

H1198 – 0306

Г-н ДОДД. Ну, хорошо. Затем я хочу, чтобы Вы ознакомились с документом 3666-ПС, который также относится к этой переписке. Это также письмо, написано рейхсминистром оккупированных восточных территорий и датировано 18 декабря 1941 г. Тема - еврейский вопрос. Ссылка делается на письмо от 15 ноября 1941 г. Это ответ на письмо с инициалом "Л", в котором спрашивалось, следовало ли истребление евреев рассматривать как основную линию политики.

"При устном обсуждении этой проблемы была внесена ясность в еврейский вопрос. Кроме того, требуется, чтобы эти вопросы урегулировались непосредственно старшими СС и полицей фюрерами. По приказу (подписано) Бойтигам".

Вы что, это письмо никогда не видели прежде?

РОЗЕНБЕРГ. Нет, я его не видел. Насколько я помню, не видел. И в этом письме опять стоит такое же заостренное кверху "Р". Я не могу сказать, что это мое "Р".

Г-н ДОДД. Таким образом Вы также утверждаете, что не опознаете, что это Ваши инициалы на письме?

РОЗЕНБЕРГ. Я не могу признать это "Р" своим по той простой причине, что это письмо, подписанное Бройтигамом, было отправлено из министерства по делам оккупированных восточных областей в Остланд. Пометки наверху были проставлены получателем этого документа.

ТОМА. Господин председатель, можно мне обратить Ваше внимание на несомненную ошибку? Это "Р" связано с "К", "РК" - означает, очевидно, "рейхскомиссар".

Г-н ДОДД. Я не говорю об инициале "Р" в начале письма, я говорю об инициалах в конце, поставленных от руки.

РОЗЕНБЕРГ. Теперь совершенно ясно, что это "Р" поставлено получателем. Здесь сказано: "Получено 22 декабря."Р"

Адресован этот документ из министерства в "Остланд". Это то же самое "Р", что стоит и на первом документе. Эта пометка была сделана человеком, проживавшим в Риге.

Г-н ДОДД. Кто был Вашим рейхскомиссаром в Риге?

РОЗЕНБЕРГ. Лозе.

Г-н ДОДД. Его фамилия начинается не с буквы "Р", так что это не могло быть его инициалом.

РОЗЕНБЕРГ. Да, но здесь же совершенно ясно, что это письмо было помечено в его управлении.

ТОМА. Разрешите мне помочь Суду?

На этом документе, на котором имеется написанное от руки "Л", стоит слева наверху: "ВФ 1/12/41". Это значит: "Документ должен быть вновь пред"явлен 1.12.41 г.", а внизу документа стоит "был пред"явлен 1.12.41г. Р". Это, очевидно, следы какого-то происшествия, разыгравшегося в канцелярии рейхскомиссара. Это - первый проект, на котором он проставил лишь первую букву своей фамилии.

Г-н ДОДД. Я думаю, что все эти предположения вряд ли можно принять как доказательства на этом процессе. Мне кажется, эти соображения могут быть представлены позднее для точного определения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Скажите, что означают слова наверху страницы "Имперский министр по делам оккупированных восточных территорий"?

Г-н ДОДД. Ваша честь? Это бланк, на котором написано это письмо. Все это написано от руки на обороте первого письма. Все это было найдено в министерстве этого подсудимого в Берлине.

Теперь я хотел бы обратить Ваше внимание на другой документ - № 36.

2/05

H1198 – 0307

H1198-0308

РОЗЕНБЕРГ. Я еще раз убедительно подчеркиваю, что это "Л" было подписано получателем, лицом, которому документ был направлен.

Г-н ДОДД. Ну, хорошо, мы от этого уже перешли дальше.

Здесь имеется документ под номером (я прошу, чтобы Вам его показали) 3428. Этот документ представлен под № США-827.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не назовете ли Вы снова номер?

Г-н ДОДД. 3428-ПС, который мы представляем как № США-827. Это письмо, написанное в Минске, на оккупированной территории, и датированное 31 июля 1942 года. Это письмо было написано Кубе. Кубе был одним из Ваших подчиненных, не так ли?

РОЗЕНБЕРГ. Да.

Г-н ДОДД. Оно было адресовано Лозе, рейхскомиссару, имперскому уполномоченному восточных территорий?

РОЗЕНБЕРГ. Да, это верно.

Г-н ДОДД. Давайте взглянем на это письмо:

"Борьба с партизанами и действия, направленные против евреев в нейтральных районах Белоруссии". И далее: "Во всех столкновениях с партизанами в Белоруссии выяснялось, что еврейство на бывшей польской территории является основой партизанского движения. Поэтому вопрос обращения с евреями является вопросом политического значения в Белоруссии". Затем, двумя строчками ниже: "В беседах с бригадным генералом СС Зеннером, а также с видным руководителем СД подполковником д-ром Штраухом мы установили, что нами ликвидировано 55.000 евреев на территории Белоруссии. На территории Минской области еврейство было полностью уничтожено, без особого урона рабочей силы. На польской территории в районе Лида было ликвидировано 16.000 евреев; в Злонине - 8.000

евреев и т.д. Вследствие вторжения в тыл армии, о котором уже говорилось, подготовка, которая проводилась нами для ликвидации евреев в районе Глубокое, не была использована. Так, например, в зоне поставок для армии и коммуникаций было ликвидировано 10.000 евреев без моего ведома, хотя их систематическое уничтожение было запланировано. В Минске было ликвидировано около 10.000 28 и 29 июля, из них было 6500 русских евреев, преимущественно старики, дети и женщины, а также неработоспособные евреи, которые были привезены в Минск в ноябре прошлого года из Вены, Брюнна, Бремена и Берлина по распоряжению фюрера. Территория Луцка также была очищена от нескольких тысяч евреев. Это же относится к Луцку, Новогрудку и Вилейке. Такие же радикальные мероприятия должны еще проводиться в Барановичах и Ганиевичах. В Барановичах находятся, примерно, 10.000 евреев, из них 9.000 должно быть ликвидировано в будущем месяце. В г.Минске осталось в живых 2.600 евреев из Германии. Кроме того еще живы 6.000 русских евреев и евреек. Даже в будущем Минск останется все же центром еврейских элементов, что в настоящее время вызывается необходимостью концентрации промышленности вооружения и проблемой железнодорожного транспорта. Во всех других районах число евреев, которые могут быть использованы на работе, сократится при моем содействии и содействии СД до 800 и, если возможно, до 500 человек". И далее. Здесь говорится о других случаях, касающихся евреев, но, мне кажется, нет необходимости зачитывать все. Я хотел бы обратить Ваше внимание на последний абзац, последнюю фразу:

H1198 – 0309

H1198 – 0310

"Я полностью согласен с начальником СД в Белоруссии в том, что мы должны ликвидировать все транспорты с евреями, о которых нет особого распоряжения от верховных властей, для того, чтобы предотвратить дальнейшие беспорядки в Белоруссии".

Выше я пропустил фразу, которую я хотел Вам прочитать, это следующее: "Естественно, после того, как требования со стороны военных властей (рабочей силы) прекратятся, представители СД и я начнут принимать все меры, чтобы ликвидировать еврейство раз и навсегда во всех районах Белоруссии. Но пока необходимо принимать во внимание требование военных властей на рабочую силу евреев".

Этот документ был также найдет в Вашем министерстве в Берлине. Теперь вот письмо.

РОЗЕНБЕРГ. Мне кажется маловероятным, чтобы это письмо было найдено в моем бюро в Берлине. Если же это так, то дело обстоит следующим образом: рейхскомиссар Остланда привез весь свой архив, упакованный в ящиках, в Берлин. В моем бюро этого письма не было, оно мне также и не было пред"явлено. Здесь, кроме того, стоит печать рейхскомиссара Остланда, а не печать имперского министра по делам оккупированных восточных областей. Я вчера заявил, что мне о таких событиях было сообщено как об отдельных мероприятиях, имевших место во время боев. После получения одного такого отчета из Луцка я тотчас же поручил гаулейтеру Мейеру потребовать от Гейдриха проведения расследования. Из одного этого можно сделать вывод, что ни он, ни гаулейтер Мейер не знали и не предполагали об этих общих мероприятиях, проводимых по приказу центрального органа.

Г-н ДОДД. Но как Вы можете об"яснить, что такие выдающиеся руководители Вашего министерства вели подобные переговоры в 1942 году без Вашего ведома? Вы также говорили Трибуналу, что большая часть трудностей возникала для евреев на Востоке из-за местного населения. Вы помните, Вы вчера это показывали?

РОЗЕНБЕРГ. Перевод до меня не дошел.

Г-н ДОДД. Вы вчера говорили, что местное население само на Востоке выступало против евреев?

РОЗЕНБЕРГ. Об этом мне сообщили сначала приезжавшие с Востока люди, что именно не местные власти, а местное население... Я еще раньше знал настроение населения на Востоке. Поэтому я мог себе легко представить, что это соответствовало действительности. Во-вторых, как я уже говорил, мне было сообщено, что в процессе уничтожения различных очагов сопротивления и центров саботажа полиция расстреляла большое количество евреев в различных городах. Затем я говорил здесь также о Луцке.

Г-н ДОДД. Да, но, насколько я Вас понял, Вы согласились, что на Украине Ваш подчиненный Кох проводил ужасные мероприятия. А теперь я не понимаю, почему Вы спорите о том, что двое Ваших подчиненных - Лозе и Кубе помогали уничтожать или ликвидировать евреев и что Бройтигам, одно из ответственных лиц Вашего аппарата, и Лейбрандт знали об этой программе истребления. Таким образом, по крайней мере пять Ваших руководящих работников знали об этом.

РОЗЕНБЕРГ. Я хотел бы сказать, что имеется распоряжение рейхскомиссара Остланда, которое в полном согласии...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сначала ответчайте на вопрос: согласны ли

H1198 - 0311

H1198-0312

Вы с тем, что пять этих лиц участвовали в истреблении евреев?

РОЗЕНБЕРГ. Да, я признаю, что они знали о нескольких случаях ликвидации евреев. Они мне сами говорили об этом, а если они и не говорили, то я об этом узнавал стороной. Сейчас я хотел бы здесь заявить следующее: согласно общим законам империи рейхскомиссар Остланда издал распоряжение, по которому евреи, само собой разумеется, враждебно против нас настроенные, должны были быть сконцентрированы в определенних еврейских кварталах городов. И я до самого конца, до 1943-44 г., слышал о том, что в этих городах проводилась в широком масштабе подобная работа в еврейских гетто. В дополнение я хочу упомянуть об одном известном мне случае, когда один областной комиссар...

Г-н ДОДД. Вы должны только отвечать на вопрос, а не распространяться на другие темы. Вы ответили на мой вопрос и об"яснили Ваш ответ. Я больше не спрашиваю Вас.

РОЗЕНБЕРГ. То, что я хотел сейчас сказать в дополнение обосновывает часть моего ответа. Я хочу привести здесь один конкретный случай. Один из областных комиссаров на Украине был отдан под суд за то, что он с помощью угроз и вымогательств из"ял из одной еврейской общины меховые шубы, платье и т.д. и отослал все это в Германию. Его судили, приговорили к смертной казни и расстреляли.

Г-н ДОДД. Это интересно, но я думаю, что эти пояснения не были необходимы при ответе на мой вопрос. Прошу Вас ограничить Ваши ответы. Я хочу закончить с этим вопросом в несколько минут. Вы помните, что Вы вчера давали здесь показания относительно того, что это Вы написали письмо

относительно истребления 100 евреев во франции? Вы назвали это дурным предложением или что-то вроде этого?

РОЗЕНБЕРГ. Вчера я уже сделал заявление по этому поводу.

Г-н ДОДД. Я знаю, я хочу кратко остановиться на этом. Что Вы разве сказали, что это было несправедливо или неправильно? Отвечайте - да или нет? Вы только вчера говорили об этом, не правда ли?

РОЗЕНБЕРГ. Если Вы хотите получить от меня "да" или "нет" на этот вопрос, то Вы должны точно процитировать то, что я сказал.

Г-н ДОДД. Я Вас еще раз спрашиваю, разве Вы вчера не говорили Трибуналу, что эти предложения в Вашем письме - документ № 001-ПС - были несправедливы и неправильны. Говорите - да или нет? На это можно ответить просто?

РОЗЕНБЕРГ. Я сказал, что с точки зрения человечности это было несправедливо.

Г-н ДОДД. Это было убийство, хладнокровное убийство. Разве это не было планом убийства? Да или нет?

РОЗЕНБЕРГ. Нет. Я считал, что расстрелы заложников, о которых вооруженные силы публично извещали являются обще-

H1198 - 0313

H1198 – 0314

принятой вещью в чрезвычайных военных условиях. Сообщения об этих расстрелах помещались в прессе. Я должен был предположить, что при определенном военном положении расстрел заложников расстреливается, как признанная международным правом репрессалия. Поэтому я не могу согласиться, что...

ДОДД. Вы, однако, говорили как философ, или как солдат. Когда вы писали это письмо 001-НС, вы писали его от имени милостивого, философствующего министра идеологии и культуры или от имени члена вооруженных сил?

РОЗЕНБЕРГ. Как ясно вытекает из документа, я говорил тогда о том, что проводится саботаж и убийства немецких солдат для того, чтобы навсегда, отравить будущие хорошие отношения между Германией и Францией, к установлению которых я так стремился. По этой причине было написано это письмо, о котором я с человеческой точки зрения жалею.

ДОДД. Немного поздние сожаления. Вы помните, свидетеля Хесса. Вы, кажется, были здесь в зале, когда он давал показания.

РОЗЕНБЕРГ: Да, я слышал его.

ДОДД: И вы помните ужаснейшее повествование его относительно истребления двух с половиной или трех миллионов лиц, большинство из которых были евреи?

РОЗЕНБЕРГ: Да.

ДОДД: Ну, хорошо. Может быть, вы поверите, что это было так. Если не поверите, то это можно будет установить позднее. Он был читателем ваших речей и книг этот Хесс.

РОЗЕНБЕРГ: Читал ли Хесс мои книги - я не знаю. Антисемитские книги существуют уже 2.000 лет.

ДОДД: В октябре 1944 года вы подали заявление об отставке с поста имперского министра оккупированных восточных территорий?

РОЗЕНБЕРГ: Да, в октябре 1944 года.

ДОДД: В тот день, вам нечего было отказываться, так как вас вышибли уже из России. 12 октября 1944 года германскую армию фактически уже выкинули из России. Разве это не так? Это было при вашем отступлении, не так ли?

РОЗЕНБЕРГ: Да, речь шла тогда о моих новых задачах по политическому и психологическому воспитанию нескольких миллионов восточных рабочих в империи. Тогда речь шла также о беженцах, прибывших из Остланда и Украины в Германию, а также о свертывании хозяйственных дел. Но прежде всего, у меня была еще тогда надежда, что при определенных обстоятельствах наступит поворот в военных событиях на Востоке.

ДОДД: Каждый тогда в Германии уже мало-мальски понимающий человек знал, что война была проиграна в октябре 1944г.

H1198 – 0315

H1198 – 0316

Разве это не так? Вы хорошо знали, что война была проиграна в октябре 1914 года.

РОЗЕНБЕРГ: Нет, я этого не знал.

ДОДД: Вы не знали этого?

РОЗЕНБЕРГ: Нет, я этого не знал.

ДОДД: Хорошо, я принимаю этот ответ. У меня все вопросы, Ваша честь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Тома, скажите, Вы хотите еще раз допросить свидетеля?

/К микрофону подходит генерал Руденко/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал Руденко, у Вас есть дополнительные вопросы к тем, которые уже задавались?

РУДЕНКО: Да, я имею вопросы в связи с деятельностью подсудимого на восточной территории.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо, генерал Руденко.

РУДЕНКО: Подсудимый Розенберг, с какого времени вы начали лично и непосредственно участвовать в подготовке нападения на Советский Союз.?

РОЗЕНБЕРГ: Вообще никогда не начинал.

РУДЕНКО: Разве ваше назначение 20 апреля 1941 года уполномоченным по центральному контролю над вопросами, связанными с восточно-европейскими областями, не находилось в непосредственной связи с нападением Германии на Советский Союз?

РОЗЕНБЕРГ: Это не было планированием, в котором я принимал участие. Это было лишь последствием уже принятого решения, о котором со мной никто не советовался. Мне было лишь сообщено об этом решении и о том, что отданы соответствующие

военные приказы. Так как я должен отвечать только "да" или "нет", я ответил на Ваш вопрос: нет.

РУДЕНКО: Но вы не отрицаете того факта, что это назначение имело место в апреле 1941 года?

РОЗЕНБЕРГ: Известно, что я получил это задание.

РУДЕНКО: При этом назначении Гитлер предоставил вам широкие полномочия. Вы осуществляли сотрудничество с высшими имперскими властями, получали от них информацию и созывали представителей имперских властей на совещания, в частности, осуществляли сотрудничество с Герингом, с министром экономики и Кейтелем. Вы это подтверждаете? Ответьте коротко.

РОЗЕНБЕРГ: Вы одновременно задали мне три вопроса. Первый вопрос - получил ли я широкие полномочия. Я вообще никаких полномочий не получал. Таким образом, я отвечаю на этот вопрос - нет. Второй вопрос - были ли у меня совещания? Я отвечаю - да, само собой разумеется, что я проводил совещания со всеми высшими имперскими властями, занимавшимися Востоком. Я должен был это делать в соответствии с возложенным на меня заданием.

РУДЕНКО: Вы ответьте коротко на следующий вопрос: сразу после назначения от 20 апреля 1941 года у вас состоялось совещание с начальником ОКВ?

РОЗЕНБЕРГ: Да, я посетил фельдмаршала Кейтеля.

РУДЕНКО: Вы имели беседу с Браухичем и Редером, в связи с вашим назначением, по поводу решения восточных проблем?

РОЗЕНБЕРГ: Насколько я помню, с Браухичем я не говорил, и с адмиралом Редером, насколько помню, я тогда также не имел никаких бесед.

H1198 – 0317

H1198 – 0318

РУДЕНКО: Вы совещались с подсудимым Функом? Он в качестве своего постоянного представителя назначил доктора Шлоттерера?

РОЗЕНБЕРГ: Тогдашний имперский министр Функ, конечно, знал о моем новом назначении и назначил доктора Шлоттерера посредником между мной и своим министерством.

РУДЕНКО: У вас были беседы с генералом Томасом, статс-секретарем Рейнером и статс-секретарем Бакке по вопросам экономической эксплоатации восточных областей?

РОЗЕНБЕРГ: Мне кажется, что я не говорил с Томасом. С другими господами, о которых вы сейчас упоминали, я познакомился позже. Рикке я взял позже в свое министерство для связи с экономическим штабом Востока. Бакке я, само собой разумеется, встречал также в последующее время. Что касается генерала Томаса, то я даже не помню, был ли я с ним лично знаком. Во всяком случае, наше знакомство было весьма поверхностным.

РУДЕНКО: Я тогда пред"явлю документы, где вы сами об этом указываете.

Вы вели переговоры с министром иностранных дел, в результате которых подсудимый Риббентроп назначил Гросскопфа для постоянной связи с вашим аппаратом, а представителем политотдела выделил доктора Бройтигама. Это правильно?

РОЗЕНБЕРГ: Это правильно. Имперский министр иностранных дел был проинформирован обо всем этом и назначил своим представителем тогдашнего генерального консула Гросскопфа.

РУДЕНКО: Вы принимали ответственных представителей Фриче, Шмидта, Глазмана и других?

РОЗЕНБЕРГ: Да, очень может быть, что это было так. С большей частью этих господ я познакомился тогда впервые. Само собой разумеется, что я должен был ознакомиться со своим заданием.

РУДЕНКО: Вы вели переговоры с начальником штаба СА о выделении в ваше распоряжение самых опытных руководителей СА?

РОЗЕНБЕРГ: Разумеется, я говорил с начальником штаба СА о предоставлении мне подходящих сотрудников на случай занятия восточных областей.

РУДЕНКО: В связи с этим, вы не станете отрицать, таким образом, что имелся координирующий центр по подготовке мероприятий, связанных с нападением на СССР?

РОЗЕНБЕРГ: В такой форме, как вы говорите, - нет, так как все задачи, которые вытекали из предполагавшейся войны с Советским Союзом, были распределены по военным органам. Экономические мероприятия разрабатывались Герингом. Как выяснилось позднее, большой круг задач был предоставлен полиции. Я руководил лишь осуществлявшим связь политическим ведомством, которое должно было обсуждать политические проблемы Востока, информировать и обсуждать с соответствующими инстанциями все могущие возникнуть вопросы политического и административного порядка и информировать их о политической линии. В основном я осуществлял все это так, как о том говорится в моей речи от 20-го июня.

РУДЕНКО: Очень хорошо.

9117

H1198 – 0319

H1198 – 0320

За полтора месяца до вероломного нападения Германии на Советский Союз вы разработали инструкцию для всех рейхскомиссаров оккупированных восточных областей.Вы не отрицаете этого?

РОЗЕНБЕРГ. Я вчера уже говорил об этом. В соответствии с нашим долгом я и мои сотрудники сейчас же разработали предварительные проекты.Эти проекты в такой форме,в какой они имеются здесь и в какой они мне пред'являлись,в действительности не вышли в свет.

РУДЕНКО. К этому вопросу я ~~не~~ еще возвращусь. В своем отчете, который вы представили Гитлеру 28 июня 1941 г.,о подготовительной работе по вопросам,связанным с территорией Восточной Европы,Вы указали,что с адмиралом Канарисом у вас состоялась беседа,во время которой вы просили Канариса в интересах задач контрразведки выделить людей,которые,работая контрразведчиками, в то же время смогут выступать как политические работники. Вы подтверждаете это?

РОЗЕНБЕРГ. Нет,это неправильно. Я слышал,что адмирал Канарис создал группу из украинцев и представителей других народностей для проведения актов саботажа или иной работы.Он был у меня однажды,я просил его не вмешиваться в подготовительные работы политического характера,что он мне и обещал.

РУДЕНКО. Вы не отрицаете встречу с Канарисом?

РОЗЕНБЕРГ. Встречу - нет.

РУДЕНКО. А беседу,во время которой Вы просили Канариса в интересах разведки выделить людей для помощи вам,вы это отрицаете?

РОЗЕНБЕРГ. Да,это я отрицаю. Но я не отрицаю того,что,

разумеется, если бы у Канариса были какие-либо интересные важные политические новости, ему следовало бы мне об этом сообщить. Но у меня не было никакой шпионской организации. В те годы я вообще ...

РУДЕНКО. Мы Вам пред'явим этот документ. Господин председатель, мне кажется, сейчас удобно сделать перерыв, так как у меня будет еще ряд вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

(Об'является перерыв до 14.00)

МС, НД,
ВВ, ЛТ.

9119

H1198 – 0321

H1198 – 0322

СТЕНОГРАММА

ВЕЧЕРНЕГО ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 17 апреля 1946 г.

Т Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал прекратит рассмотрение этого дела в 4 часа для того, чтобы заслушать дополнительные ходатайства о вызове свидетелей и истребовании документов. Трибунал поэтому выражает надежду, что дело подсудимого Розенберга сможет быть закончено до указанного времени. Я имею в виду полное окончание представления доказательств по делу подсудимого Розенберга в том числе и допрос его единственного свидетеля в том случае, если он не захочет представить каких-либо других свидетелей по своему делу.

РУДЕНКО. Итак, подсудимый Розенберг, Вы мне ответили, что такой беседы с Канарисом не было?

РОЗЕНБЕРГ. Нет, я сказал, напротив, что такая беседа с Канарисом состоялась.

РУДЕНКО. Тогда, может быть, неточно перевели.

РОЗЕНБЕРГ. Очевидно.

РУДЕНКО. Я Вас спросил, что во время этой беседы Вы просили Канариса в интересах задач контрразведки выделить людей, которые, работая контрразведчиками, в то же время смогут выступать как политические работники? Вы помните мой вопрос?

РОЗЕНБЕРГ. Да.

РУДЕНКО. Именно об этом шла беседа?

РОЗЕНБЕРГ. Нет, это неверно. Адмирал Канарис...

РУДЕНКО. Не распространяйтесь, я Вам покажу документ, в интересах ускорения допроса, и оглашу это место. Дайте подсудимому документ. Я имею в виду, господа судьи, документ ПС-1039, на второй странице подчеркнуто. Я зачитаю Вам.

~~Это~~ Речь идет о документе - Ваш отчет о подготовительной работе по вопросам, связанным с территорией Восточной Европы. Я зачитываю: "С адмиралом Канарисом состоялась беседа, на которой договорились о том, что люди моего аппарата при имеющихся условиях ни в коем случае не вступят ни в какие сношения с какими-либо представителями народов Восточной Европы. Я попросил его в интересах задач контрразведки выделить людей, которые, работая контрразведчиками, в то же время смогут выступать как политические работники, с тем, чтобы определить их дальнейшее использование. Адмирал Канарис сказал, что, само собой разумеется, он учтет мое желание не признавать никаких политических групп среди эмигрантов и что он намерен действовать в духе моих высказываний".

РОЗЕНБЕРГ. Это соответствует тому, что я сказал.

РУДЕНКО. Я Вас спрашиваю, Вы подтверждаете эту цитату?

РОЗЕНБЕРГ. Да, я подтверждаю ее в немецком оригинале, но не в русском переводе. Дело в том, что я понимаю по-русски и поэтому я мог установить, что перевод не совсем точен. Здесь сказано, например, что я, при существующих условиях, не могу сноситься с представителями других народов относительно их возможного впоследствии участия в гражданском управлении.

Это - первое.

Затем здесь сказано, что генерал Канарис имеет отношение к различным украинским, русским и другим группам, и я прошу его при помощи разведки выявить людей других национальностей, которых я при соответствующих условиях мог бы использовать в гражданской администрации. Значит, я не

H1198-0323

H1198-0324

просил его заниматься шпионажем для меня и не предлагал, что я сам буду заниматься шпионажем. Наконец, совершенно верно, он со мной согласился, что сам он не будет заниматься политической работой.

РУДЕНКО. Подсудимый Розенберг. То, что вы сейчас сказали, не имеет никакого расхождения с русским текстом. То, что Вы изложили сейчас, точно также звучит и в русском тексте.

РОЗЕНБЕРГ. Так было в переводе с немецкого на русский. Я могу признать только немецкий текст, а не русский перевод, который не соответствует смыслу оригинала. Вы толкуете этот текст в том смысле, что я занимался шпионажем, а в действительности, так как сам я не мог вести переговоры с представителями ~~восточных~~ восточных народов, я просил адмирала Канариса, используя его служебное положение, назначить мне людей, которых я мог бы в случае надобности привлечь к работе в гражданской администрации. Таков смысл. Следовательно, перевод не совсем верен.

РУДЕНКО. Очень хорошо. Немецкий текст Вы подтверждаете?

РОЗЕНБЕРГ. Да.

РУДЕНКО. Иначе говоря, Вы были связаны с контрразведкой?

РОЗЕНБЕРГ. Нет, я лишь принял адмирала Канариса и сказал ему, что он по своему долгу службы по возможности не занимался политическими переговорами и планами, так как это теперь должен делать я.

РУДЕНКО. Вы слышали предупреждение председательствующего, чтобы вести короче допрос, и я прошу Вас отвечать кратко на мои вопросы.

РОЗЕНБЕРГ: Я отвечал бы короче, если бы вопросы задавались более точно.

РУДЕНКО: Я задам Вам несколько вопросов о целях войны против Советского Союза.

Признаете ли Вы, что, подготовив и совершив нападение на Советский Союз, нацистская Германия преследовала цели экономического разграбления богатств Советского Союза, истребления советских людей, порабощения народов Советского Союза и расчленения Советского Союза. Ответьте кратко - признаете Вы это или нет?

РОЗЕНБЕРГ: Здесь опять поставлено пять вопросов...

РУДЕНКО: Я спрашиваю Вас и прошу ответить кратко - признаете Вы цели этого нападения или нет? Потом сможете дать об"яснения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете ответить на этот вопрос словами "да" или "нет".

РОЗЕНБЕРГ: На все четыре вопроса я должен ответить - нет.

РУДЕНКО: Нет? Хорошо. Обратимся к некоторым документам в связи с этим. Я имею в виду документ 2718-ПС. Это стенограмма утреннего заседания 10 декабря 1945 года. Это Ваш меморандум от 2 мая 1941 года. Вы следите. В этом документе говорится следующее:

"Войне может продолжаться в случае, если все вооруженные силы на третьем году войны будут снабжаться продовольствием из России".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы зачитываете сейчас начало документа?

H1198-0325

H1198-0326

РУДЕНКО: Да. У Вас есть английский текст.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мой экземпляр документа начинается словами: "Как уже было сообщено, ответ Гитлера на письмо Дуче был передан в 9 час.10 мин. в присутствии Чиано". Вы оглашаете этот документ?

РУДЕНКО: Я не слышу перевода.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой номер этого документа?

РУДЕНКО: 2718-ПС.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У меня был не тот документ.

РУДЕНКО: "Войне может продолжаться в случае, если все вооруженные силы на третьем году вой ны будут снабжаться продовольствием из России. Нет никакого сомнения в том, что в результате многомиллионное население погибнет голодной смертью, если мы возьмем в стране то, что нам необходимо".

Я Вас спрашиваю - Вы это писали?

РОЗЕНБЕРГ: Я этого не писал и не участвовал в этом совещании. Я также не могу установить, знал ли вообще кто-либо из моих сотрудников об этом совещании. Здесь написано: "Секретный документ для начальников высших штабов. Два экземпляра: 1-й экземпляр - в актах 1 А, 2-й экземпляр - генералу Лимберту". Таким образом, об этом знали только два человека в вооруженных силах.

РУДЕНКО: Не распространяйтесь, подсудимый. Вы не знаете об этом?

РОЗЕНБЕРГ: Здесь два раза зачитывали этот документ.

РУДЕНКО: Перейдем дальше.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вас спросили, знаете ли Вы об этом документе.

РОЗЕНБЕРГ: Нет.

РУДЕНКО: Следующий документ, определяющий цели войны. В инструкции рейхскомиссару Прибалтики и Белоруссии Вы указывали следующее. Я имею в виду документ 1029-ПС, там отмечено место, которое я буду цитировать.

"Целью имперского уполномоченного для Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии должно являться создание германского протектората с тем, чтобы впоследствии превратить эти области в составную часть великой германской империи путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями германской расы и уничтожения нежелательных элементов."

Вы припоминаете эту инструкцию? Ответьте сначала.

РОЗЕНБЕРГ: Да, этот документ мне знаком. Я уже вчера говорил, что вначале в моем бюро разрабатывались разного рода проекты, которых я не одобрял.

РУДЕНКО: Я Вас спросил совершенно ясно - Вам знакома эта инструкция?

РОЗЕНБЕРГ: Я опять слышал неправильный перевод. Здесь ничего не сказано об уничтожении, а сказано о переселении. В русском же переводе написано "уничтожение". Конечно, если документы будут так переводиться, то русская пресса опубликует мой ответ, как подтверждение планов уничтожения, а в действительности это - неверный перевод, который я могу проверить только потому, что говорю по-русски.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый, Вас прекрасно слышно, Вам нет необходимости кричать.

РОЗЕНБЕРГ: Простите.

H1198-0327

H1198-0328

РУДЕНКО: Итак, Вы вносите исправление в неточность перевода? В остальном-германизация, колонизация. Это правильно по-немецки звучит?

/Пауза/.

Отвечайте: правильно или неправильно?

РОЗЕНБЕРГ: Это тоже не совсем правильно переведено. Здесь сказано: "Колонизация германских народов", а Вы переводите "германизация и колонизация". Это - два существительных, которые придают соответственно другой смысл. Я должен сказать, что это проект одного из моих сотрудников; проект этот вообще не вышел в свет, и он ни в какой степени не является инструкцией.

РУДЕНКО: Я Вас не спрашиваю, вышел ли он в свет. Я спрашиваю Вас, был такой проект? Вы этого не отрицаете?

РОЗЕНБЕРГ: Я не отрицаю, что такой проект был составлен в моем ведомстве.

РУДЕНКО: Очень хорошо. Перейдем дальше. В инструкции /это все касается целей войны/, в инструкции для всех рейхскомиссаров оккупированных восточных областей от 8-го мая 1941 года /это - документ 1039-ПС, это - небольшая цитата, здесь цитата/ говорится /подсудимому передается документ/. Итак, я цитирую на странице 4-ой, там отмечено место. В этой инструкции Вы указывали:

"Эта грядущая борьба явится борьбой за снабжение Германии и всей Европы сырьем и продовольствием".

Вы это подтверждаете?

РОЗЕНБЕРГ: Да.

РУДЕНКО: Подтверждаете.

РОЗЕНБЕРГ: Этот документ был составлен в качестве проекта в моем ведомстве. Это верно, я этого не оспариваю.

РУДЕНКО: Не распространяйтесь. Я еще раз напоминаю Вам: отвечайте коротко на мой вопрос! Вы подтверждаете - этого достаточно.

РОЗЕНБЕРГ: Да, этот документ я подтверждаю.

РУДЕНКО: Это - ваши высказывания до нападения на Советский Союз. Теперь я напомню Вам, не пред"являя документа, ибо этот документ уже неоднократно пред"являлся суду и в суде здесь. Я имею ввиду совещание у Гитлера 16 июля 1941 года. Я имею ввиду, господин председатель, документ Л-221. На этом совещании Вы присутствовали /к подсудимому/?

РОЗЕНБЕРГ: Да.

РУДЕНКО: Тем Гитлер говорил тогда, что вся Прибалтика должна стать областью империи точно так же, как должен стать областью империи Крым с прилегающими районами; волжские районы должны стать областью империи точно так же, как Бакинская область. Вы припоминаете эти высказывания Гитлера?

РОЗЕНБЕРГ: Я впервые увидел этот документ здесь. Это - запись Бормана. Фюрер говорил тогда очень долго и пылко. Я не делал себе точных заметок, но он действительно говорил о Крыме и о том, что ввиду необычайной силы Советского Союза там не должно быть потом ни одного вооруженного лица...

РУДЕНКО: Я Вас не спрашиваю, почему? Я Вас спрашиваю, говорил он это?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал Руденко, Вы говорите слишком быстро. Вы должны дождаться, пока закончит говорить подсудимый.

9197

H1198-0329

H1198-0330

РУДЕНКО: Он говорит очень пространно, господин председатель.

Хорошо, о Крыме Вы признаете. Вы согласны были с установками Гитлера по вопросу захвата этих территорий?

РОЗЕНБЕРГ: Из документа, а также из моей речи следует, как я представлял себе право восточных народов на самоопределение в рамках новой государственной структуры и, как это видно здесь, я полемизировал с высказываниями фюрера.

РУДЕНКО: Я не спрашиваю Вас об этом. Я Вас спрашиваю сейчас о том, что Вы согласны были с предложениями Гитлера или возражали против них?

РОЗЕНБЕРГ: Да, я возражал и это указано даже в протоколе...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал не интересует вопрос, может ли это быть доказано. Вопрос заключается в том, согласны ли Вы с этим. Мне кажется, на это Вы можете ответить. Скажите, были Вы согласны с этим, или нет?

РОЗЕНБЕРГ: Со многими пунктами я согласился, а с другими - нет. Но всего тут было, по меньшей мере, от 10 до 15 пунктов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это уже ответ.

РУДЕНКО: Хорошо, к этому вопросу мы еще вернемся через несколько минут. Я сейчас обращаюсь к Вашим директивам, которые Вы издавали в качестве министра оккупированных восточных областей. Я сейчас обращаюсь к документам, они были уже представлены под №№ ПС-1056 и ПС-947. Прежде всего я имею один вопрос к Вам: что это такое за "коричневая папка?"

РОЗЕНБЕРГ: "Коричневая папка" была составлена административным отделом министерства по делам Востока в соответствии с поколениями экономистов, политического отдела, отдела снабжения, технического отдела и других отделов; она была составлена для чиновников в Остланде и на Украине, то-есть это была первая попытка сведения воедино всех вопросов.

РУДЕНКО: Хорошо, это, своего рода, - зеленая папка, такая же программа ограбления восточных территорий и их эксплоатации. Хорошо. Понятно.

Обратимся к Вашим директивам - документ ЕС-347. Сейчас Вам дадут этот документ. Обратите внимание, там подчеркнуто место на странице 29-й, кажется, документа. Я Вам зачитываю этот абзац:

"Первой задачей гражданского управления в оккупированных восточных областях является проведение интересов империи".

Несколько пропускаю.

"Положения Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны, которыми предусматривается управление страной, оккупированной иностранной державой, не имеют действия, так как СССР надо считать уничтоженным".

И дальше: "Поэтому допустимы также все мероприятия, которые германской администрации кажутся необходимыми и удобными для проведения этой обширной задачи".

Вы согласны, что это видет Ваши тайные замыслы, хотя Вы несколько и поторопились об"явить Советский Союз уничтоженным?

РОЗЕНБЕРГ: Я в русском переводе слышал слово "разграбление". Слово "разграбление" в немецком тексте не встречалось.

2129

H1198-0331

H1198-0332

Если немецкий текст будут переводить так, что всюду будет написано "разграбление", хотя в немецком...

РУДЕНКО: Я Вас перебиваю. В тексте русском, который я огласил, нет слова "разграбление". Вы здесь измышляете или до Вас не то дошло.

РОЗЕНБЕРГ: Можно мне сказать несколько слов?

РУДЕНКО: Я Вас спрашиваю, это Вы писали?

РОЗЕНБЕРГ: Хотя я этого не писал, но это появилось в циркуляре министерства по делам Востока, и я несу служебную ответственность за "коричневую папку". Я хотел бы пояснить это в нескольких словах. Раз"яснение о международно-правовом положении на Востоке я получил из ставки фюрера, причем смысл его был тот, что в ~~соответствии~~ виду с отношением Советского Союза к некоторым конвенциям. Гаагская конвенция не может быть применена к Советскому Союзу. Я не смог сейчас прочесть весь документ, - в нем слишком много страниц, - но на второй странице я уже нашел абзац, который ясно показывает, каков был смысл этого. А смысл был такой...

РУДЕНКО: /перебивает/.

РОЗЕНБЕРГ: Я должен иметь право процитировать этот документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы должны проводить этот перекрестный допрос в соответствии с существующими правилами. Скажите, в чем заключался Ваш вопрос? Каков был Ваш вопрос?

РУДЕНКО: Я ставил вопрос в отношении того - признает ли он, что он знал о задачах, поставленных по части управления в оккупированных областях, как они изложены в цитате, мною оглашенной. Он ответил, что знал. Я исчерпал в этой области

свой вопрос. Этот документ имеется у защиты и она может воспользоваться правом, чтобы возвратиться к другим местам, еще не оглашенным. Это очень большой документ и, если бы я пытался цитировать его весь, это отняло бы много времени у Трибунала.

РОЗЕНБЕРГ: Я прошу разрешения прочитать...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы ответили не этот вопрос. Я понял, в чем этот вопрос заключается. Вам было заявлено, что Гаагская конвенция не распространяется на Россию.

РОЗЕНБЕРГ: Да. Я прошу дать мне разрешение процитировать один абзац. Это на странице 46-б, предпоследний абзац: "Важнейшей предпосылкой для этого"- т.е. для восстановления на Востоке "является соответствующее обращение со страной и с населением. Война с Советским Союзом при всей необходимости обеспечения пропитания Германии является политической войной с целью установления устойчивого порядка. Завоеванные области нельзя рассматривать как об"ект эксплоатации даже в том случае, если для снабжения Германии продовольствием и для германского народного хозяйства потребуется использование больших областей в большом масштабе". Я считаю, что это является заботой о нуждах населения и более ясно этого нельзя выразить.

РУДЕНКО: Хорошо. Как Вы обращались с населением - я еще поставлю несколько вопросов, мы слышали очень много об этом обращении и Вы тоже. Перейдем дальше. Я Вас спрашиваю в отношении Крыма. Вы сказали, что да, Гитлер предлагал присоединить Крым к Германии. Припоминаете ли Вы, что Вы не только разделяли эти планы, но даже придумали новые названия городов: Симферополь Вы решили переименовать в Оттенбург, а Севастополь

9131

H1198-0333

H1198-0334

– в Теодорикгафен. Припоминаете Вы это?

РОЗЕНБЕРГ: Да, это правильно. Фюрер сказал, чтобы я переименовал эти города. Мы говорили о переименовании еще многих других городов.

РУДЕНКО: Да, да.

Доктор ТОМА. Господин председатель, я должен закончить в 4 часа представление доказательств по делу Розенберга. Я не знаю, каким образом я успею это сделать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал не ставил это непременным условием. Я не высказывал в связи с этим никаких распоряжений, лишь заявил, что Трибунал выражает надежду, и слово "надежда" больше относилось к обвинению, чем к защите.

ТОМА: Господин председатель, я должен сказать, что русский обвинитель представляет документы, которые я уже представлял и которые уже здесь обсуждались. В частности, я указывал на документ ПС-1029 и 1090.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Этим вмешательством Вы отнимаете время у Трибунала.

РУДЕНКО: Итак, Вы признаете переименование Симферополя и Севастополя. Следующий вопрос: Вы также занимались преобразованием Кавказа и имели в своем ведении специальный штаб. Я прошу ответить: так или нет?

РОЗЕНБЕРГ: Так.

РУДЕНКО: Дальше. Вы даже подобрали в качестве грузинского наследника проходимца из эмигрантов князя Багратиона Мухранского. Это правильно, ответьте кратко?

РОЗЕНБЕРГ: Да, это верно. Мы говорили о нем и отклонили эту кандидатуру.

РУДЕНКО: Ах, отклонили - очень хорошо.

О преобразовании Кавказа Вы 27 июля 1942 года составили специальный доклад. Это правда?

РОЗЕНБЕРГ: Возможно, что был такой доклад. Да, да, конечно, это довольно длинный доклад, вот он.

РУДЕНКО: Мы пред"явим Вам этот доклад, чтобы обратить Ваше внимание на одну небольшую цитату. Я имею в виду, господин председатель, документ, представленный уже Суду под № СССР-88. Подсудимый Розенберг, обратите внимание на страницу 7, там отмечено. Там говорится:

"Германская империя должна взять в свои руки всю нефть. Относительно нашего участия в использовании других богатств, можно будет договориться впоследствии".

Вы нашли это место?

РОЗЕНБЕРГ: Я нашел это на странице 7 текста.

РУДЕНКО: Вы подтверждаете, что это принадлежит Вам, подобное изречение?

РОЗЕНБЕРГ: Этот документ является меморандумом моего ведомства и я подтверждаю, что он правилен.

РУДЕНКО: Хорошо.

РОЗЕНБЕРГ: Можно мне сделать замечание по этому вопросу? Здесь не говорится об угнетении народов, а говорится об обеспечении автономии, о всевозможных льготах для этих народов. Я просто не могу сразу найти соответствующих мест в этом документе в 14 страниц.

РУДЕНКО: Я Вас спрашивал сейчас относительно задач германской империи в части нефти. Обратите внимание на стра-

H1198-0335

H1198-0336

нищу 14 этого же докладе. Это в конце. Вы так определяете задачи:

"Проблема Востока состоит в том, чтобы перевести балтийские народы на почву немецкой культуры и подготовить широко задуманные границы Германии. Задача Украины состоит в том, чтобы обеспечить продуктами питания Германию и Европу, а континент - сырьем. Задача Кавказа, прежде всего, является политической задачей и означает расширение континентальной Европы, руководимой Германией, от Кавказского перешейка на Ближний Восток".

Вы прочли это место?

РОЗЕНБЕРГ: Да.

РУДЕНКО: Вы не отрицаете, действительно был такой план.

РОЗЕНБЕРГ: Я подтверждаю, что это верно и это соответствует тому, что Восточная Европа должна была быть включена, наконец, в экономическую жизнь всего континента, как это было перед 1914 годом, когда Украина являлась крупным поставщиком сырья и продовольствия.

РУДЕНКО: Ваш план насчет Украины известен.

И в связи с этим, последний вопрос по разделу агрессии ставлю следующий. После этого документа, который Вы не отрицаете, признаете ли Вы агрессивный, грабительский характер войны Германии против Советского Союза и свою личную ответственность за подготовку и осуществление агрессии. Ответьте кратко: признаете или нет.

РОЗЕНБЕРГ: Нет...

РУДЕНКО: Нет. Очень хорошо.

РОЗЕНБЕРГ: ... так как я не рассматриваю эту войну, как агрессию с нашей стороны, а напротив.

РУДЕНКО: Так, не будем распространяться.

У меня еще несколько вопросов относительно германской политики в восточных областях. Кто является ответственным лицом германской администрации в имперском комиссариате?

РОЗЕНБЕРГ: Административную и законодательную власть осуществлял министр по делам восточных областей, а функции местного правительства осуществлял рейхскомиссар.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал Руденко! Трибунал уже все слышал об администрации, о существовавшей ранее администрации и штатах административных органов.

РУДЕНКО: У меня немного вопросов, господин председатель, два – три вопроса из этой области.

Может ли генеральный имперский комиссар своей властью издавать распоряжения об аресте и расстреле заложников?

РОЗЕНБЕРГ: В данный момент я не помню, имел ли он по закону такое право или это относилось к компетенции полиции. Я не могу определенно ответить на этот вопрос, так как не помню, существовал ли такой декрет, но это возможно. Я не знаю.

РУДЕНКО: Возможно? Я должен Вам напомнить, что это было в Вашей директиве предусмотрено – это право комиссара расстреливать своей властью заложников.

Перейдем дальше. Здесь очень много уже говорилось по поводу германской политики в оккупированных областях. Я поставлю Вам только несколько вопросов и прежде всего в отношении Украины. Вы здесь изобразили положение так, что во всем

9135

H1198-0337

был повинен Кох. Вы же протестовали и были благодетелем украинского народа!

РОРЕНБЕРГ: Нет, это не верно.

РУДЕНКО: Не верно?

РОРЕНБЕРГ: Я никогда не говорил, что я - благодетель.

РУДЕНКО: В Вашем документе, который представлен Вашим защитником(поэтому я не буду Вам представлять его) под № РО-19, Рикке писал: "В письме к имперским руководителям прессы в ноябре 1942г. Кох заявил: + "Украина является для нас лишь об"ектом эксплоатации, ~~что~~ она должна оплатить войну, и ~~что~~ население должно ~~быть~~ в известной степени, как второсортный народ, использовано при решении военных задач, даже если его надо ловить с помощью лассо". Это - политика Коха на Украине. Это - документ, представленный Вашим защитником. Я сейчас Вам поставлю вопрос: Вы писали Коху 14-го декабря?

РОРЕНБЕРГ: Можно мне ответить на вопрос? У меня нет сейчас текста этого документа. Я знаю только, что это письмо Рикке ко мне с жалобой. Он просто несколько резко выразился и мы вместе старались продолжать работу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал сегодня уже занимался полностью вопросами, связанными с Кохом и его деятельностью на Украине; поэтому возвращение к этому вопросу не принесет никакой пользы Трибуналу.

РУДЕНКО: Хорошо, господин председатель.

Вы здесь неоднократно заявляли ранее в своих об"яснениях Трибуналу в отношении зверств и истребления советского населения, что Вы об этом не были осведомлены, что это были полицейские меры. Так я Вас понял?

РОЗЕНБЕРГ: Нет, это не совсем верно. Я, как уже было сказано, получал донесения о многочисленных столкновениях с бандами, с партизанами и о расстрелах, а также о том, что эти банды и партизаны нападали на немецких руководителей сельского хозяйства, полицейских и чиновников и на мирных советских крестьян и тысячами их убивали.

РУДЕНКО: Хорошо. Нам известно о том, как Вы расправлялись с партизанами, боровшимися с врагами своей родины, считая их бандитами, я не думаю по этому вопросу с Вами спорить. Я Вас спрашиваю об истреблении мирного населения - стариков, женщин и детей. Об этом Вы знали?

РОЗЕНБЕРГ: Мы стремились к тому, чтобы в этой борьбе крестьяне и прочие мирные жители были в безопасности. Когда мы узнавали о слишком строгих мерах полиции, мы решительно требовали, чтобы, несмотря на всю тяжесть борьбы, эти соображения учитывались. Полиция отвечала нам, что, сидя за письменным столом, очень легко этого требовать, но когда в Белоруссии партизаны сожгли 500 бургомистров вместе с их семьями в их собственных домах и стреляли в спину полицейским, естественно, происходили ужасные расправы.

РУДЕНКО: Я напомню Вам Вашу директиву оккупированным областям по вопросу организации администрации и о первоочередных задачах этой администрации. Вы лично запланировали своей первой задачей полицейские меры. Вы этого не станете отрицать? Я Вас спрашиваю, Вы этого не станете отрицать?

РОЗЕНБЕРГ: Если это документ № 1056, то я там поставил 7 первоочередных задач. Я не помню, какая из них первая. Я прошу предоставить мне этот документ.

9134

H1198 – 0339

H1198 – 0340

РУДЕНКО: Хорошо. Я прошу показать ему только один пункт. На первом месте поставлена задача "Полицейские меры".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Этот документ был представлен подсудимому?

РУДЕНКО: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой же смысл вновь возвращаться к вопросам, затронутым в этом документе?

РУДЕНКО: Господин председатель! Подсудимый Розенберг требует этот документ. Но совершенно точно установлено только одно, что подсудимый пытался здесь доказать свою неосведомленность относительно того, что это были меры полицейского порядка, а я устанавливаю, что именно он своей первоочередной задачей ставил проведение этих мер.

РОЗЕНБЕРГ: Совершенно очевидно, что в оккупированной области в ходе такой войны полиция должна проводить полицейские меры. А вот в третьем пункте сказано: "Обеспечение населения продуктами питания во избежание голода". Я повторяю "обеспечение населения продуктами питания во избежание голода".

РУДЕНКО: Хорошо. Об этом мы довольно пространно слышали вчера. Я имею к Вам несколько последних вопросов. Прежде всего я должен Вас спросить об истории с Думеном. Этот документ здесь уже был пред"явлен, но я считаю необходимым, как представитель Советского Союза, поставить Вам эти вопросы о расстреле советских граждан только потому, что требовалось место для охоты. Вы помните этот документ?

РОЗЕНБЕРГ: Да, я вчера уже дал исчерпывающие раз"яснения по этому вопросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал Руденко, эти вопросы уже затрагива-

лись перед Трибуналом. Зачем же отнимать у Трибунала время, вновь и вновь рассматривая одни и те же вопросы? Трибунал уже заявлял, что он не позволит, чтобы здесь более одного раза разбирались одни и те же вопросы.

РУДЕНКО: Господин председатель, некоторые детали этого вопроса очень важны, и подсудимый их не раз"яснил, поэтому я хотел бы поставить этот вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Сейчас Трибунал прервет заседание, чтобы рассмотреть этот вопрос.

/П е р е р ы в/

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я хотел бы прежде всего об"явить, что Трибунал завтра прекратит заседание в половине пятого. Что же касается возникшего сейчас вопроса, то Трибунал считает, что этот вопрос уже был достаточно освещен; однако, если имеется несколько особых вопросов, которые ранее не разбирались, то в этой связи подсудимому может быть задан вопрос.

РУДЕНКО: Хорошо, господин председатель.

Подсудимый Розенберг, Вы 2 апреля 1942 года адресовали письмо Гиммлеру об этом случае, о расстреле сотен советских граждан в районе Думен, так как это место требовалось для охоты. Такое письмо Вы адресовали Гиммлеру. Вы до июня месяца 1942 года интересовались, какие же наступили последствия этого письма?

РОЗЕНБЕРГ: Я,прежде всего, сделал сообщение ответственному начальнику немецкой полиции и должен был подождать сна-

9139

H1198 – 0341

H1198 – 0342

чале, что предпримет он, как ответственный за проведение мероприятий по безопасности на Украине. Когда я не получил более подробных раз"яснений, я подал жалобу об этом случае лично фюреру.

РУДЕНКО: Когда Вы доложили Гитлеру?

РОРЕНБЕРГ: Эта жалоба фюреру рассматривалась в середине мая 1942 года. Она была довольно об"емистой, так что, разумеется, до этого пролежала несколько недель у фюрера. Со 2 апреля до середины или до конца мая прошло 6-8 недель, так что дело шло очень быстро; сначала жалобу должны были довольно подробно разобрать Ламмерс и Бормен. Затем фюрер должен был принять решение и дать указания, а тогда уже пригласили меня.

РУДЕНКО: Когда, в последний раз решалась эта жалоба?

РОРЕНБЕРГ: В мае, между серединой и концом мая 1942 года.

РУДЕНКО: В присутствии Коха решалась эта жалоба?

РОРЕНБЕРГ: Да.

РУДЕНКО: Вы вчера сообщили Трибуналу, что, якобы, Кох представил Гитлеру справку управления лесничества, верхового лесного управления?

РОРЕНБЕРГ: Да.

РУДЕНКО: И, якобы, эта справка подтверждала, что это была борьба с партизанами?

РОРЕНБЕРГ: Это не совсем так. Там было сказано, что этот лесной район должен быть обязательно использован для поставки леса военному ведомству или администрации, и что в этом лесном районе очень много партизан и банд, представляющих большую опасность для рабочих в этих лесах; что дело доходило до

перестрелок с партизанами и бандами и, так как нельзя было за всеми следить, было произведено переселение некоторых групп населения в лесные области, расположенные южнее. К этому Кох добавил, что переселенцы были даже благодарны, так как им была дана лучшая земля. Вот раз"яснения, которые дал Кох по этому вопросу.

РУДЕНКО: Они были благодарны за то, что в одну декабрьскую ночь их выбросили из их хилиц за сотни километров, а сотни из них были расстреляны. Они были благодарны за это?

Я хочу Вас спросить, 29 апреля 1942 года на имя Гитлера Вы приложили также справку, справку верховного лесного управления и в этой справке лесного управления указывалось... я прочту этот пункт. Вы должны помнить этот случай, это страшный случай расстрела граждан из-за охоты. В справке лесного управления говорилось: "Несомненно, что прежде всего из интересов охоты была произведена эвакуация многих деревень, расположенных в лесном массиве Цумань." Так написано? Это в справке лесного управления.

РОРЕНБЕРГ: Я хочу отметить, что здесь речь идет о сотруднике лесного управления в Берлине, который это написал на основе своих материалов, а то, что сказал Кох, было сказано начальником лесного управления на самой Украине.

РУДЕНКО: Хорошо. Последний вопрос по этому поводу. Вы верили Коху?

РОРЕНБЕРГ: Это, если говорить по совести, трудно сказать. Но в данном случае...

РУДЕНКО: Именно по совести, если Вы хотите.

9141

H1198 – 0343

H1198 – 0344

РОЗЕНБЕРГ: В данном случае это было сообщение лесного управления и я не мог ничего возразить против этого сообщения, которое было обосновано. Я должен был сказать себе, что ошибся, подавая эту жалобу.

РУДЕНКО: Не возражали. Я понимаю это. Я прочту одну Вашу цитату. "Но сотни людей в Цумани и окрестностях были расстреляны полицейской ротой потому, что они были коммунистически настроены". Ни один украинец этому не верит. Немец также удивляется этому аргументу, потому что тогда следовало бы, если бы это делалось ради безопасности страны, уничтожить зараженные коммунистические элементы и в других районах.

Я имею к Вам последний вопрос. Вы здесь – вчера Трибуналу неоднократно заявляли, что Вы хотели уйти в отставку. Вы, даже больше, сослались на свое письмо на имя Гитлера от 12 октября 1944 года, где Вы просили указаний, как быть дальше. Мой коллега г-н Додд напомнил Вам, что уже к тому времени, к этой дате – 12 октября 1944 года, имперский министр восточных областей оказался без областей. Но я Вас о следующем спрошу: неужели Вы могли просить об отставке, Вы, который годами мечтали получить пост имперского министра и даже быть членом тайного совета?

Вы, даже больше, просили у Гитлера, чтобы Вам дали пост имперского министра. Вы это помните?

РОЗЕНБЕРГ: Во-первых, я никогда не был членом тайного кабинета. Это неверно.

РУДЕНКО: Я оговариваюсь – Вы мечтали быть членом тайного совета.

РОЗЕНБЕРГ: Да, это верно.

РУДЕНКО: И мечтали быть имперским министром? Это тоже верно?

РОЗЕНБЕРГ: Когда остро встал вопрос о моем назначении, много говорилось о его форме. Доктор Ламмерс, как уполномоченный фюрера, сказал мне, что он не намерен назначать имперского инспектора, так как обе рейхскомиссара...

РУДЕНКО: Чтобы нам не затягивать этот вопрос, я пред"явлю сейчас Трибуналу документ. Это последний документ. Это Ваше личное письмо?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Во-первых, я не знаю, в чем заключается вопрос. Кроме того, Вы прерываете свидетеля прежде, чем он успевает ответить на Ваш вопрос.

РУДЕНКО: Господин председатель, я здесь преследую одну цель - сократить допрос. Я иду навстречу желанию Трибунала. Поэтому я пред"являю письмо Розенберга от 6 февраля 1938 года на имя Гитлера, где он ходатайствует об этой должности. Это короткое письмо. Я прошу разрешения его вручить. Мы пред"явлем этот документ под № СССР-117.

/Обращаясь к Розенбергу/. Подсудимый Розенберг, я оглашаю этот документ. Он небольшой. "6 февраля 1938 года. Мой фюрер. Так как я не смог...".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Этот документ переведен на немецкий язык, не так ли?

РУДЕНКО: Подлинник - на немецком языке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Таким образом, этот документ, прежде всего, на немецком языке. Нет необходимости зачитывать его целиком. Вы можете представить его так же, как и остальные документы.

H1198 – 0345

H1198 – 0346

РУДЕНКО: В этом письме Вы высказали свою обиду в связи с назначением подсудимого Риббентропа министром иностранных дел. Правда это?

РОЗЕНБЕРГ: Да, да.

РУДЕНКО: Вы считали, что таким министром иностранных дел гитлеровского кабинета могли быть Вы лично, подсудимый Розенберг? Это правда?

РОЗЕНБЕРГ: Да. Я не считаю чем-либо порочащим меня то, что после стольких лет деятельности я выразил желание быть использованным на государственной службе в германской империи.

РУДЕНКО: Вы в этом письме указываете на существование тайного совета. Правильно это?

РОЗЕНБЕРГ: Да, позвольте мне прочесть это письмо. Я не могу отвечать на такие отрывочные вопросы.

РУДЕНКО: Пожалуйста.

РОЗЕНБЕРГ: Да, я прочел письмо.

РУДЕНКО: Все то, что в нем изложено - правильно?

РОЗЕНБЕРГ: Да.

РУДЕНКО: Это Ваше письмо?

РОЗЕНБЕРГ: Да.

РУДЕНКО: Вы просили назначить Вас в тайный совет?

РОЗЕНБЕРГ: Да.

РУДЕНКО: Просили пост имперского министра?

РОЗЕНБЕРГ: Я сообщил, что я говорил с товарищем по партии Герингом об этом назначении, так как фюрер поручил мне идеологическое воспитание партии, и существовал еще внешнеполитический отдел партии; при тогдашних условиях создалось бы впечатление, что фюрер отклоняет мою кандидатуру. Поэтому я

попросил фюрера дать мне этот пост. Я считаю вполне понятным свое желание побеседовать о важном для меня деле.

РУДЕНКО: Итак, я кончаю. Последний вопрос. Вы были ближайшим сподвижником Гитлера в выполнении всех его планов и замыслов?

РОЗЕНБЕРГ: Нет, это не так. Это совершенно неверно.

РУДЕНКО: Хорошо, будем считать это ответом на мой вопрос.

Я закончил, господин председатель.

/К микрофону подходит представитель французского обвинения Моннерэ/.

МОННЕРЭ: Господин председатель, у меня только несколько вопросов к подсудимому.

Подсудимый Розенберг, правильно ли, что угон евреев из Франции и казни их дали возможность Вашим управлениям овладевать ценностями и движимым имуществом, которые принадлежали раньше евреям?

РОЗЕНБЕРГ: Верно то, что я имел правительственное задание конфисковать архивы, произведения искусства и позднее - квартиры евреев во Франции.

МОННЕРЭ: Другими словами, правильно ли, что массовый угон евреев дал возможность, таким образом, отобрать это имущество?

H1198 – 0347

H1198-0348

РОЗЕНБЕРГ. Нет, угон евреев к этому не имеет никакого отношения. Это мероприятие было продиктовано полученными мной сообщениями о том, что еврейское население покинуло свои квартиры, покинуло Париж и другие пункты и больше не возвратилось туда.

МОННЕРЭ. И после того, как евреи были угнаны, они уже больше не возвратились? Правда это?

РОЗЕНБЕРГ. В момент вступления немецких частей Париж был почти совсем пуст. Со временем парижане и жители северо-французских городов вернулись обратно. Но, как мне было сообщено, евреи в эти города, в частности, в Париж не вернулись. Следовательно они не были угнаны, они просто бежали. Число беженцев достигло тогда, как мне кажется, 5-6-7 миллионов или еще того больше.

МОННЕРЭ. Хотите ли Вы сказать этим, подсудимый, что затем, когда во время оккупации Германией Франции имели место новые мероприятия по угону, - Ваше управление не занимало помещений, принадлежавших угнанным?

РОЗЕНБЕРГ. Нет, это я не могу сказать. Возможно, что квартиры арестованных также конфисковывались при тех обстоятельствах. Об этом я не могу дать точных сведений.

МОННЕРЭ. Таким образом, можно сказать, что мероприятия по угону населения давали возможность Вашему управлению конфисковывать и забирать имущество угнанных?

РОЗЕНБЕРГ. Нет, это не соответствует действительности. Как явствует из доклада, представленного здесь французским обвинением, дело обстояло так. Конфискованные квартиры опечатывались полицией и затем два месяца ожидали, не вернется ли владелец. Только в том случае, если он не возвращался, эти квартиры предоставлялись лицам, пострадавшим от воздушных налетов на Германию. Вот что следует из текста доклада, представленного здесь фран-

кузским обвинением.

МОННЕРЗ. Я полагаю, что было очень мало случаев, когда угнанные возвращались по истечении двух месяцев в свои квартиры?

РОЗЕНБЕРГ. Нет, мне докладывали о таких случаях. Так, в способном вызвать сожаление документе 001-ПС ясно сказано, что, как мы слышали, большое количество ранее арестованных евреев опять было выпущено на свободу.

МОННЕРЗ. Конечно, Вам известен меморандум, с которым Вы обратились к Гитлеру 3 октября 1942 года и который уже был представлен Трибуналу за № 1325. В этом документе Вы напоминаете Гитлеру о Вашей компетенции в области юрисдикции. Вы говорите, что в данном случае речь шла о том, что Вы, как рейхскомиссар по восточным территориям, должны были конфисковать квартиры тех евреев, которых в то время не было там. Если Вы хотите, я Вам могу представить этот документ для того, чтобы освежить его в Вашей памяти. (Передают документ). Это первые строки документа. Я указывал на слова: "Евреи, которым необходимо было оставить свои места ...". Это документ от 3 октября 1942 года, который уже был представлен.

РОЗЕНБЕРГ. Да, это верно, это соответствует действительности и, как я уже сказал, возможно, что какое-то количество квартир арестованных лиц или других не проживавших там больше лиц было конфисковано, как уже было сказано; в другом докладе об этом говорится более детально. Вообще же этот документ соответствует действительности, это - написанное мной письмо.

МОННЕРЗ. Из этого документа явствует, что Вам было поручено конфисковать не только свободные жилища в то время, когда немцы прибыли в Париж, но также и помещения тех жителей, которые должны были покинуть город. Значит, подсудимый Розенберг, Вы,

H1198 – 0349

H1198 – 0350

конечно, знаете в каких условиях на оккупированных территориях на Западе и на Востоке евреи должны были покидать места, т.е. в специальных эшелонах, которые направлялись к концентрационным лагерям?

РОЗЕНБЕРГ. Нет, я ничего не знал об этих эшелонах. Здесь речь идет совершенно явно о покинутых квартирах. Позднее мне сообщили, что квартиры арестованных также будут конфискованы. Больше ничего не сказано в докладе и я больше ничего не могу Вам сказать. Те доклады, которые представлялись на процессе, мне стали известны только здесь. Я должен еще только сказать, что в конце мне сообщили, что перед занятием Парижа союзными войсками, все имевшиеся квартиры и домашняя утварь были переданы французскому Красному Кресту.

МОННЕРО. В соответствии с документом, который находится перед Вашими глазами, можете ли Вы согласиться со мной в том, что Ваше управление имело право конфисковывать ценности и жилища, которые оставались свободными в тот момент, когда немецкие войска прибыли в Париж? Мы с Вами согласились в этом, да?

РОЗЕНБЕРГ. Да.

МОННЕРО. Подсудимый, Вы только что сказали, что Вы ничего не знали об эшелонах и специальных поездах, которые имели специальное назначение. Знали ли Вы, – и я предполагаю, что Вы знали об этом, потому что документ, на который я намекаю, уже был представлен Трибуналу, – что в Париже, начиная с 1941 года и до конца оккупации, имели место совещания по вторникам, на которых собирались представители различных немецких служб в Париже и также эксперты по еврейским вопросам в различных германских администрациях, а именно: в отношении военного командования, был представитель также полиции и представитель

экономического управления. На этих совещаниях также присутствовал представитель германского посольства в Париже и, наконец, представитель Вашего специального штаба. В данном случае я ссылаюсь на документ ПС-1210. Это отчет от 22 февраля 1942 г. Это доклад об антисемитской деятельности во время оккупации. Если Вы хотите, я могу представить Вам этот документ.

РОЗЕНБЕРГ. Я вспоминаю все эти документы, т.к. здесь на процессе о них говорилось. Но мне никогда не сообщали об этих регулярно собиравшихся совещаниях по вторникам. Вполне понятно, что мой уполномоченный по конфискации имущества должен был поддерживать тесную связь с полицией, так как конфискация таких вещей не могла производиться моим ведомством; это дело находилось целиком в ведении полиции, так что об этом нужно было договариваться с полицией.

Мне ничего не докладывали о том, что такие совещания регулярно происходили по вторникам. Я думаю, что мне должны были бы об этом сообщать, если бы это касалось меня.

МОННЕРЗ. Однако, Вы знаете, что эти совещания по вторникам были очень полезны для Ваших служб и управлений. В действительности на этих совещаниях обсуждались и принимались решения в отношении действий, которые Вы считали необходимыми предпринимать против евреев, - то есть облава, погромы и аресты. Итак, не кажется ли Вам очень логичным и естественным для Ваших служб, что они были регулярно информированы, и это служило их экономическим целям?

РОЗЕНБЕРГ. Нет, это мне кажется совершенно нелогичным. Если какой-либо начальник полиции посылал такие секретные транспорты в лагери, как об этом здесь стало известно, то это совсем не значит, что он должен был каждый вторник делать об этом доклады в присутствии многих лиц. Я не думаю также, чтобы начальник полиции подробно докладывал об этом представителю министерства иностранных дел.

9149

H1198 – 0351

H1198 – 0352

МОННЕРЗ. Очевидно Вы плохо проинформированы по этому поводу, но я Вам прочитаю. "Совещание имело в качестве результатов то, что политика в отношении евреев была ..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. /прерывая/ Свидетель, кажется, сказал, что он ничего не знает относительно этих совещаний, происходивших по вторникам, что он не получал отчетов по поводу этих совещаний?

Г-н МОННЕРЗ. Да, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. С какой же целью Вы в таком случае задаете эти вопросы?

МОННЕРЗ. Этот документ устанавливает, что в Париже имело место активное сотрудничество и это было им выгодно, так как это сотрудничество по конфискации проводилось в экономических целях.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но Вы не смогли показать, каким образом подсудимый связан с этими отчетами, с этим документом. Из документа ни в коей мере не явствует, что подсудимый получал его, во всяком случае, я считаю, что совершенно не явствует, иначе Вы предъявили бы подсудимому это место. Он заявляет, что этот документ ему неизвестен.

МОННЕРЗ. Разрешите мне в таком случае спросить подсудимого, подтверждает ли он указания, которые делают очевидным присутствие его на этих парижских совещаниях.

РОЗЕНБЕРГ. Я не могу дать об этом никаких сведений, так как не получал докладов об этом.

МОННЕРЗ. Я хотел бы завершить этот допрос представлением документа, который уже обсуждался, а именно ПС-001. Итак, этот документ в первом параграфе гласит: предлагается конфискация всех ценностей, принадлежащих угнанным на восток, а также предложено расстреливать в качестве заложников

евреев, проживающих во Франции, вместо французов. Так как из ответов и вопросов явствует, что управления, подчинявшиеся подсудимому, могли получать выгоду от мероприятий по расстрелам и угону, ~~кажется~~ представляется, что ~~этот~~ данный документ теперь это совершенно ясно доказывает. И разве Вы не придерживаетесь того мнения, подсудимый, что прежде всего надо было освободиться от людей, а затем можно было таким образом получить их имущество?

РОЗЕНБЕРГ. Нет, это неправда.

МОННЕРЭ. У меня больше нет вопросов, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У Вас есть вопросы к свидетелю, доктор Тома?

ТОМА. Господин председатель, можно мне спросить подсудимого, желает ли он отвечать еще на какие-нибудь вопросы. Я думаю, что это будет очень быстро.

РОЗЕНБЕРГ /отрицательно качая головой/. Нет.

ТОМА. Благодарю. Подсудимый не хочет больше никаких вопросов. Тогда я намерен с разрешения Трибунала допросить свидетеля Рике.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Допрос этого свидетеля займет много времени?

ТОМА. Думаю, что не более получаса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо. В таком случае подсудимый может вернуться на свое место.

/Розенберга уводят на скамью подсудимых/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /обращается к свидетелю/. Назовите Ваше имя.

СВИДЕТЕЛЬ. Ганс Иоахим Рикке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги:

H1198 – 0353

H1198 – 0354

"Клянусь Богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/Свидетель повторяет слова присяги/.

Вы можете сесть.

Доктор Тома, скажите пожалуйста, как пишется фамилия свидетеля.

/Тома дает английское правописание фамилии свидетеля/.

ТОМА /Обращается к свидетелю/. Господин свидетель, какие должности Вы занимали в экономическом штабе Востока и в министерстве по делам востока?

РИККЕ. Обе должности я занимал по распоряжению Геринга. Я был руководителем группы снабжения продовольствием и сельского хозяйства.

ТОМА. Какие задачи имели эти учреждения?

РИККЕ. Первой и главной их задачей было восстановление русского сельского хозяйства. Вторая задача - использование плодородных южных районов для пропитания населения и вооруженных сил.

ТОМА. Какие административные органы существовали в оккупированных восточных областях?

РИККЕ. Кроме министерства по делам Востока сущест-

вовал еще ряд особых ведомств: сельско-хозяйственное ведомство Геринга, полицейское ведомство Гиммлера, ведомство Заукеля по обеспечению рабочей силой.

ТОМА. В чьем ведении находилось сельское хозяйство?

РИККЕ. Подобно всему хозяйству, сельское хозяйство находилось в ведении Геринга. Он давал свои указания непосредственно или через стате-секретарей КЁрнера и Баке.

ТОМА. Обязательства по сельско-хозяйственным поставкам были выше, чем при советском управлении?

РИККЕ. Поставки были приравнены к прежним русским поставкам. Фактически поставки в первый год были ниже, чем в то время, когда были русские, в последние годы они были ниже по зерновым культурам, а по животноводческой продукции выше.

ТОМА. Размер этих поставок соответствовал распоряжениям Геринга?

РИККЕ. Нет. Геринг рассчитывал на значительно большее.

ТОМА. Доставляла ли Германия сельскохозяйственные машины, косы и т.д. в оккупированные восточные области и в каком количестве?

9153

H1198 – 0355

H1198 – 0356

РИККЕ. В Германии была составлена обширная программа ввоза сельскохозяйственных машин на Восток под названием "Восточная земледельческая программа", по которой в большом или военного времени об"еме доставлялись сельскохозяйственные машины и орудия в оккупированные русские области. Это об"яснялось тем, что русские при отступлении увезли и разрушили машин и орудия.

ТОМА. 5 февраля 1942 года был издан аграрный закон. Какие соображения лежали в его основе?

РИККЕ. Главной целью аграрного закона было привлечь население к добровольному сотрудничеству с нами. Сначала мы намеревались сохранить коллективное хозяйство. Но это оказалось невозможным, ибо, как я уже сказал, не было части крупного инвентаря, особенно тракторов. С другой стороны, было невозможно перейти к единоличному хозяйству, как того хотела часть крестьянства, так как сплошь и рядом не было даже мелкого инвентаря. Поэтому было принято компромиссное решение: были созданы т.н. товарищества по обработке земли, земля была роздана русским крестьянам, но часть работ велась еще коллективно.

ТОМА. Каковы были результаты?

РИККЕ. Результаты этого аграрного порядка были в общем благоприятными. Обрабатываемая площадь снова стала возрастать. Особенно хороший пример - это положение в т.н. Харьковском котле весной 1942 г., где хозяйства, уже вошедшие в товарищества по обработке земли, провели свыше 70% весеннего сева, а оставшиеся еще колхозы смогли провести только 30%.

ТОМА. 3 июня 1943 г. была издана т.н. декларация о

9154

собственности. Каковы были причины и цели ее издания?

РИККЕ. Основной целью декларации о собственности было передача русскими крестьянам в собственность тех наделов земли, которые были им отведены по аграрному закону.

ТОМА. Как обеспечивались овощами большие города, например, на Украине?

РИККЕ. Около больших городов трудящемуся населению было предоставлено много земли под огороды.

ТОМА. Несколько вопросов о Латвии. Скажите, германское правительство конфисковало землю латвийских крестьян?

РИККЕ. Нет, напротив. Проведенная русскими во время оккупации национализация земли была отменена. Отделенная от крестьянских дворов земля была возвращена прежним владельцам. Коротко говоря, было восстановлено то положение, которое существовало до русской оккупации.

(К микрофону подходит представитель советского обвинения полковник Покровский).

ПОКРОВСКИЙ. Я прошу извинения, но я при всем желании не могу понять, какое отношение все эти вопросы, хоть в самой отдаленной степени, имеют к делу подсудимого Розенберга. Мне кажется, что дальнейшие вопросы защитника, если они построены в том же плане, не должны иметь места.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Тома, Вам следует показать, что показания свидетеля в какой то мере имеют отношение к подсудимому Розенбергу.

ТОМА. Я прежде всего хочу этим вопросом опровергнуть утверждение советского обвинения о том, что после оккупации земля была возвращена баронам. Я ссылаюсь на документ

9155

H1198 – 0357

H1198 – 0358

СССР-39, 51. Я представил его вчера Трибуналу.

Во-вторых, я хочу этим доказать, что управление этими районами должно было осуществляться законным порядком, таким образом, что население добровольно сотрудничало с властями.

В-третьих, я хочу этим доказать, что ни один украинец и ни один советский подданный во все время германской оккупации не голодал, так как были приняты соответствующие меры в сельском хозяйстве. Но все это я могу узнать только у специалиста. Я думаю задать еще несколько вопросов по этой теме и затем закончу ее.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжайте, г-р Тома.

ТОМА. Значит, германская администрация в Латвии конфисковала землю латвийских крестьян?

РИККЕ. Как я уже сказал только что, напротив, была отменена социализация. Отобранная для размещения поселенцев земля была возвращена латвийским крестьянам. Одним словом, было восстановлено положение, существовавшее до русской оккупации.

ТОМА. Было ли восстановлено прежнее немецкое крупное землевладение?

РИККЕ. Нет, напротив, у латвийских крестьян осталось все то имущество, которое они получили после 1919 г. за счет немецкого крупного землевладения. Все это осталось в их собственности.

ТОМА. С какой целью было проведено возвращение к частной собственности?

РИККЕ. Возвращение к частной собственности должно было создать у латвийских крестьян уверенность, что они

ведут хозяйство на собственной земле.

ТОМА. Распространялся ли этот закон также на Литву и Эстонию?

РИККЕ. Закон в такой же форме относился к Эстонии и Литве.

ТОМА. Известно ли Вам высказывание Дарре, что местные крестьяне-бедняки должны были быть согнаны со своей земли и превращены в пролетариев?

РИККЕ. Я не помню такого высказывания.

ТОМА. Известно ли Вам общество по ведению хозяйства в Остланде?

РИККЕ. Существовали два общества под таким названием. Я предполагаю, что упомянутое здесь общество - это то, которое было создано для управления оставшимся еще в Прибалтике после восстановления частной собственности государственным имуществом и предприятиями, созданными в период русской оккупации. В старых русских областях т.н. рейхскомиссариата общество при посредстве доверенных лиц управляло МТС.

ТОМА. Какова была позиция Розенберга по отношению к различным мерам: вывозу рабочих, продовольственным поставкам и т.д.?

РИККЕ. Розенберг не мог противиться распоряжениям фюрера, но он всегда старался осуществлять эти приказы без принуждения населения и согласовывать их выполнение.

ТОМА. Кто обеспечивал восточных рабочих в империи?

РИККЕ. Насколько я знаю, рабочее управление через свои ведомства.

ТОМА. Скажите, как размещались восточные рабочие на

9157

H1198 – 0359

H1198 – 0360

сельскохозяйственных работах в империи? Есть у Вас сведения об этом?

РИККЕ. Размещение восточных рабочих на с/х работах в империи и их обеспечение было вообще вполне удовлетворительным. Я получал об этом информацию непосредственно от органов имперского продовольственного управления.

ТОМА. Можете ли Вы сказать что-либо об общей позиции Розенберга по отношению к восточным народам?

РИККЕ. Как уже сказано, Розенберг хотел привлечь восточные народы к совместной работе. Это относится в особенности к сохранению их культурной жизни. Например, как мне известно, Розенберг всегда стоял за то, чтобы были вновь открыты специальные и высшие школы.

ТОМА. Мешал ли кто-нибудь в этой области Розенбергу? Должен ли он был бороться с другими мнениями в этом направлении?

РИККЕ. Против этих стремлений Розенберга выступали очень сильные люди; в частности, в ставке фюрера это были Борман и Гиммлер, точку зрения которых очень сильно поддерживал рейхскомиссар Кох. С другой стороны, Коха при исполнении его функций поддерживали Гиммлер и Борман. Это приводило к тому, что Кох саботировал значительную часть задуманных Розенбергом мероприятий, в особенности на Украине.

ТОМА. Последний вопрос. Что Вы знаете о концлагерях и об обращении с заключенными?

РИККЕ. Мне было, разумеется, известно о существовании концлагерей. Количества концлагерей и положения в них я не знал. В 1933–1934 г. были сделаны различные сообщения об

отдельных случаях плохого обращения, но позднее люди, осматривавшие лагери, давали целиком положительные отзывы. В последние дни апреля прошлого года я натолкнулся в окрестностях Берлина на эвакуировавшийся концлагерь. Условия были такими ужасными, что я немедленно отправился к Гиммлеру и попросил его не отправлять этот лагерь дальше, а передать его противнику. Эта беседа происходила в присутствии фельдмаршала Кейтеля. Гиммлер, к сожалению, ответил уклончиво.

ТОМА. Еще последний вопрос. Скажите, кроме снабжения продовольствием вооруженных сил предусматривалось также использование продуктов из оккупированных восточных областей для немецкого населения?

РИККЕ. Около 2/3 продовольствия, получавшегося из оккупированных восточных областей, шло на снабжение вооруженных сил. Оставшаяся треть отправлялась в Германию и мы считали ее компенсацией за пропитание все возраставшего количества иностранных рабочих в империи.

ТОМА. У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желают ли другие защитники задать какие-либо вопросы свидетелю?

ДОКТОР ЗАЙДЛЬ (защитник подсудимого Франка). Господин свидетель, Вы были статс-секретарем в министерстве продовольствия и сельского хозяйства. Это правильно?

РИККЕ. Да.

ЗАЙДЛЬ. Правильно ли, что руководитель главного управления продовольствия и сельского хозяйства в правительстве генерал-губернаторства несколько раз бывал в Берлине для того, чтобы добиться там установления контингентов для отправки в Германию, которые были бы терпимыми для населения?

H1198 – 0361

H1198 – 0362

РИККЕ. Насколько я помню, в ходе текущих переговоров с генерал-губернаторством он неизменно отстаивал эту точку зрения.

ЗАЙДЛЬ. Каково было по вашим наблюдениям положение с питанием населения в генерал-губернаторстве?

РИККЕ. По моим собственным наблюдениям и докладам, которые я получал, установленные пайки были значительно меньше, чем у нас в империи, но эта недостача покрывалась черным рынком и свободной торговлей.

ЗАЙДЛЬ. Правильно ли, что администрация генерал-губернаторства делала все возможное, чтобы повысить уровень сельскохозяйственной продукции в генерал-губернаторстве?

РИККЕ. Власти в генерал-губернаторстве прилагали очень большие усилия для укрепления сельского хозяйства. Можно даже сказать, что все отрасли хозяйства, не работавшие на вооружение, работали исключительно на снабжение населения продовольствием. Я доставил кроме того из империи удобрения, хотя и в ограниченном количестве, а также машины и инвентарь, предусмотренные по плану для Остланда.

ЗАЙДЛЬ. Какую часть продовольственного снабжения Германии составляли поставки из оккупированных областей?

РИККЕ. По подсчетам, произведенным независимо от нашего министерства, доля поставок из оккупированных областей составляла в 1942-43 г.г. около 15% продовольственного снабжения Германии, в другие годы - около 10%, обычно даже меньше 10%.

ЗАЙДЛЬ. Последний вопрос. Советское обвинение представило документ СССР-170. Здесь речь идет о совещании с

руководителями немецких органов в оккупированных областях 6 августа 1942 г. под председательством рейхсмаршала. Я передаю Вам этот документ и прошу Вас сказать, правильно ли отражены в этом документе отношения Германии с оккупированными областями? Вы ведь сами были на этом совещании?

РЯБИКО. Этот документ является протоколом совещания, на котором я присутствовал. Прежде всего, надо сказать, что этот документ или протокол содержит высказывания рейхсмаршала, а отнюдь не отражает отношения Германии к оккупированным областям в вопросе о снабжении продовольствием. Требования, которые Геринг предъявил на этом заседании, были так высоки, что их нельзя было считать серьезными. Нам было совершенно ясно, что в области снабжения насилием мы ничего не сможем добиться на длительное время. Требования Геринга, выдвинутые на этом заседании, в действительности никогда не были выполнены. Я думаю, что Геринг сам не верил в выполнимость этих требований. Например, насколько мне известно, во Францию эти требования Геринга вообще не поступали. Бельгия получила, несмотря на запрет, некоторое количество зерна, Чехословакия получила жиры. Кроме того, накануне этого заседания состоялось совещание гаулейтеров. Насколько я помню, оно происходило под впечатлением усиливавшихся воздушных налетов с Запада. Западные гаулейтеры считали, что при этих условиях снабжение немецкого населения западных областей недостаточно и что, напротив, значительная часть оккупированных областей живет в изобилии. Имперское министерство продовольствия и представители оккупированных областей как бы оказались на скамье подсудимых, так как якобы они

9161

H1198 – 0363

H1198 – 0364

недостаточно требовали и поставляли из оккупированных областей. Геринг подхватил требования гаулейтеров и при его характере и темпераменте это привело к тем сильным преувеличениям, которые записаны в протоколе и в документе.

ЗАУКЕЛЬ. У меня нет больше вопросов.

ДОКТОР СЕРВАТИУС (защитник Заукеля). Г-н свидетель, каково было продовольственное снабжение иностранных рабочих в Германии?

РИККЕ. Все группы иностранных рабочих, за исключением восточных рабочих, получали такие же пайки, как и немецкое население.

СЕРВАТИУС. Каково было снабжение восточных рабочих?

РИККЕ. Хлеба и картофеля восточные рабочие получали больше, а в остальном их пайки были ниже.

СЕРВАТИУС. Такое снабжение представляло опасность для здоровья этих рабочих?

РИККЕ. Нельзя ответить на этот вопрос точно. Все зависело от того, какую работу требовали от рабочего. При нормальной работе эти пайки были вполне достаточными.

СЕРВАТИУС. Заукель сам предпринимал что-нибудь для обеспечения этих рабочих продовольствием?

РИККЕ. Насколько мне известно, Заукель неоднократно являлся к моему министру с ходатайством об улучшении снабжения. Заке пред"являл тогда контртребование - не ввозить больше рабочих в Германию. Заке много раз предлагал ограничить количество рабочей силы и зато лучше обеспечить тех рабочих, которые уже находятся в Германии.

СЕРВАТИУС. У меня нет больше вопросов к свидетелю.

ДОКТОР ШТЕЙНБАУЭР (защитник подсудимого Зейсс-Инкварта). Господин свидетель, будучи статс-секретарем по сельскому хозяйству, вы были в Пиренеях в конце 1944-начале 1945 г.

РИККЕ. Да, я был в это время в Пиренеях.

ШТЕЙНБАУЭР. Скажите, со стороны военных учреждений и полиции не поступали жалобы на саботаж в области сельского хозяйства в Нидерландах, в особенности жалобы на ответственные правительственные органы?

РИККЕ. Я не помню сейчас ничего о таком разговоре.

ШТЕЙНБАУЭР. Известно ли Вам, что подсудимый Зейсс-Инкварт настаивал на сокращении вывоза продуктов из Нидерландов в Германию?

РИККЕ. Да, между прочим, также и на этом заседании, протокол которого здесь пред'явлен.

ШТЕЙНБАУЭР. И что он, несмотря на жалобы, оставил нидерландских чиновников в управлении продовольственного снабжения?

РИККЕ. Да, это верно.

ФЛЕКСНЕР (защитник подсудимого Шпеера). Г-н председатель, можно ли мне задать несколько вопросов свидетелю? Господин свидетель! Можете ли Вы дать ответ на следующие вопросы: получали ли занятые в военной промышленности заключенные концлагерей такие же дополнительные пайки за тяжелую работу как и остальные рабочие?

РИККЕ. Когда я занимался этими вопросами, т-е для арестантов, в том числе и для заключенных концлагерей, нормы были совершенно такими же, как и для всего населения, если они работали. Поэтому они должны были получать такие же пайки.

ФЛЕКСНЕР. Скажите, подсудимый Шпеер и его министерство отвечали за правильность снабжения на заводах, если предприятия взяли снабжение в свое ведение?

РИККЕ. Нет. Министерство Шпеера не отвечало за это. Что касалось получения продуктов, то они распределялись управлениями продовольственного снабжения. На предприятиях они рас-

H1198 – 0365

H1198 – 0366

пределялись администрацией предприятия.

ФЛЕКСНЕР. Следующий вопрос. Что сделал Шпеер для того, чтобы избежать всеобщей продовольственной катастрофы, действие которой распространилось бы на миллионы иностранцев в Германии?

РИККЕ. Шпеер, начиная с декабря 1944 года, совершенно сознательно поставил на первое место питание и отодвинул на задний план вопросы военного производства. Он сознательно учитывал при этом то, что будет создан новый режим и новая администрация. Шпеер в первую очередь пропускал поезда с довольствием, а потом уже - военные транспорты. Шпеер старался вывести на своих транспортных средствах семена для весеннего сева. Шпеер отстаивал необходимость восстановления предприятий пищевой промышленности, разрушенных во время воздушных налетов, а не военных заводов. В эту последнюю фазу войны он вместе с нами выступал против бессмысленного разрушения продовольственных предприятий, идя, таким образом, против указаний Гитлера. Он делал это, не думая о себе и о возможных последствиях.

ФЛЕКСНЕР. Благодарю Вас.

ЛАТЕРНЗЕР (защитник СКВ и генштаба). Господин свидетель, Вы участвовали в западном походе?

РИККЕ. Да.

ЛАТЕРНЗЕР. В качестве кого?

РИККЕ. Я был командиром батальона.

ЛАТЕРНЗЕР. Скажите, Вы получали сверху какие-либо сомнительные приказы? Я имею в виду приказы, которые противоречили бы международному праву.

РИККЕ. Я не получал таких приказов.

ЛАТЕРНЗЕР. Вы могли установить или установили, что высшие военные органы терпимо относились к грабежам?

РИККЕ. Нет, напротив. В случаях грабежей принимались самые строгие меры.

ЛАТЕРНЗЕР. Как мне известно, Вы были и на Востоке, только, правда, уже не солдатом. Вы осматривали там район военных действий и области рейхскомиссариатов?

РИККЕ. Да, я видел оба района.

ЛАТЕРНЗЕР. Как обращались немецкие солдаты с населением?

РИККЕ. Я могу сказать в общем, что в особенности на Украине в зоне действия военных властей, т.е. в районе военных действий лучше обращались с населением, чем в зоне гражданского управления.

ЛАТЕРНЗЕР. Чем Вы об'ясняете эту разницу?

РИККЕ. Я об'ясняю это другой позицией солдат: солдаты были свободны от политических тенденций и прежде всего хотели спокойствия в тылу.

ЛАТЕРНЗЕР. У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желает ли обвинение подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

Г-Н ДОДД. Ваша честь, я закончу вопрос в течение двух минут.

Вы являетесь членом нацистской партии?

РИККЕ. Да.

Г-Н ДОДД. Когда Вы вступили в партию?

РИККЕ. В 1925 году.

Г-Н ДОДД. В 1925 году?

РИККЕ. Да.

Г-Н ДОДД. Вы также являлись членом СА?

РИККЕ. Да.

Г-Н ДОДД. Какой чин Вы занимали в СА?

РИККЕ. Под конец я был группенфюрером СА.

2165

H1198 – 0367

H1198 – 0368

Г-н ДОДД. А до этого Вы были штурмфюрером СА,не так ли?

РИККЕ. Да, в 1930 году.

Г-н ДОДД. Когда Вы стали группенфюрером СС?

РИККЕ. В октябре 1944 года.

Г-н ДОДД. Это все. У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Имеются ли у Вас какие-либо дополнительные вопросы?

ТОМА. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Таким образом на этом заканчивается Ваша защита по делу подсудимого Розенберга, не так ли?

ТОМА. Господин председатель! Я прежде всего хочу заявить, что документа № РО-319, на который сослался господин Руденко, я не передавал Трибуналу в качестве доказательства. Во-вторых, я хочу сообщить, что есть еще ряд аффидевитов, которые мне разрешено представить, но которые еще не доставлены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы, безусловно, сможете вернуться к ним впоследствии.

ТОМА. Далее, я хотел бы попросить, чтобы моя книга документов № 1, не будучи допущена как доказательство, оставалась в таком положении, которое мне уже было однажды разрешено, а именно чтобы она мне служила для доказательств. Это было мне позволено решением Трибунала от 8-го марта. Таким образом это будет не доказательство, а аргумент. Я считаю, что это мне уже разрешено и что эта книга отклонена лишь как доказательство.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я предполагаю, что мы не будем опровергать представленные Вами аргументы.

/К микрофону подходит представитель советского обвинения генерал Рагинский/.

РАГИНСКИЙ. Господин председатель! Я хотел дать одну справку, справка о том, что документ, под № РО-19 представляет собой письмо Рикке на имя Розенберга от 12/III-1943 года. Этот документ был представлен защитником доктором Тома. Этот документ находится во второй книге документов на странице 42-И и переведен на все четыре языка. Он имеется у всех обвинителей и в книге документов, которая была передана Трибуналу, и Трибунал в своем решении принял этот документ от защиты.

21.66

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Генерал Рагинский, положение таково, что документ до тех пор не входит в число доказательственных материалов, пока он не представлен в качестве доказательства. Доктор Тома не представил этот документ в качестве доказательства и, насколько я понимаю, советское обвинение также не представило его в качестве доказательства. Если Вы хотите представить его как доказательство и документ этот аутентичен, а я считаю, что он именно таким и является, Вы можете его представить как доказательство.

РАГИНСКИЙ. Мы не представляли его только потому, что полагали, что он находится в книге документов защиты и нет надобности вторично его представлять. Если защитник Тома отказывается его представить, то мы его представим.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не пришли ли Вы к неправильному заключению. Видите ли, документы не считаются частью доказательственных материалов до тех пор, пока они не представлены в качестве доказательства. Тот факт, что они включены в книгу документов, не означает, что они представлены в качестве доказательства. Следовательно, если Вы хотите представить этот документ в качестве доказательства, Вы должны это сделать.

РАГИНСКИЙ. Тогда, господин председатель, мы его предоставляем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо. В таком случае Вы должны дать ему номер серии документов СССР.

РАГИНСКИЙ. Мы дадим № СССР и завтра с Вашего разрешения представим.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

РАГИНСКИЙ. Благодарю Вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас мы будем продолжать рассмотре-

H1198 – 0369

H1198 – 0370

ние дополнительных ходатайств. Свидетель может удалиться. /Свидетель уходит/.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, первое ходатайство, которое я хочу рассмотреть,- это ходатайство доктора Зайделя о вызове двух свидетелей. Первым идет свидетель Хилгер, который уже раньше был допущен в качестве свидетеля по делу подсудимого фон Риббентропа. 2 апреля защитник Риббентропа отказался от вызова этого свидетеля. Насколько мне известно, свидетель находится в Соединенных Штатах и имеется отчет о том, что он слишком болен, чтобы предпринять путешествие сюда. Но, независимо от этого, милорд, цели вызова этого свидетеля заключаются в том, чтобы он дал показания относительно совещаний и переговоров о договоре, который был заключен в Кремле, в Москве, до заключения германо-советского соглашения от 23 августа 1939 года. В заявлении говорится о заключении предполагаемого тайного соглашения, о котором шла речь в письменном показании под присягой свидетеля Гаусса. Второе ходатайство, милорд, - касается вызова свидетеля фон Вейцакера, который должен давать показания по этому же вопросу.

Обвинение, конечно, с полнейшей серьезностью относится к решению Трибунала о допустимости аффидевита Гаусса, но я беру на себя смелость заявить о том, что это не разрешает вставшего перед нами вопроса. Желательно было бы, чтобы свидетели, дающие показания по поводу процесса переговоров, имевших место до заключения договора, вызывались для допроса до того времени, как возникнет определенное мнение по поводу этих договоров. Эта точка зрения уже неоднократно здесь выдвигалась и, безусловно, на то время, пока

это мнение в связи с существующей обстановкой несколько колеблется, Трибунал вынес общее правило не входить в обсуждение вопросов, связанных с предварительными переговорами, которые имели своим результатом заключение договора.

Затем имеется точка зрения по этому вопросу, выдвинутая доктором Зайдлем, когда он ссылался на письменные показания под присягой Гаусса. Доктор Зайдль получил возможность допросить подсудимого фон Риббентропа по данному вопросу.

Обвинение почтительно указывает на то, что вызов двух второстепенных свидетелей, о которых, не проявляя никакого непочтительного отношения к тем постам, которые они занимали в министерстве иностранных дел, можно сказать, что они являются свидетелями второстепенной важности по сравнению с подсудимым фон Риббентропом, для обсуждения этих переговоров, по мнению Обвинения, поднимет вопросы, не относящиеся к делу и ни в коей мере не отвечающие целям настоящего процесса.

Я должен признаться, что/ я сам не считал, показания этих свидетелей могут в значительной мере относиться к делу Гесса, но я не слишком сильно настаивал на этой точке зрения. Я придал особое значение тем аргументам, которые я до этого представил Трибуналу.

В отношении третьего ходатайства доктора Зайдля мне не совсем ясно. Я не совсем уверен, хочет ли он, чтобы Обвинение предоставило ему подлинник или заверенную копию тайного соглашения, или же он хочет сам позаботиться о снятии этой копии. В отношении этого ходатайства Обвинение опять-таки считает, что этот пункт, который представляет

H1198 – 0371

H1198 – 0372

собой лишь самую небольшую частицу всего дела в целом, уже освещался перед Трибуналом в письменных показаниях под присягой посла Гаусса и в показаниях, данных подсудимым Риббентропом.

Такова точка зрения Обвинения в отношении этих ходатайств.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пожалуйста, доктор Зайдль.

Д-р ЗАЙДЛЬ /защитник подсудимого Гесса и подсудимого Франка/: Господин председатель, аффидевит посла доктора Гаусса, который был уже принят Трибуналом, как документ по делу Гесса № 16, описывает лишь часть переговоров. Посол Гаусс не присутствовал при окончательных переговорах, которые предшествовали заключению договора. Поэтому я возбудил дополнительное ходатайство о приглашении сюда посла Гильгера после того, как этот свидетель был разрешен для подсудимого Риббентропа. Я затем ходатайствовал о том, чтобы суд получил текст этого секретного дополнительного протокола, но я должен сказать, что сейчас это ходатайство не имеет такого значения, какое оно имело в момент его возбуждения. Я получил копию этого секретного дополнительного протокола. Затем я также получил копию секретного дополнительного протокола к советско-германскому договору о границе от 28 сентября 1939 года. У меня имеется также аффидевит посла д-ра Гаусса от 1 апреля с/г., который показывает, что эти копии соответствуют текстам тайных соглашений от 23 августа 1939 г. и от 28 сентября 1939 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сэр Дэвид, имеется ли у Вас какие-либо возражения против того, чтобы этот документ был представлен на рассмотрение Трибунала?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Нет, милорд. У меня нет никаких возражений. Как я уже указывал, Трибунал рассмотрел наши возражения по поводу того, насколько документы относятся к делу, и принял решение не в нашу пользу. Поэтому, в свете этого решения Трибунала, я не нахожу возможным оспаривать тот факт, что данный документ не относится к делу.

Единственное, на что я хочу указать в этой связи, сводится к тому, что доктор Зайдль представил предполагаемую копию этого договора, достоверность которой подкреплялась письменным показанием, данным под присягой послом Гауссом. Я считаю, что этот факт является значительной поддержкой моего возражения против того, чтобы доктору Зайдлю было разрешено вызвать его в качестве свидетеля.

/К микрофону подходит представитель советского обвинения полковник Покровский/.

ПОКРОВСКИЙ. Советским обвинением по вопросу, который сейчас обсуждается Трибуналом, сегодня передан документ в Генеральный Секретариат Международного Военного Трибунала. Если он уже находится в Вашем распоряжении, г-да судьи, тогда, очевидно, я могу не высказывать здесь для стенограммы нашей позиции. Если же Вы найдете нужным, я могу изложить ее здесь. Мы возражаем по тем соображениям, которые изложены в документе, подписанном генералом Руденко.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы сейчас представляете свои аргументы или намереваетесь представить какой-либо документ?

ПОКРОВСКИЙ. Я не собирался аргументировать и возвращаться к этому вопросу, если Вы уже располагаете тем документом, который ....

H1198 – 0373

H1198 – 0374

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы меня неправильно поняли. Вы сейчас сослались на документ, который, как Вы утверждаете, находится у Трибунала. Мне неизвестно о том, чтобы нами был получен какой-либо документ от Советского Обвинения. Возможно, что он был получен, и в таком случае мы безусловно его рассмотрим.

Я хочу выяснить, предполагали ли Вы изложить аргументы того или иного рода или представить оригинал какого-либо документа.

ПОКРОВСКИЙ. Речь идет об ответе Советского Обвинения по вопросу о том, считаем ли мы нужным удовлетворить ходатайство доктора Зайдля относительно группы вопросов, связанных с германо-советским пактом 1939 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы рассмотрим этот документ.

ПОКРОВСКИЙ. Вы считаете возможным ограничиться тем документом, который находится в Вашем распоряжении?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, конечно, если Вы не имеете сообщить еще что-нибудь по этому поводу. Мы рассмотрим этот документ.

ПОКРОВСКИЙ. Никаких дополнений у меня нет. Наша позиция изложена совершенно определенно и точно в этом документе за подписью генерала Руденко и, если Вы располагаете этим документом, мне не о чем больше говорить.

ЗАЙДЛЬ. Господин председатель, я 13 апреля подал письменное ходатайство о допущении документа по делу Гесса под № 17. Я представил этот документ в 6-ти экземплярах с просьбой перевести его. Речь идет о следующих документах: первый - советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г., который уже был представлен Обвинением под № ВВ-145; второй - приложенный к нему секретный протокол

от того же числа; третий - советско-германский пакт о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.; четвертый - приложенный к нему секретный дополнительный протокол от того же числа, и пятый - 2-й аффидевит посла доктора Гаусса, о котором уже говорилось. Затем, я 15 апреля ходатайствовал о том, чтобы был приглашен свидетель доктор Гаусс. Он находится в Нюрнберге, т.е. его можно вызвать, если Трибунал сочтет недостаточным его письменное показание, данное под присягой. Я прошу вынести решение относительно этих ходатайств.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал рассмотрит этот вопрос.

Сейчас мы переходим к дополнительным ходатайствам подсудимого Нейрата.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, это ходатайство касается вызова свидетеля Диккофа, которому было уже разрешено направить опросный лист. Насколько я понимаю, причина вызова этого свидетеля заключается в том, что свидетель Торнке вышел из состава германского министерства иностранных дел на 18 месяцев раньше, чем предполагалось. Барон фон Лэдингхаузен предложил, что, вызвав Диккофа в качестве свидетеля, он в интересах сохранения времени откажется от вызова свидетеля Циммермана, от которого будет получено письменное показание под присягой или ответы на направляемый ему опросный лист. Милорд, Обвинение считает, что это предложение весьма разумно, и не имеет возражений против него.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Таким образом Вы не имеете возражений против вызова Диккофа в качестве свидетеля и получения письменных показаний под присягой или ответов на опросный лист от Циммермана?

H1198 – 0375

H1198 – 0376

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, этим исчерпываются все ходатайства подсудимого фон Нейрата.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Перейдем теперь к ходатайствам подсудимого Шахта. Здесь речь идет о разрешении вызвать в качестве свидетеля Хильзера. Обвинение предоставляет доктору Дикс право выбрать между вызовом этого свидетеля в суд и получением от него письменного показания под присягой. Я думаю, что вопрос состоит лишь в том, сможет ли свидетель прибыть сюда из Гамбурга. Если же он сможет это сделать, у нас не будет возражений против его вызова.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Следующим в списке стоит ходатайство от имени подсудимого Заукеля об отказе от посылки опросного листа Менде, который был допущен 23 марта, поскольку местонахождение свидетеля не было обнаружено, а также о замене опросного листа, который предполагалось направить Менде, посылкой опросного листа Меренбаху, который может дать те же показания. Доктор Серватиус считает, что Меренбах находится в Гармише, в лагере для заключенных. У обвинения нет возражения против того, чтобы направить этому свидетелю опросный лист.

Насколько мне известно, милорд, от доктора Тома поступило формальное ходатайство о разрешении использовать заявление, данное под присягой профессором Деннером. Против этого возражений не имеется.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал уже разрешил это.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, это было уже разрешено, я сейчас имел в виду формальное ходатайство в этой связи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, очень хорошо. В таком случае мы рассмотрим эти вопросы. Имеется целый ряд документов, об истребовании которых ходатайствует защитник Заукеля.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нам было сообщено, что защитник подсудимого Заукеля и представители обвинения помогут нам разобраться в этом вопросе.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, мой друг господин Роберте занимался этим вопросом вместе с доктором Серватиусом. Может быть он сможет что-нибудь сообщить Трибуналу по этому поводу.

(К микрофону подходит представитель английского обвинения господин Робертс).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Робертс, Ваше сообщение займет много времени?

Г-н РОБЕРТС. Не думаю, милорд. Насколько я понимаю, Трибунал ...

(К микрофону подходит полковник Покровский).

ПОКРОВСКИЙ. Я должен доложить Трибуналу, что Советское обвинение не получило никаких документов, о которых идет речь. Мы просим отложить рассмотрение вопросов об этих документах до тех пор, пока мы получим возможность с ними ознакомиться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Насколько я понимаю, эти документы еще не были переведены. Очевидно, они не переведены. Мы сейчас только предварительно обсуждаем тот вопрос, какие документы следует переводить. Мы сейчас рассматриваем эти документы лишь для того, чтобы можно было судить, какие документы являются достаточно относящимися к делу, для того, чтобы их нужно было переводить, с тем, чтобы не возникала ...

ПОЛКОВНИК ПОКРОВСКИЙ. Очень хорошо.

Г-н РОБЕРТС. Милорд, насколько я понял, Трибунал вынес предварительное распоряжение об из'ятии тех документов, которые, как я договорился с доктором Сервациусом, не будут представляться. Однако, остается еще очень большое количество документов, список которых, я думаю, имеется у Трибунала. Милорд, первые 68 документов или, вернее, документы, начиная с 6-го и кончая 68-м, представляют собой правила, связанные с условиями использования труда в Германии. Милорд, я видел книгу документов, которую предполагает представить доктор Сервациус; он

H1198 - 0377

H1198 – 0378

отметил некоторые отрывки, которые он хотел бы огласить и которые должны поэтому быть переведены, милорд. Это значительно сокращает всю колоссальную массу документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но нам, конечно, придется так или иначе прочесть все эти документы, однако, они еще не переведены. Можете ли Вы указать нам, имеются ли у Вас какие-либо возражения против перевода этих документов.

Г-н РОБЕРТС. Милорд, я не думаю, что мне следует возражать против перевода этих первых документов, начиная с 6 и кончая 68-м. Те отрывки, которые были отмечены, уже находятся в переводе, так как, насколько можно было судить по их описаниям, они относятся к делу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, это документы с 6 по 68.

Г-н РОБЕРТС. Да, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы имеете в виду те отрывки, которые были отмечены?

Г-н РОБЕРТС. Да, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В таком случае, продолжайте, пожалуйста.

Г-н РОБЕРТС. Хорошо, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Документы с 69 по 79 доктор Сарватиус уже вычеркнул.

Г-н РОБЕРТС. Да, милорд.

Милорд, я возражаю против документов 80 и 81. Это - документы, которые говорят о предполагаемых нарушениях Гаагских правил со стороны советского государства. Милорд, я считаю, что это не относится к делу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы имеете в виду предполагаемые незаконные действия со стороны советского правительства в отношении

отдельных лиц?

Г-н РОБЕРТС. Да, милорд. Я считаю, милорд, что это не может иметь никакого отношения к делу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Затем идут документы 82 и 89. Вы не возражаете против них?

Г-н РОБЕРТС. Я не возражаю, милорд, имея в виду те отрывки, которые были отмечены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

Г-н РОБЕРТС. Доктор Сервациус обещал, насколько возможно, сокращать число тех отрывков, которые он предполагал отметить.

Милорд, я не возражаю против документов 90 и 91. Доктор Сервациус под видом документов хочет представить большое количество письменных показаний, данных под присягой, количество которых, мне кажется, еще не установлено. Это - письменные показания, данные под присягой различными лицами по поводу условий труда и тех условий, в которых использовались иностранные рабочие. Милорд, подсудимому Заукелю было разрешено вызвать некоторое количество свидетелей, а также получить письменные показания под присягой или опросные листы от других лиц. Я считаю, милорд, что это ходатайство о документах 90 и 91, представляющих собой два сборника письменных показаний под присягой, фактически не представляет собой ходатайства об истребовании документов и поэтому оно должно быть отклонено. Документ номер 92, милорд ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Номер 92 был вычеркнут.

Г-н РОБЕРТС. Да, 92 вычеркнут. А 93, милорд, фактически представляет собой книгу, на которую ссылался французский обвинитель, и, безусловно, доктор Сервациус имеет также право ссылаться на нее.

H1198 – 0379

H1198 – 0380

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В этой книге уже отмечены отрывки, намеченные к оглашению, или нет?

Г-н РОБЕРТС. Он еще не отметил здесь ни одного отрывка. Здесь имеется несколько фотографий, милорд ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Таким образом, его интересуют только фотографии?

Г-н РОБЕРТС. Да, я так думаю, милорд. Эти фотографии отражают райскую жизнь иностранных рабочих в Германии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да.

Г-н РОБЕРТС. Милорд, документ 94 представляет собой письменное показание под присягой сына Заукеля. Оно будет использовано, насколько я понимаю, лишь в том случае, если местонахождение одного из трех других свидетелей, которые уже были допущены, не будет обнаружено. Это письменное показание под присягой, милорд, касается вопроса об обвинении Заукеля в том, что он издал приказ об эвакуации Бухенвальда. Милорд, я не могу возражать против представления этого весьма краткого письменного показания, данного под присягой, если доктор Серватиус не сможет вызвать одного из тех трех свидетелей, вызов которых был ему разрешен.

Документ 95, милорд, представляет собой речи Заукеля и доктор Серватиус опять-таки обещал сократить отмеченные ими отрывки. Трудно возражать против этого, принимая во внимание обвинение в заговоре.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да.

Г-н РОБЕРТС. Милорд, документы 95 и 97 представляют собой книги, в которых были отмечены лишь весьма короткие отрывки. В связи с тем, милорд, что они относятся к важному периоду заговора

участии в котором обвиняется подсудимый, я не вижу оснований для возражений против этого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Таким образом, эти документы относятся к той же категории, что и перечисленные Вами выше. Эти аргументы соответствуют Вашей точке зрения, доктор Сервациус?

СЕРВАЦИУС. Да. Я вел переговоры с представителем обвинения и это - результаты переговоров. Я хочу сказать несколько слов относительно некоторых документов - это документы 80 и 81. 1-й - фотокопия приказа об угоне населения из города Эльз, 2-й - аффидевит о принудительных работах в Заарe. Первым документом я хочу доказать, что до заключения перемирия, еще во время боев, население восточных областей Германии отсылалось на принудительные работы в Россию. Я устно пополнил это ходатайство т.к. доказательство было слишком скудным. Путем опроса бургомистров Верхней Силезии и Восточной Пруссии я установил, что население в большинстве своем направлялось на принудительные работы. Я считаю, это доказательством того, что Гаагская конвенция о правилах ведения сухопутной войны считалась на Востоке как бы несуществующей. Это очень важно для моего подзащитного.

Документ 81 относится к положению после перемирия. Это положение явилось прямым продолжением того, что произошло на Востоке. Документ доказывает, что при советской оккупации сохранилось это положение, а именно привлечение населения к работе, но не в смысле Гаагской конвенции (например, не для поддержания в порядке соседних улиц и т.д.), а вне рамок конвенции, на работе в промышленности и вообще на работе вне своей страны. Я думаю, что мне разрешат это доказательство.

Затем документы 90 и 91. Уже говорилось о содержании этих

H1198 - 0381

H1198-0382

документов. Это – две папки с аффидевитами. Здесь речь идет о попытке опровергнуть доказательства, собранные в результате расследования, проведенного правительством. Мы уже получали доклады от французского и советского обвинения и от чехов. Они отражают пестрые массовые явления, которые только таким образом и можно охватить.

Я уже тогда говорил, что у меня нет такого правительства, которое могло бы составить подобный доклад, поэтому я предлагаю представить сборник аффидевитов. Я не намерен зачитывать весь сборник аффидевитов. Я предлагаю, чтобы Трибунал поручил кому-либо изучить эти папки и затем сделать суду краткое сообщение. Эта проблема неминуемо возникнет перед нами впоследствии при рассмотрении дела политических организаций, проблема о том, как представлять суду доказательства о массовых явлениях. Если я представлю одного свидетеля, то мне скажут, что один свидетель не может, разумеется, охватить весь этот раздел. С другой стороны, я не могу явиться сюда с сотнями свидетелей. Поэтому золотой серединой было бы, если бы уполномоченный суда занялся этими аффидевитами и составил доклад. Таково содержание этих двух папок.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сколько письменных показаний, данных под присягой, Вы предполагаете представить и сколько таких показаний Вам уже удалось получить?

СЕРВАТИУС. Я пока что очень мало получил таких показаний. Выясняется, что многие осведомленные лица не хотят давать показаний, потому что боятся преследований. Но я надеюсь, что смогу выбрать самые разумные из показаний. Это будет приблизительно

20-30 аффидевитов.Я ограничусь этим,так как вовсе не хочу загружать Трибунал излишней работой по ознакомлению с аффидевитами. Я вынужден считаться с тем,что мне придется отказаться от своего ходатайства,т.к. поступающий ко мне материал слишком скуден.Но я прошу оставить мне эту возможность.

Я оповещу Трибунал,как будет обстоять дело в дальнейшем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо. Это все,что Вы хотели сказать?

СЕРВАТИУС. Тут еще есть документ № 93,иллюстрированная книга "Европа работает в Германии".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Обвинение возражало против этого документа?

СЕРВАТИУС. Нет,не возражало. Я хочу продемонстрировать несколько диапозитивов для того,чтобы,насколько это будет возможно,показать,в каких условиях приезжали люди с Востока,каково было их положение в дальнейшем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо,благодарю Вас.

Г-н РОБЕРТС. Я хотел бы коснуться еще одного вопроса. Может быть,доктор Серватиус соблаговолит выслушать меня.

Милорд,в письме от 15 марта 1946 года доктор Серватиус ходатайствовал перед Трибуналом об истребовании всех медицинских отчетов доктора Егера,который был старшим врачом в лагере Кребз-Эссен.

Во-вторых,он ходатайствовал об истребовании всех ежемесячных отчетов коллеги доктора Егера,лица,носившего фамилию Грен.

В-третьих,он просит о разрешении истребовать все протоколы ежемесячных совещаний,которые главный начальник лагеря проводил с подчиненными ему начальниками лагерей в Кребсе.

Милорд,положение таково: французское обвинение представи-

H1198 -0383

H1198 – 0384

ло - нет, кажется, наши американские коллеги представили письменное показание под присягой доктора Егера и сам доктор Егер был допущен в качестве свидетеля по делу Заукеля; таким образом мы увидим его здесь за свидетельским пультом.

Милорд, Обвинение не имеет возражений против того, чтобы доктора Егера попросили принести сюда с собой его отчеты, если он может их получить. У нас этих отчетов нет, и нам неизвестно, где они находятся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но свидетель ведь вызывается в суд?

СЕРВАТИУС. Я получил часть этих документов и предлагаю по что, возможно, получу и другие документы. Я думаю, что того материала, которым я располагаю, для моих целей достаточно, т.к. обвинению не нужно больше хлопотать об этом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы имеете в виду, что ~~нужно будет~~ нет надобности издать специальное распоряжение Трибунала по этому поводу?

СЕРВАТИУС. Да, это не нужно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас Трибунал об'является перерыв.

(Об'является перерыв до 10.00 18 апреля).

МС, НД,
ВВ, ЛТ.

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 18 апреля 1946 года

Утреннее заседание

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Зайдль, пожалуйста.

ЗАЙДЛЬ/ защитник подсудимого Франка/. Господин председатель, господа судьи! 9 апреля с.г. я ходатайствовал о том, чтобы мне разрешили несколько отклониться от обычного правила, установленного судом. Я хотел сначала представить документы, а затем вызвать свидетелей и последним допросить подсудимого в качестве свидетеля. Я не знаю, имеет ли суд книги документов. Я лично установил, что первая книга документов была переведена еще 8 апреля. Второй и третий тома - 11 апреля и тома 4-й и 5-й - несколькими днями позднее. По крайней мере, до сих пор я не получил книг документов и это потому, что ведающий этим делом отдел до сих пор не получил разрешения отдать в переплет эти книги документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне кажется, что я спрашивал Вас об этом не вчера, а позавчера, и Вы сказали, что Вы готовы приступить к представлению документов.

ЗАЙДЛЬ. Мне было сказано, что книги документов переведены, и я считал, что, само собой разумеется, эти книги документов будут подшиты в папки. Вчера я выяснил, что это еще не сделано. Во всяком случае, я со своей стороны не виновен в том, что они не переплетены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не утверждаю, что Вы в этом виноваты.

9183

H1198 – 0385

H1198 – 0386

/К микрофону подходит г-н Доц./.

Г-н ДОДД. Во-первых, мы не должны были обсуждать этот вопрос с доктором Зайцлем слишком долго. Мы пришли к общему соглашению с ним позавчера в шесть часов вечера или немного позднее. После этого материалы были переданы в переплетную; всего 500 страниц. Но работа не была закончена не потому, что переплетная не получила соответствующего распоряжения, а просто потому, что они не смогли закончить работу во время и вследствие этого могут быть некоторые задержки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Зайцль, Вы можете начать с вызова свидетелей. Вы должны вызвать самого последующего и несколько других свидетелей.

Д-р ЗАЙДЛЬ. Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И, несомненно, к тому времени эти документы будут готовы. Заседание заканчивается в 4ч.30 мин. и к следующему заседанию Трибунала, которое состоится во вторник утром, несомненно все документы будут готовы.

Что касается Вашего ходатайства, то Трибунал рассмотрел его и решил, что нет основания для того, чтобы отклоняться от обычно установленного правила, согласно которому вначале в качестве свидетеля должен быть вызван сам подсудимый. Конечно, в том случае, если Вы желаете вызвать подсудимого в качестве свидетеля.

ЗАЙДЛЬ. Да, я намереваюсь допросить подсудимого в качестве свидетеля, но в интересах ускорения процесса я вношу предложение допросить сначала других свидетелей для того,

чтобы допрос самого подсудимого был кратким. Таким образом, он сможет на некоторые вопросы отвечать просто да или нет. Я считаю такой порядок целесообразным еще и потому, что допрос подсудимого только в том случае сослужит пользу делу, если я буду иметь книги документов. Такой необходимости нет в отношении других свидетелей, и я прошу суд дать мне разрешение допросить сначала свидетелей, которые уже находятся в комнате для свидетелей здесь, в Трибунале.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Почти все документы, как мне кажется, представлены на немецком языке и их можно предъявлять подсудимому во время его допроса. И Трибунал считает, что в интересах ускорения хода процесса лучше вначале вызвать в качестве свидетеля самого подсудимого. Поэтому следует строго придерживаться этого правила.

ЗАЙДЛЬ. Итак, я вызываю в качестве свидетеля подсудимого доктора Ганса Франка.

/Подсудимый Франк выходит к свидетельскому пульту./.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Назовите Ваше имя полностью ?

ФРАНК. Ганс Франк.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь Богом, всемогущим и всевидящим, что я буду говорить только правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/Подсудимый повторяет слова присяги./.

Вы можете сесть.

/Франк садится/.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, когда и где Вы родились ?

ФРАНК. Я родился 23 мая 1900 года в Карлсруэ, в Бадене.

ЗАЙДЛЬ. Расскажите коротко, какое образование Вы получили ?

H1198 – 0387

H1198 – 0388

ФРАНК. В 1919 году я окончил гимназию. В 1926 году я выдержал государственный экзамен и получил диплом юриста. На этом закончилось, если так можно выразиться, мое научное образование.

ЗАЙДЛЬ. Что Вы делали далее ?

ФРАНК. Я был юристом-адвокатом, членом ученого совета высшего технического учебного заведения, а затем работал в основном юрисконсультом Адольфа Гитлера и национал-социалистской германской рабочей партии /НСДАП/.

ЗАЙДЛЬ. С какого года Вы член НСДАП ?

ФРАНК. Я был членом рабочей партии Германии с 1919 года. Эта партия была предшественницей национал-социалистской рабочей партии /НСДАП/, но я не вступил во вновь созданную национал-социалистскую германскую рабочую партию /НСДАП/. В 1923 г. я, как член СА, участвовал в движении в Мюнхене и впервые и, так сказать, окончательно вступил в НСДАП в 1927 году.

ЗАЙДЛЬ. Вы когда-либо были членом СС ?

ФРАНК.Я никогда не был членом СС.

ЗАЙДЛЬ. Следовательно, у Вас никогда не было ни чина обергруппенфюрера СС, ни чина генерала СС ?

ФРАНК. Я никогда не имел чина ни обергруппенфюрера СС, ни чина генерала СС, даже в качестве почетного звания.

ЗАЙДЛЬ. Вы были членом СА. Какое последнее звание у Вас там было ?

ФРАНК. В последнее время я был почетным обергруппенфюрером СА.

ЗАЙДЛЬ. Какие должности Вы занимали в НСДАП в различные периоды времени и какую работу Вы там выполняли ?

ФРАНК.В 1929 г. я взял на себя руководством правовым отд

лом рейхсляйтунга[x] НСДАП. Будучи руководителем этого отдела, я в 1931 г. получил звание рейхсляйтера НСДАП. Это звание мне было присвоено А.Гитлером. Должность эту я занимал до тех-пор, пока меня не отозвали в 1942 г. Это, так сказать, в основном все мои партийные должности.

ЗАЙДЛЬ. Вы до прихода к власти занимались в партии правовыми вопросами, не так ли ?

ФРАНК. Да, я занимался правовыми вопросами и юридической практикой в интересах Адольфа Гитлера и в интересах НСДАП и ее членов, и в тяжелые годы борьбы в интересах победы этого движения.

ЗАЙДЛЬ. Каких принципов Вы придерживались в отношении идеи правового государства ?

ФРАНК. Эта идея была для меня изложена в 19-м пункте программы НСДАП, в котором говорится о правах личности в коллективе. Я в целях ускорения процесса не буду подробно излагать своих идей. Существенным было то, что я все время стремился спасти основы немецкого судопроизводства - независимого суда. Я считал, что даже при интенсивном развитии государства, построенного на принципе фюрерства, до диктатуры опасность для общества и для обеспечения прав человека, по крайней мере, не будет столь огромна в том случае, если в самом этом обществе судопроизводство сможет осуществлять независимый суд. Следовательно, для меня вопрос правового государства в основном был идентичен вопросу существования независимого суда. Мои споры с Гитлером, Гиммлером и Борманом в эти годы были именно в этой области, причем они все время обострялись. И только после того, как независимость суда в национал-социалистском

---

x/ Рейхсляйтунг НСДАП - центральный аппарат НСДАП.

9187

H1198 – 0389

H1198 – 0390

государстве была полностью уничтожена, мое дело и мои старания стали совершенно бесполезными.

ЗАЙДЛЬ. Вы были членом рейхстага ?

ФРАНК. Да, с 1930 г. я был членом рейхстага.

ЗАЙДЛЬ. Скажите, какие должности Вы занимали, начиная с 1933 г. ?

ФРАНК. Сначала я был в Баварии министром юстиции, а затем, после уничтожения областных министерств юстиции, я стал министром без портфеля. В 1933 г. я стал президентом основанной мною Академии германского права. Я был рейхсфюрером национал-социалистского союза юристов, который позднее стал называться "Союзом блюстителей права". Затем в 1933-34 гг. я стал рейхскомиссаром юстиции и в 1939 г. - генерал-губернатором в Кракове.

ЗАЙДЛЬ. Каковы были задачи этой Академии германского права?

ФРАНК. Эти задачи изложены в имперском законе об учреждении Академии германского права. Главной задачей этой академии было следить за выполнением 19-го пункта программы НСДАП т.-е. обеспечить выполнение этого 19-го пункта программы, в котором говорится о правах индивидуума в коллективе.

ЗАЙДЛЬ. Скажите, эта Академия германского права выполняла решающие функции или она была ограничена в своей деятельности ?

ФРАНК. Академия германского права занималась основными проблемами немецкого права, как научными, так и практическими, причем я с самого начала не принимал во внимание партийности членов академии. 90 % членов Академии германского права были беспартийными. Их задачи носили характер обсуждения законов, эти члены об"единялись в нечто похожее на совещательный орган в хорошем парламенте. Это была также моя идея, а именно

9188

то, чтобы по мере отступления на задний план правовых комитетов рейхстага их место заняла ~~бы~~ академия. Академия участвовала в создании законов экономического и социального порядка, так как, к сожалению, сотрудничество академии в других областях становилось все более и более затруднительным ввиду развития авторитарного режима.

ЗАЙДЛЬ. Если я Вас правильно понимаю, - все государственные функции в области судопроизводства были сконцентрированы только лишь у имперского министра юстиции, а этой должности Вы не занимали?

ФРАНК. Я не был имперским министром юстиции. Но и министр юстиции доктор Гюртнер не был ответственен за все законодательство, он был ответственен лишь за юридическое законодательство, т.-е. за законы, связанные с юстицией в точном смысле этого слова. Имперское законодательство по имперскому закону о распределении полномочий, находилось в руках фюрера и рейхсканцлера, а также всего имперского правительства. Таким образом, моя подпись в имперском сборнике законов имеется лишь под одним законом, а именно под законом о введении обязательной воинской повинности. И я горжусь тем, что моя подпись стоит именно под этим законом.

ЗАЙДЛЬ. Вы сейчас сказали, что в 1933-1934 гг. Вы были баварским министром юстиции?

ФРАНК. Так точно.

ЗАЙДЛЬ. Вы, будучи на этой должности, имели возможность высказывать свое мнение по вопросу о концлагерях? ~~И~~ При каких обстоятельствах это имело место?

ФРАНК. О создании лагеря Дахау я услышал в связи с сообщением главной прокуратуры в Мюнхене. Это сообщение было сделано мне ввиду убийства одного из мюнхенских адвокатов

2189

H1198 – 0391

H1198 – 0392

доктора Штрауса. Когда я дал указание расследовать это дело, прокуратура подала мне жалобу относительно того, что работникам прокуратуры запрещено посещать этот лагерь Дахау, и этот запрет исходит от СС. После этого я попросил имперского наместника генерала фон Эпп созвать совещание, на котором на основании документов раз"яснил, что такое поведение со стороны СС является недопустимым, и заявил, что до сего времени прокуратуре в Германии была дана возможность расследовать всякое убийство в том случае, если имеется подозрение, что это убийство является нарушением правовых норм; я заявил также, что до сих пор какие-либо исключения из этого правила мне неизвестны в империи. После этого я протестовал против этого метода у имперского министра юстиции Гюртнера, как высшей инстанции, защищавшей интересы юстиции. Я указал на то, что именно здесь мы имеем зародыш нежелательного и очень опасного для права развития.

Адольф Гитлер, по просьбе Генриха Гиммлера, лично вмешался в это дело и воспользовался здесь своим правом прекращать уголовные дела. Далее было издано распоряжение о прекращении дела. Я сам ходатайствовал об отставке, но мое ходатайство не было принято.

ЗАУДЛЬ. Когда Вы стали генерал-губернатором в оккупированной части Польши и где Вы получили это назначение ?

ФРАНК. 24 августа 1939 г. я, как офицер резерва, был призван и попал в свой полк в Потсдаме. Я обучал свою роту. 17 или 16 сентября она проходила последнюю подготовку для отправки на фронт, как вдруг мне позвонили из специального поезда фюрера и приказали явиться к Адольфу Гитлеру. На следующий день я поехал в Верхнюю Силезию, где в то время как раз нахо-

цился специальный поезд фюрера. И там он в очень короткой беседе со мной, которая длилась, примерно, 10 минут, поручил мне, как он тогда выразился, принять должность гражданского губернатора оккупированных польских областей. В то время вся занятая польская территория была подчинена и управлялась главнокомандующим генералом фон Рундштедтом. Примерно в конце сентября я был включен в штаб генерала Рундштедта в качестве начальника администрации и должен был, находясь в этом военном штабе - в этой военной администрации, вести дела совершенно по иному.

Но после того, как вскоре выяснилось, что этот метод в данном случае неприемлем, а именно 26 октября, было произведено разделение польской территории на две части. Одна часть была присоединена к Германии, а другая осталась как генерал губернаторство, во главе которого я и был поставлен в качестве генерал-губернатора.

ЗАЙДЛЬ. Вы сейчас говорили о различных должностях, которые Вы занимали в этот период времени. Теперь я спрашиваю Вас: Вы, занимая свои должности в партии или в государстве, принимали деятельное участие в политических событиях последних 20 лет ?

ФРАНК. Я в своей области делал все, что может делать человек, уверовавший в величие своего народа, преисполненный фанатической любви к этому величию своего народа, - делал все для того, чтобы победил Адольф Гитлер и национал-социализм.

В разрешении больших политических вопросов я никогда не принимал участия, так как я никогда не принадлежал к ближайшим сотрудникам Адольфа Гитлера. Гитлер не спрашивал моего совета в разрешении общих политических вопросов и я также не участвовал в совещаниях по этим вопросам уже и потому, что с 1933 по 1945 гг. я лишь 6 раз был принят лично Адольфом Гитлером для доклада о результатах моей работы.

2191

H1198 - 0393

H1198 – 0394

ЗАЙДЛЬ. Какое участие Вы принимали в законодательстве империи ?

ФРАНК. Я уже говорил об этом и мне незачем еще раз отвечать на этот вопрос.

ЗАЙДЛЬ. Будучи имперским министром или в какой-либо другой партийной или государственной должности, Вы хотели войны с нарушением заключенных договоров ?

ФРАНК. Войны нельзя желать. Война - это что-то ужасное. Мы пережили это. Мы не хотели войны. Мы хотели восстановить величие и свободу Германии, возвратить немецкому народу благополучие, здоровье и счастье. Я и все мы мечтали о пересмотре Версальского договора мирным путем, в этом договоре также была предусмотрена такая ревизия. Но, так как и в области договоров нации признают только тех, кто силен, Германия должна была сначала стать сильной для того, чтобы быть в состоянии вести переговоры.

Итак, я представлял себе развитие империи следующим образом: усиление империи, восстановление ее суверенитета во всех областях и в связи с этим создание возможности освобождения от тех невыносимых оков, в которые был закован наш народ. Поэтому я был счастлив тем, что Адольфу Гитлеру в этом чудесном единственном в истории расцвете до 1938 г. в основном удалось достигнуть этих целей, и я был глубоко несчастен, когда я в 1939 г. стал, к сожалению, замечать, что Адольф Гитлер все больше и больше отклоняется от истинного пути и использует другие методы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Зайдль, по-видимому, этот вопрос в достаточной степени был уже освещен показаниями Геринга и Риббентропа.

ЗАЙДЛЬ. Свидетель уже закончил ответ на этот вопрос. Скажите, свидетель, какое участие Вы принимали в событиях в Польше, начиная с 1939 года ?

ФРАНК. Я несу ответственность; когда 30 апреля 1945 г.

2192

Адольф Гитлер покончил жизнь самоубийством, я решил открыть перед всем миром эту свою ответственность. Я не уничтожил 43 тома своего дневника, который повествует об этих событиях и о моем участии в них, а сам решил эти тома добровольно передать арестовавшему меня американскому офицеру.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, Вы чувствуете себя виновным в совершении преступлений против международного права или против человечности ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Зайдль, этот вопрос должен решить Трибунал.

ЗАЙДЛЬ. Хорошо, я отвожу этот вопрос. Господин свидетель, что Вы можете сказать относительно обвинений, предъявленных Вам в обвинительном заключении ?

ФРАНК. По поводу этих обвинений я могу сказать только то, что я прошу Трибунал установить мою вину после рассмотрения моего дела. Но я хочу от всего сердца, основываясь на том, что я слышал здесь, на этом процессе, в течение пяти месяцев, сказать следующее: только теперь, после того, как я увидел все то ужасное, что происходило у нас, чувство большой виновности не покидает меня.

ЗАЙДЛЬ. Какие задачи Вы поставили перед собой, когда Вы стали генерал-губернатором ?

ФРАНК. Я не был ни о чем информирован. Я услышал на этом процессе об эйнзацкомандах СС. В связи с моим назначением Гиммлеру были даны особые полномочия и мои полномочия были отобраны у меня во всех существенных вопросах: в экономике, в области социальной политики, в области продовольственного снабжения. Во все эти вопросы вмешивались имперские инстанции, таким образом, я мог поставить себе в огне войны только одну задачу, а именно - создать хотя бы какой-нибудь порядок, который был бы людям возможность существовать. Поэтому нель-

H1198 – 0395

H1198 – 0396

вя дать оценку моей работе там на основании непостоянных факторов и отдельных событий, надо рассматривать все в общем. Об этом я еще буду говорить. Моей целью было сохранять справедливость, не нарушая военных интересов.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, скажите, полиция, и в первую очередь полиция безопасности и СД, подчинялась Вам в генерал губернаторстве ?

ФРАНК. Высшие чиновники полиции и СС были подчинены райхс фюреру СС Гиммлеру. Организация СС не была подчинена мне и какие-либо приказы и указы, которые я бы издал, все равно не были бы выполнены. По этому вопросу будет давать подробные показания свидетель Бюлер, но общее построение было таковым, что высший начальник СС и полиции был мне формально как бы придан, но в действительности в своей работе был полностью подчинен райхсфюреру СС Гиммлеру. Это положение послужило причиной моего первого ходатайства об отставке, поданного Гиммлеру еще в ноябре 1939 года, а именно положение, которое приносило с каждым днем все больше и больше трудностей и, несмотря на все мои попытки главенствовать и в этой области, внутреннее разобщение становилось все больше и больше.

Управление без полицейской исполнительной власти бессильно и это все в большей степени давало себя знать. Полицейские чиновники дисциплинарно и организационно не имели никакого отношения к администрации генерал-губернаторства. Финансировались они на основании общего бюджета имперской полиции. Итак, чиновники СС и полиции не рассматривали поэтому генерал-губернаторство как свою родину по службе; не существовало даже названия-полиция генерал-губернаторства; высший началь-

ник СС и полиции не называл себя - начальник СС и полиции генерал-губернаторства, а называл себя высшим начальником СС и полиции на Востоке. В этой связи я не хотел бы говорить об этом подробно.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, скажите, были ли подчинены Вам созданные в генерал-губернаторстве концлагери и имели ли Вы какое-либо отношение к управлению концлагерей ?

ФРАНК. Концлагери были подчинены исключительно только полиции и не имели ни малейшего отношения к администрации. Членам гражданской администрации было официально запрещено посещать концлагери.

ЗАЙДЛЬ. Скажите, Вы лично когда-либо были в концлагере ?

ФРАНК. Да, я посетил в 1935 году лагерь Дахау. Это было посещение, организованное в то время для гауляйтеров. Это был единственный раз, когда я был в концлагере.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель! В 1942 году приказом фюрера в генерал-губернаторстве был создан "Государственный секретариат безопасности". То было 7 мая 1942 г. Как это получилось, что был создан такой государственный секретариат ?

ФРАНК. Создание этого государственного секретариата было не чем иным, как одной из многочисленных попыток разрешить вопрос о полиции в генерал-губернаторстве. Я был тогда счастлив, так как думал, что путь найден. И, конечно, это увенчалось бы успехом, если бы Гиммлер и Крюгер поняли, в чем заключается смысл этого распоряжения, а смысл этот сводился к сотрудничеству, а не к работе друг против друга. Но вскоре выяснилось, что и эта новая попытка была лишь маскировкой, и в общем положение осталось прежним.

ЗАЙДЛЬ. 3 июня 1942 года на основании этого указа фюрера

3195

H1198 – 0397

H1198 – 0398

был выпущен другой указ о передаче шеф секретарю, ведающему вопросами, связанными с безопасностью в генерал-губернаторстве, не так ли ?

ФРАНК. Я предполагаю, что у Вас имеется эта дата? Я не могу вспомнить таких подробностей.

ЗАЙДЛЬ. Я попрошу по этому вопросу свидетеля Вильфингера.

ФРАНК. Я хочу сказать по этому вопросу следующее. Здесь все время говорят об СС и об"единяют СС и полицию, как единый большой комплекс. С моей стороны было бы несправедливым и неправильным не исправить эту ошибку. Я в СС, и в особенности в войсках СС, а также и в полиции, встречал в эти годы столько хороших, честных и чистых людей, что здесь, рассматривая вопрос о преступном характере СС, можно этот вопрос рассматривать совершенно отдельно, так же, как всякий социальный вопрос, в том случае, если речь идет о таком количестве людей. Организация СС сама по себе была так же мало преступна, как и какая-либо другая социальная единица - масса, выступающая в том или ином политическом событии. Ужасным было то, что начальник, решающий все вопросы, и целый ряд людей в СС, которым, к сожалению, были даны большие полномочия, злоупотребляли типичной для немецкого военного человека солдатской верностью.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, теперь другой вопрос. В указе о создании государственного секретариата безопасности говорится, что статс-секретарь, т.-е. в данном случае высший начальник СС и полиции, должен прежде, чем принять принципиальное решение, получить Ваше согласие. Что это действительно имело место ?

ФРАНК. Никогда такого согласия не испрашивалось и именно поэтому вскоре стало совершенно ясно, что моя последняя попытка также не увенчается успехом.

ЗАЙДЛЬ. Скажите, высший начальник СС и полиции и в особенности обергруппенфюрер СС Крюгер, который одновременно являлся статс-секретарем по вопросам безопасности, выполнял Ваши приказы, которые Вы, как генерал-губернатор, давали ему ?

ФРАНК. Нет, никогда он этого не делал. Я неоднократно на основании нового распоряжения давал ему приказы. Эти приказы сообщались, якобы, Генриху Гиммлеру и ввиду того, что было необходимо его согласие, эти приказы никогда не выполнялись. Статс-секретарь Бюлер сможет, давая свои показания, осветить некоторые особые случаи.

ЗАЙДЛЬ. Скажите, рейхсфюрер СС и начальник германской полиции перед тем, как проводить мероприятия по безопасности в генерал-губернаторстве, получил когда-либо на это Ваше согласие ?

ФРАНК. Нет, ни в одном случае это не имело места.

ЗАЙДЛЬ. Обвинение представило документ Л-37, как доказательство США-506. Это письмо командира полиции безопасности и СД в районе Рацома, адресованное в местное управление в Томашове. В этом письме сказано:

"Высший начальник СС и полиции на Востоке 28 июня отдал следующее распоряжение: "В последние месяцы охрана безопасности в генерал-губернаторстве настолько ухудшилась, что в настоящее время необходимо принимать наиболее радикальные и самые решительные меры против диверсантов и саботажников негерманской национальности. Рейхсфюрер СС, с согласия генерал-губернатора, постановил, чтобы во всех случаях, когда совершаются или предпринимаются попытки произвести покушения на

H1198 – 0399

H1198 – 0400

немцев, расстреливали бы не только схваченных преступников, но также и всех людей, имеющих отношение к шайке, и, помимо этого, женщины старше 16 лет, принадлежащие к шайке, должны быть направлены в концентрационные лагери".

ФРАНК. Так как я уже сказал, что рейхсфюрер СС Гиммлер никогда не получал моего согласия на издание подобных распоряжений, я ответил на Ваш вопрос. И в этом случае Гиммлер не согласовал со мной это дело.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, приказы рейхсфюрера СС Гиммлера и начальника СС и полиции перед их выполнением, по крайней мере, представлялись Вам ?

ФРАНК. Аргументация того, почему так не делают, всегда была следующая. Говорилось, что ввиду того, что поляки живут не только в генерал-губернаторстве, но и в присоединенных к империи областях, необходимо, чтобы борьба с польским движением сопротивления проводилась бы одним центром, таким центром и был Генрих Гиммлер.

ЗАЙДЛЬ. Скажите, свидетель, каковы были ваши административные полномочия ?

ФРАНК. Я думаю, что это значительно ускорило бы процесс, если бы свидетель Бюлер мог дать показания относительно этих подробностей. Если Трибунал желает, я, конечно, отвечу на этот вопрос. В основном это было сращения общеизвестных административных управлений продовольственного снабжения, культуры, финансов, науки и т.д.

ЗАЙДЛЬ. Скажите, в генерал-губернаторстве существовало представительство польского и украинского населения ?

ФРАНК. Да, представительства украинского и польского населения были построены регионально, я об"единял эти корпорации представителей, существовавшие в округах и районах, в так называемые вспомогательные комитеты. Существовал один

польский вспомогательный комитет и один украинский. Во главе польского вспомогательного комитета насколько лет подряд стоял граф Ронкер, во главе украинского вспомогательного комитета - профессор Кубинович. Я обязал все учреждения при разрешении общих вопросов устанавливать связь с этими вспомогательными комитетами. Это и имело место. Я сам лично всегда поддерживал тесный контакт с этими комитетами. Ко мне там поступали жалобы, в этих комитетах можно было открыто высказываться. И мои жалобы, которые я посылал фюреру, были составлены на основании докладов этих вспомогательных комитетов.

Другой формой участия населения в управлении генерал-губернаторства была низшая административная инстанция; в этих учреждениях во всем генерал-губернаторстве работало коренное население. Каждые 10-20 деревень имели так называемого "войта"; польское слово "войт" в переводе на немецкий язык значит "фогт"/управитель/.

Еще одной формой участия населения в управлении была служба в качестве государственного чиновника или служащего в генерал-губернаторстве на почте и на железных дорогах. Здесь служило, примерно, 280 тысяч поляков и украинцев.

ЗАУДЛЬ. Скажите, каково было соотношение немецкого и польского - украинского чиновничества ? Приблизительно каково было это соотношение ?

ФРАНК. Это соотношение было непостоянным. Число немецких чиновников было крайне незначительно. Бывали времена, когда во всем генерал-губернаторстве с территорией в 150.000 кв. км /т.е. на половину меньше, чем Италия/ работало не более 40.000 немецких чиновников. Следовательно, в среднем на од-

2199

H1198 -0401

H1198 – 0402

го немецкого чиновника приходилось 6 ненемецких чиновников.

ЗАЙДЛЬ. Скажите, какие области Вам были подчинены как генерал-губернаторство ?

ФРАНК. Польша, завоеванная Германией и Советским Союзом, сначала была разделена между Советским Союзом и Германской империей. Из 380 тысяч квадратных километров территории бывшего Польского государства Советскому Союзу было предоставлено, приблизительно, 200 тысяч кв. километров, а Германии - 170-180 тысяч кв. километров. Это, конечно, неточные цифры. Таково, приблизительно, было соотношение. Часть Польши, перешедшая к Советскому Союзу, была сейчас же присоединена к Советскому Союзу и вошла в его состав. Пограничные столбы на восточной границе генерал-губернаторства были обычными пограничными столбами Советского Союза, а именно с 1939 г. Территория, отошедшая к Германии, была в свою очередь разделена - 90.000 кв. километров было передано генерал-губернаторству, а остальное было присоединено к Германии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не думаю, чтобы подсудимому было предъявлено какое-либо обвинение в том, что гражданская администрация была плохой. Предъявленное обвинение заключается в том, что были совершены преступления, а подробности об управлении генерал-губернаторством и той частью, которая была присоединена к Германии, совершенно не относятся к делу.

ЗАЙДЛЬ. Господин председатель, я поставил этот вопрос только лишь для того, чтобы раскрыть те трудности, с которыми с самого начала приходилось бороться администрации в этой области, и это потому, что до сих пор существовавшая экономическая единица была разделена на три части. Теперь я перехожу к следующему вопросу. Скажите, Вы когда-либо приказывали расстреливать заложников ?

9200

ФРАНК. В моем дневнике освещены все факты. Я лично никогда не давал распоряжения о расстреле заложников.

ЗАЙДЛЬ. Скажите, Вы когда-либо и как-либо участвовали в уничтожении евреев ?

ФРАНК. Я говорю да, и я говорю это да потому, что я, находясь под впечатлением, вынесенном за эти 5 месяцев на процессе, и, находясь под впечатлением показаний свидетеля Хесса, не могу переложить всю ответственность на этих маленьких людей. Сделать это мне не позволяет моя совесть. Я никогда не создавал лагерей уничтожения евреев и не требовал того, чтобы такие лагери существовали, но если Адольф Гитлер возложил на плечи своего народа эту ужасную ответственность, то эта ответственность ложится и на меня, потому-что мы вели борьбу против евреев-гоцами и мы высказывались по этому вопросу. Мой дневник свидетельствует об этом. Эти высказывания ужасны. И поэтому мой долг в этом смысле ответить на Ваш вопрос утвердительно. Тысячелетие пройдет, а вина эта все еще не будет стерта в Германии.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, какую политику Вы, как генерал-губернатор, проводили в области вербовки рабочих для империи ?

ФРАНК. Как, как, пожалуйста, повторите.

ЗАЙДЛЬ. Скажите, будучи генерал-губернатором, какую Вы проводили политику в области вербовки рабочих для империи ?

ФРАНК. Эта политика изложена в моих распоряжениях. Эти распоряжения, очевидно, будут мне представлены Обвинением, поэтому я, в целях экономии времени, с разрешения Трибунала отвечу на этот вопрос позднее.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель! Давал ли Вам Гитлер какие-либо указания относительно того, что Вам надлежит делать,

H1198 – 0403

H1198 – 0404

будучи генерал-губернатором, и как Вы должны осуществлять руководство ?

ФРАНК. В первые 10 минут нашей беседы в специальном поезде Адольф Гитлер дал мне указание навести порядок в этих областях, которые были полностью разорены /все мосты взорваны, железные дороги выведены из строя и все население сбилось в кучу/. Он дал мне также указание позаботиться о том, чтобы эта область была бы превращена в действующий фактор, т.-е. фактор, помогающий Германии разрешать экономические и военные проблемы.

ЗАЙДЛЬ. Скажите, Адольф Гитлер оказывал Вам поддержку, когда Вы были генерал-губернатором ?

ФРАНК. Все мои жалобы и все, что я ему докладывал, к сожалению, Адольф Гитлер прятал под сукно. Нередко я, будучи генерал-губернатором, 14 раз подавал в отставку и нередко я хотел возвратиться в свою часть и служить там офицером. Он /Гитлер/ в душе был настроен против юристов, это был один из самых крупных недостатков этого величайшего человека. Он не хотел признавать формальной ответственности. К сожалению, это действительно и для его политики, как я это сейчас и установил. Для него каждый юрист был человеком, наносящим вред власти. Я могу только сказать, что он, всемерно поддерживая курс Гиммлера и Бормана, пресек всякую попытку создать такую форму правления, которая была бы достойна называться немецкой.

ЗАЙДЛЬ. Скажите, господин свидетель, какие имперские учреждения давали Вам указания относительно управления в генерал-губернаторстве ?

ФРАНК. Для того, чтобы ускорить этот процесс, я просил бы Трибунал разрешить свидетелю Бюлеру перечислить все эти

учреждения.

ЗАУДЛЬ. Скажите, господин свидетель, Вы когда-либо грабили произведения искусства ?

ФРАНК . Упрек, который меня лично больше всего здесь затронул и который относится к моей личной жизни, заключается в том, что я лично обогащался произведениями искусства в стране, которой мне было поручено управлять. Я не создавал картинных галлерей, во время войны у меня не было времени присваивать себе произведения искусства; я позаботился о том, чтобы все произведения искусства управляемой мной страны были ~~бы~~ официально зарегистрированы, это было запечатлено в общеизвестном документе, и я, прежде всего, заботился о том, чтобы произведения искусства оставались в стране до конца, т.-е. чтобы их никуда не вывозили. Но, несмотря на это, из генерал-губернаторства вывозились произведения искусства. Часть этих произведений искусства была из"ята еще до того, как моя администрация начала свою работу в стране, управлять которой мне было поручено. Опыт показывает, что об ответственности администрации можно говорить по ~~прохождении~~ истечении длительного срока, т.-е. только после того, как эта администрация полностью создана, т.-е. до самого низа. В период с начала войны - 1 сентября 1939 г. до конца 1939 и начала 1940 гг., очевидно, произведения искусства бесконтрольно вывозились из генерал-губернаторства, как трофеи, или, может быть, по каким-либо другим причинам и поводам. В то время, как проводилась регистрация произведений искусства, Адольф Гитлер издал приказ из церкви Марии в Кракове перевезти в империю алтарь работы Вейта Штосса. x/ С этой целью обербургомистр Либель в сентябре

---

x/ Вейт Штосс /1440-1533/ -художник.

9283

H1198 – 0405

H1198 – 0406

1939 г. из Нюрнберга лично приехал в Краков с группой экспертов и забрал этот алтарь из церкви. Затем во Львове до того, как была создана моя администрация, специальным уполномоченным были увезены гравюры Дюрера. В 1944 г., незадолго до разгрома, произведения искусства перевозились в империю, например, в замок Зейхау в Силезии была помещена коллекция произведений искусства профессором Кнейзель. Последнюю группу произведений искусств я сам передал американцам.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, Вы в генерал-губернаторстве ввели еврейские гетто, еврейские жилые кварталы ?

ФРАНК. Я издал распоряжение о создании еврейских жилых кварталов. Точной даты я сейчас не помню. О том, почему это было необходимо и каковы были предпосылки, я буду отвечать представителям Обвинения.

ЗАЙДЛЬ. Скажите, Вы ввели опознавательные значки для евреев ?

ФРАНК. Так точно, ввел.

ЗАЙДЛЬ. Скажите, Вы лично в генерал-губернаторстве ввели принудительный труд ?

ФРАНК. Да, принудительные работы и принуждение к работе были сразу же введены мною в одном из первых распоряжений, но само это распоряжение и его формулировки ясно показывают, что я в данном случае имел в виду лишь введение в стране трудовой повинности для того, чтобы восстановить разрушения войной, и для того, чтобы можно было произвести общественно необходимые работы в стране. То-есть это было то же, что и трудовая повинность в империи.

ЗАЙДЛЬ. Скажите, Вы грабили в генерал-губернаторстве библиотеки, как это утверждается Обвинением ?

ФРАНК. Я могу ответить на этот вопрос категорически - нет. Самая большая и ценная библиотека, которую мы получили, была библиотека Ягеллонского университета в Кракове. Она, слава Богу, не была разрушена и я сам перевел эту библиотеку в новое здание со всеми книгами, включая и древнейшие документы, обращались очень аккуратно.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, Вы сами, будучи генерал-губернатором, закрыли университеты генерал-губернаторства?

ФРАНК. Университеты в генерал-губернаторстве были закрыты, когда мы туда пришли, в связи с войной. Открытие университетов было запрещено приказом Адольфа Гитлера. Я заботился о нуждах украинского и польского населения, создавая курсы высших учебных заведений для польских и украинских студентов; на этих курсах практически проходили программу высших учебных заведений, и имперские учреждения не могли критиковать и закрывать эти курсы. Таким образом полякам и украинцам была дана возможность учиться в высших учебных заведениях; все это, конечно, было обусловлено войной, но все же такие занятия были необходимы, так как нуждались в специалистах, в своих собственных учителях, врачах, техниках, юристах..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Перерыв на 10 минут.

/Перерыв на 10 минут/

9205

H1198 – 0407

H1198 – 0408

Встать! Суд идет!

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, мы перед перерывом говорили о высших школах. Вы, будучи генерал-губернатором, закрыли средние школы ?

ФРАНК. Мое ходатайство о том, чтобы гимназии и средние школы были вновь открыты, было отклонено Адольфом Гитлером. Мы затем нашли выход из этого положения, перенеся воспитание школьников в частные школы, которые нами допускались и которые были распространены.

ЗАЙДЛЬ. Теперь еще один принципиальный вопрос. Обвинение инкриминирует Вам то, что страна, во главе которой Вы стояли, будучи генерал-губернатором, была разграблена. Что Вы можете сказать по этому поводу ?

ФРАНК. Это обвинение, очевидно, является суммарным подытоживанием всех хозяйственных мероприятий, которые имели место в этой стране в виду отношений, существовавших между Германией и генерал-губернаторством. Сначала я хотел бы установить, что генерал-губернаторство, когда оно было создано, имело очень плохой хозяйственный баланс. В стране было около 12 миллионов населения, причем территория генерал-губернаторства была неплодородной частью территории старой Польши. К тому же новые границы как с Советским Союзом, так и с Германией, были установлены так, что основные элементы экономической жизни остались за пределами страны. Немедленно были закрыты как границы с Советским Союзом, так и границы с Германией. Таким образом получилось так, что вначале хозяйство приходилось вести, как говорят, из пустого в порожнее. Галиция, наиболее важная

часть Польской республики в продовольственном отношении, была передана Советскому Союзу. Провинция Познань была оставлена за Германской империей. Угольные и промышленные районы Верхней Силезии были переданы Германии. Граница с Германией была проведена так, что металлургические заводы в Ченстохове, хотя и остались в генерал-губернаторстве, но железо-рудные копи, которые находились в 10 километрах от Ченстохова, были включены в состав германской империи. Город Лодзь - центр текстильной промышленности Польши, - перешел к германской империи. Город Варшава с миллионным населением стал пограничным городом, так как немецкая граница была продвинута на 15 километров к этому городу, в результате чего вся сельскохозяйственная область на запад от Варшавы была отобрана у этого города.

Можно было бы привести огромное количество отдельных фактов, однако, это завело бы нас слишком далеко. Итак, сначала необходимо было позаботиться о том, чтобы снова возобновилась жизнь в стране. Продовольственное снабжение гор. Варшавы в первые недели войны могло быть обеспечено лишь с помощью германских учреждений, которые занимались вопросами общественного питания. Германская империя в то время дала 600 тыс. тонн зерна. Это безусловно было дано в виде аванса, который был для меня одновременно тяжелым обязательством.

Финансовое хозяйство располагало суммой в 20 миллионов злотых, которые я получил от империи в виде кредита.

Если исходить из этих моментов, то следует сделать заключение, что я имел дело с нищенским, пострадавшим во время войны, хозяйством. И, если вспомнить, что к 1 января 1944г. сбережения коренного населения в банке достигали 11,5 мил-

9207

H1198 – 0409

H1198 – 0410

лиона злотых, что в некоторой степени удалось упорядочить продовольственное снабжение и, если вспомнить, далее, то, что в то время восстанавливались фабрики и промышленные районы, в чем деятельное участие принимали имперские учреждения, в особенности рейхсмаршал Геринг и министр Шпеер приложили здесь очень много усилий и оказали большую помощь в деле восстановления промышленности этой страны и, если учесть, что на этих предприятиях было занято более 2 миллионов оплачиваемых рабочих, если учесть, что урожай был повышен до 1,6 миллиона тонн в год, годовой бюджет в 20 миллиардов злотых в 1939 г. вырос на 1,7 миллиона злотых в последующие годы, - если учесть все это, то это будет лишь схематичным наброском тех моментов, которые мне хотелось бы здесь отметить, как решающие моменты в общем развитии, для того, чтобы не мучить слишком долго.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, Вы, будучи генерал-губернатором, преследовали церковь и религию в тех областях, которыми Вы управляли ?

ФРАНК. Я с архиепископом, а теперь кардиналом Сапега в Кракове все время поддерживал тесный контакт. Он мне рассказывал о всех своих жалобах и горестях, которых было немало. Я сам должен был вырвать из рук господина Глобочника епископа г. Люблина для того, чтобы спасти его жизнь.

ЗАЙДЛЬ. Вы имеете в виду СС группенфюрера Глобочника ?

ФРАНК. Да, именно его я имею в виду. Однако я могу резюмировать общее положение, мне кажется, так, как об этом писал в своем письме ко мне архиепископ Сапега в 1942 г. Там дословно говорится, что он благодарит меня за мои неустанные усилия, направленные на сохранение религиозной жизни. Мы снова построили семинарии, и каждый случай ареста

священника нами был расследован настолько, насколько это было возможно. Трагический случай, заключавшийся в том,что два сотрудника архиепископа Сайпеги были расстреляны /этот случай упоминался здесь обвинением/, этот трагический случай меня глубоко поразил и запал в душу. Больше я ничего не могу сказать по этому вопросу. Церкви работали, семинарии работали, священники имели возможность выполнять свои функции. Ченстоховский монастырь находился под моей личной охраной, монастырь ордена Камедулов под Краковом также находился под моей личной охраной. Везде вокруг этих монастырей были наклеены большие плакаты о том,что эти монастыри охраняются лично мной.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, когда Вы в первый раз услышали о концлагере Майданек ?

ФРАНК. Название Майданек я впервые услышал в 1944 году в связи с сообщениями из-за границы. Однако о лагере у Люблина или в районе Люблина ходили слухи в течение многих лет. Губернатор Уэрнер, кажется, еще в 1941 году, говорил мне, что организация СС предполагает построить большой концлагерь в районе Люблина и подала большую заявку на строительные материалы. Я тогда поручил статс-секретарю Бюлеру немедленно расследовать это дело. Затем мне было сообщено и сообщено письменно также рейхсфюрером СС Гиммлером, что он должен начать строительство большого лагеря для того, чтобы обеспечить войска СС одеждой, обувью, бельем, которые будут производиться в больших специальных мастерских организации СС. Таким образом, этот лагерь строился под общей маркой "Заводы СС" /СС-Верке/ или что-то похожее. Я должен сказать, что я имел возможность получать кое-какую инфор-

9209

H1198 -0411

H1198 – 0412

мацию. Свидетели, которые до сих пор были допрошены, подтвердили под присягой, что люди вокруг фюрера ничего не знали о всех этих событиях. Мы, находившиеся за пределами Германии, очевидно, были более независимыми, и я слышал кое-что из иностранных сообщений по радио и читал в газетах противника, а также и в нейтральных газетах. В ответ на постоянные запросы о том, что происходит с евреями, которых эвакуируют из генерал-губернаторства, мы все время получали один ответ, а именно что их направляют на Восток для того, чтобы там они вместе жили и работали. Однако через стены, можно сказать, проникали к нам слухи о том, что происходит, и поэтому я все время старался выяснить это дело. Однажды мне сообщили, что в районе Бельцига что-то случилось. На следующий день я поехал в Бельциг. Глобочник показал мне огромный ров, который он строил в качестве оборонительного вала с помощью многих тысяч рабочих, очевидно, евреев. Я говорил с некоторыми из этих рабочих, я спрашивал их, откуда они прибыли, сколько времени они находятся здесь. Глобочник мне сказал, что они сейчас работают здесь, а когда они закончат здесь работу, они будут переброшены дальше на Восток, а сами они из империи или, возможно, из Франции. В этом районе я больше не делал никаких наблюдений. Но слухи о том, что евреи теперь известным всему миру способом уничтожаются, продолжали циркулировать.

Тогда я однажды выразил желание посетить эти мастерские СС у Люблина для того, чтобы получить представление о том, что производится на этих предприятиях. Мне было сказано, что для этого необходимо особое разрешение Генриха Гиммлера Я запросил Генриха Гиммлера об этом специальном разрешении.

Он заявил мне, что он меня настоятельно просит не посещать этого лагеря. Опять прошло некоторое время. 7 февраля 1944 года мне удалось в третий раз за время войны добиться личного приема у Адольфа Гитлера. Я в присутствии Бормана задал ему следующий вопрос:

-"Мой фюрер, слухи об уничтожении евреев не прекращаются. Их можно услышать повсюду, но никуда нельзя попасть /т.-е. нельзя осмотреть лагерей/. Однажды неожиданно я поехал в Освенцим, чтобы осмотреть лагерь, но по дороге мне было заявлено, что в лагере эпидемия, и меня повернули обратно.

Мой фюрер, в чем же тут дело ?"

Фюрер ответил:

- Вы можете себе примерно представить то, что там имеют место казни повстанцев. В остальном я ничего не знаю, поговорите об этом с Генрихом Гиммлером."

На это я сказал следующее:-Хорошо, но Гиммлер в Кракове произнес речь, в которой он заявил всем людям, собранным мною, что эти слухи о систематическом уничтожении евреев неправильны. Евреи направляются на восток."

Фюрер сказал мне: "Значит вы должны этому поверить".

Когда я из иностранной прессы в 1944 году впервые узнал подробности этих событий, первый вопрос, который я тогда задал обергруппенфюреру СС Коппе, который занял тогда место Крюгера, был: "Ну, теперь мы знаем, в чем дело, и Вы этого не будете запаривать". Он ответил, что он ничего не знает об этих событиях, что это, очевидно, дело Гиммлера и соответствующих инстанций. Я сказал, что уже в 1941 году я слышал о таких планах и я говорил об этом. Тогда он сказал мне: "Это Ваше дело и мне не следует вмешиваться в это дело".

9211

H1198 -0413

H1198 – 0414

Итак, лагерь Майданек был подчинен организации СС и она управляла им в таком духе и так, как об этом говорил свидетель Хесс. Только так я могу себе это представить.

ЗАЙДЛЬ. Следовательно, Вы не знали об условиях, которые существовали в лагерях Треблинка, Освенцим, а также и в других лагерях ?

ФРАНК. Что Треблинка была частью Майданека или это был особый лагерь ?

ЗАЙДЛЬ. Этого я не знаю. Мне кажется, что это другой лагерь. Скажите, лагерь Освенцим не находился на территории генерал-губернаторства ?

ФРАНК. Я не был ни в Майданеке, ни в Освенциме.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, обвинение представило под № США-275 сообщение бригаденфюрера СС Штруба об уничтожении Варшавского гетто. Вам перед началом этой акции было что-либо известно о ней и получали ли Вы когда-либо это письменное сообщение ?

ФРАНК. Я был удивлен, когда главный американский обвинитель в своей вступительной речи здесь представил документ с фотографиями относительно разрушения варшавского гетто и сказал, что этот отчет якобы был представлен мне. За это время обстоятельства дела выяснились. Этот отчет мне никогда не представлялся и я никогда его в такой форме не получал. Благодаря показаниям ряда свидетелей, а также благодаря афидевитам, в последние дни, слава Богу, выяснилось, что уничтожение варшавского гетто было произведено по личному указанию Гиммлера, причем он игнорировал местные власти в генерал-губернаторстве. Если у нас на заседаниях говорилось об этом гетто, то всегда считали, что речь идет о восстании в варшавском гетто, которое нужно было подавить

даже и огнем артиллерии. Отчеты, которые имелись по этому вопросу, казались мне с самого начала неправдоподобными.

ЗАЙДЛЬ. Какие мероприятия Вы провели для того, чтобы обеспечить продовольственное снабжение населения генерал-губернаторства ?

ФРАНК. Этих мероприятий было очень много: восстановить сельское хозяйство, импортировать сельскохозяйственные машины, научить людей культурно обрабатывать землю, организовать звенья взаимопомощи, распределить семенной фонд и т.п.

ЗАЙДЛЬ. Об этом подробно будет говорить свидетель Бюлер

ФРАНК. Империя здесь оказала большую помощь. Она предоставила не несколько миллионов марок семян, специалистов, машины, скот и т.п.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, Вы рассказали о том, что Вы делали в интересах обеспечения благосостояния населения в генерал-губернаторстве. Но обвинение представило Вам целый ряд высказываний, а именно из Вашего собственного дневника, которые противоречат Вашим показаниям здесь, на суде. Как Вы об"яснить эту противоречивость ?

ФРАНК. Следует рассматривать мой дневник в целом, нельзя разобщать все 43 тома и вырывать отдельные предложения из контекста. Но я хотел бы еще сказать, что я не придирался к каждому слову своих записей. Это было неспокойное время борьбы, разбушевались страсти, и вот во время этой бури и натиска в стране, охваченной пожаром, в стране, где ведется решительная борьба не на-жизнь, а на-смерть, могут быть произнесены именно такие слова. Я должен прямо сказать: некоторые высказывания, если их рассматривать отдель-

H1198 – 0415

H1198 – 0416

но, просто ужасны, и я должен сказать, что я сам был потрясен этими словами.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, обвинение представило документ США № 297, это - документ, который рассматривает вопрос о совещании, которое Вы провели, очевидно, в 1939 или 1940 году с одним из офицеров начальника главной администрации Обербот. Я сейчас передам Вам этот документ. Я прошу Вас сказать мне, совпадает ли содержание этого документа, т.-е. отчет этого человека, с Вашими показаниями ? Это на странице 1-й, внизу, 2-й раздел.

ФРАНК. Это - сокращенный отчет о речи ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Франк, какой это номер из серии документов ПС ?

ЗАЙДЛЬ. Доктор Франк, какой это номер ?

ФРАНК. Мне кажется, это № 297.

ЗАЙДЛЬ. Нет, посмотрите на обложке.

ФРАНК. На обложке 244. Я возвращу Вам этот документ. Пожалуйста, задавайте вопросы по отдельным предложениям. Я не могу прочесть всего документа.

ЗАЙДЛЬ. Это - документ № 297, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, это № США-297, ЕС-344, 16, 17. Это правильно ?

ЗАЙДЛЬ. Да, так точно. Здесь написано следующее:

" На первом совещании начальника центрального управления с рейхсминистром Франком 3.X-1939 г. в Познани он сообщил о переданном ему поручении фюрера, а также изложил экономические директивы, согласно которым он намеревался осуществлять руководство в Польше. Согласно этим директивам, страну надо было использовать на все 100% путем безжалостного "убоя" и привлечения рабочей силы на работу в империю и т.д.

Я резюмировал этот документ, господин прокурор.

ФРАНК. Я, безусловно, в таких выражениях не говорил.

ЗАЙДЛЬ. Но не исключена возможность того, что Вы говорили об этом с этим человеком; этого Вы не отрицаете ?

ФРАНК. Я не могу этого вспомнить. Это вполне возможно.

ЗАЙДЛЬ. Хорошо. Тогда я перехожу к следующему вопросу.

ФРАНК. Мне кажется, что важна не то, о чем шла речь, а то, что тогда действительно происходило.

ЗАЙДЛЬ. Правильно ли, что многое в Вашей работе генерал-губернатора, а также и многие перегибы со стороны полиции и СД следует об"яснять деятельностью партизанских банд ?

ФРАНК. Деятельностью партизанских банд ? Необходимо сказать, что это было движение сопротивления, которое с первого дня имело место и чрезвычайно поддерживалось нашими противниками в войне. Борьба с ними была самой большой и трудной задачей, с которой мне приходилось справляться в эти годы, ибо это движение сопротивления было тем постоянным комплексом оправданий, комплексом, которым пользовались полиция и СС для об"яснения всех тех мероприятий, которые с точки зрения упорядоченной администрации, конечно, были весьма нежелательными.

В действительности это движение сопротивления, которое я не хотел бы называть бандитским движением...так как, если народ во время войны побежден и организует активное сопротивление - это следует уважать. ~~Итак, действительно~~ Однако, методы движения сопротивления в значительной степени выходили за рамки героического восстания: резали немецких женщин и детей в самой ужасной обстановке, расстреливали немецких чиновников, пускали под откос поезда, все мероприятия для оздоровления страны систематически срывались.

9215

H1198-0417

H1198 – 0418

На фоне именно этих событий, которые беспрестанно, день за днем, занимали у меня почти все мое время, необходимо рассматривать все то, что происходило в стране. Вот что я хотел сейчас сказать по этому вопросу.

ЗАЙЛЬ. Господин свидетель! В 1944 году под руководством генерала Бура в Варшаве вспыхнуло восстание. Какое участие принимала администрация генерал-губернаторства и какое участие принимали Вы сами в подавлении этого восстания ?

ФРАНК. Это восстание началось тогда, когда советские войска находились на расстоянии 30 километров от Варшавы, на восточном берегу Вислы. Это была своего рода комбинированная операция и, как мне кажется, это было национальным польским мероприятием, когда поляки в последний момент хотели освободить свою столицу собственными силами и не хотели быть обязанными своим освобождением русским. Очевидно, они действовали по примеру Парижа: там в последний момент движение сопротивления перед вступлением союзных войск в город освободило Париж.

Эта операция была ничем иным, как исключительно военной операцией. Командующим частей, которые были выделены для подавления этого восстания, был назначен, как мне кажется, генерал СС Бах-Целевский. Таким образом, гражданская администрация не принимала участия в этой борьбе. Участие гражданской администрации началось после капитуляции генерала Бура, когда из империи пришли ужасные карательные приказы.

Так однажды я нашел у себя на столе письмо, в котором говорилось, что фюрер требует, чтобы все население Варшавы было направлено в немецкие концентрационные лагери. Три недели велась борьба, которую я, правда, профессионально выдержал

и в результате которой удалось предотвратить это сумасшедшее мероприятие и добиться того, что население Варшавы, бежавшее из города и не принимавшее никакого участия в самом восстании, было бы расселено на территории генерал-губернаторства.

Во время этого восстания, к сожалению, был нанесен тяжелый ущерб городу Варшаве. Все то, что было построено в течение нескольких лет,- в эти несколько недель было сожжено. Подробности об этом статс-секретарь Бюлер,может быть, сможет изложить лучше и это даст возможность сейчас сэкономить время.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, Вам также вменяется в вину и то, что Вы подавляли культурную жизнь населения генерал-губернаторства. Это в особенности имеет отношение к театрам, прессе, радио, кино и т.д. Что Вы можете сказать по этому поводу ?

ФРАНК. Положение генерал-губернаторства было, пожалуй, таковым, как и в любой оккупированной стране. Здесь, в этом зале, нет необходимости особенно углублять этот вопрос для того, чтобы установить, какова же культурная жизнь оккупированной страны. По радио передачи у нас велись на польском языке, но вообще радиопередачами завещовали немцы. У нас была польская пресса, но ее контролировали немцы. У нас были польские школы, народные школы, в которых в последнее время работали, находясь на службе генерал-губернаторства, 80.000 учителей. Польские театры, в том случае, если это было возможно, в крупных городах были снова открыты. Там, где были открыты немецкие театры, были открыты и польские театры. Более того, создалось гротескное положение

9214

H1198 – 0419

H1198 – 0420

После того, как в августе 1944 г. после об"явления так называемой тотальной войны, в Кракове был закрыт немецкий театр, так как все немецкие театры тогда были закрыты, польские театры продолжали работать. Я сам собрал всех польских музыкантов, которых я смог отыскать в 1939 г., профессоров и виртуозов, и основал филармонию в генерал-губернаторстве, которая существовала до самого конца и внесла значительный вклад в культурную жизнь Польши. Я создал в Кракове музей Шопена; для этого из всей Европы собрал все оставшиеся предметы, которые напоминали о жизни Шопена. Я думаю, что этого будет достаточно.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, таким образом, Вы отрицаете то, что Вы провоцили какие-либо мероприятия, которые были направлены на искоренение польской и украинской культуры ?

ФРАНК. Культуру вообще нельзя искоренять. Мероприятия, имеющие целью искоренение культуры, вообще бессмысленны.

ЗАЙДЛЬ. Правильно ли, что Вы сделали все, что было в Вашей власти, для того, чтобы предотвратить эпидемии и улучшить здравоохранение ?

ФРАНК. Об этом подробно расскажет статс-секретарь Бюлер. Здесь было сделано все, что было в человеческих силах.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, Обвинение представило документ СССР-23, это выдержка из дневника. Здесь речь идет об отчете о полицейском совещании от 30 мая 1940 г. Здесь на стр. 33-38 говорится следующее.

ФРАНК. Я думаю, что Вам не стоит оглашать эту цитату, если Трибунал не прикажет Вам сделать это.

ЗАЙДЛЬ. Я хотел прочитать Вам только одно предложение, это относится к краковским профессорам, которых Вы ...

9218

ФРАНК. Разрешите мне сказать сейчас об этих профессорах.

ЗАЙДЛЬ. Хорошо, говорите.

ФРАНК. Я приехал в Краков 17 ноября 1939 г. 5 ноября 1939 г., т.-е. до того, как я туда прибыл, СС и полиция, как я позже установил, вызвали краковских профессоров на собрание и арестовали там многих людей, среди которых были и уважаемые старцы, и направили всех в какой-то концлагерь, как мне кажется, в Оранienбург. Это сообщение я получил. Пусть все, что устно, написано в моем дневнике, здесь я хотел бы заявить под присягой, что я не успокоился до тех пор, пока последний из этих профессоров, которого я смог еще отыскать в марте 1940 года, был освобожден. Вот все, что я могу сказать по этому вопросу.

ЗАЙДЛЬ. На совещании полиции 30 мая 1940 г. рассматривался и вопрос о так называемой акции "АБ", т.-е. о "чрезвычайной акции умиротворения". До того, как я поставлю Вам вопрос относительно этого, я хотел бы Вам прочитать два коротких выдержки из дневника. Одна выдержка от 16 мая 1940г. Вы здесь после описания чрезвычайно напряженной обстановки заявили; что вначале необходимо провести акцию по умиротворению. Затем Вы пишете следующее /я цитирую/:

"Всякого произвола следует избегать. При проведении любого мероприятия необходимо в первую очередь помнить, что следует оберегать авторитет фюрера и империи".

Затем я опускаю несколько предложений и цитирую конец: "Акция эта сейчас ограничена сроком до 15 июня 1940 г". Итак, до 15.VI. 12 июля состоялось совещание с министериальным советником Вилле, руководителем главного правового отдела. Здесь Вы заявили дословно следующее: "По вопросу о

9219

H1198 – 0421

H1198 – 0422

том, что следует сделать с теми преступниками, которые были задержаны во время проведения акции "АБ", необходимо вначале провести совещание с статс-секретарем Бюлером, обергруппенфюрером Крюгером, бригаденфюрером Штрекенбахом и министериальным советником Вилле". /Конец цитаты/.

Что, собственно говоря, провоцилось в действительности под видом этой акции "АБ" ?

ФРАНК. Я здесь не могу ничего добавить к тому, что написано в дневнике, и не могу также что-либо вычеркнуть. Положение было чрезвычайно напряженным. В те месяцы резко увеличилось количество покушений, весь мир организовывал травлю в ответ на попытки установить порядок в этой стране оказывалась поддержка движению сопротивления, и вся эта травля приняла такие формы, что необходимо было провести эту акцию не только в генерал-губернаторстве, но и в других занятых областях. Мне кажется, что фюрер сам отдал распоряжение провести акцию умиротворения. Я стремился сам определить число и характер проведения этой акции и это мне удалось.

И еще я хочу обратить внимание на то, что в связи с этим я дал распоряжение о том, что в каждом отдельном случае я буду использовать свое право помилования и что я для этой цели хочу также получать приговоры к расстрелу, исходившие от СС и полиции. Я хотел, чтобы эти приговоры передавались ~~бы~~ специальному комитету помилования, который был специально создан мной.

ЗАЙДЛЬ. Очевидно свидетель Бюлер также осведомлен об этом ?

ФРАНК. Несмотря на это, я хотел бы сказать, что метод, который тогда применялся, был крайне ошибочен.

9220

H1198 – 0423

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, Вы когда-либо признавали принцип групповых арестов, введенный полицией безопасности и СД ?

ФРАНК. Нет, напротив, когда ко мне поступили первые сообщения об этом, я подал письменную жалобу рейхсминистру Лammерсу по поводу такого удивительного извращения права.

ЗАЙДЛЬ. Первым высшим начальником СС и полиции на востоке в генерал-губернаторстве был обергруппенфюрер Крюгер. Когда этот чиновник СС был отозван и при каких обстоятельствах он был отозван ?

ФРАНК. Отношения между ним и мной были совершенно невозможными. Он хотел ввести свой собственный полицейский и эсэсовский режим и необходимо было решить вопрос: ему или мне уйти в отставку. В последний момент, благодаря вмешательству, насколько я помню, Кальтенбруннера и Вах-Целевского, удалось устранить этого странного человека.

ЗАЙДЛЬ. Обвинение оценивает здесь, между прочим, упоминало, что в данном случае речь шла о личной борьбе за власть. Правильно ли, что здесь шла речь о разногласиях по принципиальным вопросам ?

ФРАНК. Безусловно это была борьба за власть. Я хотел создать такую власть и такое управление, которые были мной описаны в меморандуме фюреру, и должен был поэтому вести борьбу с насилием. Личные мотивы здесь полностью исключаются

ЗАЙДЛЬ. Преемником обергруппенфюрера СС Крюгера был обергруппенфюрер СС Коппе. Скажите, его взгляды и установки отличались от взглядов и установок его предшественника ?

ФРАНК. Да, у меня создалось именно такое представление о нем и я как раз имел его в виду, когда говорил, что в СС также были исключительно честные люди, обладавшие чувством

справедливости.

ЗАЙДЛЬ. В генерал-губернаторстве была украинская и польская полиция ?

ФРАНК. Да. Мне кажется, всего было 25 тысяч человек, которые вступили в польскую полицию безопасности, в уголовную полицию и полицию порядка, и около 5 тысяч человек было в украинской полиции. Они, конечно, также подчинялись немецкому начальнику полиции.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, я теперь перехожу к одному из самых важных вопросов. Вы в 1942 г. в Берлине, в Вене, Гейдельберге и Мюнхене выступали с большими речами перед большой аудиторией. Какие цели Вы преследовали этими речами и каковы были для Вас последствия ?

ФРАНК. Текст этих речей имеется. Это была последней попыткой, предпринятой мной для того, чтобы, используя широкий резонанс общественности, убедить Адольфа Гитлера в том, что сама идея правосудия бессмертна. Я тогда заявил, что империя без правосудия и человечности не сможет долго просуществовать, и высказал в этих речах целый ряд подобных положений. Через несколько дней после того, как я произнес эти речи, и находился в связи с этим под полицейским надзором в Мюнхене, я был лишен всех своих должностей в партии. В виду того, что речь здесь идет о внутриполитических событиях, имевших место в Германии, сохранявшей свой суверенитет, я больше не буду давать показаний по этому вопросу.

ЗАЙДЛЬ. Правильно ли, что Вы в связи с этим заявили о своем уходе в отставку, и какой ответ Вы получили на это заявление?

ФРАНК. Я беспрерывно подавал заявления об отставке, однако, на эти заявления об отставке я получал один ответ: из

9999

H1198 – 0424

H1198 – 0425

внешнеполитических соображений Вы сейчас не можете уйти в отставку.

ЗАЙДЛЬ. Я вначале предполагал, господин свидетель, огласить целый ряд выдержек из Вашего Дневника, которые представляло обвинение. Учитывая то, что, очевидно, обвинение во время перекрестного допроса также будет пользоваться этого метода, я, в интересах экономии времени, отказываюсь от оглашения этих выдержек. У меня нет больше вопросов к свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желает ли еще кто-либо из защитников допросить свидетеля ? Желает ли кто-либо из членов Обвинения подвергнуть свидетеля перекрестному допросу ?

ПОЛКОВНИК СМИРНОВ. Подсудимый, мне хотелось бы несколько уточнить Ваше правовое положение, место, которое Вы занимали в системе фашистского государства. Ответьте мне, пожалуйста, когда Вы были назначены на должность генерал-губернатора оккупированной Польши ? Кому Вы непосредственно подчинялись ?

ФРАНК. Это было 26 октября 1939 г. По крайней мере в этот день было издано распоряжение относительно учреждения должности генерал-губернатора.

СМИРНОВ. Вы помните, что приказом Гитлера, датированным 12 октября 1939 г., Вы были подчинены непосредственно Гитлеру ?

ФРАНК. Я не расслышал первую часть вопроса.

СМИРНОВ. Помните ли Вы приказ Гитлера о назначении Вас на должность генерал-губернатора Польши ? Этот приказ датирован 12 октября 1939 г.

ФРАНК. Это не имело никакого значения, так как распоря-

жение вступило в силу 26 октября 1939 г., так это указано и в "Имперском сборнике законов". До этого я был начальником администрации при военном командующем генерале фон Рундштедте. Я уже говорил об этом.

СМИРНОВ. Этим приказом Гитлера Вы были подчинены непосредственно Гитлеру. § 3, пункт 1-й этого приказа Гитлера.

ФРАНК. Что это за приказ, я прошу показать его мне. Начальники администрации в оккупированных восточных областях подчинялись непосредственно фюреру.

СМИРНОВ. Да, но что Вы скажете по этому вопросу ?

ФРАНК. Для того, чтобы пояснить это, я могу сказать, что в § 3 говорится следующее: "Генерал-губернатор подчиняется непосредственно мне", но в § 9 этого же указа написано: "Этот указ вступает в силу тогда и в том случае, если я отменю данный главнокомандующему сухопутных сил приказ об учреждении военной администрации". И эта отмена этого приказа и, таким образом, вступления в силу данного приказа имела место 26 октября.

СМИРНОВ. Я с Вами совершенно согласен и по этому поводу имеются указания в книге, которое Вы, очевидно, помните, эта книга "В". Помните Вы эту книгу генерал-губернаторства ?

ФРАНК. Это, очевидно, имеется и в распоряжении.

СМИРНОВ. Так вот, тогда, когда этот приказ вступил в действие, кому подчинялись непосредственно Вы ?

ФРАНК. Что я должен прочитать здесь ? Здесь имеются различные записи, ~~что~~ чего Вы хотите ? Относительно чего я должен высказать свое мнение ?

СМИРНОВ. Там говорится о том, что этот приказ вступил в

H1198 – 0426

H1198 – 0427

действие 26 октября. Так вот, когда этот приказ вступил в действие, кому тогда подчинялись Вы ? Был еще издан другой приказ Гитлера или не было ?

ФРАНК. Имеется только одно принципиальное распоряжение относительно генерал-губернатора, именно это распоряжение. Я не знаю...

СМИРНОВ. Совершенно точно. Другого распоряжения не было

ФРАНК. Имеется еще целый ряд распоряжений. Например...

СМИРНОВ. Это я понимаю. Но распоряжения, определяющего порядок управления, не было ?

ФРАНК. Разрешите мне указать на то, что лучше всего это можно установить на стр. 100-й А Вашей книги. Здесь дословно приводится приказ фюрера.

СМИРНОВ. Совершенно верно.

ФРАНК. Там в § 9 сказано, что этот приказ вступает в силу 26 октября.

СМИРНОВ. Совершенно точно. После 26 октября Вы подчинялись, как генерал-губернатор, Гитлеру ?

ФРАНК. Да, так точно.

СМИРНОВ. Так вот, может быть, Вы припомните, кем и когда Вы были назначены поверенным по проведению в оккупированной Польше 4-летнего плана ?

ФРАНК. Герингом.

СМИРНОВ. Следовательно, Вы были поверенным Геринга по проведению 4-летнего плана в Польше ?

ФРАНК. История этого назначения очень коротка: Действия некоторых уполномоченных по 4-летнему плану в генерал-губернаторстве заставляли меня беспокоиться ...

СМИРНОВ. Но я прошу Вас ответить ...

ФРАНК. И поэтому я обратился к рейхсмаршалу и попросил его, чтобы он назначил меня уполномоченным по 4-летнему плану в Польше.

СМИРНОВ. И он назначил Вас ?

ФРАНК. Да. Но это было позже, в январе, кажется.

СМИРНОВ. Нет. Это было в декабре.

ФРАНК. Да. Это было после этого распоряжения.

СМИРНОВ. Значит, с декабря 1939 г. Вы были уполномоченным Геринга по 4-летнему плану ?

ФРАНК. Геринга ? Я был уполномоченным по четырехлетнему плану в Польше.

СМИРНОВ. Может быть, Вы припомните, что в октябре 1939 г. было издано постановление об организации управления в генерал-губернаторстве ?

ФРАНК. Да. Это здесь имеется.

СМИРНОВ. Может быть, Вы припомните § 3 этого постановления ?

ФРАНК. Да.

СМИРНОВ. Там было: "Генерал-губернатор и его заместитель непосредственно подчинены начальнику управления генерал-губернаторства". И та часть, которая меня интересует, идет дальше, а именно: "Начальнику полиции и СС".

Не соответствует ли § 3 тому, что с первых дней пребывания в должности генерал-губернатора Вы приняли на себя руководство полицией и СС, а, значит, и ответственность за их действия ?

ФРАНК . Нет. Я отвечу на этот вопрос категорически "нет" и я хотел бы об"яснить это ...

9226

H1198 – 0428

H1198 – 0429

СМИРНОВ. Меня интересует, подсудимый, как же иначе можно трактовать это ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полковник Смирнов! Разрешите ему дать свои об"яснения. Подсудимый, Вы можете дать свои об"яснения.

ФРАНК. Я хотел бы сделать очень краткое заявление. Имеется старый правовой принцип, который говорит, что нельзя предоставлять кому-либо больше прав, чем ты сам располагаешь. То, что я изложил здесь, было идеалом, к которому я стремился. Итак, оно должно было бы быть и каждый должен подтвердить, что будет логично и естественно подчинить полицию начальнику администрации. Фюрер, который один мог принять решение по этому вопросу, не издавал такого распоряжения. А я не имел силы и власти для того, чтобы это распоряжение, которое я составил на словах, было проведено в жизнь. Вот то, что я хотел сказать по этому вопросу.

СМИРНОВ. Значит, разрешите Вас понять следующим образом: этот параграф 3 был идеалом, к которому Вы стремились, но которого Вы не могли достичь ?

ФРАНК. Я прошу извинения, но я не понял, говорите медленнее.

СМИРНОВ. Повторить вопрос ?

ФРАНК. Да.

СМИРНОВ. Я спросил Вас о следующем: значит, это заявления можно понять следующим образом: § 3 этого постановления был идеалом, к которому Вы стремились и который Вы декларировали, но достичь которого Вы не могли ?

ФРАНК. Да. То - идеал, которого я не мог достигнуть. Это подтверждается той необходимостью, что позже был учрежден специальный государственный секретариат безопасности.

9291

то была последняя попытка найти выход.

СМИРНОВ. Может быть, Вы припомните, что между Вами и Гиммлером в апреле 1942 г. происходили специальные переговоры ?

ФРАНК. Да, очевидно. Я не знаю, откуда Вы берете эту дату. Я не могу по памяти установить дату. Я всегда пытался ...

СМИРНОВ. Да. Безусловно, это было, я имею документы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подождите, пожалуйста, полковник Смирнов. Продолжайте.

СМИРНОВ. Для удостоверения этого обстоятельства я могу прибегнуть к дневнику. Может быть, Вы припомните, что в результате переговоров было достигнуто соглашение между Вами и Гиммлером?

ФРАНК. Да, соглашение было достигнуто.

СМИРНОВ. Для того, чтобы восстановить в памяти эти обстоятельства, я попрошу передать Вам соответственный том дневника, чтобы Вы имели перед глазами этот текст.

/Предъявляется документ Франку/.

ФРАНК. Да, пожалуйста.

СМИРНОВ. Я прошу Вас обратиться к одному параграфу этого соглашения, а именно к § 2. Он очень короток, я напомню Вам. Здесь сказано ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Где мы можем найти это место ? Это датировано 14 апреля 1942 года ?

СМИРНОВ. Совершенно точно, 14 апреля 1942 года. Документ СССР-223, он переведен на английский язык, я сию секунду передам его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Этот документ у нас, кажется, есть.

9228

H1198 - 0430

H1198-0431

СМИРНОВ. Это документ СССР№223. Он был переведен на английский язык и распространен. Страница 18 английского текста. Я прошу Вас припомнить его содержание. Здесь сказано: "Высший фюрер СС и начальник полиции, статс-секретарь по делам безопасности подчиняются прямо и непосредственно генерал-губернатору, если же он отсутствует, то его заместителю". Не соответствует ли это тому, что Гиммлер согласился с Вашим, так сказать, целым о подчинении Вам полиции ?

ФРАНК. Да, очевидно. В этот день я был в некоторой степени удовлетворен. Но уже через несколько дней все это опять взлетело на воздух. Я по этому поводу могу лишь сказать, что эти мои попытки не прекращались, однако, никогда, к сожалению, не удалось осуществить мои планы. Уже здесь, в § 3-м, если Вы прочтете дальше, указано, что рейхсфюрер СС, в соответствии с настоящим указом фюрера, может непосредственно давать указания статс-секретарю. Таким образом, здесь опять Гиммлер оставил за собой право давать непосредственные указания Крюгеру.

СМИРНОВ. Это верно, но тогда я попрошу обратить внимание на следующую часть.

ФРАНК. Разрешите сказать кое-что по этому поводу. Это соглашение само по себе не вступило в силу, а лишь было опубликовано в форме указа фюрера в "Имперском сборнике законов". Я, к сожалению, точно не помню даты. Это-указ относительно упорядочения вопросов безопасности в генерал-губернаторстве и только этот указ фюрера является действительно решающим. Здесь тоже сказано: "Настоящий указ фюрера..." Таким образом это соглашение было ~~письменно~~ фиксацией того, что было позже опубликовано в указе фюрера

СМИРНОВ. К этому я как раз хотел перейти. Вы согласны с тем, что это постановление является почти дословным указом фюрера ?

ФРАНК. Я не могу этого сказать здесь под присягой. Для этого я должен посмотреть текст указа фюрера, который Вы будете столь любезны предоставить мне.

СМИРНОВ. Кстати, этот указ есть и в Вашей книге документов.

/Предъявляется документ Франку/.

ФРАНК. Очевидно, все самое важное из этого соглашения было включено в указ, но с некоторыми поправками. Но у меня теперь забрали книгу и я не могу сравнить.

СМИРНОВ. Перелайте книгу.

/Предъявляется книга документов/.

ФРАНК. И был при этом внесен целый ряд очень важных поправок.

СМИРНОВ. Я просил бы Вас обратиться к § 3 декрета Гитлера от 7 мая 1942 года. Там сказано: "Статс-секретарь безопасности находится в прямом подчинении генерал-губернатора." Является ли это подтверждением того, что полиция генерал-губернаторства все-таки подчинялась непосредственно Вам ? Это-параграф 3-й декрета.

ФРАНК. Я хотел бы сказать, что дело обстоит не так. Полиция на основе этого указа не подчинялась мне. Мне подчинялся только статс-секретарь по вопросам безопасности. Здесь не сказано, что полиция подчиняется генерал-губернатору, только статс-секретарь по безопасности подчиняется ему. И если дальше Вы прочтете, например, 4-й параграф, то Вы опять найдете указание на трудности. Этот указ Адольфа

9230

H1198 – 0432

H1198 – 0433

Гитлера составлялся в мое отсутствие; меня Гитлер не вызывал, иначе бы я протестовал против этого указа. Но так или иначе это позднее все равно не оправдало себя. В § 4 написано, что рейхсфюрер СС и шеф немецкой полиции имеет право непосредственно давать статс-секретарю безопасности указания по вопросам, связанным с безопасностью и с консолидацией немецкого народа. Если Вы сравнить это с первоначальной редакцией соглашения, которое имеется в дневнике, то Вы найдете, что здесь фюрер внес коренное изменение по одному из важных вопросов, а именно в отношении комиссара по вопросам консолидации немецкого народа. Этот комиссар ведал вопросами переселения и еврейским вопросом.

СМИРНОВ. Мне кажется, подсудимый, что Вы взяли только одну сторону вопроса и процитировали указ несколько односторонне. Разрешите мне напомнить Вам параграф 4-й. В пункте § 2 сказано: "Статс-секретарь – речь идет о Крюгере – получает согласие генерал-губернатора на исполнение указаний рейхсфюрера СС и германской полиции". И разрешите перейти к § 5 этого же декрета Гитлера, где сказано: "В случае разногласия между генерал-губернатором и рейхсфюрером СС и германской полицией запрашивается мое решение через рейхсминистра и начальника имперской канцелярии." В связи с этим разрешите спросить Вас, не свидетельствует ли это о значительных правах, предоставленных Вам в области руководства полицией и СС в генерал-губернаторстве, а значит и о Вашей ответственности за действия этих органов ?

ФРАНК. Текст указа подтверждает это. Однако действительный ход событий явно противоречит этому. Я думаю, что мы еще подробно остановимся на этом. Итак, я утверждаю, что

эта попытка получить возможность оказывать какое-либо влияние, по крайней мере на полицию и на СС, также не удалась.

СМИРНОВ. Тогда позвольте узнать, чья это была попытка ? В данном случае это, очевидно, попытка Гитлера, потому что он подписал этот приказ. Видимо, Крюгер был сильнее Гитлера ?

ФРАНК. Мне не совсем понятен сам по себе вопрос. Вы считаете, что Крюгер нарушил приказ фюрера ? Безусловно, он это сделал. Но это не имеет ничего общего с силой. Это рассматривалось как большая уступка мне со стороны Гиммлера.

СМИРНОВ. Следовательно ...

ФРАНК. Кроме того, я здесь ссылаюсь на меморандум, относящийся, мне кажется, к лету 1942 года, т.-е. сейчас же после того, как вступил в силу указ фюрера.

СМИРНОВ. Сейчас у меня к Вам следующий вопрос. Неужели, располагая ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Суд об"является перерыв.

/Перерыв до 14.00/

Т Н.

9232

H1198 – 0434

H1198 – 0435

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 18 апреля 1946 года

(ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ)

Встать! Суд идет!

/К микрофону подходит полковник Смирнов./

СМИРНОВ. Скажите, подсудимый, кто был фактическим руководителем партийной работы национал-социалистской партии в Генерал-губернаторстве?

ФРАНК. Я ничего не слышу /проверяются наушники/.

СМИРНОВ. У меня к Вам следующий вопрос. После того как 6 мая 1940 г. в генерал-губернаторстве...

ФРАНК. Вы говорите 5-го мая?

СМИРНОВ. ...в генерал-губернаторстве была создана нацистская организация, кто был назначен ее руководителем?

ФРАНК. Я.

СМИРНОВ. Таким образом, в ваших руках концентрировалось руководство администрацией, национал-социалистской политической жизнью и полицией? Следовательно, Вы несете ответственность за административную, полицейскую и политическую жизнь в генерал-губернаторстве?

ФРАНК. Если Вы хотите слышать от меня ответ, то я должен заявить, что протестую против того, что Вы говорите, что я руководил полицией.

СМИРНОВ. Мне кажется, что только так можно понять указ Гитлера и другие документы, которые я Вам уже огласил.

ФРАНК. Да, конечно, если оставить без внимания то, что было в действительности, истинные обстоятельства дела.

H1198 – 0436

СМИРНОВ. Перейдем к другой группе вопросов. Скажите, Вы узнали о существовании Майданека только в 1944 году?

ФРАНК. В 1944 г., я услышал официально о Майданеке в 1944 году от руководителя прессы Машнера.

СМИРНОВ. Я попрошу пред"явить составленный вами и представленный Вашей защитой документ. Это – Ваш рапорт на имя Гитлера, датированный маем 1943 года. Я оглашу Вам одно место из этого рапорта и напомню Вам, что рапорт датирован маем 1943 года, т.е. простите – 7 июня 1943 года. Начинаю цитату: "В качестве доказательства степени недоверия к германскому руководству, я прилагаю характерную выдержку из донесения главного начальника полиции безопасности и СД в генерал-губернаторстве".

ФРАНК. Простите. Мне показали не то место. Мне указали на стр. 35 немецкого текста. Но это, очевидно, не то.

/Франку показывают нужную выдержку./

СМИРНОВ. Вы нашли теперь это место?

ФРАНК. Да, я нашел, но Вы начали читать с совершенно другого предложения. У меня предложение начинается со слов: "Большая часть польской интеллигенции..."

СМИРНОВ. Нет, нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какая это страница?

СМИРНОВ. 35 страница немецкого текста, последний абзац.

ФРАНК. У меня этот абзац начинается следующими словами: "Большая часть..."

СМИРНОВ. Я продолжаю цитату: "В качестве доказательства степени недоверия к германскому руководству я прилагаю /это Ваши слова, они несколько выше той цитаты, на которую Вы сейчас сослались/, характерную выдержку из донесения главного начальника полиции безопасности и СД в генерал-

H1198 – 0437

губернаторстве за период с 1 по 31 мая 1943 г., в котором освещаются вопросы..."

ФРАНК. У меня этого нет. Я прошу Вас показать, где это место. Того, что Вы сейчас оглашаете, у меня в тексте нет.

СМИРНОВ. Нет, это есть в Вашем тексте, но несколько выше того места, на которое Вы смотрите.

ФРАНК. Это, очевидно, здесь выпущено.

СМИРНОВ. Я начинаю сейчас с того места, которое находится в последнем абзаце. Следите за текстом. "Большая часть польской интеллигенции не поддается, однако, влиянию известий из Катыни и противопоставляет немцам подобные же злодеяния в Освенциме". Я опускаю следующую фразу и продолжаю цитирование Вашего рапорта: "В рабочих кругах, поскольку они даже не настроены коммунистически, эти сообщения, хотя и не оспариваются, но одновременно указывается на то, что отношение к полякам ничуть не лучше". Обратите внимание на следующую фразу: "Ведь имеются же концлагери в Освенциме и Майданеке /в Освенциме и Майданеке/, где массовое убийство поляков производилось по конвейеру".

Как примирить с этим местом из Вашего же рапорта, где Вы говорите об Освенциме и о Майданеке и об убийствах, совершающихся там по конвейеру, Ваше заявление о том, что Вы узнали о Майданеке только в конце 1944 года? Ведь Ваш рапорт датирован июнем 1943 года, Вы говорите там и об Освенциме, и о Майданеке ?

ФРАНК. В связи с Майданеком мы говорили об уничтожении евреев. Об уничтожении евреев в Майданеке я узнал только летом 1944 года. Насколько я помню, до этого времени вопрос о Майданеке поднимался только в связи с вопросом об уничтожении евреев.

9235

H1198 – 0437

H1198 – 0438

СМИРНОВ. Следовательно, Вас можно понять следующим образом /я исхожу из представленного Вам текста/, что в мае 1943 г. Вы знали о массовом убийстве поляков, в мае, а в 1944 г. узнали о массовом убийстве евреев?

ФРАНК. Да, ко мне поступили официальные сведения относительно уничтожения евреев в 1944 году, сведения поступали к нам из-за граничной прессы.

СМИРНОВ. А о массовых убийствах поляков Вы знали в 1943 году?

ФРАНК. Об этом как раз говорится в моем меморандуме. Против этого я как раз протестовал и обращался по этому вопросу к фюреру.

СМИРНОВ. Я прошу сейчас передать Вам еще один документ. /Подсудимому подносят документ, с котором он знакомится./

Вы знаете этот документ, Вам он знаком?

ФРАНК. Это распоряжение от 2 октября 1943 г. Я надеюсь, что то, что текст оглашаемого Вами распоряжения идентичен с подлинным текстом распоряжения?

СМИРНОВ. Он согласован с подлинным текстом. Во всяком случае, Ваш защитник может следить, соответствует он ему или нет. У меня к Вам один вопрос. Как Вы расцениваете этот закон, подписанный Вами?

ФРАНК. Да, это тот документ.

СМИРНОВ? Вы были президентом имперской академии права. Как, с точки зрения элементарных норм права, Вы можете расценить этот закон, подписанный Вами?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какой номер этого документа?

H1198 – 0439

СМИРНОВ. Это СССР-335, господин Председатель.

ФРАНК. Это общий статут "Штандгерихтов" /полевых судов/. В нем предусматривается, что каждый процесс должен проводиться одним судьей, что о ходе судебного разбирательства составляется протокол и затем ведется стенограмма заседаний. Кроме того, я имел право на помилование. И поэтому каждый вынесенный приговор представлялся мне.

СМИРНОВ. Я прошу Вас сообщить, кто входил в состав этого суда. Может быть, Вы обратите внимание на параграф 3, пункт 1-й. Параграф 3-й.

ФРАНК. Полиция безопасности, да.

СМИРНОВ. Вы говорите о Вашем плохом отношении с полицией, почему же именно полиции безопасности Вы предоставили право расправы с населением Польши?

ФРАНК. Потому, что это был единственно возможный путь для оказания влияния на вынесение приговоров. Если бы я не издал это распоряжение, то полиция действовала бы просто сама, по собственной инициативе, а у нас не было бы никаких возможностей для контроля.

СМИРНОВ. Вы говорили о праве помилования, предоставленного вам. Может быть, Вы обратите внимание на параграф 6-й этого закона.

Я напомню Вам его: "Приговоры военно-полевых судов полиции безопасности подлежат немедленному исполнению".

Я напоминаю Вам, что был только один вариант приговора - "смерть". Что Вы могли изменить, если сразу после приговора осужденный был расстрелян или повешен?

H1198 - 0439

H1198 – 0440

ФРАНК. Несмотря на это, приговор все же должен был представляться мне на утверждение.

СМИРНОВ. Да, но приговоры подлежали немедленному исполнению?

ФРАНК. Это распоряжение общего порядка, которое я издал в связи с тем, что мне было предоставлено право помилования. Комитет по вопросам помилования работал непрерывно. Мы получали дела...

СМИРНОВ. Если Вы заговорили о праве помилования, я задам Вам еще один вопрос. Вы помните, что представляла собой акция "АБ"?

ФРАНК. Да.

СМИРНОВ. Вы помните, что эта акция обозначала казнь тысяч польских интеллигентов?

ФРАНК. Нет.

СМИРНОВ. А что же она представляла в таком случае?

ФРАНК. Она была задумана в рамках общих мероприятий по умиротворению. Моей целью было восстановить порядок, чтобы исключить всякую возможность произвольных действий со стороны полиции. В этом и заключался смысл этой акции.

СМИРНОВ. Мне мало понятна Ваша формулировка. Как поступали с лицами, которые были подвергнуты акции "АБ", что с ними делали?

ФРАНК. В начале на этом заседании речь шла только об аресте.

СМИРНОВ. Я спрашиваю Вас, что с ними делали?

ФРАНК. Их арестовывали и помещали в места заключения.

СМИРНОВ. А потом?

ФРАНК. Затем в соответствии с установленным порядком, производилось разбирательство их дела.

H1198 – 0441

Во всяком случае таковы были мои намерения.

СМИРНОВ. Или дело передавалось исключительно полиции?

ФРАНК. Всем этим руководила полиция.

СМИРНОВ. Иначе говоря, полиция руководила уничтожением этих людей после того, как они арестовывались?

ФРАНК. Да.

СМИРНОВ. Так. Скажите, пожалуйста, почему при применении этой бесчеловечной акции Вы отказались от применения Вами права помилования, предоставленного Вам?

ФРАНК. Я применял это право.

СМИРНОВ. Я попрошу пред"явить Вам Ваши же высказывания от 30 мая 1940 г. Вы, очевидно, вспомните это заседание с полицией 30 мая 1940 г. Вы инструктировали полицию?

ФРАНК. Нет.

СМИРНОВ. Там Вы заявили следующее, что "всякую попытку вмешательства судебных учреждений в предпринятую с помощью полиции операцию "АБ" надо было бы считать изменой государству, немецким интересам". Вы помните эти слова?

ФРАНК. Я не помню, но Вы должны еще раз рассмотреть всю обстановку в течение нескольких недель и обратить внимание на все, что было связано с этим вопросом. Кроме того вы не должны выхватывать отдельные предложения из общего контекста, а исходить из общего контекста. Общий контекст излагает развитие событий в течение недель, месяцев, так как между этими двумя отрезками времени произошло основание комитета помилования, в то же время я выступил со своим протестом против произвольных мер.

В то же время для проведения всех процессов были привлечены судебные органы. По моему мнению, эти события длились много недель и их нельзя полностью охватить и выразить в одном предложении.

СМИРНОВ. Я говорю о словах, которые, как мне кажется, для юристов не допускают двоякого толкования. Вы пишете: "Состоящей при мне комиссии по помилованию эти дела не касаются. Операции "АБ" проводятся исключительно начальником СС и полиции Крюгером и его органами. Это чисто внутренняя необходимая карательная операция, выходящая за рамки нормального процесса". Значит Вы отказались от права помилования?

ФРАНК. В этом особом случае. Если Вы проследите дальнейшее развитие этой акции "АБ" в последующие недели, то Вы увидите, что она не проводилась в жизнь. Существовало однажды такое намерение, дурное намерение, от которого я, слава богу, во-время отказался. Может быть, мой защитник скажет еще кое-что об этом.

СМИРНОВ. Меня интересует единственный вопрос - отказались Вы от права помилования или нет?

ФРАНК. Нет.

СМИРНОВ. Как тогда иначе понять Ваши слова. Вот одна фраза: "Состоящей при мне комиссии по помилованию эти дела не касаются". Как иначе толковать эту фразу?

ФРАНК. Это не указ, это не распоряжение, это также не окончательное урегулирование всего вопроса. Это было просто брошенное в тот момент замечание, которое и обсуждалось затем в последние дни. Нужно рассматривать окончательную картину того или иного развития событий, а не различные моменты самого процесса развития.

СМИРНОВ. Я понимаю Вас, подсудимый. И я спрашиваю

H1198 – 0442

H1198 – 0443

Вас о том, было ли это произнесено на заседании с полицией и инструктировали ли Вы полицию?

ФРАНК. Нет, на этом заседании , нет. Я предполагаю, что это имело место в другой связи. Здесь мы обсуждали только эти мероприятия. Я должен был говорить также еще и со статс-секретарем Бюлером.

СМИРНОВ. Обсуждая с полицией акцию "АБ", Вы заявили полиции, что результаты этой акции не будут касаться комиссии по помилованию, состоящей при Вас. Это так, правильно?

ФРАНК. Это предложение имеется в дневнике. Но оно не является результатом, а только лишь промежуточной стадией.

СМИРНОВ. Может быть, мне стоит напомнить Вам еще одну фразу, чтобы судить о результатах этой акции. Я прошу показать Вам это место, чтобы Вы его вспомнили. Вы говорили следующее: "Нам не нужно сажать эти элементы в германские концентрационные лагери, потому что тогда у нас начались бы хлопоты и ненужная переписка с их семьями. Мы ликвидируем их в самой стране, сделаем мы это в самой простой форме".

О чем шла речь? О "ликвидации в самой простой форме", не так ли?

ФРАНК. Это ужасное слово. Но, слава богу, это в данной форме не было претворено в действительность.

СМИРНОВ. Да, но эти люди были казнены, как же это не было претворено в действительность? Значит, очевидно, это было претворено в действительность, так как эти люди были уничтожены?

ФРАНК. Да, если они были осуждены, их казнили, если не было применено право помилования.

СМИРНОВ. Причем осуждены без всякого применения права помилования?

ФРАНК. Я не думаю, чтобы это действительно было так.

СМИРНОВ. К сожалению, этих людей нет, так что, очевидно, они были уничтожены.

ФРАНК. Какие люди?

СМИРНОВ. Арестованные при акции "АБ".

Я напомню Вам еще одно место, связанное с акцией "АБ". Если Вы не были согласны с полицией по поводу различных полицейских акций, то как об"яснить~~... то, как об"яснить~~ устроенное Вами торжественное чествование бригаденфюрера СС Штрекенбахера, когда он уезжал в Берлин? Не служит ли это, по меньшей мере, признаком /выражением/ приятельских отношений с полицией?

ФРАНК. Видите ли, очень часто в политике говорятся многие вещи, которые не соответствуют действительности. Вам это известно так же хорошо, как и всякому другому.

СМИРНОВ. Подсудимый, я напомню Вам лишь одно место из Вашей речи бригаденфюреру Штрекенбахеру - одну фразу. Вы говорите тогда:

"То, что Вы, бригаденфюрер Штрекенбахер, и Вы /и полиция/ сделали в генерал-губернаторстве, - не должно быть забыто, и Вам совершенно нечего стыдиться".

9249

H1198 – 0444

H1198 – 0445

Не свидетельствовали ли эти Ваши слова о , по меньшей мере, положительном отношении к Штреккенбахеру и к его подчиненным. Ведь Вы говорили о том, что то, что сделали Штреккенбахер и полиция в генерал-губернаторстве - не должно быть забыто.

ФРАНК. Это и не было забыто.

СМИРНОВ. Я не имею больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Итак, на этом Вы заканчиваете перекрестный допрос?

/К микрофону подходит представитель американского обвинения, г-н Додд/.

Г-н ДОДД. У меня только один или два вопроса, господин Председатель.

Из Вашего допроса я понял, что Вы говорите о том, что Вы никогда не собирали для себя лично никаких художественных ценностей в генерал-губернаторстве. Под этим я , конечно, не имею ввиду, что у Вас эти ценности не были собраны и зарегистрированы. Они, действительно, были у Вас собраны и зарегистрированы, не так ли?

ФРАНК. Я сказал, что все произведения искусства в генерал-губернаторстве собирались в официальном порядке и регистрировались. Регистрационная книга была здесь пред"явлена.

Г-н ДОДД. И Вы заявили Трибуналу, что, прежде чем

Вы приступили к исполнению своих обязанностей,- одна коллекция произведений Дюрера была уже увезена.

ФРАНК. Я прошу Вас понять это следующим образом. Это были гравюры Дюрера, которые были увезены из Львова еще до того, как начала свою деятельность гражданская администрация. В то время господин Мюльман поехал во Львов и взял эти произведения Дюрера из библиотеки. Я до этого никогда не был во Львове. Мне кажется, что эти произведения Дюрера были доставлены затем непосредственно в главную ставку фюрера или Ке рейхсмаршалу Герингу.

Г-н ДОДД. Я хочу сказать, что они были собраны для Геринга. Разве это не является фактом?

ФРАНК. Статс^секретарь Мюллер на мой запрос ответил, что он приехал и увозит эти картины по поручению рейхсмаршала Геринга.

Г-н ДОДД. Не было ли других предметов искусства, которые были собраны рейхсмаршалом, а также подсудимым Розенбергом в то время, когда, как Вы сказали Трибуналу, Вы были слишком заняты военными вопросами для того, чтобы заниматься подобными делами?

ФРАНК. В генерал-губернаторстве мне об этом ничего не было известно. Эйнзацштаб Розенберга не имел никаких функций в генерал-губернаторстве, за исключением собрания композитора Эйспера и одной

H1198 - 0446

H1198 – 0447

еврейской библиотеки из Люблина, я не имел полномочий для того, чтобы требовать от Розенберга возвращения каких-либо предметов, из"ятых в генерал-губернаторстве.

Г-н ДОДД. Но некоторые художественные ценности были найдены именно в Вашем владении, когда Вы были взяты в плен американскими войсками.

ФРАНК. Да, это так, но они не были в моем распоряжении. Я просто прятал их, причем не для себя. Они были вывезены мною из горевшей Силезии. Другими какими-нибудь способами их нельзя было бы спасти. Здесь речь идет о таких памятниках искусства, которые известны всему миру и которые значатся в перечне книги под №№ 1-10. Такую вещь, как "Мону-Лизу" украсть нельзя.

Г-н ДОДД. Хорошо, я просто хочу выяснить этот вопрос. Насколько мне известно , во время допроса Вы заявили, что некоторые из них были в Вашем владении. Но я совершенно не пытаюсь утверждать, что Вы сохраняли их лично для себя. Вы, я думаю, достаточно ясно сказали об этом.

ФРАНК. Поскольку это имеет особо важное для меня значение, я только хотел бы отметить, эти произведения искусства могли быть сохранены только таким образом. В противном случае они все бы погибли.

9215

H1198 – 0448

Г-н ДОДД. Очень хорошо. У меня есть еще вопрос, который я хотел бы выяснить. Насколько я Вас понял, Вы заявили сегодня утром, что Вы в течение некоторого времени добивались освобождения некоторых профессоров из Кракова, которые были захвачены и посланы в Ораниенбург вскоре после оккупации Польши. И возможно, Вам известно то, что Вы сами записали об этом в Вашем дневнике?

ФРАНК. Да, сегодня утром я уже сказал, что, несмотря на то, что стоит в дневнике, следует считать правдой мои слова, которые я сказал сегодня утром. Вы не должны забывать, что у меня было очень много смертельных врагов, которые тотчас же все доносили о каждом слове, которое я произносил, фюреру и Гиммлеру.

Г-н ДОДД. Вы, конечно, припоминаете, что Вы предлагали возвратить этих профессоров в Польшу с тем, чтобы там их либо заключить в тюрьму, либо уничтожить.

ФРАНК. Никогда, даже если Вы пред"явите мне такое высказывание. Я этого никогда не делал. Наоборот, я затем принял у себя краковских профессоров и имел с ними беседу в очень спокойной и мирной обстановке. Я сам больше всего сожалел именно об этом.

Г-н ДОДД. Возможно, Вы меня не поняли. Я говорю о том, что Вы сами писали в своем дневнике об этих профессорах и я был бы рад прочесть вам эту выдержку и пред"явить ее в случае, если Вы будете опровергать то,

что было Вами написано. Вы не отрицаете, что Вы записали в своем дневнике, что их следует возвратить в Польшу либо для уничтожения, либо для заключения в тюрьму, не так ли? Вы этого не отрицаете?

ФРАНК. Я говорю, что я все это сказал перед лицом врагов. В действительности же я освободил этих профессоров и позже с ними ничего не произошло.

Г-н ДОДД. Вы также, может быть, преследовали особые цели, когда Вы так дружественно прощались с генералом Крюгером, одним из высших командиров СС и полиции.

.. ФРАНК. Дело обстояло совершенно таким же образом. Я хотел бы сказать, господин обвинитель, что я полностью признаю то, что следует признать. Но я дал присягу, что я ничего не прибавлю. Нельзя признать больше того, чем я признал, передав свои дневники. Но единственное, о чем я прошу, это не заставлять меня прибавлять то, чего не было.

Г-н ДОДД. Я ничего не прошу Вас добавлять . Я только пытаюсь выяснить этот вопрос. Вы сейчас поставили в затруднительное положение как себя, так и других Вами . Мы не можем верить тому, что Вы ~~были~~ написали в вашем дневнике, то как же Вы хотите, чтобы мы поверили тому, что Вы здесь говорите. Ведь Вы лично сами все это писали, и я считаю, что в то время Вы не думали, что Вам будут предъявлены Ваши записи.

2247

H1198 – 0449

H1198 – 0450

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не имеет ли он ввиду, что это представляет собой запись его речи, которая была им произнесена.

Г-н ДОДД. Да, она была записана в его дневнике.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Там, где он говорит: "Я сделал это для того, чтобы провести своих противников"?

Г-н ДОДД. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я полагаю, что эта запись является записью одной из речей, произнесенных им.

Г-н ДОДД. Да, и она была записана в дневнике.

ФРАНК. Позвольте сказать. Не я поставил себя в такое тяжелое положение, а развитие военных событий. Оно поставило в тяжелое положение каждого человека, работавшего по административной линии.

Г-н ДОДД. И, наконец, припоминаете ли Вы запись в ~~своем~~ дневнике, где вы говорите о том, что у Вас состоялась полуторачасовая беседа с фюрером и что Вы...

ФРАНК. Когда произошла последняя беседа?

Г-н ДОДД. Эта запись была сделана в Вашем дневнике в понедельник 17 марта 1941 г....

ФРАНК. Это, очевидно, одна из этих немногих бесед, но был ли у него один я - этого я не помню.

Г-н ДОДД. В этой записи Вы говорите о том, что Вы и фюрер пришли к полному согласию и что он одобрил все проводимые мероприятия, включая и декреты, касающиеся всей организации страны. Вы подтверждаете сейчас эти записи?

ФРАНК. Я хочу по этому поводу сказать следующее. Фюрер давал обещания очень быстро и неожиданно, но до их претворения в действительность приходилось ждать очень долго.

H1198 – 0451

Г-н ДОДД. Был ли это один из тех случаев, когда Вы высказывали жалобы фюреру, как Вы об этом говорили нам сегодня утром?

ФРАНК. Я жаловался непрерывно. Как Вы знаете, я четырнадцать раз подавал прошения об отставке.

Г-н ДОДД. Да, я знаю об этом; но во время этой беседы фюрера, состоявшейся 17 марта 1941 г., высказывали ли Вы свои жалобы фюреру и получили его одобрение, или же все Ваши жалобы были отклонены им?

ФРАНК. Фюрер нашел тогда очень простой выход, он просто мне сказал: "Вы сами должны договорится об этом с Гиммлером".

Г-н ДОДД. По существу, это не является ответом. Вы записали в своем дневнике, что Вы обсудили с фюрером все ~~жалобы~~ вопросы и он одобрил их, но в дневнике ничего не упомянули о каких-либо разочарованиях по поводу высказывания жалоб. Правда, это не являлось речью, которую Вы записали в своем дневнике - это просто запись относительно Вашей беседы с фюрером. И мой вопрос очень простой, я спрашиваю Вас, признаете ли Вы сейчас, что Ваша запись в дневнике соответствовала действительности, или же она была фальшивой?

ФРАНК. Простите, я не сказал, что там были неправильные записи. Я этого никогда не говорил. Я не торгуюсь из-за слов. Я просто сказал, что нельзя вырывать отдельные слова из контекста. Их нужно толковать в связи

H1198 – 0452

с общим контекстом. И если я говорю своим служащим о том, что мы встречались с фюрером и что он был согласен с моими мероприятиями, то все это делалось для того, чтобы поддержать мой авторитет среди чиновников, который без имени фюрера поддержать было нельзя. Каковы были мои действительные мысли из этого заключить нельзя. Повторяю, господин обвинитель, что я не прошу здесь о чем-либо и я не спорю из-за слов.

Г-н ДОДД. Очень хорошо. У меня нет больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /обращается к защитнику Зайдлю/. Д-р Зайдль, желаете ли Вы задать дополнительные вопросы подсудимому?

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель! Первый вопрос, который поставил Вам советский обвинитель, был следующий: были ли Вы руководителем НСДАП на территории генерал-губернаторства? На этот вопросы Вы ответили: "Да". Скажите, оказывала ли национал-социалистская партия в генерал-губернаторстве решающее влияние на административную и политическую жизнь?

ФРАНК. Нет. Партия, как организация, подчинялась мне, конечно, только номинально, т.к. все чиновники, члены партии, были назначены заранее без моего ведома Борманом. Не существует ни одного чрезвычайного декрета фюрера о деятельности НСДАП в оккупированных областях, в котором бы говорилось, что вся деятельность НСДАП в оккупированных областях непосредственно подчинена рейхслейтеру Борману.

91-50 ЗАЙДЛЬ. Скажите Ваша партийная деятельность на

территории генерал-губернаторства имела что-либо общее с какими-либо делами полиции безопасности?

ФРАНК. Нет, партия была слишком мала, чтобы играть важную роль. Она не имела государственных функций.

ЗАЙДЛЬ. Следующий вопрос: представитель советского обвинения пред"явил Вам документ СССР-335. Этот документ от 1943 г. представляет собой декрет об учреждении штандгерихтов. В параграфа 6-м говорится: "Приговоры, которые выносятся этим судом, должны быть немедленно приведены в исполнение". Правильно, если я скажу, что мне только никакого формального правового средства против этих приговоров не имелось, но что помилование допускалось.

ФРАНК. Да, это так, но, несмотря на это, я должен сказать, что этот декрет был недопустимым.

ЗАЙДЛЬ. Скажите, что обусловило издание этого декрета в генерал-губернаторстве 2 октября 1943 г.? Я имею ввиду тогдашнюю обстановку в генерал-губернаторстве. В частности, как обстояло дело с вопросами безопасности?

ФРАНК. Если я об этом начинаю думать сейчас в спокойной обстановке, то я вообще не знаю ни одной причины, которая сделала бы необходимым издания этого декрета. Но, если вспомнить те дни войны, когда все вокруг пылало, то можно понять, что это мероприятие было вызвано отчаянием.

ЗАЙДЛЬ. Сейчас я возвращусь к мероприятиям "АБ". Правильно ли, что в 1939 г. был издан декрет об учреждении "Штандгерихтов" с более широкими правовыми гарантиями, чем в декрете от 1943 года?

ФРАНК. Да.

ЗАЙДЛЬ. Правильно ли, что арестованные в ходе мероприятия "АБ" на основании распоряжения о "Штандгерихтах" могли быть осуждены или оправданы в зависимости от обстоя-

H1198-0453

H1198 – 0454

тельств дела?

ФРАНК. Да.

ЗАЙДЛЬ. Правильно ли, что все приговоры этих судов, во всяком случае, по Вашему указанию, должны были присылаться в комиссию по помилованию, которой руководил статс-секретарь , доктор Бюлер?

ФРАНК. Да.

ЗАЙДЛЬ. Обвинитель от США обвиняет Вас в том, что в том доме,где Вы были арестованы после капитуляции Германии, были обнаружены различные произведения искусства. Не в Вашем частном доме, а в служебных помещениях правительства генерал-губернаторства. Правильно ли, что Вы послали статс-секретаря Бюллера с письмом к имперскому министру, доктору Ламмерсу,и что в этом письме имелся список этих произведений искусства.

ФРАНК. И не только это, ибо я сразу же обратил внимание директора Мюнхенской пинакотеки на то, что эти картины прибыли и должны быть размещены таким образом, чтобы они не могли пострадать от воздушных бомбардировок. Он ознакомился с этими картинами и разместил их в надежных бомбоубежищах. Я рад, что сделал это, так как никому не известно, что стало бы с ними, если бы я не приказал их спрятать.

ЗАЙДЛЬ. И, наконец, последний вопрос. Обвинение пред"явило документ ПС-661. Этот документ имеет также

номер, данный ему Советским Обвинением, который, однако, я не помню. В этом документе говорится о деятельности Академии Германского Права, президентом которой были Вы. Этот документ имеет следующее название: "Правовая сторона германской политики в Польше с точки зрения международной политики", в юридической части для комитета в качестве положения по международному праву Академии Германского права. Я попрошу пред"явить Вам этот документ и Вы скажите мне, держали ли Вы когда-нибудь этот документ у себя в руках?

ФРАНК. Скажите, откуда взят этот документ?

ЗАЙДЛЬ. Это как раз самое удивительное. Он был представлен американским Обвинением под номером США-300.

ФРАНК. Там нигде не сказано, кто составитель этого документа или что-нибудь в этом роде?

ЗАЙДЛЬ. В документе не указан автор. Из документа также не вытекает, по чьему поручению он был составлен.

ФРАНК. Относительно этого документа я могу только сказать, что я никогда его не видел и никогда не поручал кому-нибудь составление такого рода документа, таким образом практически я ничего не могу сказать по поводу этого документа.

ЗАЙДЛЬ. В качестве места, где был найден документ, указывается Министерство юстиции гор. Касселя. Скажи ~~Кажется~~, существовало в 1941 г. еще одно министерство юстиции Кассель? ~~Министерство~~

ФРАНК. В Касселе? Министерство Юстиции?

ЗАЙДЛЬ. Да.

ФРАНК. Министерства юстиции в Касселе не существует уже с 1866 года.

ЗАЙДЛЬ. У меня нет больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый может вернуться на свое место. ЗАЙДЛЬ. Теперь я, с разрешения Суда, вызываю свидетеля доктора Бильфингера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полковник Смирнов.

СМИРНОВ. Я слушаю. 9253

H1198 – 0455

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Представляете ли Вы в качестве доказательства этот документ, который Вы пред"являли, за № СССР-223 и который предоставляет собой отрывки из дневника подсудимого Франка? Очевидно, некоторые отрывки из Дневника Франка уже были предоставлены в качестве доказательства, а другие нет. Желаете ли Вы предоставить этот документ в качестве доказательства?

СМИРНОВ: Документ уже предоставлен. Он идет по-д двумя номерами. Первый его номер 2223-ПС и второй номер СССР-223. Он уже был предоставлен нами 15 февраля 1946 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Были ли эти записи, которые имеются в данном документе, предоставлены за № СССР-223? Видите ли, номер ПС не всегда означает, что данный документ был предоставлен в качестве доказательства. Номера ПС давались документам до того, как они предоставлялись в качестве доказательства, а номер СССР-223 свидетельствует о том, что этот документ был предоставлен в качестве доказательства.

СМИРНОВ: Документ уже предоставлен в качестве доказательства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Смирнов, Трибунал хочет знать, хотите Вы предоставить этот документ СССР-223, в качестве доказательства потому что пока он не зачитан, он не является предоставленным, как доказательство и не включается в протокол суда.

СМИРНОВ: Мы уже зачитывали этот отрывок 15 февраля 1946 года и он полностью включен в записи суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

/Вводят свидетеля Бильфингера/.

H1198 - 0456

H1198 – 0457

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите Ваше имя полностью.

СВИДЕТЕЛЬ: Рудольф Вильфингер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги. "Клянусь богом, всемогущим и всеведущим..."

ВИЛЬФИНГЕР: Клянусь Богом, всемогущим и всеведущим...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: "... что я буду говорить чистую правду...".

ВИЛЬФИНГЕР: ... что я буду говорить чистую правду...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: "... Ничего не утаю и ничего не прибавлю".

ВИЛЬФИНГЕР: Ничего не утаю и ничего не прибавлю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете сесть.

ЗАЙДЛЬ: Господин свидетель, с какого времени вы работали в главном имперском управлении безопасности и на какой должности?

ВИЛЬФИНГЕР: Я работал там с конца 1937 года по 1943 г. правительственным советником /регирунгсрат/ в главном имперском управлении безопасности, затем старшим правительственным советником /оберрегирунгсрат/, и референтом по правовым и полицейско-правовым вопросам.

ЗАЙДЛЬ: Правильно ли, что вы два раза, в различное время, были начальником отдела в Административно-юридическому управлении при начальнике полиции безопасности и СД в Кракове?

ВИЛЬФИНГЕР: Да, я был осенью 1940 года и в 1944 году начальником отдела административно-юридического управления при начальнике полиции безопасности и СД в Кракове.

ЗАЙДЛЬ: Каковы были ваши задачи? Каков был круг ваших задач в генерал-губернаторстве в эти два периода? Расскажите об этом кратко.

БИЛЬФИНГЕР: В 1940 году мне было поручено ведение ряда специальных вопросов из области полицейской администрации, находившейся в юрисдикции правительства генерал-губернаторства; причем по этой линии я подчинялся начальнику СС и полиции.

ЗАЙДЛЬ: Каково было правовое положение начальника ССи полиции в генерал-губернаторстве? Каково было его отношение к генерал-губернатору? Получал ли начальник СС и полиции служебные инструкции относительно действий полиции безопасности и службы безопасности от генерал-губернатора или непосредственно от Гиммлера?

БИЛЬФИНГЕР: Начальник СС и полиции получал такого рода указания непосредственно от рейхсфюрера СС Гиммлера.

ЗАЙДЛЬ: Правильно ли, что начальник полиции безопасности и СД в генерал-губернаторстве получал приказы и указания от IУ-го отдела, т.е. гестапо и У отдела уголовной полиции главного управления безопасности.

ВИЛЬФИНГЕР: Да, Начальник полиции безопасности получал большое количество приказов непосредственно от некоторых отделов главного управления имперской безопасности, и в особенности от 4 и 5-го отделов.

ЗАЙДЛЬ: Внесло ли какие-либо изменения учреждение стато-секретариата по вопросам безопасности в 1942 г. в правовое положение генерал-губернатора в отношении мероприятий полиции безопасности и СД?.

ВИЛЬФИНГЕР: Учреждение-стато-секретариата, по сути дела, не изменило правового положения ни генерал-губернатора, ни стато-секретаря. Стато~~секретариату~~ секретариату было лишь поручено заниматься еще и новыми вопросами из области службы безопасности.

9256

H1198 – 0458

H1198 – 0459

ЗАЙДЛЬ: Скажите, известен ли вам указ рейхсфюрера СС и начальника германской полиции Гиммлера от 1939 года? Каково содержание этого указа?

ВИЛЬФИНГЕР: Мне известен указ, кажется от 1939 г. об учреждении должности начальника СС и полиции, в котором говорится, что он, этот начальник СС и полиции получает указания непосредственно от рейхсфюрера СС Гиммлера.

ЗАЙДЛЬ: Статс-секретариат по вопросам безопасности был основан 7 мая 1942 года на основании приказа фюрера. Во исполнение этого приказа был издан затем еще и следующий приказ, который предписывал передачу определенных областей работы с 3 июня 1942 г. в ведение статс-секретариата по вопросам безопасности. Известно вам содержание этого второго приказа?.

ВИЛЬФИНГЕР: Основное содержание этого приказа, который Вы сейчас имеете в виду, мне известно.

ЗАЙДЛЬ: Правильно ли, что на основании этого приказа полиции безопасности, т.е. статс-секретариату по вопросам безопасности вновь была подчинена вся политическая полиция и уголовная полиция, что собственно имело место уже и в прошлом?

ВИЛЬФИНГЕР: С самого начала обе эти области работы находились в компетенции начальника СС и полиции, а позднее статс-секретаря по вопросам безопасности. Таким образом, в этом отношении этот приказ не внес ничего нового, а лишь утвердил уже существовавшее положение.

ЗАЙДЛЬ: Известно ли Вам, что в приложении "Б" этого указа в пункте № 26 говорилось о том, что все вопросы, связанные со службой безопасности, также передаются в ведение начальника СС и полиции, являвшегося также статс-секретарем по вопросам безопасности?

ВИЛЬФИНГЕР: Да, это так.

ЗАЙДЛЬ: Известно ли Вам, что в приложении "В" этого приказа, очень ясно сказано, что еврейский вопрос также передается в его ведение?

ВИЛЬФИНГЕР: Да, это так.

ЗАЙДЛЬ: Известно ли Вам, что в 2I-м пункте приложения "б" говорится следующее: "Статс-секретариат имеет право: Решать все вопросы, имеющие отношение к полиции безопасности, представлять генерал-губернаторство на заседаниях и совещаниях в центральных имперских учреждениях, на которых рассматриваются вышеупомянутые вопросы".

ВИЛЬФИНГЕР: Да, мне известно, что такое определение в указе имелось, но содержится ли это в § 2I или каком-либо другом - я не помню.

ЗАЙДЛЬ: Скажите, правильно ли, что на основании этого приказа последние органы административной полиции были из"яты из ведения администрации генерал-губернаторства и переданы статс-секретариату по вопросам безопасности, который подчинялся непосредственно Гиммлеру?

ВИЛЬФИНГЕН: Собственно, это и составляло смысл и цель этого приказа. Лишь очень немногие области работы, за которые впоследствии происходила борьба, вопреки тексту указа, остались в компетенции гражданской администрации. Все остальные вопросы, связанные с деятельностью полицейской администрации, действительно были из"яты из круга компетенции гражданской администрации генерал - губернаторства.

ЗАЙДЛЬ: Скажите, господин свидетель, имела ли администрация генерал-губернаторства что-либо общее с учреждением и администрацией концлагерей?

9258

H1198 – 0460

H1198 – 0461

БИЛЬФИНГЕР: Насколько мне известно, нет.

ЗАЙДЛЬ: Вы служили у начальника полиции безопасности и СД в Кракове. Когда вы сами впервые услышали о концлагерях в Майданеке, Треблинке и Люблине?

БИЛЬФИНГЕР: Я хочу Вас поправить. Я служил у командующего полиции безопасности.

ЗАЙДЛЬ: Да, у командующего полиции безопасности.

БИЛЬФИНГЕР: О Майданеке я услышал впервые тогда, когда Майданек и Люблин были заняты русскими войсками. О значении Майданека я впервые услышал по линии пропаганды, когда в то время генерал-губернатор Франк назначил расследование событий в Майданеке и отдал распоряжение о привлечении к ответственности виновных.

ЗАЙДЛЬ: Каковы были по вашим наблюдениям отношения между обергруппенфюрером СС Крюгером и генерал-губернатором Франком. Какие причины обуславливали их взаимоотношения?

БИЛЬФИНГЕР: С самого начала их взаимоотношения были очень плохими. Причиной были расхождения в вопросах организации и использования полиции. Частично также имелся и ряд других разногласий по деловым вопросам.

ЗАЙДЛЬ: Скажите, что вы понимаете под разногласиями в деловых вопросах? Вы имеете в виду разногласия в вопросе об отношении к польскому населению?

БИЛЬФИНГЕР: Я вспомнил еще один пример, имеющий отношение к утверждению Франком одного приговора "полицейштандгерихта" /Местного полицейского суда, прим.пер./ Франк вопреки настояниям Крюгера либо смягчал в значительной степени целый ряд приговоров или не утверждал их. Насколько мне помнится, противоречия между ними возникали именно в этой связи.

ЗАЙДЛЬ: Вы имеете в виду приговоры, вынесенные лицам, которые были арестованы в ходе мероприятий "АБ"?

БИЛЬФИНГЕР: О мероприятиях А-Б мне ничего не известно.

ЗАЙДЛЬ: Вы прибыли в генерал-губернаторство после этого?

БИЛЬФИНГЕР: Я прибыл в генерал-губернаторство в августе 1940 года.

ЗАЙДЛЬ: У меня больше нет вопросов к свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хотят ли другие защитники поставить вопросы свидетелю?

/К микрофону подходит защитник гестапо Меркель/.

МЕРКЕЛЬ: Я прошу разрешить поставить мне несколько вопросов свидетелю.

Господин свидетель, обвинение утверждает, что гестапо представляло собой организацию лиц, имевших общие намерения, о которых они совместно заранее договорились, и состоящую из лиц, вступавших в эту организацию добровольно. Поскольку вы занимали особо видное положение в главном имперском управлении безопасности, я попрошу Вас коротко высказаться по этим вопросам.

БИЛЬФИНГЕР: Из сотрудников гестапо лишь небольшая часть пришла в гестапо добровольно. Основная часть чиновников гестапо состояла из бывших сотрудников, т.е. сотрудников бывшего политического отдела полицейского управления президента полиции. Из этих бывших политических отделов управления полиции были созданы отдельные инстанции государственной полиции, куда была взята наибольшая часть чиновников из этих политических отделов. Так, например,

H1198 – 0462

H1198 – 0463

в Берлине был отдел Ia управления полиции. Кроме того, ряд административных чиновников был направлен или переведен в гестапо из других административных ведомств. С течением времени отдельные лица из других управлений и инстанций были посланы на работу в гестапо в принудительном порядке. Так, например, в 1944 вся таможенная пограничная охрана была переведена в гестапо по приказу фюрера. Приблизительно в то же время в гестапо были переведены все сотрудники контрразведки. Во время войны в гестапо было откомандировано большое количество военнослужащих войск СС, которые больше не были пригодны для использования на военной службе. Кроме того, в большом количестве туда посылали людей на работу в принудительном порядке, т.е. таких людей, которые никогда не имели отношения к гестапо.

МЕРКЕЛЬ: Таким образом, если я скажу, что гестапо было имперским ведомством и что на его чиновников распространялось общегерманское административное право, будет это правильным?

БИЛЬФИНГЕР: Да.

МЕРКЕЛЬ: Было ли возможно для сотрудников гестапо уйти в отставку?

БИЛЬФИНГЕР: Получить отставку для сотрудников гестапо было исключительно тяжело, вернее невозможно. Уйти в отставку можно было только при совершенно особых обстоятельствах.

МЕРКЕЛЬ: Здесь утверждалось, что в составе гестапо было следующее численное соотношение: оперативных чиновников - 20 процентов, административных чиновников - 20%, а технического персонала - около 60 процентов. Скажите, это утверждение правильно?

ВИЛЬФИНГЕР: Относительно того, в какой степени правильны эти цифры в общем, я не могу сказать, так как я этого не знаю. Но в тех инстанциях, которые мне были известны, соотношение было приблизительно таким.

МЕРКЕЛЬ: Кому подчинялись концлагери в Германии и в оккупированных областях?

ВИЛЬФИНГЕР: Они подчинялись главному экономическому и административному управлению под руководством группенфюрера СС Поля.

МЕРКЕЛЬ: Скажите, имело ли гестапо какое-нибудь отношение к управлению концентрационных лагерей?

ВИЛЬФИНГЕР: Нет. В первое время некоторые концлагери непосредственно управлялись государственной тайной полицией, но это было лишь в отдельных случаях. В принципе уже тогда некоторые концентрационные лагери управлялись главным экономическим и административным управлением СС, а в последующее время в ведении этого управления находились все концлагери.

МЕРКЕЛЬ: Знаете ли вы что-нибудь о том, кто отдавал приказы в концлагерях относительно ликвидации?

ВИЛЬФИНГЕР: Об этом я ничего не знаю.

МЕРКЕЛЬ: Можете ли вы что-либо сказать относительно общих принципов превентивного заключения и на основании чего было в 1933 году введено превентивное заключение?

ВИЛЬФИНГЕР: Закон о превентивном заключении был издан в виде указа рейхспрезидента для защиты народа и государства в феврале 1933 года. В этом указе предусматривалась ликвидация целого ряда основных прав, утвержденных Веймарской конституцией.

9262

H1198-0464

H1198 – 0465

МЕРКЕЛЬ: Был ли в конце 1936 или начале 1937 г. издан декрет министра внутренних дел по вопросу о превентивном заключении?

ВИЛЬФИНГЕР: Да, тогда был издан закон о превентивном заключении. Правовые основы сами по себе остались непоколебимыми; но право превентивного заключения было дано только лишь гестапо, тогда как до этого времени целый ряд других инстанций справедливо или несправедливо мог подвергать превентивному заключению. Чтобы ликвидировать такой порядок, право подвергать превентивному заключению было передано исключительно гестапо.

МЕРКЕЛЬ: Правильно ли то, что вы одно время были во Франции?

Какую должность Вы занимали там?

ВИЛЬФИНГЕР: Я был в конце лета и осенью 1943 года начальником полиции безопасности во Франции в Тулузе.

МЕРКЕЛЬ: Известно ли вам что-нибудь о приказе, изданном начальником главного имперского управления безопасности, начальником полиции безопасности во Франции, или отдельными командирами, в котором разрешалось избивать заключенных и применять пытки во время допросов?

ВИЛЬФИНГЕР: Нет. Такие приказы мне неизвестны.

МЕРКЕЛЬ: Скажите, как же вы тогда можете об"яснить тот факт, что Обвинение пред"явило доказательства об имевших место случаях избиений и пыток во время допросов?

ВИЛЬФИНГЕР: Очень возможно, что такие перегибы имели место, но это производилось либо без разрешения, т.е. несмотря на запрет или же не сотрудниками полиции безопасности, а другими немецкими учреждениями во Франции.

МЕРКЕЛЬ: Вы во время своей работы во Франции слышали что-нибудь официально или со слухов о таких фактах избиения заключенных по службе или частным путем?

ВИЛЬФИНГЕР: Нет, до моего сведения не доходило, что участниками таких избиений были сотрудники полиции или военнослужащие.

МЕРКЕЛЬ: Но, кто?

ВИЛЬФИНГЕР: До моего сведения дошли факты зверств, которые были учинены группами французов, которые действовали по поручению каких-то немецких инстанций.

МЕРКЕЛЬ: Скажите, имелись ли во Франции так наз. тюрьмы гестапо?

ВИЛЬФИНГЕР: Нет, собственных тюрем у полиции безопасности не было. Она размещала своих арестованных в тюрьмах германских вооруженных сил.

И, наконец, последний вопрос.

МЕРКЕЛЬ: Обвинение пред"явило доказательства в том, что целый ряд преступлений против человечности и военных преступлений был совершен при участии гестапо. Скажите, можно ли сказать о том, что все сотрудники гестапо знали об этих преступлениях и что эти преступления совершались совершенно открыто, или в действительности об этих преступлениях знали лишь немногие и именно только те, кто эти преступления совершали? Знаете ли вы что либо об этом?

9264

H1198 – 0466

H1198 – 0467

ВИЛЬФИНГЕР: Простите я не понял вопроса, относится все это к Франции или вообще ко всей деятельности полиции безопасности?

МЕРКЕЛЬ: Это относится ко всей деятельности полиции безопасности.

ВИЛЬФИНГЕР: Что касается зверского обращения и пыток, то они были запрещены. Это, насколько я знаю, не было явлением обычным и уж, конечно, очень мало известным всем или широкому кругу. кругу. Я, например, ничего об этом не знал.

МЕРКЕЛЬ: У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас мы сделаем перерыв на IO минут.

/Об"является перерыв на IO минут/.

Встать. Суд идет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желают ли представители обвинения произвести перекрестный допрос? /Молчание/.

Д-р ЗАЙДЛЬ: Имеются ли у вас вопросы, возникшие в результате перекрестного допроса, произведенного доктором Меркелем?

ЗАЙДЛЬ: Я хотел задать свидетелю только один вопрос. Господин свидетель, в параграфе 4-м указа от 3 июня 1942 года написано следующее. Я цитирую дословно: "Начальники полиции и СС в областях подчинены так же, как и статсекретари по вопросам безопасности генерал-губернатору - губернаторам соответственных областей - прямо и непосредственно". Таким образом, здесь не сказано, что подчинена вся полиция, а только начальники полиции.

Теперь я спрашиваю вас - приказы, которые издавались начальниками полиции безопасности и СД, поступали к губернаторам или непосредственно к начальникам полиции безопасности и СД соответствующих районов?

БИЛЬФИНГЕР: Эти приказы всегда непосредственно направлялись начальникам полиции безопасности и СД. Командующий не мог давать губернаторам каких-либо указаний.

ЗАЙДЛЬ: Если я вас правильно понимаю, вы хотите сказать, что служебное подчинение в рамках полиции безопасности и СД совершенно не зависело от структуры администрации в генерал-губернаторстве?

БИЛЬФИНГЕР: Да.

ЗАЙДЛЬ: У меня нет больше вопросов к свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель может удалиться.

ЗАЙДЛЬ: С разрешения суда я вызываю в качестве свидетеля бывшего губернатора Кракова доктора Курта фон Бургсдорфа /Вводят свидетеля/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите Ваше имя полностью.

БУРГСДОРФ: Курт фон Бургсдорф.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь Богом всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/Свидетель повторяет слова присяги/.

Вы можете сесть.

9286

H1198 – 0468

H1198 - 0469

ЗАЙДЛЬ: Господин свидетель. Генерал-губернаторство подразделялось на 5 областей; во главе каждой из них стоял губернатор? Правильно?

БУРГСДОРФ: Да.

ЗАЙДЛЬ: Вы были с I декабря 1943 года до оккупации /слово "безетцунг" имеет в немецком языке двоякий смысл I/оккупация, 2/занятие территории войсками. Этим об"ясняется возникшая в дальнейшем дискуссия. Прим.переводчика/ вашей области советскими войсками, губернатором Краковской области?

БУРГСДОРФ: Да. Говоря точнее, с точки зрения административного права, то мне лишь было поручено выполнять обязанности....

/К микрофону подходит генерал Руденко/.

РУДЕНКО: Господин председатель. Здесь защитник поставил вопрос об оккупации области советскими войсками. Я решительно протестую против такой постановки вопроса и расцениваю это как враждебный выпад.

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, мне только что было сказано, что, здесь возможно имеется ошибка в переводе. Я хотел этим сказать не более того, что в течение 1944 г. область, в которой тогда свидетель был губернатором, была в условиях войны занята советскими войсками. Я не знаю, против чего протестует представитель советского обвинения? Во всяком случае я далек от того, чтобы здесь делать какие-либо враждебные выпады или высказывания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, что речь, собственно, идет о том, что это была не оккупация советской армией, а освобождение советской армией.

ЗАЙДЛЬ: Само собой разумеется. Я не хотел сказать ничего кроме того, что немецкие войска были изгнаны из этой области советскими войсками. Господин свидетель, пожалуйста, продолжайте Ваш ответ.

БУРГСДОРФ: Мне было поручено исполнять должность губернатора. Это с точки зрения административного права более правильное выражение. Я до последних месяцев перед моим назначением был еще офицером армии и оставался им во время всей моей деятельности в Кракове.

ЗАЙДЛЬ: Господин свидетель, каково по вашим наблюдениям было отношение генерал-губернатора к польскому и украинскому народам?

БУРГСДОРФ: Я говорю, я подчеркиваю, это только о 1944 г., так как дать оценку я могу только за этот период. Тогда генерал-губернатор стремился к мирному сожительству обоих народов.

ЗАЙДЛЬ: Правильно ли, что уже в 1942 г. генерал-губернатор по своей инициативе дал губернаторам возможность организовать комитеты самоуправления для украинского и польского народов при воеводах?

9248

H1198-0470

H1198 – 0471

БУРГСДОРФ: Такого рода распоряжение правительства в действительности имелось, но относится ли оно к 1942 г. - я не знаю.

ЗАЙДЛЬ: Вы знали о тех полномочиях, которые содержались в этом распоряжении и пользовались ими, создавали комитеты самоуправления?

БУРГСДОРФ: Я в Краковской области немедленно при каждом воеводе распорядился учредить такой комитет.

ЗАЙДЛЬ: Господин свидетель каково было по Вашим наблюдениям продовольственное положение в генерал - губернаторстве и особенно в Вашей области?

БУРГСДОРФ: Его нельзя назвать неудовлетворительным, однако, надо сказать, что наряду с нормированным продовольственным снабжением польского населения, процветала спекулятивная торговля.

ЗАЙДЛЬ: Какова, по Вашим наблюдениям, была позиция генерал-губернатора в вопросе вербовки рабочей силы?

БУРГСДОРФ: Он не желал того, чтобы рабочие направлялись куда-либо из генерал-губернаторства, так как он был заинтересован в том, чтобы оставить рабочую силу в стране.

ЗАЙДЛЬ: В генерал-губернаторстве со стороны генерал губернатора преследовалась церковь. Каковы были Ваши наблюдения в этом вопросе, я имею ввиду принципиальную позицию генерал-губернатора?

БУРГСДОРФ: Я могу опять-таки ответить только в отношении моей области и только за период 1944 г. Тогда преследование церкви не имело места. Наоборот, отношение ко всем церквям, всех вероисповеданий в моей области было хорошим. Я во время моих путешествий всегда принимал духовных лиц, но каких-либо жалоб от них никогда не слышал.

ЗАЙДЛЬ: Вы имеете какие-либо личные наблюдения в отношении позиции генерал-губернатора в этом вопросе?

БУРГСДОРФ: Да, в середине января 1944 г. я был вызван генерал-губернатором, который одновременно был руководителем партии в генерал-губернаторстве, и назначен им на должность областного штандартФюрера в Кракове, т.е. на должность партийного руководителя Краковской области. Но уже раньше я обращал внимание Гиммлера на то, что я являюсь убежденным католиком.

9270.

H1198 – 0472

H1198 – 0473

Генерал-губернатор мне тогда сказал, что это не играет никакой роли, и что программа партии ни в одном из своих пунктов этого не запрещает.

ЗАЙДЛЬ: По Вашим наблюдениям, каково было отношение между генерал-губернатором и администрацией генерал-губернаторства, с одной стороны, и полицией безопасности и СД - с другой?

ВУРГСДОРФ: С внутренней точки зрения, безусловно, плохим, а именно потому, что полиция, в конце концов, всегда делала только то, что она хотела, не заботясь об администрации. Поэтому имели и во стране место сильные трения между административными инстанциями и полицией.

ЗАЙДЛЬ: Правильно ли, что при назначении Вас на должность, а, возможно, и несколько позже, генерал - губернатор давал указания в отношении полиции? Я цитирую из дневника подсудимого доктора Франка запись от 4 января 1944 г. "Г-н генерал-губернатор дает губернатору доктору фон Вургсдорфу затем некоторые указания по поводу его деятельности; "его задача будет заключаться в том, чтобы получать информацию обо всех важных событиях в области. Прежде всего деятельность губернатора должна

быть направлена на то, чтобы самым решительным образом противодействовать перегибам со стороны полиции.

БУРГСДОРФ: Об этой беседе от 4 января 1944 г. я сегодня не смогу вспомнить. Однако, возможно, что она имела место. Я вспоминаю, однако, то, что после моего назначения на должность в конце ноября 1944 года, я еще раз пошел к тогдашнему губернатору и сказал ему, что я слышал, что отношения с полицией являются весьма неблагоприятными и администрации весьма трудно терпеть их. Он мне ответил на это, что он делает все, что в его силах для того, чтобы я бы сказал, урезонить полицию. Я, однако, на основании этих высказываний господина генерал-губернатора вообще принял решение остаться в генерал-губернаторстве. Я, как известно сначала отказался от предложения министра внутренних дел занять эту должность.

ЗАЙДЛЬ: Вы, в качестве губернатора, имели какие-либо полномочия приказывать полиции безопасности и СД в вашей области?

БУРГСДОРФ: Нет, ни в коей мере.

ЗАЙДЛЬ: Вы сами когда-либо имели право распоряжаться полицией?

БУРГСДОРФ: Нет, никогда. Путь, по которому проходили приказы полиции, можно назвать вертикальным, а именно: от начальника СС и полиции к руководителю СС и

9272

H1198-0474

H1198 -0475

полиции, а в остальном обычно от командующего полиции безопасности к командиру полиции безопасности.

9273

ЗАЙДЛЬ: Вы во время своей деятельности в качестве губернатора имели что-либо общее с управлением концентрационных лагерей?

БУРГСДОР№: Никогда.

ЗАЙДЛЬ: Знаете ли Вы,кто руководил концлагерями?

БУРГСДОР№: Нет.Из собственных наблюдений,нет,но я слышал, что при управлении рейхсфюрера СС в Берлине была какая-то центральная инстанция.

ЗАЙДЛЬ: Когда вы услышали в первый раз о концлагере Майданек ?

БУРГСДОР№:От Вас,примерно, две недели назад.

ЗАЙДЛЬ: Таким образом,Вы заявляете суду под присягой....

БУРГСДОР№: Да.

ЗАЙДЛЬ:... что Вы,несмотря на то,что были губернатором Кракова в // оккупированной польской области,о лагере Майданек услышали в первый раз во время нахождения в заключении?

БУРГСДОР№:Да,я твердо уверен,что о концлагере я услышал в первый раз от вас.

ЗАЙДЛЬ: Когда вы в первый раз услышали о концлагере Треблинка?

БУРГСДОР№:Также от Вас,при тех же условиях.

ЗАЙДЛЬ: Господин свидетель,Обвинение вменяет генерал-губернатору в вину указ об учреждении провинциальных военных судов,который был издан в 1943 году.Каково было в это время с точки зрения безопасности положение в генерал-губернаторстве?

БУРГСДОР№: Я могу охарактеризовать положение в точки зрения безопасности только в отношении 1944 года.Тогда,во время отхода немецких войск с востока,положение постепенно ухудшалось,и таким образом в моей области, в отдаленных частях вообще во все возрастающей степени осложнялось осуществление какого-либо управления .

ЗАЙДЛЬ:Каково,по вашим наблюдениям,было развитие экономики в ваших сельскохозяйственном и промышленном секторах?

9274

H1198 – 0476

Правильно ли утверждение,что,учитывая условия войны,администрация генерал-губернаторства сделала все для того,чтобы развивать экономику?

БУРГСДОРФ: Экономика в моей области в 1944 году работала на полную мощность как в отношении промышленности,так и в отношении сельского хозяйства.Некоторые промышленные предприятия были переведены из империи в генерал-губернаторство.Для сельского хозяйства администрация ввозила много удобрений,зерна и т.п. В моей области также очень сильно было развито коневодство.

ЗАЙДЛЬ:Подсудимому,доктору Франку,вменяется в вину то,что он не предпринимал всего необходимого для того,чтобы держать на должной высоте здравоохранение и соблюдать гигиенические условия.Что Вы скажете по этому вопросу?

БУРГСДОРФ: По этому вопросу я могу сказать,что в течение 1944 года в моей области все время значительно улучшалось состояние больниц,а также были созданы новые больницы.Известно,что в области борьбы с эпидемиями были достигнуты большие результаты.Заболевания тифом,дизентерией и сыпным тифом в области значительно сократились вследствие прививок.

ЗАЙДЛЬ:Подсудимому,доктору Франку, далее инкриминируется то,что он не предпринимал соответствующих мер для развития высшего школьного образования.Знаете ли Вы,каковы были условия с высшим образованием в генерал-губернаторстве?

БУРГСДОРФ: Когда я прибыл в генерал-губернаторство,там вообще уже не имелось никаких высших школ.Я на основании опыта,который у меня имелся, дал указание организовать высшие школы.Я установил контакт с президентом главного управления по образованию,который заявил мне,что у правительства такие планы уже имеются.Я в каждом своем месячном отчете указывал на необходимость создать польские высшие школы и именно потому что в течение краткого промежутка времени или,точнее, в течени

H1198 – 0477

последних лет,стал ощущаться недостаток в специалистах-техниках,врачах и ветеринарах.

ЗАЙДЛЬ:Последний вопрос.В генерал-губернаторстве имелся так называемый трудовой отдел НСДАП. Вы были областным руководителем партии на территории генерал-губернаторства?

БУРГСДОРФ: Да.

ЗАЙДЛЬ: По Вашему мнению,каково было отношение между генерал-губернатором и начальником партийной канцелярии Борманом?

БУРГСДОРФ: Мне кажется,что я могу сказать без преувеличения,что отношения были натянутыми.Я в качестве областного руководителя партии по должности был связан с генерал-губернатором,поэтому я мог наблюдать также его последнюю большую борьбу против Бормана.Генерал-губернатор считал (со своей точки зрения он был прав),что будет неправильным сохранить связь между партийной должностью ~~[illegible]~~ и государственной должностью.Он опасался,что кроме вмешательства полиции в дела управления,в эти дела будет вмешиваться еще и партия,а это он как раз хотел предотвратить.Борман же,напротив,хотел и в генерал-губернаторстве установить приоритет партии перед государством. На этой почве возникали самые тяжелые конфликты.

ЗАЙДЛЬ: У меня вопросов больше нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желает ли кто-либо из защитников поставить вопросы свидетелю?

(К микрофону подходит защитник Людингхаузен).

ЛЮДИНГХАУЗЕН (Защитник подсудимого фон-Нейрата).

Господин свидетель,вы в свое время были младшим статс-секретарем правительства имперского протектората Богемии и Моравии.В какое время это было?

БУРГСДОРФ:С конца марта 1939 года до середины марта 1942 года.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Кому вы в качестве младшего статс-секретаря непосредственно подчинялись? Статс-секретарю Франку или имперскому протектору?

9276

H1198 – 0478

БУРГСДОРФ: Статс-секретарю Франку.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Откуда Вы знаете о деятельности г-на фон Нейрата в качестве рейхспротектора?

БУРГСДОРФ: Из отчетов,которые я ему делал,а также из личных бесед с ним.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Какие виды работы вы выполняли в качестве младшего статс-секретаря?

БУРГСДОРФ: Я ведал административными вопросами.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Подчинялась вам также полиция и различные органы СС и полиции?

БУРГСДОРФ: Нет.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Кому они подчинялись?

БУРГСДОРФ: Статс-секретарю Франку.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Какова была позиция статс-секретаря Франка по отношению к господину фон Нейрату?

БУРГСДОРФ: Вы имеете в виду по служебной линии?

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Да,конечно.Только по служебной линии.

БУРГСДОРФ: Господин фон Нейрат пытался вначале наладить хорошие отношения с господином Франком.Однако,чем больше усиливалась позиция Франка,в тем большей степени это становилось невозможным.Статс-секретарь Франк,а позже государственный министр Франк имел в своем распоряжении всю власть СС и полиции.Эта власть все время увеличивалась. Наконец,Франк стал располагать поддержкой даже Гитлера.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: От кого непосредственно Франк получал приказы?

БУРГСДОРФ:Насколько я знаю,от Гиммлера.Однако я помню один,два или даже три случая,когда он получал указания непосредственно от Гитлера.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Это в большинстве случаев происходило через голову господина фон Нейрата?

БУРГСДОРФ: Я не могу этого точно сказать,но думаю, что это было так.

9277

H1198 – 0479

H1198 – 0480

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Мог Франк в подчиненной ему ~~не детельно~~ области в своих политических функциях действовать самостоятельно или он должен был иметь для этого согласие господина фон Нейрата?

БУРГСДОРФ: Мог он или должен был он согласовывать свои действия – я не могу ответить определенно на этот вопрос. Во всяком случае, он действовал так.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Господин фон Нейрат и господин Франк придерживались одной точки зрения по поводу отношения к чешскому народу?

БУРГСДОРФ: Я не понял вопроса.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Я спрашиваю, был ли господин фон Нейрат согласен с политикой, которую вел Франк или его начальник Гиммлер по отношению к чешскому народу?

БУРГСДОРФ: Нет.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Разве он не мог проводить свою политическую линию?

БУРГСДОРФ: Противодействовать огромной власти Гиммлера и Гитлера он не мог.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Каковые же были собственная политика господина фон Нейрата и его собственные взгляды?

БУРГСДОРФ: Я как раз вначале очень много беседовал по этому вопросу с господином фон Нейратом. Господин фон Нейрат надеялся и верил в то, что на основании указа от 15 марта будет установлено разумное и мирное сожительство немцев и чехов в протекторате?

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Однако, вследствие постоянно усиливавшейся власти Франка, это постепенно становилось невозможным?

БУРГСДОРФ: Да.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Вы вспоминаете, что в середине ноября 1939 года имели место серьезные беспорядки студентов в Праге?

БУРГСДОРФ: Да.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Вспоминаете ли вы также,что через день после этих событий господин фон Нейрат и Франк вылетели в Берлин?

БУРГСДОРФ: Да.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Помните ли вы,что Франк один в тот же день вернулся из Берлина?

БУРГСДОРФ: О том,что Франк в тот же день вернулся из Берлина,мне кажется, я помню.Но,однако, я не помню,вернулся ли он один.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Таким образом,вы также не знаете, вернулся ли господин фон Нейрат вместе с ним?

БУРГСДОРФ: Нет.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Знаете ли вы еще что-нибудь относительно событий во время этих студенческих беспорядков и каковы были последствия этого?

БУРГСДОРФ: Последствиями этого,насколько я вспоминаю,были экзекуции по отношению к целому ряду студентов и закрытие высших школ .

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Знаете ли вы,что закрытие высших школ произошло по приказу Гиммлера?

БУРГСДОРФ: Да.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Знаете ли вы что-либо относительно позиции господина фон Нейрата по отношению к католической и протестантской церквям?

БУРГСДОРФ: Его отношение к ним было абсолютно безупречным и,насколько я помню, в то время, когда я был в протекторате,не было никаких осложнений в отношениях с церквами.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Знаете ли вы о том,что господин фон Нейрат до самой смерти пражского архиепископа поддерживал с ним отношения?

БУРГСДОРФ: Нет, об этом я не знаю.

H1198-0481

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Знаете ли вы что-либо о том,что во время пребывания господина фон Нейрата на его посту,с его согласия или даже по его приказанию какие-либо произведения искусства, будь то картины,памятники,скульптуры,библиотеки и т.д.,были конфискованы в государстве или у частных лиц и вывезены за пределы страны?

БУРГСДОРФ: По его приказанию совершенно определенно никогда этого не происходило.Давал ли он когда-либо свое согласие на это - я не знаю.Однако я думаю,что этого не было.

Я вспоминаю об одном случае во дворце Мальтезер,когда какое-то государственное учреждение (какое,я сейчас не помню) вывезло произведения искусства.Господин фон Нейрат немедленно сделал все для того,чтобы возместить этот убыток.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Знаете ли вы что-либо о том,что приказ о таможенном союзе протектората и германской империи,данный из Берлина,долгое время не выполнялся именно в связи с усилиями,предпринятыми господином фон Нейратом.

БУРГСДОРФ: Да, это я хорошо помню.Я,однако, в интересах правды должен добавить, что тогдашний статс-секретарь Франк выступал также против таможенного союза,а именно так же,как и господин фон Нейрат,так как и он думал,что экономика протектората,в результате воздействия мощной экономики империи потерпит ущерб.

ЛЮДИНГХАУЗЕН:Имел ли место в то время,когда господин фон Нейрат был протектором,какой-либо насильственный угон рабочих?

БУРГСДОРФ: Я убежден,что это не имело места.Рабочие вербовались,но на совершенно законной основе.Это происходило постоянно в то время, пока я был в протекторате.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Знаете ли вы что-либо о том,что господин фон Нейрат требовал поставить в зависимость выезд из протектората и въезд в протекторат от согласия властей и добился этого ?

9220

H1198 - 0482

БУРГСДОРФ: Я не знаю, было ли это сделано по инициативе господина фон Нейрата.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Говорите медленнее. Этот свет означает, чтобы вы говорили медленнее.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Знаете ли вы что-нибудь относительно закрытия средних школ?

БУРГСДОРФ: Да.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Что вам известно по этому поводу?

БУРГСДОРФ: Я вспоминаю, что закрытие средних школ сделалось необходимым вследствие закрытия высших школ. Средние школы в протекторате были слишком переполнены. Кроме того, были закрыты не все средние школы, а взамен закрытых было сильно увеличено количество ремесленных школ и организованы новые ремесленные школы. Точно всего этого я уже не помню.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Знаете ли вы что-нибудь относительно отношения господина фон Нейрата к намерениям Гиммлера германизировать Чехословакию?

БУРГСДОРФ: Я вспоминаю меморандум, который составил господин фон Нейрат, направив его Гитлеру. Этот меморандум должен был отодвинуть планы Гиммлера по насильственной германизации Чехословакии на очень долгий срок. Господин фон Нейрат стоял на той точке зрения (и он мне об этом неоднократно говорил), что такие планы германизации он не желает проводить в интересах мира в протекторате.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: У меня больше нет вопросов к свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желают ли представители Обвинения подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

(К микрофону подходит представитель американского обвинения г-н Додд).

Г-н ДОДД: Скажите нам, пожалуйста, когда Вы впервые вступили в национал-социалистскую партию?

БУРГСДОРФ: 1 мая 1933 года.

Г-н ДОДД: Получили ли вы какой-либо пост в одной из ее филиальных организаций?

БУРГСДОРФ: Я был почетным группенфюрером СА.

9281

H1198 - 0483

Г-н ДОДД: А какие другие почетные звания вы имели?

БУРГСДОРФ: Затем в течение 1-2-х лет,как это было еще в демократический период,я ведал всеми правовыми вопросами в администрации Саксонского гау.

Г-н ДОДД: Были ли Вы обербанфюрером гитлеровской молодеж

УРГСДОРФ: Я однажды получил звание обербанфюрера в связи с визитом имперского руководителя молодежи в Прагу,но это было лишь почестью,не имевшей никаких последствий.Кроме того,в связи с тем,что вы говорите о должностях в партии,я хочу еще раз добавить,что стал партийным руководителем Краковской области только потому,что с середины января 1944 года до конца,т.е. середины января 1945 я был губернатором Краковской области.

Г-н ДОДД: Вы также получили золотую медаль гитлеровской молодежи? Не так ли?

БУРГСДОРФ: Нет.

Г-н ДОДД: Сотрудничали ли Вы с Рейхардом Гейдрихом во время вашего пребывания в Праге?

БУРГСДОРФ: Я до середины 1942 года работал вместе с Гейдрихом.Затем я,как общеизвестно,вследствие политического курса Гейдриха,ушел из протектората и,так как мне было 55 лет,я был призван в армию.

Г-н ДОДД: Какой пост Вы занимали у Гейдриха?

БУРГСДОРФ: Тот же пост,что и при господине фон Нейрате,я был младшим статс-секретарем.

Г-н ДОДД: Разрешите вас спросить следующее.Вы нам сказали,что вы никогда не слышали о концлагере Майданек?

БУРГСДОРФ: Да.

Г-н ДОДД: И вы никогда также не слышали о концлагере в Освенциме?

БУРГСДОРФ: Об Освенциме - да.

9282

H1198 – 0484

Г-н ДОДД: Слышали ли Вы о лагере в Люблине?

БУРГСДОРФ: О концлагере в Люблине - нет, а о городе Люблине - конечно.

Г-н ДОДД: Слышали ли Вы о каком-либо концлагере, который назывался Люблинским?

БУРГСДОРФ: Нет.

Г-н ДОДД: Я полагаю, что Вы знали названия многих других концлагерей?

БУРГСДОРФ: Только о германских лагерях - Дахау и Бухенвальде.

Г-н ДОДД: У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (обращается к Зайдлю): Есть ли у Вас еще какие-либо вопросы?

ЗАЙДЛЬ: У меня нет больше вопросов к свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кто у Вас следующий свидетель?

ЗАЙДЛЬ: Следующий свидетель бывшая секретарша генерал-губернатора, госпожа Кравчук. Но, если я правильно понял суд, сегодня заседание в 4.30 должно быть закончено?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас Трибунал прервет заседание до вторника, 10.00 утра.

(Об'является перерыв до 10.00 часов 23 апреля 1946 г.).

9283

H1198 - 0485

H1198 – 0486

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

23 апреля 1946 г.

/Утреннее заседание/

Встать ! Суд идет !

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль !

ЗАЙДЛЬ / защитник подсудимого Франка/: Господин председатель и господа судьи, от допроса свидетеля Штрубе, начальника главного отдела "Сельское хозяйство и снабжение продуктами питания", я отказываюсь. Я с разрешения суда вызываю свидетеля доктора Иосифа Бюлера.

/ Вводят свидетеля /.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите, пожалуйста, ваше полное имя.

СВИДЕТЕЛЬ: Иосиф Бюлер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги. "Я клянусь богом..."

БЮЛЕР: Я не слышу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сейчас меня слышите ?

БЮЛЕР: Да, я слышу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги: "Я клянусь богом всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

БЮЛЕР / повторяет слова присяги/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете сесть, свидетель.

ЗАЙДЛЬ: Господин свидетель, с какого времени вы знаете подсудимого доктора Ганса Франка и какие должности вы занимали, работая у него ?

БЮЛЕР: Я знаю господина Франка с 1 октября 1930 г. На государственной службе я работал с ним с конца марта 1933 года. Я служил у него, когда он был министром юстиции в Баварии,

затем я был имперским комиссаром юстиции, позже я служил в его министерском управлении. В конце сентября 1939 г. Франк привлек меня на службу в генерал-губернаторстве.

ЗЕЙДЛЬ: Какую должность вы занимали в генерал-губернаторстве в последнее время ?

БЮЛЕР: Я был во второй половине 1942 г. стато-секретарем правительства в генерал-губернаторстве.

ЗЕЙДЛЬ: Были ли вы сами членом партии ?

БЮЛЕР: Я член партии с 1 апреля 1933 года.

ЗЕЙДЛЬ: Выполняли ли вы какие-либо функции в партии или в одной из ее организаций, в частности в СА и СС ?

БЮЛЕР: Я никогда не занимал никакой должности в партии. Я никогда не был членом СА или СС.

ЗЕЙДЛЬ: Теперь я перехожу к периоду, когда вы были статосекретарем в правительстве генерал-губернаторства и я прошу вас рассказать, каковы были отношения между генерал-губернатором и высшим руководителем СС и полиции?

БЮЛЕР: Я должен предварительно заявить, что моя сфера компетенции не затрагивала вопросов полицейского, партийного и военного характера в генерал-губернаторстве. Отношения между генерал-губернатором и начальником полиции и СС, обергруппенфюрером Крюгером, прикомандированным к генерал-губернатору рейхсфюрером СС и начальником германской полиции, с самого начала омрачались глубокими разногласиями. Эти разногласия были связаны с точкой зрения как на положение полиции вообще во всяком упорядоченном государстве, так и в частности с точкой зрения на роль и задачи полиции в генерал-губернаторстве. Генерал-губернатор считал, что полиция является служкой государства и его исполнительным органом. Поэтому он и государственные инстанции должны отдавать полиции приказы, и он

9285

H1198 – 0487

H1198 – 0488

еще считал, что такое определение функций полиции одновременно ведет к ограничению задач полиции. Начальник полиции и СС Крюгер, напротив, придерживался той точки зрения, что полиция в общем должна являться исполнительным органом в государстве, но что полиция, выполняя свои задачи, не связана директивами административных властей, что здесь дело идет о специальных полицейских вопросах, разрешать которые административные органы не могут. По вопросу об отдаче приказов полиции Крюгер придерживался того мнения, что, учитывая то обстоятельство, что деятельность полиции должна быть эффективной и единообразной во всех оккупированных областях, приказы нужно издавать в центральной инстанции в Берлине таким образом, чтобы передача приказов в генерал-губернаторство могла производиться через него.

По вопросу о сферах компетенции полиции Крюгер считал, что мнение генерал-губернатора об ограничении этого круга задач является уже потому иллюзорным; что он, Крюгер, будучи начальником полиции и СС, одновременно является уполномоченным рейхсфюрера СС, занимавшего пост рейхскомиссара по вопросам консолидации германского народа.

Что касается позиции полиции по вопросу о политике в Польше, то Крюгер считал, что и при работе на чужой территории полицейские принципы должны стоять на первом плане и что с помощью полицейских средств можно достигнуть и избегнуть всего. Такая переоценка роли полицейских органов приводила, например, к тому, что при дальнейших разграничениях задач полиции и администрации в список полномочий полиции были включены задачи, касавшиеся чужих народов.

92 Pb

ЗЕЙДЛЬ: Известно ли вам, что уже в 1939 году рейхсфюрер СС Гиммлер издал внутри-ведомственный приказ, согласно которому все полицейские дела входили в компетенцию лишь самого Гиммлера или его начальника СС и полиции в данной области.

БЮЛЕР: Что это было так, я мог заключить из самих действий полиции. Приказа такого рода я, правда, не видел. Я могу, однако, заявить по этому поводу следующее: полиция в генерал-губернаторстве руководствовалась в своей деятельности принципами, описанными мною выше.

ЗЕЙДЛЬ: В 1942 году в соответствии с указом фюрера был создан "Статссекретариат" по вопросам безопасности. По чьему требованию было основано это учреждение и как отнесся к этому генерал-губернатор ?

БЮЛЕР: Этому указу предшествовала страшная травля самого генерал-губернатора. Создание такого Статссекретариата по вопросам безопасности расценивалось полицией, как важный этап в деле устранения самого генерал-губернатора. Перечисленные в этом указе дела были переданы в ведение полиции в основном не после издания указа, а содержание указа было просто приспособлено к событиям, уже имевшим место в период, предшествовавший изданию указа.

ЗЕЙДЛЬ: В инструкциях о выполнении приказа фюрера, изданных 3 июня 1942 г. в двух списках, приводятся все задачи полиции, причем в приложении "а" указан круг задач полиции охраны порядка, в приложении 2 - круг задач полиции безопасности. Перешли ли тогда полностью все эти полицейские дела в ведение стато-

H1198 – 0489

H1198 – 0490

секретаря и тем самым в ведение полиции ?

БЮЛЕР: Администрация неохотно уступила эти полномочия, поскольку от тех дел, которыми полиция еще не целиком завладела делами, она неохотно отказывалась.[2]

ЗЕЙДЛЬ: При этом вы в первую очередь имеете в виду сферу компетенции так называемой административной полиции и полиции, занимавшейся вопросами здравоохранения.

БЮЛЕР: Да, полицейскую службу связи, полицейские органы, ведавшие вопросами здравоохранения, и полицейские органы, занимавшиеся вопросами снабжения продуктами питания и т.п.

ЗЕЙДЛЬ: Если я правильно понял ваши замечания, то вы хотите сказать, что всей полицией в ее совокупности, как полицией безопасности, так и службой безопасности и полицией охраны порядка руководила единая центральная инстанция в Берлине, т.е. Гиммлер и главное имперское управление безопасности, или это руководство осуществлялось через начальника СС и полиции в генерал-губернаторстве?

БЮЛЕР: По моим наблюдениям существовала такая система издания приказов, что полиция безопасности получала директивы непосредственно из Берлина, минуя Крюгера.

ЗЕЙДЛЬ: Еще один вопрос. Правильно ли, что Гиммлер, будучи имперским комиссаром по вопросам консолидации германского народа, руководил тем переселением, которое имело место в генерал-губернаторстве ?

БЮЛЕР: По мнению генерал-губернатора, всякое переселение вызывало волнения среди населения, даже если оно проводилось принудительно. Этого нельзя было допустить в генерал-губернаторстве. Кроме того, переселение всегда было связано с поиске -

нием производительности в сельском хозяйстве. Поэтому генерал-губернатор и правительство в генерал-губернаторстве принципиально не проводили переселения во время войны, и если такое переселение имело место, то им руководил имперский комиссар по вопросам консолидации германского народа.

ЗЕЙДЛЬ: Правильно ли, что у генерал-губернатора из-за этой политики переселения были серьезные разногласия с Гиммлером, Крюгером и с группенфюрером СС Глобочником ?

БЮЛЕР: Да, это верно. Попытки избежать таких переселений всегда приводили к разногласиям и трениям с начальником полиции и СС.

ЗЕЙДЛЬ: Доктор Франк обвиняется в том, что он конфисковывал промышленные предприятия и частную собственность. Какова была принципиальная позиция генерал-губернатора по этим вопросам ?

БЮЛЕР: Все инструкции по этим вопросам, носившим правовой характер, издавались уполномоченным по четырехлетнему плану. Вопросы о конфискации частного имущества и собственности были урегулированы одинаковым образом как в присоединенных восточных областях, так и в генерал-губернаторстве. В этом постановлении уполномоченного по четырехлетнему плану предусматривалось создание ~~"Хаупттройхандтелле" ОСТ~~ /главного экономического представительства на Востоке /хауптройхандтелле ОСТ/ с центральным административным учреждением в Берлине. Генерал-губернатор не хотел, чтобы дела, касавшиеся генерал-губернаторства, рассматривались в Берлине

H1198 – 0491

H1198 – 0492

и поэтому протестовал против того, чтобы главное экономическое представительство ОСТ занималось административно-имущественными делами генерал-губернаторства. Он, не встретив препятствий со стороны уполномоченного по четырехлетнему плану, распорядился выработать собственный порядок конфискации в генерал-губернаторстве и дал указание о создании собственного экономического представительства в генерал-губернаторстве. В экономическое представительство был назначен опытный крупный чиновник саксонского министерства экономики.

ЗЕЙДЛЬ: Что стало с заводами, находившимися в пределах польского государства?

БЮЛЕР: Промышленные предприятия, привлеченные к производству вооружения, находились в ведении военных ведомств, инспектора по вопросам производства вооружения, подчинявшегося в свое время ОКВ, а позже - имперскому министру Шпееру. Другие промышленные предприятия, принадлежавшие польскому государству и не вошедшие в группу предприятий, производивших вооружение, генерал-губернатор попытался об"единить в акционерное общество и распорядился, чтобы ими управляли отдельно, как собственностью генерал-губернаторства. Главным акционером этого общества являлось казначейство генерал-губернаторства.

ЗЕЙДЛЬ: Следовательно, управление этими заводами осуществлялось независимо от имперской казны ?

БЮЛЕР: Так точно.

ЗЕЙДЛЬ: Обвинение пред"явило в качестве доказательства документ под номером УС-281 - это выдержка из дневника Франка,

содержащая запись совещания по еврейскому вопросу. На нем доктор Франк, между прочим, заявил следующее: "Мое отношение к евреям определяется ожиданием того, что они исчезнут. Они должны уйти отсюда. Я начал вести переговоры с той целью, чтобы оттеснить евреев на Восток. В январе по этому вопросу состоится в Берлине большое совещание, на которое я отправлю статс-секретаря д-ра Бюлера. Это совещание будет созвано в главном имперском управлении безопасности у обергруппенфюрера СС Гейдриха. Во всяком случае, произойдет большое переселение евреев".

Я спрашиваю вас, были ли вы посланы генерал-губернатором на это совещание в Берлин и что было предметом обсуждения на этом совещании ?

БИЛЕР: Я был послан на это совещание и там обсуждался еврейский вопрос. Я должен предупредить, что еврейский вопрос в генерал-губернаторстве с самого начала рассматривался, как вопрос, входивший в сферу компетенции начальника СС и полиции. Государственная администрация занималась еврейским вопросом постольку, поскольку полиция терпела такое положение вещей, осуществляя надзор. В 1940-41 г.г. невероятное количество людей, главным образом евреев, было направлено в генерал-губернаторство, несмотря на протесты генерал-губернатора и его администрации. Это совершенно неожиданное, негаданное и нежелательное вселение евреев других областей поставило администрацию генерал-губернаторства в крайне тяжелое положение. Распределение этого множества людей, их снабжение продовольствием, такой уход за здоровьем, как борьба с эпи-

H1198 – 0493

H1198 – 0494

демиями,- все это было почти или,можно спокойно сказать, вовсе не в силах сделать генерал-губернаторство. Особенно угрожающе быстро распространялся сыпной тиф не только в гетто и среди польского населения, а также среди немцев, проживавших в генерал-губернаторстве. Казалось, что эпидемия хочет из генерал-губернаторства переметнуться в империю, на Восток и на фронт. В такой обстановке генерал-губернатор получил это приглашение от Гейдриха. Совещание сначала должно было состояться в ноябре 1941 года. Затем оно много раз откладывалось и, кажется, состоялось в феврале 1942 года. Я попросил Гейдриха, чтобы он поговорил со мной отдельно, учитывая особые проблемы, касавшиеся генерал-губернаторства, и он принял меня. При этом я изложил ему катастрофическое положение, которое создалось благодаря тому, что евреи самовольно были вселены в генерал-губернаторство из других областей. Он мне ответил на это, что как раз поэтому он и пригласил на совещание генерал-губернатора. "Рейхсфюрер СС,- сказал он, -получил от фюрера распоряжение, заключавшееся в том, чтобы собрать вместе всех евреев Европы и поселить на северо-востоке Европы, в России." Я спросил его, означает ли это, что прекратится дальнейшее вселение евреев в генерал-губернаторство и что те сотни тысяч евреев, которые были вселены без разрешения генерал-губернатора, будут опять увезены из генерал-губернаторства ? Гейдрих обнадежил меня, что оба вышеуказанных положения будут выполняться.

Далее Гейдрих заявил, что фюрер издал приказ о том, чтобы превратить город Терезиенштадт в протекторате в особое поселение, в котором нужно будет разместить старых, больных и слабых евреев, которые не смогли выдержать трудностей переселения.

После этого сообщения у меня создалось такое впечатление, что переселение евреев, если не ради самих евреев, то, по крайней мере, ради престижа германского народа, будет происходить гуманным образом. Выселение евреев из генерал-губернаторства проводилось затем только лишь полицией.

Я должен еще добавить, что Гейдрих отдельно потребовал, чтобы все полномочия и право подписывать приказы по этим вопросам были переданы исключительно ему и его органам.

ЗЕЙДЛЬ: Какие концентрационные лагери, как находящиеся в генерал-губернаторстве, были известны вам во время вашей деятельности в качестве статс-секретаря?

БЮЛЕР: Летом 1944 года сообщения в прессе впервые обратили мое внимание на концентрационный лагерь в Майданеке. Я не знал, что этот лагерь вблизи Люблина был концлагерем. Он был создан как хозяйственное учреждение рейхсфюрера СС в 1941 г. Тогда меня посетил губернатор Цернер и рассказал мне, что он заявил Глобочнику протест против создания этого лагеря, потому что наличие лагеря нарушает нормальное снабжение города электроэнергией, а также грозит распространением эпидемий. Я сделал сообщение генерал-губернатору и последний пригласил к себе Глобочника. Глобочник заявил генерал-губернатору, что он создал на этой территории производственные мастерские, выпускавшие продукцию для войск СС, находящихся на фронте. Он говорил о мастерских, производящих меховые изделия и о строительной площадке, которая якобы также находилась там. В этих меховых мастерских, как я потом слышал, меховые изделия,

H1198 – 0495

H1198 – 0496

находившиеся в меховых коллекциях, перерабатывались в вещи, необходимые на фронте. Таким образом Глобочник заявил, что он создал эти мастерские по приказу и директиве Гиммлера. Генерал-губернатор запретил ему дальнейшее строительство до тех пор, пока все полицейские вопросы, связанные со строительством, не будут окончательно разрешены и пока все проекты строительства не будут представлены государственным органам и пока не будут соблюдаться все условия, которые должны соблюдаться во время строительства.

Глобочник никогда так и не представил таких проектов. О том, что происходило в лагере, внешний мир не получал никаких конкретных сведений, и поэтому, как генерал-губернатор, так и я были очень удивлены, когда в международной прессе появились сообщения о Майданеке.

ЗЕЙДЛЬ: Господин свидетель, Обвинение пред"явило документ 437-ПС, УС-610. Это-меморандум генерал-губернатора фюреру от 19.У1.1943 года. Мне кажется, что проект этого меморандума составляли вы. Здесь на странице 35 упоминается отчет командующего полицией безопасности. Этот отчет также частично цитируется. В этом сообщение полиции безопасности упоминается и название "Майданек". Знали ли вы тогда, что этот Майданек то же самое, что и лагерь под Люблином ?

БЮЛЕР: Нет, я предполагал, что это, как и Освенцим, лагерь, находившийся вне генерал-губернаторства, так как генерал-губернатор неоднократно заявлял полиции и высшему начальнику СС и полиции, что он не желает иметь концлаге-

герей в генерал-губернаторстве.

ЗЕЙДЛЬ: В чьем ведении находилось управление концлагерей в генерал-губернаторстве ?

БЮЛЕР: Я не осведомлен об этом, так как я не знал о существовании этих лагерей. Об управлении концлагерей в общих чертах я узнал в августе в связи с моим посещением лагеря в Прущкове. Я передал тогда указание Гиммлера коменданту лагеря, согласно которому нужно было перестать заключать в концлагери жителей Варшавы, покинувших город.

ЗЕЙДЛЬ: Это было после восстания в Варшаве ?

БЮЛЕР: Это было во время восстания в Варшаве ; приблизительно 18 или 19 августа 1944 года комендант лагеря, имя которого я теперь не помню, сказал мне тогда, что он не знает такого приказа о жителях Варшавы и что лишь только начальник управления по делам концентрационных лагерей, может давать ему подобные указания.

ЗЕЙДЛЬ: Известно ли Вам, что генерал-губернатор сам когда-либо заключал в концлагерь какого-нибудь поляка, украинца или еврея ?

9295

H1198 – 0497

H1198 – 0498

БЮЛЕР. Когда я там присутствовал, ничего подобного не происходило.

ЗАЙДЛЬ. Правильно ли, что в крепости в Кракове работало значительное число ремесленников - евреев, которые, вопреки воле генерал-губернатора, в то время, когда он отсутствовал, были высланы полицией безопасности?

БЮЛЕР. Я знаю эту колонию еврейских рабочих, так как я сам жил в крепости. Я знаю также, что генерал-губернатор всегда заботился о сохранении этой колонии

еврейских

рабочих. Начальник канцелярии генерал-губернатора министерат Кейт рассказывал мне, что эта еврейская колония была насильно выслана полицией в то время, когда генерал-губернатор отсутствовал.

ЗАЙДЛЬ: Я теперь перехожу к так называемой акции "АБ", следовательно, к чрезвычайному мероприятию по наведению порядка. Скажите, каковы были обстоятельства, заставившие провести это мероприятие?

БЮЛЛЕР: Это было в середине мая 1940 г., когда мне утром приказали в правительственном здании, где я занимался служебными делами, явиться к генерал-губернатору. Я, кажется, припоминаю, что вместе со мной был приглашен также рейхсминистр Зейсс-Инкварт. Там мы встретили генерал-губернатора, с некоторыми господами из полиции. Генерал-губернатор заявил, что, по мнению полиции, необходимо провести это чрезвычайное мероприятие по наведению порядка. Безопасности, как я помню, угрожали остатки польской армии, которые слонялись по окрестным лесам и беспокоили население, а также проводили военную подготовку среди молодых поляков. К этому времени, т.е. к маю 1940 г., польский народ оправился от того шока, который потряс его после поражения Польши в 1939 г. и явно начал подготавливать свое движение сопротивления, почти не соблюдая осторожности и не имея опыта. Эта картина сохранилась у меня в памяти по рассказам сотрудников полиции - и я не помню, при вышеописанных обстоятельствах или в связи с другим событием.

ЗАЙДЛЬ: Я разрешу прервать Вас и процитировать запись в дневнике Франка от 16 мая 1940 г. Здесь сказано:

9297

H1198-0499

H1198 – 0500

"Общая военная обстановка заставляет нас из соображений безопасности серьезнее ~~относится~~ к ~~поражению~~ внутри генерал-губернаторства. На основании множества признаков и действий можно сделать вывод о том, что в стране вздымается волна хорошо организованного сопротивления поляков и что это движение сопротивления находится накануне огромных событий, связанных с применением насилия.

Тысячи поляков уже об'единены в тайных кружках, вооружены, и их на повстанческий лад призывают применять всякое насилие". Затем господин генерал-губернатор привел несколько примеров, относившихся к недавнему времени, так, например, напомнившее гражданскую войну восстание нескольких деревень под руководством майора Хубалла в Радомском воеводстве, убийство немецких семей в Иозефове, затем убийство бургомистра в Граженке. Повсюду распространяются нелегальные, призывающие к мятежу листовки, причем некоторые листовки даже вывешиваются. Нет сомнения, что положение в отношении безопасности крайне серьезное". Конец цитаты.

Скажите, так ли говорил тогда генерал-губернатор?

БЮЛЕР: Во время совещания, на котором присутствовал также и я, генерал-губернатор долго говорил о положении в стране, я теперь не помню больше отдельных моментов.

ЗАЙДЛЬ: Что произошло затем?

БЮЛЕР: У меня создалось только то впечатление, что генерал-губернатору в предыдущие месяцы с большим трудом удалось навязать полиции систему штандгерихтов, а также определенный порядок, который она должна была соблюдать при арестах и обращении с подозрительными личностями.

Затем полиция должна была согласиться с тем, чтобы

ее приговоры пересылались генерал-губернатором в кассационную комиссию и чтобы приговоры приводились в исполнение только после того, как они утверждались генерал-губернатором. Заявления генерал-губернатора на этом совещании в середине мая 1940 года пробудили во мне беспокойство в связи с тем, что полиция смогла усмотреть в этих заявлениях возможность избавиться от введения системы штандгерихтов и кассаций.

Поэтому, когда генерал-губернатор окончил говорить, я попросил у него слово. Генерал-губернатор сначала не дал мне слова и заявил, что он хочет еще что-то быстро продиктовать секретарю, ведущему протокол, чтобы тот в свою очередь продиктовал текст стенографистке, для того, чтобы затем секретарь принес этот текст в отпечатанном виде. После этого генерал-губернатор продиктовал какое-то распоряжение, поручение или нечто в этом роде секретарю, ведущему протокол, и я точно припоминаю, что после этой диктовки секретарь и, я предполагаю, с уверенностью предполагаю, бригаденфюрер Штреккенбах, командующий полицией охраны порядка покинули зал совещания. Я это заранее заявил потому, что тогда становится понятным, почему все то, что затем произошло, не записано в протоколе. Секретарь, ведущий протокол, не присутствовал в зале совещания.

Итак я выразил свое опасение, настаивая на том, чтобы все требования, предъявляемые к системе штандгерихтов, соблюдались при любых обстоятельствах. Я не хочу приписать себе в связи с этим какую-либо заслугу, потому что, если бы я этого не сделал, то, безусловно, с возражением выступил бы имперский министр Зейсс-Инкварт или генерал-губернатор, сам бы увидел опасность, которая таилась в его заявлениях.

9299

H1198 – 0501

H1198 – 0502

Во всяком случае генерал-губернатор сейчас же после моего возражения заявил, что, само собой разумеется, что аресты и расстрелы должны производиться в соответствии с положением о штандгерихте и что кассационная комиссия должна рассматривать приговоры штандгерихта. И в последствии эти установки соблюдались; я предполагаю, что кассационная комиссия получила все приговоры, связанные с вышеупомянутым мероприятием, и рассмотрела их.

ЗАЙДЛЬ: Из другой записи в дневнике от 12.7.1940 г. следует, что сначала замешанные руководители движения сопротивления были лишь только арестованы. Я цитирую слова генерал-губернатора: "По вопросу о том, что должно произойти с политическими преступниками, схваченными в связи с акцией "АБ", - нужно созвать совещание с участием статс-секретаря д-ра Бюлера, обергруппенфюрера Крюгера, бригадефюрера Штрекенбаха и министериальрата Вилле". Конец цитаты.

Скажите, кем являлся министериальрат Вилле, какая задача была возложена на него в этой связи.[2]

БЮЛЕР: Я должен предварительно заметить, что у меня пробелы в памяти, не позволяющие мне точно сказать, когда генерал-губернатор сообщил обербригадефюреру Штрекенбаху, что он при любых обстоятельствах должен соблюдать положения о штандгерихтах и о кассационной комиссии. Но мне кажется, что я совершенно точно помню, что к тому времени, когда происходило это совещание между Крюгером, Штрекенбахом и Вилле, имели место лишь только аресты, но не казни.

Министериальный советник (министериальрат) Вилле был начальником правового отдела в правительстве и ведал все вопросы, связанные с ходатайствами о помиловании. Генерал-губернатор хотел, чтобы все эти вопросы разрешались опытным человеком, сведущим в юриспруденции. На этом совещании с Крюгером, Штрекенбахом и Вилле было установлено, что дела

9300

всех ранее арестованных должны слушаться в штандгерихте, а вынесенные приговоры должны рассматриваться кассационной комиссией. Полиция не была в восторге от этого. Я припоминаю, что Крюгер с глазу на глаз сказал мне, после совещания, что генерал-губернатор - паяц, с которым нельзя работать, что в дальнейшем он изберет свой собственный путь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, Трибунал считает, что Вы освещаете ~~ххххххх~~ эти вопросы слишком подробно.

ЗАЙДЛЬ: Я уже заканчиваю задавать этот цикл вопросов. Господин свидетель, на совещании с полицией в 1940 г., 30 мая, подсудимый доктор Франк заявил следующее. Я цитирую:

"Те трудности, которые нам пришлось пережить с Краковскими профессорами, были ужасны. Если бы мы руководили этим делом отсюда, оно бы имело другой исход".

Кто арестовал этих профессоров и в какой степени генерал-губернатор сам занимался этим делом?

БЮЛЕР: Когда генерал-губернатор 7 или 8 ноября 1939 г. прибыл в Краков, чтобы приступить там к своим служебным обязанностям, все профессора Краковского университета без его ведома были уже арестованы полицией безопасности и направлены в концентрационные лагери в империю. Среди этих профессоров были и знакомые генерал-губернатора, с которыми он задолго до этого генерал-губернатор в рамках своей деятельности в Академии Германского права поддерживал научные и общественные связи. Генерал-губернатор упорно и непрерывно воздействовал на обергруппенфюрера Крюгера, пока он не добился того, что большинство этих профессоров было выпущено из концентрационных лагерей. Мне кажется, что это его заявления о неполадках с профессорами, ~~хххх~~ противоречащее тому, что я только что сообщил, было сделано, по моему мнению, исключительно с той целью, чтобы ~~хххххххххххххххххххх~~ утихомирить полицию, ибо полиция очень неохотно выдала этих профессоров.

9301

H1198 – 0504

ЗАЙДЛЬ: Какова была принципиальная установка генерал-губернатора по вопросу мобилизации рабочей силы?

БЮЛЕР: Генерал-губернатор и правительство генерал-губернаторства стремились предоставить империи как можно больше польских рабочих. Но нам было ясно, что насильственная мобилизация рабочих, хотя и может принести пользу на данном этапе, но не обеспечит успеха во время вербовки рабочих в дальнейшем. Поэтому генерал-губернатор дал мне указание с помощью широкой и интенсивной пропаганды настроить население на то, чтобы оно отправлялось на работу в империю, а также дал мне указание относительно того, чтобы пресекались все методы насильственной вербовки рабочей силы. С другой стороны, генерал-губернатор хотел обеспечить успех вербовки рабочей силы для империи, выступив за то, чтобы с польскими рабочими в империи прилично обращались. В течение нескольких лет по этому вопросу велись переговоры с рейхскомиссаром гаулейтером Заукелем и при этом были достигнуты улучшения.

Генерал-губернатор в особенности выступал против того, чтобы поляки, находящиеся в империи, имели опознавательные знаки. Я вспоминаю письмо рейхскомиссара Заукеля, в котором последний сообщает генерал-губернатору, что он приложил все усилия, чтобы добиться такого же обращения с польскими рабочими, как и со всеми иностранными рабочими, но что его попытки в тех случаях не увенчались успехом, где им противостояло влияние рейхсфюрера СС.

ЗАЙДЛЬ: Теперь я перехожу к другому циклу вопросов. Обвинение под № УС-275, 1061-ПС представило сообщение бригадефюрера Штропа об уничтожении варшавского гетто. Были ли вы или генерал-губернатор заранее оповещены полицией безопасности о мероприятиях, планировавшихся ею?

БЮЛЕР: Я, безусловно, нет. О генерал-губернаторе я могу сказать, что мне не известно о том, что он что-либо слышал о каких-то планах.

ЗАЙДЛЬ: Что Вам стало впоследствии известно о событиях в варшавском гетто в 1943 году?

БЮЛЕР: Я узнал то, что приблизительно стало известно всем, а именно, что в гетто вспыхнуло восстание, которое было заранее подготовлено, что тот строительный материал, который евреи получали в гетто в целях противовоздушной обороны, они использовали для строительства укреплений и что во время восстания немецким частям было оказано упорное сопротивление.

ЗАЙДЛЬ: Теперь я перехожу к восстанию в Варшаве в 1944 году. Скажите, в какой мере администрация генерал-губернаторства участвовала в подавлении этого восстания?

БЮЛЕР: Так как наши товарищи были блокированы восставшими в Варшаве, мы попросили генерал-губернатора, чтобы он потребовал от фюрера быстрого подавления Варшавского восстания. Администрация,впрочем, заботилась о населении, помогая очистить от жителей те квартиры, в которых происходили боевые действия и которые должны были быть разрушены. Администрация при данных обстоятельствах не выполняла никаких командных функций.

ЗАЙДЛЬ: 4 ноября 1945 года Вы дали письменные показания. Этот аффидевит получил номер ПС-2476. Я прочитаю Вам это показание под присягой, оно очень краткое, и я прошу Вас сказать мне, правильно ли его содержание. Я цитирую:

"В ходе усмирения варшавского восстания в августе 1944 г. 50-60 тысяч жителей Варшавы (польская статистика) было направлено в немецкие концлагери. В результате вмешательства доктора Франка рейхсфюрер СС Гиммлер запретил дальнейший угон населения в лагери. Генерал-губернатор попытался освободить те 50-60 тысяч варшавцев, которые попали в концентрационные лагери в империи до того, как был прекращен угон населения. Это письменное ходатайство, повторенное мною устно во время моего личного визита в Берлине в сентябре-октябре 1944 года, обергруппенфюрер Кальтенбруннер отклонил, сославшись на то, что эти варшавские жители работают в империи на секретных предприятиях по производству вооружения и что поэтому не может быть рачи о массовых освобождениях. Отдельные ходатайства он может благосклонно рассмотреть. Кальтенбруннер

H1198 – 0505

H1198 – 0506

затем удовлетворил отдельные ходатайства об освобождении некоторых лиц из концентрационных лагерей. Кальтенбруннер в противоположность польской статистике определил число варшавцев, отправленных в концентрационные лагеря империи, как незначительное. Я довел до сведения моего учреждения заявления Кальтенбруннера о числе арестованных лиц и после вторичного расследования была подтверждена вышеупомянутая цифра в 50-60 тысяч. Это были те люди, которые были доставлены в концентрационные лагери в империю". Конец цитаты.

БЮЛЕР: Я прошу повторить мне еще раз две последние фразы.

ЗАЙДЛЬ: Что Вы сказали?

БЮЛЕР: Я прошу повторить мне еще раз две последние фразы.

ЗАЙДЛЬ: ..."Я довел до сведения моего учреждения заявление Кальтенбруннера о числе арестованных лиц и после вторичного расследования была подтверждена вышеупомянутая цифра в 50-60 тысяч; это были те люди, которых доставили в концентрационные лагери в империю".

Я спрашиваю Вас, правильно ли содержание этого показания, данного под присягой в присутствии американского офицера. Я могу еще кое-что дополнить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Зайдль, до того, как он сделает свои дополнения, скажите, пожалуйста, представлялись ли эти документы в качестве доказательства?

ЗАЙДЛЬ: Да, это документ ПС-2476.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы вначале сказали 2467-ПС, не так ли?

ЗАЙДЛЬ: Нет, 2476.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это подтверждает тот факт, что этот документ был представлен в качестве доказательства. Был ли этот документ представлен в качестве доказательства? Доктор Зайдль, вы прекрасно знаете, что означает "представить в качестве доказательства". Было ли это представлено в качестве доказательства под определенным номером США?

ЗАЙДЛЬ: Этот документ не имеет номера США. Я не могу пред"являть этот документ формально как доказательство, но я могу допросить свидетеля о содержании этого аффидевита.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Следовательно вы хотите представить этот документ в качестве доказательства. Это - документ, и если вы пред"являете этот документ свидетелю, то вы обязаны представить этот документ в качестве доказательства и присвоить ему соответствующий номер. Вы не можете пред"являть документов свидетелю, не представив их в качестве доказательства.

ЗАЙДЛЬ: В таком случае я пред"являю этот документ как доказательство "Франк, документ № 1" и я спрашиваю вас, свидетель...

/Пауза/

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте, продолжайте.

H1198 – 0507

H1198 – 0508

ЗАЙДЛЬ: Итак, я спрашиваю Вас, господин свидетель, правильно ли содержание этого аффидевита и не хотите ли Вы дополнить его.[2]

БЮЛЕР: Я хочу кратко дополнить это показание. Возможно, я был не один, а два раза у Кальтенбруннера по этому вопросу. И после того, как Кальтенбруннер вторично отклонил просьбу об освобождении, у меня в результате сопоставления наблюдений, которые я сделал в лагере в Пруцкове, разговаривая с комендантом лагеря, создалось такое впечатление, что Кальтенбруннер не имеет полномочий освободить этих людей. Он мне по этому поводу ничего не сказал.

ЗАЙДЛЬ: Но на основании его высказываний у Вас создалось впечатление, что не в его власти освободить этих людей?

БЮЛЕР: Во время этих бесед я затронул вопрос о политике в Польше и у меня создалось впечатление, словно я могу склонить Кальтенбруннера к разумной политике в Польше, превратив его в союзника, защищающего мои интересы у Гиммлера. Он во всяком случае в разговоре со мной осуждал те насильственные методы, которые применял Крюгер. Из этих замечаний я заключил, что Кальтенбруннер не хочет применять по отношению к полякам насилия и что он помог бы мне, если бы он мог.

ЗАЙДЛЬ: Советское обвинение представило документ под №СССР-128 - это телеграмма информационного бюро при начальнике СС и полиции на Востоке, адресованная генерал-губернатору и подписанная д-ром Фишером, тогдашним губернатором Варшавы. Здесь в пункте 2 сказано следующее:

H1198 – 0509

"Обергруппенфюрер фон дем Бах получил новое распоряжение умиротворить Варшаву, то-есть, уже во время войны сравнять Варшаву с землей, если не возникнет военная необходимость строительства укреплений. Перед тем, как будет снесен город нужно, вывезти из города все сырье, всю текстильную продукцию и всю мебель. Главная задача возлагается на гражданскую администрацию. Я сообщаю об этом потому, что этот новый приказ фюрера о разрушении Варшавы имеет большое значение для дальнейшей политики в Польше." Помните ли вы, как генерал-губернатор воспринял и использовал эту телеграмму, в какой степени изменилась принципиальная установка в связи с этой телеграммой?

БЮЛЕР: Эта телеграмма относилась к указаниям, которые получал обергруппенфюрер фон дем Бах от рейхсфюрера СС. Администрация генерал-губернаторства не приветствовала разрушения Варшавы; я припоминаю, что вместе с генерал-губернатором обсуждался вопрос о том, какой путь еще можно было избрать для того, чтобы затянуть разрушение Варшавы; что было затем предпринято на практике, я уже не помню. Возможно даже, что вследствие того, что все дальнейшие попытки были бесперспективны, ничего во все не было предпринято.

ЗАЙДЛЬ: Я перехожу к другому разделу. Генерал-губернатору ~~ему~~ вменяется в вину, что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы об"являем перерыв на десять минут.

/Об"является перерыв на десять минут/.

Встать, Суд идет!

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, господа судьи, прежде чем продолжить допрос свидетеля д-ра Бюлера, я прошу принять к сведению, что я отказываюсь от допроса свидетельницы Кравчук..., я отказываюсь от допроса свидетельницы Елены Кравчук, таким образом, этот свидетель является последним свидетелем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Благодарю Вас.

ЗАЙДЛЬ: Г-н свидетель, подсудимый д-р Франк обвиняется в том, что он не сделал со своей стороны все возможное, чтобы обеспечить снабжение продуктами питания гражданское население генерал-губернаторства. Что вы можете сказать по этому вопросу?

БЮЛЕР: Основная глубокая причина того, почему снабжение в генерал-губернаторстве не происходило также организовано и удовлетворительно как в империи, заключается в том, что польское население не в достаточной степени помогало проведению немецких мероприятий, направленных на справедливое и равномерное распределение запасов продовольствия. Это сотрудничество отсутствовало из-за патриотических соображений, что вызывалось так же антипатией и постоянно эффективной пропагандой из вне. Мне кажется, что нет ни одной другой страны в Европе, где бы столько грабили, расхищали, воровали, торговали на черном рынке, разрушали, занимались саботажем, как в генерал-губернаторстве. Я приведу только один пример: Машины, необходимые в молочном хозяйстве и доставленные с таким трудом в генерал-губернаторство, созданная с трудом сеть молочных ферм непрестанно разрушались, так что нельзя было добиться полного учета жиров и молока.

9308

H1198-0510

H1198 – 0511

По моим подсчетам, то количество жиров, которое продавалось на рынке свободной торговли и на черном рынке, превосходило во много раз то, что официально поддавалось учету и распределению среди населения. Следующая основная причина заключается в том, что генерал-губернаторство было выкроено из законченного государственного и экономического формирования, причем не придавалось достаточного значения тому, чтобы создать соответствующий экономический баланс. Такие потребительские центры как Варшава, Краков, затем Львов, индустриальный район в центральной Польше широко снабжались продуктами непосредственно из деревень и с постоянного рынка. В этой области генерал-губернаторства не было хлебных амбаров, холодильников, не было обширной сети молочных ферм, недоставало складов с запасами для того, чтобы можно было в государственном масштабе осуществлять снабжение продуктами питания. Правительство генерал-губернаторства должно было сначала шаг за шагом воздвигать все эти постройки, и сообразно устанавливалось снабжение населения продуктами питания. Это снабжение не сразу развернулось полным ходом, оно улучшалось по этапам. Я всегда заботился о том, чтобы в положении о борьбе с черным рынком предусматривались границы свободной торговли продуктами питания и чтобы городскому жителю не затруднялось или не запрещалось сношение с производителем. В 1942 году пайки опять должны были быть увеличены, но пришел приказ уполномоченного по четырехлетнему плану, в котором было сказано, что следует отказаться от увеличения норм питания и что нужно предоставить империи определенные запасы продуктов питания. Это значит, что продукты в основном не вывозились из генерал-губернаторства, а потреблялись ими на месте воинскими

9309

частями. Генерал-губернатор постоянно вел борьбу с различными инстанциями управления по четырехлетнему плану для того, чтобы добиться повышения норм и улучшения в снабжении польского населения. Эта борьба не была лишена успеха. Многократно удавалось значительно повысить пайки в особенности рабочим, занятым на военных заводах, и вообще работающей части населения, находившейся в привилегированном положении.

Обобщая, я хочу сказать, что населению генерал-губернаторства было нелегко добывать себе насущный хлеб, но тем не менее в генерал-губернаторстве не было голодных бунтов и эпидемий, вызванных голодом. Польско-украинский комитет помощи, который имел представителей во всех районах генерал-губернаторства, заботился о снабжении продуктами питания особо нуждающегося населения. Я сделал все для того, чтобы этот комитет снабжался как можно большим количеством продуктов для того, чтобы он мог как можно успешнее осуществлять свою благотворительную деятельность. Мне известно, что этот комитет особенно заботился о детях, живших в больших городах.

ЗАЙДЛЬ: Господин свидетель, какие меры принял генерал-губернатор для сохранения произведений искусства в области, которой он управлял?

БЮЛЕР. Уже в приказе от 16 декабря 1939 года рейхсфюрер СС, будучи рейхскомиссаром по консолидации германского народа, распорядился без ведома генерал-губернатора конфисковать все произведения искусства и отправить их в империю. Генерал-губернатору удалось частично воспрепятствовать этой отправке. Затем в генерал-губернаторство прибыл представитель от

H1198 – 0512

H1198 – 0513

управления по четырехлетнему плану статс-секретарь Мюльман, заявивший, что уполномоченный по четырехлетнему плану наделил его особыми полномочиями. Я предложил ему представить свои документы, удостоверяющие его полномочия. Эти документы оказались подписанными не самим Герингом, а сотрудником его, неким Крицманом... На этого Крицмана было возложено поручение сохранить эти произведения искусства, действуя в рамках имперских органов. Для того, чтобы включить этого уполномоченного, наделенного имперскими полномочиями, в администрацию, генерал-губернатор поручил ему кумулятивный учет всех ценных произведений искусства в генерал-губернаторстве. Этот уполномоченный произвел учет всех этих произведений искусства, распорядился так же напечатать каталоги и мне известно из совещаний, которые состоялись у генерал-губернатора, что генерал-губернатор всегда заботился о том, чтобы эти произведения искусства оставались в генерал-губернаторстве.

ЗАЙДЛЬ: Обвинение представило под номером УС-378, речь идет о документе 1709-ПС,-отчет о расследовании деятельности специального уполномоченного по учету и сохранению произведений искусства и сокровищницы культуры в генерал-губернаторстве. На странице 6-й этого отчета сказано. Я цитирую: "Распоряжение о расследовании: Поручение статс-секретарю в правительстве генерал-губернаторства от 30 июня 1942 г. о расследовании всей деятельности специального уполномоченного по учету и сохранению произведений искусства и сокровищницы культуры, назначенного господином генерал-губернатором в генерал-губернаторстве, 16 декабря 1939 года". /Конец цитаты/.

Я спрашиваю, что побудило Вас в 1942 году издать такое распоряжение о производстве расследования, и дал ли вышеупомянутый отчет повод для протеста?

БЮЛЕР: Для такого расследования мне послужило поводом та коллизия долга, которая могла возникнуть вследствие того, что статс-секретарь Мюльман получил задание от империи, а я от генерал-губернатора. До меня дошли также сведения, что некоторые музейные экспонаты небрежно хранились. Результатом расследования было то, что статс-секретарю Мюльману нельзя было сделать никаких упреков.

ЗАЙДЛЬ: Обвинение представило затем другой документ, а именно ПС-3042, УС-375. Здесь речь идет об аффидевите доктора Мюльмана. Я цитирую: "Я был специальным уполномоченным генерал-губернатора Ганса Франка по сохранению произведений искусства в генерал-губернаторстве в период от октября 1939 г. до сентября 1943 г. Это поручение дал мне Геринг, выполняя функции председателя комитета по обороне империи. Я подтверждаю, что официальная политика генерал-губернатора Ганса Франка заключалась в сохранении всех ценных произведений искусства, принадлежавших польским общественным заведениям и церквям или входивших в частные коллекции. Я подтверждаю, что упомянутые произведения искусства были действительно конфискованы и я убежден, что в случае победы Германии они не остались бы в Польше, а были бы использованы для пополнения германской сокровищницы искусства."

Я спрашиваю Вас, правильно ли, что генерал-губернатор с самого начала все произведения искусства, которые были сохранены, рассматривал как собственность генерал-губернаторства?

БЮЛЕР: Да, в том случае, если они были собственностью

H1198 – 0514

H1198 – 0515

государства; если же они находились в частном владении, то они временно конфисковывались и отдавались на хранение. Но никогда генерал-губернатор не намеревался направить эти произведения искусства в империю. Во всяком случае, если бы он этого хотел, он бы воспользовался обстановкой военного времени для того, чтобы эти произведения искусства направить в империю. Мне неизвестно, откуда у свидетеля и те сведения, которые он сообщает в последней фразе своего аффидевита.

ЗАЙДЛЬ: Обвинение представило документ Л-37, а именно - под номером УС-506. Это письмо командира полиции безопасности и СД в радомском воеводстве, адресованное в "Ауссенштелле" в Томашове и датированное 19 июля 1944 г. Здесь сказано: "Высший руководитель СС и полиции на востоке издал 28.6.1944 г. следующий приказ". Я пропускаю несколько следующих фраз и цитирую дальше: "Рейхсфюрер СС с согласия генерал-губернатора распорядился, чтобы во всех тех случаях, когда совершаются покушения на жизнь немцев или делаются попытки совершить такие покушения или саботажниками разрушаются жизненно-необходимые об"екты, расстреливались ~~бн~~ не только схваченные преступники, но помимо этого и все мужчины их рода подвергались казни, а женщины старше 16 лет заключались в концентрационный лагерь".

Известно ли Вам что-либо о том, что генерал-губернатор говорил с рейхсфюрером СС по этому вопросу и дал свое согласие на это?

БЮЛЕР: Мне ничего не известно о том, как появился этот приказ. Во второй половине 1944 г. ко мне попал приказ об аресте родственников преступного лица, но я не помню, касался ли он генерал-губернаторства или империи, это был полицей-

ский приказ. Если бы в этом приказе была бы формулировка "Рейхсфюрер СС с согласия генерал-губернатора распорядился...", то я распросил бы генерал-губернатора об этом.

ЗАЙДЛЬ: Соответствовало ли бы это согласие тем принципиальным установкам генерал-губернатора по данному вопросу, с которыми Вы ознакомились?

БЮЛЕР: Установки генерал-губернатора были как-раз совершенно другими. Он был всегда против расстрелов без следствия и юридического основания.

ЗАЙДЛЬ: Правильно ли, что генерал-губернатор уже с 1940 года подавал постоянно жалобы фюреру против мероприятий полиции и службы безопасности?

БЮЛЕР: Да, я сам лично составил не менее, чем полдюжины всевозможных меморандумов размером в находящийся у меня в руках документ, адресованных либо непосредственно фюреру, либо ему же через имперского министра и начальника имперской канцелярии и постоянно содержащих жалобы на расстрелы, перегибы во время вербовки рабочих, на вселение жителей из других областей без разрешения генерал-губернатора, на положение с продовольствием, и на различные происшествия, которые противоречили принципам всякой таможенной администрации.

ЗАЙДЛЬ: Обвинение представило один из таких меморандумов под номером УС-610. Это - меморандум фюреру от 19/У1-43 г. существенно ли отличается этот меморандум от предыдущих или последующих меморандумов и какую принципиальную позицию занимал фюрер по отношению к этим жалобам и предложениям?

БЮЛЕР. Данный меморандум несколько отличается от предыдущих. В предыдущих меморандумах полиции открыто пред"являлось

9314

H1198 – 0516

H1198 – 0517

обвинение за указанные происшествия и эксцессы. После этого, как эти ~~мероприятия~~ меморандумы оказались безрезультатными, я по поручению генерал-губернатора облек жалобы, содержащиеся в меморандумах, от 19 июня, в форму политических предложений, и все перечисленные там моменты порицались не правительством генерал-губернатора, а должны были рассматриваться как жалобы других инстанций.

ЗАЙДЛЬ: В дневнике, в записи от 26 октября 1943 г. помещен отчетный доклад о четырехлетней строительной работе немецких органов в генерал-губернаторстве, составленный вами. На основании каких материалов был написан этот доклад?

БЮЛЕР: Я этот доклад составил на основании материалов, полученных мною от 13 главных отделов в правительстве.

ЗАЙДЛЬ: Теперь принципиальный вопрос, какова была та принципиальная позиция генерал-губернатора в отношении украинского и польского народов, которая была известна вам в течение вашей пятилетней деятельности на посту главы правительства.

БЮЛЕР: Главнейшим принципом было - сохранять спокойствие на этой территории и повышать использование экономических ресурсов данной страны путем укрепления материального положения. Это - области экономики. Для того, чтобы добиться этого, необходимо было прилично обращаться с населением и отказаться от ущемления его свободы и собственности. Это были принципы той политики, которую я проводил, будучи статс-секретарем правительства.

ЗАЙДЛЬ: Правильно ли, что генерал-губернатор в рамках военных условий старался обеспечить по крайней мере минимум культурного развития населения?

БЮЛЛЕР.Да,таково было желание генерал-губернатора.Но, осуществляя это желание,он часто сталкивался с сопротивлением со стороны полиции безопасности, министерства пропаганды в империи или вообще препятствия заключались в самих условиях,существовавших в то время.Генерал-губернатор,однако,не хотел лишить польское и украинское население культурной жизни.

ЗАЙДЛЬ.Правильно ли,что он,в частности, пытался наладить школьное дело и что поэтому,игнорируя директивы имперских органов, он открыл так называемые специальные курсы при высших школах?

БЮЛЛЕР.В специальных школах в Варшаве и в Львове польские профессора,прошедшие особую переподготовку,преподавали дисциплины, которые проходятся в университетах.Генерал-губернатор хотел также открыть гимназии и духовные семинарии,но эти планы рухнули ввиду протеста полиции безопасности.После того,как не было достигнуто никакого соглашения,я по поручению генерал-губернатора в октябре 1944 года самовольно обнадежил население,что будут открыты гимназии и семинарии и что Польше будет предоставлено своего рода совещательная автономия.Через два дня после опубликования этого проекта мне сообщили,конечно,передавая мнение фюрера,что я не имею права оповещать о таких мероприятиях.

ЗАЙДЛЬ.В дневнике доктора Франка часто говорится о принципе единства в администрации и о том,что генерал-губернатор является представителем фюрера на данной территории,а также носителем им-

9316

H1198 – 0518

H1198 – 0519

перской власти.Соответствует ли эта точка зрения фактам? И какие другие имперские и партийные инстанции вмешивались в управление генерал-губернаторством?

БЮЛЕР.Полномочия генерал-губернатора с самого начала во многих отношениях были ущемлены.Так,например,еще до создания генерал-губернаторства рейхсфюреру СС были даны полномочия во всех оккупированных областях заниматься вопросами консолидации германского народа.Уполномоченный по 4-х летнему плану имел также равные права и мог издавать постановления,касающиеся генерал-губернаторства. Но еще и много других инстанций,ведавших вооружением,почтовым делом,железной дорогой, строительством,а также другими отраслями, пытались и иногда успешно захватить отдельные сферы в управлении генерал-губернаторством или оказать на них свое влияние.После того как в 1942г. генерал-губернатор утратил свои функции райхсминистра, можно было констатировать особое усиление этой тенденции.Мне хочется сказать, что желание вырвать зубцы в короне короля Польши превратилось в своего рода спортивное состязание.

ЗАЙДЛЬ.Кто назначал в генерал-губернаторстве полицейских чиновников,кто определял их на должности,смещал,оплачивал и вообще предоставлял им их права?

БЮЛЕР.Только лишь управлением Гиммлера в Берлине.

ЗАЙДЛЬ.Правильно ли,что даже чиновники администрации в генерал-губернаторстве арестовывались Крюгером и что даже генерал-губернатор не мог добиться освобождения этих чиновников? Я напоминаю Вам случай с Зейсс.

БЮЛЕР.Да,это я могу подтвердить на основании своего собственного опыта.Также арестовывались и чиновники,бывшие моими сотрудниками,причем меня при этом не уведомляли.Однажды я даже дал срок командующему полицией безопасности,чтобы он освободил такого чиновника.Но чиновник не был отпущен на свободу.После этого

я потребовал, чтобы командующего полицией безопасности отозвали, однако, Гиммлер выразил командующему полицией безопасности свое особое доверие и отклонил мое ходатайство.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, как долго генерал-губернаторству вообще пришлось работать в мирных условиях?

БЮЛЕР. Я должен сказать, что почти вовсе не пришлось. Первый год ушел на то, чтобы устранить разрушения, понесенные войной. Повсюду были разрушенные деревни, разрушенные города, разрушенные средства сообщения, множество мостов было взорвано. Когда были устранены разрушения, насколько это вообще было возможно в военных условиях, генерал-губернаторство опять стало плацдармом для ведения войны с Востоком, с русскими, превратившись затем в промежуточную область, прилегающую к фронту и прифронтовым районам.

ЗАЙДЛЬ. Генерал-губернаторство представляло собой большую починочную мастерскую, обслуживавшую фронт. Следующий вопрос: во время войны Гиммлер представил имперскому правительству проект закона об обращении с чужеродными элементами. Какую позицию занял тогда д-р Франк в отношении этого проекта?

БЮЛЕР. Как мне помнится....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Зайдль, Трибунал считает, что вопросы, которые сейчас освещает свидетель, являются общеизвестными. Это каждому известно. Я думаю, Вы можете поэтому провести допрос этого свидетеля гораздо быстрее.

ЗАЙДЛЬ. Так точно, он уже начал отвечать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я хочу сказать, чтобы Вы так делали в будущем.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, во время войны Гиммлер представил имперскому правительству проект закона об обращении с чужеродными элементами?

БЮЛЕР. Так точно.

H1198 – 0520

H1198 – 0521

ЗАЙДЛЬ.Какую позицию занял генерал-губернатор в связи с этим?

БЮЛЕР.Генерал-губернатор возражал против этого, и во время совещания с Гейдрихом в феврале 1942 года.Гейдрих особо попросил меня передать генерал-губернатору,чтобы он отказался от своего возражения против закона.Генерал-губернатор не согласился выполнить эту просьбу.

ЗАЙДЛЬ.Обвинение представило таблицу,в которой указало, что д-р Франк имел право давать указания имперскому министру юстиции Гиралу.Действительно ли существовало такое ~~положение~~ подчинение?

БЮЛЕР.Нет,очевидно это ошибка,такого положения никогда не было.

ЗАЙДЛЬ.По Вашим наблюдениям,какими были отношения между д-ром Франком и Гиммлером?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Д-р Зайдль,по-моему,в течение всего утреннего заседания мы слушали о том,каковы были отношения между генерал-губернатором и рейхсфюрером?

ЗАЙДЛЬ.Тогда я отказываюсь от этого вопроса.Господин свидетель, Советское Обвинение под № СССР-53 представило приложение к докладу польского правительства.Приложение гласит: "Культурная жизнь в Польше".Я Вам уже однажды показывал это приложение к вышеупомянутому сообщению. Я прошу Вас сказать мне,действительно ли генерал-губернатор или его правительство когда-либо издали такие распоряжения?

БЮЛЕР.Я не помню,чтобы я когда-нибудь подписывал подобные директивы, и я не видел,чтобы их подписывал генерал-губернатор.Этот – пред'явленный мне документ создает у меня такое впечатление, словно это ~~только~~ мистификация или... фальшивка.Это можно установить уже по содержанию.

ЗАЙДЛЬ.В дневнике имеется большое число записей,которые по вопросу о политике в генерал-губернаторстве противоречат

тому,что Вы здесь показали в качестве свидетеля.Как Вы об'ясняете это противоречие?

БЮЛЕР.Эти высказывания губернатора,которые были пред'явлены мне также во время моих более ранних допросов,не только противоречат тем показаниям,которые я дал здесь как свидетель, но даже резко расходятся с ними.Так как я присутствовал во время этих высказываний,то я ломал себе голову над тем,чем они были вызваны,и я должен заявить следующее:господин Франк может быть чаще,чем нужно было,принимал участие в совещаниях и в работе правительственных инстанций.Едва ли состоялась какая-либо конференция, в работе которой г-н Франк не принял участия.Таким образом,получалось,что он должен был в течение дня часто выступать,а он,я должен заметить,в 99-ти случаях из ста говорил экспромтом,будучи захваченным своим темпераментом.Я часто бывал свидетелем того,как он опровергал подобные гротескные замечания в одной из следующих фраз,потом опять повторял их и, наконец, отказывался от них. Я убежден,что если бы я мог просмотреть весь дневник,то я нашел бы для каждого из подобных высказываний дюжину противоположных замечаний.

ЗАЙДЛЬ.Дневник Франка охватывает....

БЮЛЕР.Разрешите мне еще сказать,что когда генерал-губернатор заседал со своими чиновниками из администрации,он не делал подобных высказываний,во всяком случае я этого не припоминаю. Он высказывался таким образом только тогда,когда около него сидел начальник СС и полиции,так что у меня создалось такое впечатление,словно он чувствовал себя в такие моменты не совсем свободно.

ЗАЙДЛЬ.Дневник д-ра Франка охватывает десять-двенадцать тысяч страниц,напечатанных на машинке.Кто вел этот дневник,он сам или кто-нибудь другой ?

9320

H1198 – 0522

H1198 – 0523

БЮЛЕР.Этот дневник по моим наблюдениям вели стенографисты вначале его вел один стенограф~~ист~~,доктор Мейдингер,а затем двумя два стенографа Наук и Мурэ Дневник велся таким образом,что стенограф~~исты~~ присутствовали в зале совещаний и стенографировали.

ЗАЙДЛЬ.Правильно ли,что третьи лица сообщали стенографам, ~~этом~~ о чем говорилось на конференции?

БЮЛЕР.Я неоднократно наблюдал,что эти люди,составлявшие протоколы,не утруждали себя тем,чтобы зафиксировать все дословно,а просто записывали в протокол содержание высказываний.Меня иногда также спрашивали,что сказал или что имел в виду тот или иной участник совещания или даже сам генерал-губернатор в том или другом случае.

ЗАЙДЛЬ.Просматривал и перечитывал ли генерал-губернатор записи в дневнике?

БЮЛЕР.Насколько я знаю генерал-губернатора,мне кажется,что он их не прочитывал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Откуда этот свидетель может знать,читал ли он позже дневник или нет?

ЗАЙДЛЬ.Г-н председатель,д-р Бюлер был самым близким сотрудником генерал-губернатора.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Если Вы хотели задать такой вопрос,то Вы должны были спросить об этом самого подсудимого Франка.

ЗАЙДЛЬ.Следующий вопрос,господин свидетель. По Вашим наблюдениям,что побудило генерал-губернатора не уничтожить этот дневник,а отдать его во время ареста?

~~БЮЛЕР.~~ БЮЛЕР.Я последний раз 15 марта 1945г. был у.....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Послушайте,д-р Зайдль,это опять вопрос,на который должен давать ответ сам д-р Франк,а не свидетель.Франк должен сказать,почему он не уничтожил этот дневник .

ЗАЙДЛЬ.Он уже ответил на этот вопрос и я не требую,чтобы он продолжал отвечать.Остался последний вопрос.В 1942 году

H1198 – 0524

др Франк был лишен всех своих партийных должностей в связи с его речами. Какие последствия это имело для его положения в генерал-губернаторстве?

БЮЛЕР. Я уже упоминал об этом. Это обстоятельство значительно подорвало его авторитет и вследствие этого стало ему еще труднее управлять генерал-губернаторством.

ЗАЙДЛЬ. Правильно ли, что генерал-губернатор неоднократно в письменных и устных заявлениях требовал отставки?

БЮЛЕР. Да. Я сам много раз составлял текст письменного прошения об отставке. Я также знаю, что он часто устно просил об отставке, но его просьба не была ни разу удовлетворена.

ЗАЙДЛЬ. У меня больше нет вопросов к свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кто-либо еще из защитников желает подвергнуть свидетеля допросу?

Д-р СЕРВАТИУС (защитник подсудимого Заукеля). Г-н свидетель, правильно ли, что большая часть польских рабочих, отправленных в империю, прибыла туда в апреле 1942 года, следовательно, до того, как Заукель занял свой пост?

БЮЛЕР. Я не могу дать точные сведения, но я знаю, что результаты вербовки становились все хуже и хуже, что поэтому основные контингенты, видимо, были набраны в первое время, в первые годы.

СЕРВАТИУС. Уменьшил ли Заукель то число рабочих, которое потребовал генерал-губернатор, учитывая, что уже много поляков работало в империи?

БЮЛЕР. Мне известен такой случай. Об этом говорил мне президент Штрубе.

СЕРВАТИУС. Соответствует ли действительности, что Гиммлер

для своих личных целей мобилизовал из Польши рабочих, причем без ведома Заукеля и без соблюдения инструкций, изданных Заукелем?

БЮЛЕР. Я предполагаю, что это имело место. Когда я получал сообщения об облавах на рабочих, я пытался расследовать данное обстоятельство, но в таких случаях полиция всегда заявляла, что это дело рук управления труда, а управление труда заявляло, что это исходит от полиции. Мне известно, что Гиммлер однажды, во время посещения Варшавы возмущался предпринятыми, и я считаю вполне возможным, что эти облавы на рабочих в Варшаве проводились самовольно полицией без привлечения управления труда.

СЕРВАТИУС. Известны ли Вам директивы Заукеля о проведении мобилизации рабочих?

БЮЛЕР. Я не видел отдельно этих директив, у меня их нет под рукой и сейчас. Я знаю лишь, что Заукель, посещая Краков, заявил, что он не приказывал применять насилие.

СЕРВАТИУС. Была ли это речь Заукеля?

БЮЛЕР. Нет, это было совещание.

СЕРВАТИУС. Помните ли Вы речь, которую Заукель произнес в Кракове в присутствии сотрудников различных учреждений?

БЮЛЕР. Он выступил в качестве партийного оратора.

СЕРВАТИУС. Говорил ли он на этом совещании об обращении с рабочими?

БЮЛЕР. Замечания по этому поводу он сделал на совещании, предшествовавшем визиту, нанесенному генерал-губернатору.

СЕРВАТИУС. В каком духе он тогда высказался?

9323

H1198 – 0525

H1198 – 0526

БЮЛЕР.Мои люди говорили ему и его сотрудникам,что имеют место перегибы. Но Заукель ответил на это,что он не приказывал применять насилия, и при этом оспаривал,что он распорядился,чтобы людей арестовывали прямо в кино или на собраниях.

СЕРВАТИУС.Известна ли Вам структура управления труда в генерал-губернаторстве?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Д-р Сервatиус,обращайте внимание на свет. Все время зажигается желтая лампочка,что означает,что Вы не делаете достаточных пауз между ответами и вопросами.

СЕРВАТИУС.Известна ли Вам структура управления труда в генерал-губернаторстве?

БЮЛЕР.Главный отдел труда входил в сферу моей компетенции.

СЕРВАТИУС. Оказывал ли Заукель непосредственное влияние на проведение мобилизации рабочих?

БЮЛЕР.Он не только оказывал влияние,но он даже прислал своего уполномоченного,который не подчинялся моим директивам.

СЕРВАТИУС.Мог в таком случае уполномоченный непосредственно руководить мобилизацией рабочих?

БЮЛЕР.Если он этого хотел,то да.

СЕРВАТИУС. Каким образом он мог издавать указания или непосредственные приказы?

БЮЛЕР.Учрежденные Заукелем вербовочные команды не подчинялись мне.Я неоднократно пытался получить на руки биографические сведения об этих людях.Но моя просьба отклонялась,причем приводился тот аргумент,что эти вербовочные команды назначены во все оккупированные области и что они не могут быть прикреплены к отдельной области.Следовательно уполномоченный Заукеля в генерал-губернаторстве Штрубе,являвшийся начальником главного отдела труда,с одной стороны,зависел от указаний Заукеля и не должен был обращать на меня внимания ,но,с другой стороны,он был ответственен и передо мной,так как он же

был начальником главного отдела труда в моем аппарате.

СЕРВАТИУС.Если необходим был насильственный набор рабочей силы,то какие органы проводили его.Когда ли это делать вербовочные команды?

Я
БЕЛЕР.Этого не знаю,уполномоченный всегда возражал против насильственного набора рабочей силы.

СЕРВАТИУС.У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Кто-либо еще из защитников желает допросить свидетеля?

(Молчание).

Желает ли Обвинение подвергнуть перекрестному допросу свидетеля?

(К микрофону подходит представитель Советского Обвинения полковник СМИРНОВ).

СМИРНОВ.Свидетель, мне хотелось бы уточнить ваше служебное положение.С 1940 года до момента освобождения Польши Вы были первым заместителем Франка?

БЕЛЕР.Я с конца сентября до ноября 1939 года состоял в рабочем штабе Франка на руководящей должности.Затем в ноябре 1939 года я стал начальником управления генерал-губернатора; это было центральное административное учреждение генерал-губернатора в Кракове.Во второй половине 1940 года эта должность была переименована и стала называться "статссекретарь правительства".Я был на посту статссекретаря правительства до моего от'езда из Кракова 18 января 1945 года.

СМИРНОВ.Следовательно,Вы были первым заместителем подсудимого Ганса Франка?

БЕЛЕР.Сфера моей деятельности была точно определена.Я должен был заниматься административными делами.Мне не были подчинены ни полиция,ни партийные органы,ни военные ведомства и ни имперские учреждения,работавшие в генерал-губернаторстве.

СМИРНОВ.Когда Франк уезжал,кто замещал его тогда?

БЕЛЕР.Заместителем генерал-губернатора был Зейсс-Инкварт-имперский министр..

СМИРНОВ.А после от'езда Зейсс-Инкварта?

БЕЛЕР.После от'езда Зейсс-Инкварта это место было вакантно я не помню месяца,мне кажется в январе 1941г.,я был назначен заместителем генерал-губернатора.Но это назначение было допущено с ограничениями.

9325

H1198 – 0527

H1198 – 0528

Я должен был замещать генерал-губернатора, если его не было ни в генерал-губернаторстве ....

СМИРНОВ: Ответьте мне кратко, когда Франк уезжал, кто исполнял его обязанности?

БИЛЕР: Я отвечаю так, как подсказывает мне моя совесть. Если Франка не было в генерал-губернаторстве , и если с ним нельзя было установить связи за пределами генерал-губернаторства, я должен был замещать его.

СМИРНОВ: Понятно. Значит, Вы его замещали во время от"ездов Франка.

БИЛЕР: Да. Если он был в от"езде и если с ним нельзя было установить связь там, где он был.

СМИРНОВ: Да, да. Я именно об этом спрашиваю.

Я прошу показать подсудимому стенограмму совещания от 25 января 1943 года. Покажите ему сначала список присутствовавших. Суд найдет то место, которое я хочу процитировать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой год ? Вы сказали 25 января ?

СМИРНОВ: В 1943 году, господин председатель . Суд найдет это на странице 7, СССР-23, 6-й абзац. Это Ваша подпись в списке присутствовавших.

БИЛЕР: Да, это моя подпись.

СМИРНОВ: Значит Вы присутствовали на этом совещании ?

БИЛЕР: Да, так точно, в 1943 году.

СМИРНОВ: Я цитирую Вам три фразы из стенограммы этого совещания. Пожалуйста, передайте этот подлинник.

Я цитирую Вам три фразы из этого документа. Это речь доктора Франка.

" Я хотел-бы подчеркнуть одно- немаловажно мы не должны, когда мы слышим о 17 тысячах растрелянных. Эти растрелянные также являются жертвами войны. Давайте вспомним сейчас о том, что все мы, собравшиеся здесь, фигурируем в списке преступников господина Рузвельта. Я имею честь быть номером 1. Мы стали, так сказать, сообщниками в масштабе мирной войны".

Ваша фамилия значится второй в списке участвующих в совещании. Не считаете-ли Вы, что у Франка было достаточное основание считать именно Вас одним из активнейших его соучастников в его преступлениях.?

БИДЕР: О таких высказываниях генерал-губернатора я уже сообщил все, что нужно было.

СМИРНОВ: Значит, Вы об"ясняете это темпераментом генерал-губернатора.?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель это не ответ на вопрос. Вопрос заключается в том, считаете ли Вы себя одним из преступников ?

БИДЕР: Я не считаю себя преступником.

СМИРНОВ: Если Вы не считает себя преступником, то не припомните ли Вы, кто активно участвовал персонально/ я подчеркиваю персонально/ в проведении в действие этого одного из самых жестоких приказов Франка в отношении поляков. Я говорю о приказе от 22 октября 1943 г., Вы не участвовали ?

БИДЕР: Какие это мероприятия, что это за приказ.? Я прошу показать мне его.

H1198 – 0529

H1198 – 0530

СМИРНОВ: Я говорю о приказе, подписанном 2-го октября 1943 г., а опубликованном 9-го октября 1943 года. Это номер СССр- 335, приказ об учреждении так называемых судов тайной полиции.

БЮЛЕР: Проект этого приказа составлен не моим аппаратом.

СМИРНОВ: Значит, Вы отрицаете свое участие о введении в действие этого жестокого приказа ?

БЮЛЕР: Так точно. Приказ был составлен органами полиции.

СМИРНОВ: То место, которое я хотел-бы процитировать, господин председатель, Вы найдете в книге наших документов на стр. 35-й, английский перевод 4-й абзац.

Не вы-ли совместно с доктором В, когда даже Франк стал колебаться подписать этот приказ, все-же уговорили его подписать и ввести в действие это постановление, носящее откровенно террористический характер и легализирующее полицейский произвол. Я цитирую это место, стр. 412. Это-совещание со стате-секретарем доктором Бюлером(это, очевидно,- были Вы)и доктором В. Относительно составления доктором В. приказа о борьбе с нападениями на германское строительство в генерал-губернаторстве:

" После кратких высказываний стате-секретаря доктора Бюлера и доктора В.-генерал-губернатор отказывается от своих соображений и подписывает проект приказа." Не Вы-ли это были ?

БЮЛЕР: Я прошу переводчицу повторить этот вопрос.

СМИРНОВ: Я спрашивал: не Вы ли уговорили Франка скорейшим образом подписать этот приказ ?

БИЛЕР: Нет.

СМИРНОВ: Значит, эта запись является ложной.

БИЛЕР: Нет.

СМИРНОВ: Как тогда прикажете понимать Вас, если то-нет и это нет ?

БИЛЕР: Я могу Вам это об"яснить точно. Ранее проект этого приказа был представлен генерал-губернатору СС-оберфюрером Биркампом, недавно назначенным в генерал-губернаторство. Генерал-губернатор...

СМИРНОВ: Я прошу извенить меня

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он еще не закончил свой ответ. Дайте ему возможность сначала закончить свой ответ. Что Вы сказали ? Вы сказали, что кто-то составил проект ?

БИЛЕР: Этот проект приказа был представлен Биркампом, недавно приехавшим в генерал-губернаторство, генерал-губернатору. Генерал-губернатор возвратил проект этого приказа и распорядился, чтобы законодательный отдел оформил его, и когда приказ был представлен генерал-губернатору у последнего возникло сомнение, разработал-ли законодательный отдел проект этого приказа или нет. Я не беру на себя ответственность за это, в соответствии с материальным правом я не должен был нести такую ответственность.

СМИРНОВ: Значит, Вы просто раз"яснили Франку о том, что этот ответ подвергался соответствующей технической обработке.[2]

БИЛЕР: Да, в законодательном отделе.

СМИРНОВ: И после этого генерал-губернатор подписал этот приказ.[2]

9329

H1198 – 0531

H1198 – 0532

БИЛЕР: Очевидно.

СМИРНОВ: Не Вы ли на совещании 23-го октября 1943 г. при обсуждении письма известного, очевидно, Вам графа Роникера говорили о практической интерпретации этого жестокого постановления от 22-го октября и считали, что применение этого приказа позволит в дальнейшем маскировать расстрел заложников придавая ему видимость судебного приговора. Не Вы-ли это были ?

БИЛЕР: Я прошу повторить вопрос , я понимаю лишь половину.

СМИРНОВ: Не Вы-ли на совещании от 23 октября 1943 г. говорили, что применение приказа от 2 октября позволит в дальнейшем маскировать расстрел заложников , ибо ему будет придана видимость судебного приговора.

БИЛЕР: Я не совсем еще представляю себе Ваш вопрос. Можно мне повторить его так, как я понимаю ?

СМИРНОВ: Пожалуйста.

БИЛЕР: Вы хотите спросить бил-ли я на совещании 23-го октября 1944 г. тем лицом...

СМИРНОВ : 1943 года.

БИЛЕР: Да, 1943 г., который на этом совещании 23 октября 1943 г. заявил...

СМИРНОВ: Да, но что заявил ? Заявили, что применение приказа от 2 октября позволит маскировать расстрел заложников...

БИЛЕР: Нет, я не делал подобного заявления.

СМИРНОВ: То место, которое я хотел-бы привести, члены суда могут найти на странице 26-й перевода документа 223 в 4-м абзаце текста. Я цитирую Вам Ваши слова :

"Статс-секретарь доктор Бюлер считает, что подлежащих расстрелу поляков предварительно следует судить военно-полевым судом. Нужно в дальнейшем избегать упоминания об этих поляках, как о заложниках, ибо расстрел заложников является всегда событием, о котором следует весьма сожалеть и это только вооружает заграницу против политики Германии в генерал-губернаторстве".

БЮЛЕР. Это я сказал, но я тем самым выступил и хотел выступить против расстрела заложников и против осуждения без возбуждения процесса в "штандгерихтах".

СМИРНОВ. Вы что же считаете, что суд, состоящий из вышестоящих чинов полиции, является судом, а не издевательством над самой идеей суда ?

БЮЛЕР. Какой суд Вы имеете в виду ? Я выступал за "штандгерихт".

СМИРНОВ. Вот этот самый суд из чинов тайной полиции, сконцентрированных в генерал-губернаторстве, на основании постановления от 2 октября.

БЮЛЕР. Я могу сообщить Вам сведения о том, какие причины предположительно послужили тому, что со 2 октября "штандгерихты" стали носить более суровый характер, чтобы Вы могли себе уяснить, как психологически вообще мог возникнуть такой приказ.

СМИРНОВ. Меня не интересует психология, меня интересует, мог ли суд, состоявший из чиновников полиции, считаться судом, не было ли это издевательством над идеей суда ?

9331

H1198 – 0533

H1198 – 0534

БЮЛЛЕР: Состав этих "штандгерихтов" должен был точно соответствовать приказу. Я не считаю, что если "штандгерихт" состоит исключительно из полицейских, то он не является уже "штангерихтом". Но я сделал то/свое заявление, которое Вы мне процетировали, не в связи с приказом от 2 октября , а я вообще требовал, чтобы приговоры выносились " штандгерихтом" и охарактеризовал расстрел заложников как печальный факт.

СМИРНОВ: Вы ушли от прямого ответа на мой вопрос. Может быть Вы помните параграф 3-й этого приказа, из кого/го состоял суд. Покажите ему § § 3 и 4. Я оглашаю § 4 :

" Военно-полевые суды полиции безопасности составляются из одного фюрера СС, принадлежащего к составу начальника управления полиции безопасности и СД, и из двух сотрудников этого учреждения ".

Вот такой состав суда не свидетельствует о вполне определенных приговорах, которые будет выносить этот суд ?

БЮЛЕР: Вы меня спросили ?

СМИРНОВ: Да.

БЮЛЕР: Вы спросили меня, считаю-ли я "Штандгерихт" судом ?

СМИРНОВ: Да,да.

БЮЛЕР: То-есть Вы спрашиваете меня о делах, не входящих в сферу моей компетенции, меня это совершенно не касалось. Мне неизвестно, почему эти суды имели именно такой состав; поэтому я не могу ничего сообщить Вам по этому вопросу.

СМИРНОВ: Может быть Вы обратите внимание на подпись под этим приказом. Он подписан Франком и именно Вы уговаривали Франка подписать этот приказ.

БЮЛЕР: Я думал, что я до этого уже раз"яснил эту ошибку.

Я не уговаривал господина Франка подписывать этот приказ, я просто ему заявил, что этот приказ разрабатывался в законодательном отделе. Я как и раньше должен отрицать, что я несу ответственность в соответствии с материальным правом за этот приказ, потому что он не относится к сфере моей компетенции.

СМИРНОВ: Так, я перехожу к следующему кругу вопросов. Не припоминаете ли Вы следующего пункта этого приказа, в частности приказа обергруппенфюрера Франка на совещании 27-го октября 1943 года в Кракове ?

ВЕЛЕР: Я не припомню, если не будет освежена моя память.

СМИРНОВ: Я прошу показать то место, которое я хотел-бы процитировать. Члены суда могут найти его на странице 26-й нашего документа в последнем абзаце текста. Я цитирую это место:

" Полиция безопасности задержала многих лиц, которые на 10 октября совершили предусмотренные обязательным постановлением от того-же числа преступные действия... Они приговорены к смертной казни и будут расстреляны для искупления их вины. Их имена будут написаны на плакатах, чтобы население их знало, и будет сообщено, что они могли-бы вдать помилования, если-бы только можно было доказать, что не будут совершены дальнейшие убийства немцев. За каждого убитого немца будет казнено 10 поляков ".

Не свидетельствует-ли это, что уже с первых дней введения в действие постановления Франка, оно лишь маскировало массовые убийства заложников ?

ВЕЛЕР: Нет.

СМИРНОВ: О чем-же это свидетельствует, если за каждого убитого немца казнится 10 не имеющих отношения к преступлению поляков на основании этих, котати с позволения сказать, приговоров?

H1198 - 0535

H1198 – 0536

БИЛЬР: Если я правильно Вас понял, нужно было расстреливать 10 поляков , которые совершили преступление и которых нужно было судить.

СМИРНОВ: За каждого убитого немца ...

БИЛЬР: Мне кажется, если я правильно истолковываю, что должны были расстреливаться 10 поляков, которые совершили ~~преступ~~ действия, караемые смертью, и которые были приговорены к смерти. Возможно , что таких поляков называли заложниками. Это вполне вероятно.

СМИРНОВ: Значит, это постановление маскировало заложничество ?

БИЛЬР: Нет, дело очевидно обстояло таким образом, что расстрелы заложников больше не производились. Расстрелы заложников имеют место тогда, когда расстреливаются люди, не являющиеся преступниками, люди невиновные, расстреливаемые за преступления, совершенные другими.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю , что сейчас будет удобно сделать перерыв.

/ Перерыв до 2-х часов /

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 23 апреля 1946 г.

/Вечернее заседание/

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал с глубокой скорбью услышал весть о смерти Харлана Ф.Стоуна - главного судьи верховного суда Соединенных Штатов Америки. Эта потеря особенно глубоко будет чувствоваться в Америке, где он проявил себя как выдающийся общественный деятель. Но и этот Трибунал, где заседают представители Соединенных Штатов Америки, желает выразить американскому народу свою глубокую скорбь по поводу этой великой утраты.

Вначале Стоун был деканом института права при Колумбийском университете, затем в 1923 году он был назначен главным прокурором США, а через два года он стал помощником судьи Верховного Суда США. В 1941 году он стал главным судьей и, находясь на этом высоком посту, он проявил огромные способности и продолжал замечательные традиции прошлого.

Трибунал желает, чтобы я от имени Трибунала выразил соболезнование по поводу этой великой утраты американского народа.

Господин судья Джексон, главный обвинитель Соединенных Штатов, является членом Верховного Суда, председателем которого был главный судья Стоун. Может быть, он пожелает добавить несколько слов.

H1198-0537

H1198 – 0538

ГОСПОДИН СУДЬЯ ДЖЕКСОН. Господа судьи! Известие о том, что от нас ушел главный судья Стоун, вселило печаль в каждое американское сердце в Нюрнберге не только потому, что он возглавлял юридическую систему Соединенных Штатов, но и потому, что он был личным другом многих из нас. Он обладал особой способностью к личной дружбе. Никто не был более добр и чуток, чем он, по отношению к тем молодым людям, которые время от времени приезжали в Вашингтон и находили в нем руководителя, философа и друга. Я знаю, что не только я сам чувствую потерю личного друга, но что американские представители в этом Трибунале, господин Биддл и судья Паркер, чувствуют то же самое. Многие из более молодых наших сотрудников были в личном контакте с главным судьей, чего вы не могли бы ожидать, если бы вы не знали лично Харлана Стоуна. Как генеральный прокурор, он возглавил этот высокий пост в один из наиболее трудных периодов и наложил на него отпечаток своей безупречности и честности, отпечаток, который, как нам известно, сохранился и стал традиционным для этого отдела юстиции. Как верховный судья США, он был дальновидным человеком, с ясным умом, всегда терпеливо выслушивающим мнения обеих сторон и выносящим решения с полной объективностью, что характерно для справедливого судьи. Он председательствовал с исключительной честностью, проявляя доброту к своим сотрудникам и к тем, с кем ему приходилось встречаться.

Он нас учил
Учить ~~этого~~ человек, бывший примером для общественности и воплощавший в себе те глубочайшие качества, которые мы всегда ассоциируем с понятием о жителе из штата Нью Ингланд.

Утешением для его друзей служит лишь одно: он умер так, как он сам предпочел бы умереть: полностью владея своими способностями и при исполнении своего долга.

Я выражаю огромную благодарность Трибуналу за то,что он высказал свое соболезнование по поводу его смерти и разрешил нам от имени американских юристов высказать свое восхищение его деятельностью и его талантами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /обращаясь к Смирнову/. Полковник Смирнов, пожалуйста.

СМИРНОВ. Господин председатель! Прежде, чем приступить к дальнейшему допросу свидетеля, я должен сделать следующее заявление. При допросе свидетеля защитником подсудимого Франка Зайдлем он назвал фальшивкой документ, являвшийся официальным приложением к докладу правительства польской республики. Это - сведения о потерях, понесенных польской республикой в области культурных ценностей. Советское обвинение не считает возможным полемизировать по этому поводу, но оно просит Трибунал обратить внимание на то, что это официальное приложение к докладу правительства польской республики, и считает заявление свидетеля клеветническим.

Разрешите приступить к допросу, господин председатель? Разрешите продолжать допрос, господин председатель?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /свидетелю/. Вы что-то сказали?

БЮЛЕР. Я хотел сказать, что речь шла о документе, в котором говорилось о перечислении предметов искусства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полковник Смирнов, это тот самый документ, который является списком произведений искусства?

БЮЛЕР. Нет, не то, не то.

9337

H1198 - 0539

H1198 – 0540

СМИРНОВ. Нет, господин председатель, это - перечень потерь, понесенных в культурных ценностях. Это- список библиотек и потерь, понесенных в этих библиотеках при не - мецком господстве в Польше.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это - документ СССР-93? Вы на него ссылаетесь?

СМИРНОВ. Это - приложение к документу под № СССР-93 - официальному докладу польского правительства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В этом документе идет речь о некоторых директивах. Это материал, который представлялся сегодня утром.

СМИРНОВ. Это - перечень потерь, господин председатель. Это - официальное приложение к докладу польского правительства. Здесь нет директив, но есть сведения о суммах потерь, которые понесены были библиотеками в Польше.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /обращаясь к свидетелю/. Желаете ли Вы сказать что-либо по этому поводу?

БЮЛЕР. Это описание документа не соответствует тому документу, который я подразумевал. Документ, в котором я сомневаюсь, содержит директивы о культурной политике, которую проводила Германия в генерал-губернаторстве. В нем не говорится о произведениях искусства и не перечисляются книжные фонды библиотек.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да. Я понимаю, Вы сказали сегодня утром о том, что директивы, на которые (как) Вы полагали, ссылались в этом документе, на самом деле не были составлены или, во всяком случае, вы не слышали о них и вы думаете, что они являются фальшивыми?

БЮЛЕР. Я сомневался в этом документе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал рассмотрит этот документ.

СМИРНОВ. Разрешите приступить к дальнейшему допросу?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да.

СМИРНОВ. Вы утверждаете, что лично Вы и администрация генерал-губернаторства не имели тесной связи с полицейскими действиями? Правильно я вас понимаю?

БЕЛЕР. Повторите, пожалуйста, вопрос.

СМИРНОВ. Вы утверждали, что лично вы и администрация генерал-губернаторства не были тесно связаны с полицейскими действиями. Я правильно вас понял?

БЕЛЕР. У нас была постоянная связь с полицией, но у нас с ней имелись большие разногласия. Кроме того, вопросы полиции не входили в круг моих обязанностей. Начальник полиции никоим образом не был подчинен мне.

СМИРНОВ. Значит полиция не относилась к вашим обязанностям? Это правильно?

БЕЛЕР. Нет, она не относилась к моим обязанностям.

СМИРНОВ. Чем же объяснить, что никто иной, как вы вели успешные переговоры с полицией об использовании движимого имущества евреев, умерщвленных в концлагерях? Вы помните эти переговоры?

БЕЛЕР. Я не совсем понял.

СМИРНОВ. Я спрашиваю, если вы не имели отношения к полиции, то чем объяснить, что именно вы вели успешные переговоры с полицией об использовании движимого имущества евреев, умерщвленных в концлагерях? Вы помните эти переговоры с полицией?

БЕЛЕР. Я не помню никаких подобных переговоров. Я не мог вести подобных переговоров. Правда, администрация была

H1198 – 0541

H1198 – 0542

такой организацией, которая по поручению уполномоченного по четырехлетнему плану должна была конфисковывать еврейскую собственность.

СМИРНОВ. Господин председатель, я прошу разрешения предъявить документ, переданный нам американским обвинением. Это - документ 2819-ПС. Документ этот является отношением управления генерал-губернаторства, хозяйственного отдела, губернаторам. Он адресован губернаторам Варшавы, Радома, Люблина и Галиции. Я прошу разрешения предъявить этот документ.

/Документ передается свидетелю для ознакомления/.

Я оглашаю текст документа, его содержание.

"Содержание: передача движимого еврейского имущества управлением Освенцима. Сообщаю для Вашего сведения, что 21 февраля 1944 г. в присутствии статс-секретаря доктора Бюллера, высших представителей СС, полицейфюрера обергруппенфюрера Коппе и других представителей отделов достигнуто соглашение о том, что движимое имущество евреев, находящееся на складах и прибывающее на склады, поступает в распоряжение управления. Достигнутое решение о передаче находящегося на разных складах имущества провести в кратчайший срок. Конфискованное и взятое на хранение движимое имущество начальником зихерхейтсполицией и СД должно быть направлено мне. Прошу войти в связь с местным СС и полицейфюрером и дать точные сведения".

Я прерываю на этом цитату. Станете вы и после этого утверждать, что не имели отношения к полиции?

БОЛЕР: У меня были постоянные деловые связи с полицией, я вовсе не хочу этого оспаривать, но я не имел права ей приказывать.

СМИРНОВ: Во всяком случае, имущество умерщвленных в концлагерях евреев в Польше, на основании ваших переговоров с полицией, поступало на склады генерал-губернаторства?

БОЛЕР: Нет, это неверно. Речь шла не об имуществе убитых евреев, а об имуществе, которое принадлежало вообще евреям и которое полиция отбирала у них, передавая его управлению для соответствующего использования.

СМИРНОВ: А у зихерхейтсполицей и СД разве могло находиться имущество неумерщвленных евреев?

БОЛЕР: Почему же нет? Полиция с самого начала занималась конфискацией имущества евреев и, таким образом, получала его в свое распоряжение.

СМИРНОВ: Разве на складах в Освенциме на улице Шопена находилось имущество неумерщвленных евреев, евреев, оставшихся в живых?

БОЛЕР: Здесь упоминалось слово "Лагер" /нем./. Это не концлагерь, а склады товаров.

СМИРНОВ: Какие же были другие склады движимого имущества евреев, кроме складов в концлагерях?

БОЛЕР: Как дело было в концлагерях, я не знал, так как я никогда не бывал там и не видел их. Но о том, что полиция захватывала движимое еврейское имущество, мне рассказывали, кажется, руководитель моего посреднического отдела.

СМИРНОВ: Я вас спрашиваю, в 1944г., когда работали комбинаты смерти в Освенциме и Майданеке, какие же склады движи-

H1198 – 0543

H1198 – 0544

мого имущества были, кроме складов движимого имущества евреев, умерщвленных в концлагерях? Какие вы другие знаете склады, где они помещались?

БОЛЕР: У евреев отбирали их имущество на местах. Я никогда не предполагал, что еврейское имущество находится в концлагерях, я вообще ничего о них не знал. Куда помещала полиция это движимое имущество, я не знаю. Должно быть, существовали склады. А вообще ...

СМИРНОВ: Я прошу вас обратить внимание на дату - 21 февраля 1944г. Разве в это время в Польше оставались еще живые евреи или еврейские гетто были уже пусты?

БОЛЕР: Еврейские гетто были пусты, но евреи еще существовали. Я знаю это, потому что их попрежнему использовали в военной промышленности. Еврейское имущество не могло быть увезено, оно должно было находиться где-нибудь в генерал-губернаторстве, возможно, вблизи гетто или вообще там, откуда евреи были эвакуированы. В этой телеграмме говорится - я подчеркиваю это - не о тех складах товаров, которые были в концлагерях, а о тех, которые были в каждом населенном пункте. В каждом населенном пункте имелись склады имущества, оставшегося после эвакуации евреев.

СМИРНОВ: Еврейские гетто были пусты, куда же делись евреи из Польши?

БОЛЕР: Когда еврейские гетто опустели ~~те~~, я полагал, что евреев переселяли на северо-восток Европы, как мне недвусмысленно заявил об этом начальник главного имперского управления безопасности на заседании в феврале 1942 г.

СМИРНОВ: 21 февраля 1944 года фронт проходил по генерал-губернаторству; куда же тогда было переселять евреев на северо-восток?

БЮЛЕР: Да, судя по тому, что говорили на совещании, это должно было быть в 1942 г.

СМИРНОВ: Документ датирован 21 февраля 1944г., обратите внимание на дату.

Я перехожу к следующему вопросу: Скажите, не свидетельствует о теснейшей связи немецкой администрации генерал-губернаторства с тайной полицией факт участия руководителей полиции на каждом заседании у генерал-губернатора и не устраивалось ли специальных заседаний у генерал-губернатора исключительно по полицейским вопросам?

БЮЛЕР: Уже вначале я сказал, что генерал-губернатор был того мнения, что его власть должна превышать власть начальника полиции. Этим об"ясняется тот факт, что генерал-губернатор всегда привлекал к участию в рабочих заседаниях полицию. Но это не исключало того, что полиция шла своими путями и применяла свои методы.

СМИРНОВ: Но у генерал-губернатора устраивали заседания исключительно по полицейским вопросам, только по полицейским?

БЮЛЕР: Да, время от времени.

СМИРНОВ: Скажите, пожалуйста, когда Крюгер был смещен с должности начальника полиции, кто был назначен вместо Крюгера?

БЮЛЕР: Крюгер, насколько я помню, был отозван со своего поста в Кракове в ноябре 194?г., и на его место был назначен обергруппенфюрер Коппе.

СМИРНОВ: Каковы были ваши личные отношения с Коппе?

БЮЛЕР: Если наши отношения с полицией, во главе которой стоял Крюгер, были всегда враждебными, и если тогда управление генерал-губернаторства "высказывая какое-либо пожелание, касавшееся полиции", обычно встречало со стороны Крюгера отказ, то после того, как Крюгер уехал из Кракова, я пытался установить с новым начальником СС и полиции товарищеские отношения

H1198 – 0545

H1198 – 0546

для того, чтобы таким образом иметь влияние на работу полиции и ее методы.

СМИРНОВ: Может быть вы ответите коротко: каковы были ваши отношения с Коппе - плохие или хорошие?

БЮЛЕР: Они были облечены в форму товарищеских отношений.

СМИРНОВ: Я попрошу пред"явить вам один документ. Господин председатель найдет это место на странице 98-й, 2-й абзац нашего перевода. /Свидетелю пред"являют документ/.

Я оглашаю это место. Это заявление Франка Гиммлеру на совещании с Гиммлером 12 февраля 1944 года:

"Непосредственно после приветствия имперский руководитель СС Гиммлер начал разговор с обергруппенфюрером СС Коппе. С самого начала имперский руководитель спросил меня, как я сотрудничаю с новым статс-секретарем по делам безопасности обергруппенфюрером СС Коппе. Я сказал, что, к моему глубокому удовлетворению, между мной и Коппе, а также между ним и статс-секретарем доктором Бюллером существует самое товарищеское сотрудничество".

Это заявление Франка соответствует действительности?

БЮЛЕР: К этому времени Коппе был лишь несколько недель в генерал-губернаторстве. Это заявление подтверждает то, что я говорил вначале, а именно, что после того, как Коппе заменил Крюгера, я пытался установить с ним товарищеские отношения, с тем, чтобы иметь возможность оказывать влияние на полицию в генерал-губернаторстве. До этого момента у нас не было никаких разногласий.

СМИРНОВ: И между Коппе и Бюллером, то-есть между Коппе и вами, существовало самое товарищеское сотрудничество, так?

БЮЛЕР: Я повторяю - мои отношения с Коппе носили товарищеский характер. Кроме того, мы с Коппе ежедневно встречались

для обсуждения всякого рода деловых вопросов, например, вопроса о еврейском имуществе. С Крогером вообще нельзя было говорить об этом, так как он стоял на той точке зрения, что все еврейское имущество принадлежит СС.

СМИРНОВ: С приходом Коппе на должность начальника полиции, изменилось ли что-нибудь в отношении к польскому населению, смягчились ли полицейские меры?

БЮЛЕР: Я думаю, что они были смягчены.

СМИРНОВ: Я прошу вас проследить за одним правительственным заседанием в Кракове от 16 декабря 1942 года. Прошу пред"явить свидетелю этот том. Скажите, кстати, это ваша подпись в числе присутствовавших? Страница 154.

БЮЛЕР: Правительственное заседание от 16 декабря 1942г.? Да, я здесь подписался. Да.

СМИРНОВ: Скажите, вы помните, кто такой был Оленбуш?

БЮЛЕР: Оленбуш был начальником главного отдела пропаганды.

СМИРНОВ: Он имел какое-нибудь отношение к полиции или имел отношение к администрации?

БЮЛЕР: Оленбуш принимал участие в правительственных заседаниях, в которых, как правило, участвовала также и полиция.

СМИРНОВ: Но он сам, по должности, имел какое-нибудь отношение к полиции или нет?

БЮЛЕР: Как государственный чиновник и руководитель отдела, входящего в состав правительства, он, без сомнения, имел служебные отношения с полицией.

СМИРНОВ: Но он был чиновником гражданской администрации вашей системы?

БЮЛЕР: Да, само собой разумеется. По служебной линии он был подчинен мне.

H1198-0547

H1198 – 0548

СМИРНОВ: Я оглашаю небольшое извлечение на странице 176. Члены суда могут найти это место на странице ?? нашего документа, 3-й абзац, выступление Оленбуша:

"Нужно обсудить, явится ли целесообразным проводить казни по возможности там, где было совершено покушение на какого-либо немца. Нужно также обсудить, не является ли возможной организация особых мест для казни, так как установлено, что польское население стекается к доступным местам казни, набирает в сосуды пропитанную кровью землю и несет ее в церкви".

Не считаете ли вы этот вопрос чисто полицейским вопросом?

БОЛЕР: В моем переводе ничего не сказано о ведрах с кровью. Здесь говорится о сосудах. Я не думаю, чтобы ведрами можно было выносить кровь.

СМИРНОВ: Здесь именно речь идет о сосудах, в которые набрали землю, пропитанную кровью.

Не считаете ли вы тайные места казни чисто полицейским вопросом?

БОЛЕР: Да, я тоже так думаю. Но этот вопрос и не встречал никакого одобрения. Кроме того, я могу сказать, что в то же время в Варшаве и Кракове немцев убивали без всякого повода выстрелом в спину. Этот вопрос был вызван тем возбуждением, которое...

СМИРНОВ: Я спрашиваю вас о другом, свидетель. Я спрашиваю, не считаете ли вы, что этот вопрос был обсужден по инициативе Оленбуша в доказательство того, что даже второстепенные чиновники гражданской администрации вмешивались в полицейские дела и имели к ним прямое касательство?

БОЛЕР: Нет, я не хотел бы сказать, что это было так. Это было предложено не как полицейская мера, а лишь ввиду той опасности, в которой находились все немцы на этой стадии оккупации.

СМИРНОВ: Этот вопрос о тайном месте казни был возбужден по инициативе Оленбуша? Надеюсь, вы это не станете отрицать?

БЮЛЕР: Как...? Что этот вопрос...?

СМИРНОВ: Был обсужден и возбужден по инициативе Оленбуша. Этого вы отрицать не будете?

БЮЛЕР: Я не знаю, обсуждался ли вообще этот вопрос? По-моему, он вообще не...

СМИРНОВ: Перед вами стенограмма этого заседания и вы там присутствовали.

БЮЛЕР: Да, это высказывание Оленбуша, если я не ошибаюсь. Да, здесь написано: "Оленбут". Да, да.

СМИРНОВ: Я перехожу к следующему вопросу. Не докладывал ли на этом же заседании обергруппенфюрер СС Коппе...? Я приведу короткую цитату, которую члены суда найдут на странице 84-й /второй абзац/. Это - страница 180-я имеющегося у вас текста. Я начинаю цитату:

"За диверсию на железной дороге было расстреляно 150 и за обоих германских чиновников - 50 польских террористов непосредственно на месте преступления или вблизи его. Однако надо принять во внимание, что при расстреле 200 человек затрагивается не менее чем 2.000 человек - близкие родственники".

Не считаете ли вы это доказательством того, что с приходом Коппе применялись те же самые зверские меры подавления населения Польши, что и раньше?

БЮЛЕР: Поскольку здесь говорится о расстрелах 150 и 50 человек, то это были, очевидно, расстрелы заложников, что никогда не находило одобрения ни с моей стороны, ни со стороны генерал-губернатора. Если я все-таки заявил, что в общем режим Коппе казался мне более мягким, то, несмотря ни на что, я придерживаюсь этой точки зрения и впредь.

СМИРНОВ: Значит, заложничество не получало одобрения ни вашего, ни генерал-губернатора? Так?

H1198 - 0549

H1198 – 0550

БОЛЕР: Моего одобрения оно не получало, я думаю также оно не получало и одобрения генерал-губернатора.

СМИРНОВ: Я прошу вас перейти на страницу 185-ю имеющегося у вас документа. Я начинаю цитату:

"Генерал-губернатор выражает обергруппенфюреру СС Коппе благодарность и признательность за его плодотворную работу и с удовлетворением отмечает, что во главе полиции в генерал-губернаторстве стоит крупнейший специалист.

Он обещает обергруппенфюреру СС Коппе сотрудничество всех ведомств в генерал-губернаторстве и желает ему успехов в его работе".

Как понимать это заявление?

После вашего предыдущего ответа, как понимать это заявление?

БОЛЕР: Это заявление генерал-губернатора не распространяется на эти 150 и 50 человек, а относится ко всей работе, которую делал Коппе в генерал-губернаторстве. Среди принципиальных основных в этой работе положений, которых мы, в том числе и я, добились, имелся пункт о прекращении расстрелов заложников. Возможно, что в данном случае это положение еще не было проведено в жизнь.

СМИРНОВ: Минуточку.

Я прошу вас обождать минуту. Только перед этим вы прочли доклад Коппе, где говорилось о расстреле заложников, на странице 180. И после этого генерал-губернатор выразил ему одобрение. Значит, генерал-губернатор одобрил именно эту деятельность Коппе?

БОЛЕР: Это было не единственное заявление, которое сделал Коппе, и заявления генерал-губернатора относились ко всем высказываниям Коппе, а не только к отдельно выхваченным из них частям.

СМИРНОВ: Хорото, но тогда в том числе и к этому заявлению - к этому докладу?

БОЛЕР: Но я знаю, что генерал-губернатор вместе со мной воздействовал на Коппе в том направлении, чтобы расстрелы заложников больше не производились.

СМИРНОВ: Я прошу вас сообщить, кто персонально еще в бытность Крюгера начальником полиции отдал распоряжение расстреливать по одному жителю мужского пола - по одному мужчине из каждого дома, на котором будет висеть плакат, извещающий о польском национальном празднике?

БОЛЕР: Это мне неизвестно.

СМИРНОВ: Я прошу пред"явить соответствующий том. /Свидетелю пред"являют документ/. Я начинаю цитату. Эта цитата имеется в книге документов Суда, в нашем документе на 1-й странице, 7-й абзац.

"Господин генерал-губернатор принял начальника района доктора Вехтера, который сообщил о расклеивании плакатов с целью подстрекательства 11/XI, в день польской независимости, в некоторых местностях. Господин генерал-губернатор распорядился о том, чтобы из каждого дома, на котором остается висеть такой плакат, расстреливали одного жителя мужского пола. Это распоряжение должно проводиться начальником полиции. Доктор Вехтер предусмотрительно задержал в Кракове 120 заложников".

Вы помните это? Кто ввел, таким образом, эту преступную практику заложничества?

БОЛЕР: Вы хотите утверждать, что я присутствовал при этом обсуждении?

СМИРНОВ: Я хочу вас спросить о другом.

БОЛЕР: Я прошу ответить на мой вопрос, присутствовал я или нет?

9349

H1198 – 0551

H1198 – 0552

СМИРНОВ. Нет, я не обязан отвечать на ваш вопрос. Это вы должны отвечать на мои вопросы, свидетель: я вас допрашиваю, а не вы меня. Я прошу вас ответить на следующий вопрос. Ваша резиденция помещалась в Кракове. По приказу обергруппенфюрера доктор Вехтер предусмотрительно задержал 120 заложников. Не хотите ли вы сказать, что вы и об этом ничего не знали?

ВЕЛЕР. Об этих мероприятиях я ничего не знал. Мне также неизвестно, что заложники были расстреляны.

СМИРНОВ. Я прошу вас ответить на следующий вопрос: правильно ли я вас понял, когда вы сегодня говорили о том, что в Польше не было голода.

ВЕЛЕР. Что? Я не понял вас?

СМИРНОВ. Правильно ли я вас понял, утверждали ли вы, что в Польше не было голода?

ВЕЛЕР. Да, в Польше не было голода.

СМИРНОВ. Я прошу предъявить выступление д-ра Беллера - статс-секретаря /очевидно, вас/ на рабочем заседании 31 мая в 1943 г. в Кракове. Я начну эту цитату:

"Правительству генерал-губернаторства ясно, что нормы продовольственных продуктов, установленные для лиц негерманской национальности, ни при каких обстоятельствах не могут быть в дальнейшем сохранены без того, чтобы не допустить самостоятельности населения и толкнуть его на восстание.

Трудности в деле продовольственного снабжения, которые, конечно, влияют на настроение населения, огромный рост цен, частично вызываемый необдуманной политикой зара-

ботной платы, ведут к тому, что часть польского населения приведена в отчаяние".

Это вы говорили?

БЕЛЕР. В первой части я мог следить, но последних предложений я не нашел.

СМИРНОВ. Я прошу вас итти по тексту, в тексте и первая и последняя части: "Часть польского населения приведена в отчаяние". Проследите за текстом.

БЕЛЕР. Где это написано? Прошу показать мне это. /Свидетель показывает текст/. Да, я говорил это и ....

СМИРНОВ. Тогда у меня следующий вопрос к вам. Не считаете ли вы, что это ваше заявление, сделанное в 1943 году, свидетельствует о том, что сегодня вы дали ложное показание на суде?

БЕЛЕР. Нет, нет. Я сделал это заявление в том смысле, что население должно было принять какие-то меры, чтобы помочь себе. Эти меры я видел в том, что три дня в неделю рабочий мог не приходить на работу, заботясь о продовольствии для себя. В моих глазах это был шаг отчаяния рабочего. Сегодня утром я заявил, что населению было трудно добыть необходимое продовольствие, но это не было невозможно и что голода в генерал-губернаторстве я не наблюдал. Я прошу учесть то, что 80 процентов населения генерал-губернаторства - крестьяне, так что большого голода вообще не могло быть, разве что все сельское хозяйство было бы разграблено, а этого не было.

СМИРНОВ. Вы говорили, что в результате норм продовольствия, установленных в генерал-губернаторстве, может

9351

H1198 – 0553

H1198 – 0554

произойти восстание, и говорили, что население приведено в отчаяние голодом. Не является ли это доказательством того, что в стране свирепствовал голод?

БЕЛЕР. Я подразумевал "восстание" в смысле "беспорядки", а не вооруженный мятеж. Ясно, что умиротворенность и охота работать при недостаточном питании пропадает. Сегодня утром я говорил, как получилось, что польскому населению нельзя было обеспечить полного снабжения. Но с другой стороны, в широких размерах практиковалась свободная торговля, имелся черный рынок, так что и рабочий, если он имел достаточно свободного времени, мог снабдить себя продуктами. Если у него этого времени не было, он уходил с работы. Это и была мера по оказанию себе помощи.

СМИРНОВ. Я прошу вас ответить на такой вопрос. Не были ли полякам оставлены лишь такие возможности образования, которые по замыслу Франка и Геббельса лишь подчеркивали безнадежность судьбы их народа?

БЕЛЕР. Чувствовалось стремление поддерживать низкий уровень образования польского населения. Эти стремления исходили из Берлина от Гиммлера.

СМИРНОВ. Я прошу вас ответить, как поступили с польскими университетами?

БЕЛЕР. Они были закрыты и не открывались больше. Но имелись профессиональные курсы в Варшаве и Львове, на которых люди получали университетское образование. Правда, по приказу из империи эти курсы были закрыты.

СМИРНОВ. Может быть, вы вспомните приказ - за чьей подписью были закрыты университеты. Может быть, вы узнаете эту подпись?

БЕЛЕР. Да, это распоряжение о назначении кураторов в высших школах подписано генерал-губернатором 1 ноября 1940 года.

СМИРНОВ. Я прошу вас сообщить - не были ли в Польше оставлены только ремесленные школы?

БЕЛЕР. Были оставлены не только ремесленные школы. Имелись еще, например, коммерческие школы, куда был очень большой наплыв. Все проф-тех.школы и народная школа остались целиком такими, как они были раньше.

СМИРНОВ. Иначе говоря, были оставлены школы, которые готовили только ремесленников и мелких торговых служащих, продавцов?

БЕЛЕР. Посещали их лишь мелкие или крупные торговцы - я не знаю. Во всяком случае, комерческие школы были допущены.

СМИРНОВ. Я прошу вас сообщить - по чьей инициативе был разрушен королевский дворец в Варшаве?

БЕЛЕР. Я этого точно не знаю. Я слышал однажды, что фюрер как будто хотел чтобы стены Варшавского замка, который был сильно поврежден, были разобраны.

СМИРНОВ. По чьему персональному приказу был разрушен этот замок, королевский дворец в Варшаве?

БЕЛЕР. Я не знаю, был ли разрушен этот замок. Я не знаю.

СМИРНОВ. Да, он был разрушен. По чьему распоряжению он был разрушен?

БЕЛЕР. Это мне неизвестно.

СМИРНОВ. Неизвестно?

БЕЛЕР. Нет.

9353

H1198 – 0555

H1198 – 0556

СМИРНОВ. То место, которое я хотел бы огласить, находится на странице 1-й имеющегося у суда перевода нашего документа. Это очень короткая цитата, я оглашу ее:

"Фюрер, обсуждая с генерал-губернатором общее положение, одобрил деятельность генерал-губернатора в Польше, особенно разрушение дворца в Варшаве и то,что этот город не восстанавливается".

Не по приказу ли Франка был разрушен дворец в Варшаве?

ВЕЛЕР. Мне неизвестно, что этот замок был разрушен. Насколько я знаю, он должен был быть разрушен, но от этого плана отказались.

СМИРНОВ. Я прошу сказать, не в вашем ли присутствии Франк 21 апреля 1940 года дал приказ принимать полицейские меры при так называемой вербовке рабочих?

ВЕЛЕР. Я хочу сначала увидеть протокол, я не могу сказать по памяти.

СМИРНОВ. То место, которое я хотел бы процитировать, члены суда найдут на странице 46-й документа в последнем абзаце. Совещание со статс-секретарем доктором Веллером, обергруппенфюрером СС Крегером и доктором Фрауендорфером в присутствии господина министра Зейсс-Инкварта. Тема совещания: посылка рабочих, главным образом, сельскохозяйственных рабочих, в империю.

"Господин генерал-губернатор указывает, что после того, как все средства ввиду воззваний и т.д. не имели успеха, следует притти к выводу, что поляки уклоняются от этой трудовой повинности злоумышленно из нежелания предоставить себя Германии, чтобы этим косвенно нанести ей вред.

В это время он обращается с вопросом к доктору Фрауендор - фер: "Существуют ли меры для того, чтобы побудить поляков к добровольности"? Начальник имперского управления доктор Фрауендорфер отвечает отрицательно. Господин генерал-губер- натор указывает, что отныне там, где отдел труда ничего не может достигнуть, следует действовать полиции".

Не было ли это приказом о принудительных мерах при вербовке?

БЕЛЕР. Увидев протокол, я не хочу оспаривать это высказывание. Оно принадлежит к числу тех заявлений гене - рал-губернатора, относительно которых я утверждал, что они были сделаны не совсем добровольно, и которые ни в коей мере не меняли моего курса в этих вопросах.

СМИРНОВ. Я прошу ответить на следующий вопрос. При - сутствовали ли вы 18 августа 1942 г. при беседе с Заукелем и не в вашем ли присутствии Франк известил Заукеля, как он сказал," с радостью известил его" о приплыве новых контин- гентов в рейх, так как он с этой целью использовал полицию.

БЕЛЕР. Вместе со своим руководителем отдела, который занимался вопросом вербовки рабочих - рабочим вопросом, я имел совещание с Заукелем перед его посещением генерал- губернаторства. Я не помню, присутствовал ли я на приеме Заукеля у генерал-губернатора.

Я прошу показать мне протокол.

СМИРНОВ. Я прошу предоставить подсудимому это место... то-есть, я прошу извинить меня: свидетелю предъявить это место.

Я оглашаю две коротких цитаты на странице 918-й и странице 920-й.

9355

H1198 - 0557

H1198 – 0558

"Доктор Франк: Очень рад, что могу официально сообщить Вам, что по сей день мы отправили в Германию свыше 800 тысяч рабочих. Недавно Вы ходатайствовали о присылке еще 140 тысяч рабочих. Счастлив официально сообщить Вам, что, в соответствии с нашим вчерашним соглашением, 60% этих новых поляков мы дадим до конца октября, а остальные 40% до конца года".

Затем прошу перейти на страницу 920-р. Отсюда я беру только одну фразу:

"Кроме этих 40 тысяч Вы, однако, в следующем году можете рассчитывать на новую партию рабочих из генерал-губернаторства, ибо для вербовки мы используем полицию".

Не свидетельствует ли это о применении драконовских полицейских мер для так называемой вербовки рабочих?

БЕЛЕР. Я не помню, чтобы я присутствовал при этом, так что ни-коим образом я не могу подтвердить, было ли это действительно сказано.

СМИРНОВ. Господин председатель, у меня больше нет вопросов к этому свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Зайдль, желаете ли Вы задать дополнительные вопросы свидетелю?

ЗАЙДЛЬ. Да, я хотел бы задать несколько дополнительных вопросов.

Во-первых, я хотел бы разъяснить одно недоразумение, которое стало совершенно очевидным. Вопрос, заданный мною свидетелю в связи с документом СССР-93, относился лишь к приложению № 1, озаглавленному "Культурная жизнь в Польше". В этом приложении рассматриваются директивы по вопросу о культурной политике, которые якобы были изданы администра-

цией генерал-губернаторства. Я понял свидетеля, что он дал ответ лишь на этот вопрос, а не высказывался относительно других приложений, например, относительно хищений произведений искусства. Может быть, было бы лучше, если бы он не употребил слова "фальшивка". Во всяком случае, он хотел сказать, что он незнаком с этими директивами.

Господин свидетель, верно ли, что большинство польских рабочих, которые направлялись в империю, ехали туда добровольно?

БЕЛЕР. Я хочу в первую очередь сказать, что я отнюдь не хотел приписать обвинению составление фальшивки. Я хотел лишь указать на то, что, возможно, оно использует фальшивый документ, но я вовсе не собирался обвинять его в составлении фальшивки.

На вопрос защитника я хочу сказать, что, по моим наблюдениям, большинство рабочих из генерал-губернаторства ехали в империю добровольно.

ЗАЙДЛЬ. Чтобы помочь вам вспомнить, я хочу зачитать короткую цитату из дневника, относящуюся к вербовке рабочей силы. 4 марта 1940 г. на служебном собрании городских голов Люблинского района генерал-губернатор сказал относительно вербовки рабочей силы следующее. Я цитирую дословно:

"Я не могу подписать новое распоряжение о применении особых насильственных мер и об объявлении угрозы наказания, чего требует Берлин. Меры, вызывающие всеобщее недовольство, не могут быть применены. Все говорит против насильственного проведения отправки людей".

9357

H1198 – 0559

H1198 – 0560

Было ли это действительной позицией генерал-губернатора?

ВЮЛЕР. Я не присутствовал на этом совещании и, следовательно, не слышал этого выступления. Но оно соответствует указаниям и принципам, которые мне давал генерал-губернатор и которые я всегда неукоснительно соблюдал и выполнял.

ЗАЙДЛЬ. В отношении вашего присутствия на совещании 14 января 1944 года,- я вижу, что вы там были. Это было совещание со статс-секретарем доктором Вюллером, Конце и другими. Я цитирую дословно:

"Генерал-губернатор решительно против использования полиции при проведении подобных мероприятий. Подобные задачи не относятся к кругу обязанностей полиции".

Верно ли, что генерал-губернатор неоднократно высказывался против вмешательства полиции в вербовку рабочей силы?

ВЮЛЕР. Это был не единичный случай, он неоднократно на широких собраниях нападал на уполномоченного, присланного рейхскомиссаром Заукелем, если до него доходило что-нибудь об облавах на рабочих. Я должен, правда, сказать, что уполномоченный неоднократно заявлял, что не он был инициатором этих облав.

ЗАЙДЛЬ. Первая цитата, которую представил вам представитель обвинения, была записью от 25 января 1943 года. Он спросил вас, считаете ли вы сами себя военным преступником? Я хочу зачитать вам другую часть этого совещания, на котором вы присутствовали. Я цитирую страницу 7-ю этой записи в дневнике. Генерал-губернатор заявил:

"Статс-секретарь Крюгер! Вы знаете, что приказания рейхсфюрера СС Вы можете выполнять лишь после того, как Вы поговорите со мной. В данном случае этого не было. Я выражаю свое сожаление по поводу того, что Вы выполнили приказ рейхсфюрера СС, не сообщив мне об этом заранее, как этого требует приказ фюрера. Согласно последнему приказу, распоряжения рейхсфюрера СС могут быть выполнены в генерал-губернаторстве лишь только в том случае, если я одобрю их. Надеюсь, что это последнее нарушение этого приказа, ибо я не хотел бы по всякому такому случаю обращаться к фюреру".

Я выпускаю одно предложение и цитирую дословно:

"Невозможно, чтобы мы нарушали распоряжения фюрера. Исключено, чтобы в области полиции и безопасности выполнялись непосредственные приказания рейхсфюрера СС через голову человека, которого назначил сюда фюрер; в противном случае я здесь совершенно не нужен".

Я хочу вас спросить, верно ли то, что между генерал-губернатором и начальником СС и полиции Крюгером очень часто имели место подобные разногласия и что генерал-губернатор закончил эти разногласия тем, что потребовал какой-то договоренности, чтобы сделать вообще возможным управление этой областью?

БЕЛЕР. Это верно, подобные разногласия имели место очень часто.

ЗАЙДЛЬ. Представитель обвинения зачитал вам документ под № СССР-335, распоряжение от октября 1943 года о введении особых судов /штандгерихт/.

Я спрашиваю, каково было положение в генерал-губер -

H1198 – 0561

H1198 – 0562

наторстве в то время и было ли тогда вообще возможно с помощью нормального судопроизводства стать господином положения?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Зайдль! Этот вопрос полностью освещен при прямом допросе подсудимого.

ЗАЙДЛЬ. Тогда я отказываюсь от этого вопроса и задаю другой вопрос.

Верно ли, что часть произведений искусства, которые были вывезены из Верхней Силезии, хранилась в последней резиденции генерал-губернатора в Нейгаузе и что генерал-губернатор поручил вам представить рейхсминистру Ламмерсу список этих произведений искусств?

БЮЛЕР. Генерал-губернатор продиктовал отчет о размещении 20-ти выдающихся произведений искусств польского государства. Отчет должен был быть направлен рейхсминистру Ламмерсу. Я присутствовал, когда он диктовал этот отчет, и я лично вручил его статс-секретарю Критцингеру в Берлине. Генерал-губернатор указывал в нем, что, дабы спасти эти произведения искусства от русских, он перевез их из Зайхау, или, как это место называется, в Шлирзее. Эти произведения искусства стояли открытыми в разных комнатах здания генерал-губернаторства.

ЗАЙДЛЬ. У меня нет больше вопросов к свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетеля можно увести.

ЗАЙДЛЬ. Я закончил допрос всех свидетелей. Но, так как документы еще не сшиты, я прошу разрешения представить их позже, может быть, после заслушания дела Фрика.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Зайдль, сколько книг документов вы представляете?

ЗАЙДЛЬ. Всего пять книг. Я сам еще не получил их.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одобрил уже Трибунал документы, содержащиеся в этих пяти томах?

ЗАЙДЛЬ: Все это почти исключительно документы, представляющиеся Обвинением, с которым мы достигли соглашения относительно их.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, в таком случае нам не нужно ждать сейчас книг документов. Книги документов Трибунал будет рассматривать по мере их представления и если в то время Вы пожелаете дать какие-либо конкретные об"яснения по поводу этих документов, то Вы сможете это сделать.

ЗАЙДЛЬ: Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Без сомнения, вы будете комментировать их в вашей заключительной речи. Вы сказали, что они в основном состоят из документов, которые уже были представлены, и поэтому нет необходимости давать какие-либо предварительные комментарии по этим документам. Вы сможете сделать это во время вашей заключительной речи.

ЗАЙДЛЬ: При представлении документов я хотел бы также огласить короткие отрывки их них; это необходимо для того, чтобы установить общую связь, но сделать это в заключительной речи невозможно. Я не думаю, что мы потеряем много времени на это.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Доктор Зайдль, я думаю, будет полезнее для Трибунала, если Вы будете комментировать документы на более поздней стадии, когда закончится допрос ваших свидетелей и когда свидетели, вызванные другими подсудимыми, также осветят этот вопрос. Поэтому Трибунал полагает, что было бы лучше и более удобно для Трибунала, если бы Вы отложили Ваши комментарии по документам до вашей заключительной речи.

Доктор Зайдль, насколько я вас понял, у вас имеются две книги, которые находятся сейчас перед нами?

H1198 – 0563

H1198 – 0564

ЗАЙДЛЬ: Всего пять книг. Остальные три книги, кажется, еще не сшиты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, но вы сказали, что большая часть документов уже была представлена в качестве доказательства.

ЗАЙДЛЬ: Был представлен дневник подсудимого доктора Франка об"емом в 42 тома, но обвинение использовало только те выдержки из него, которые казались ему важными. Поэтому я считаю необходимым, чтобы при представлении доказательств была восстановлена общая связь. Кроме того в книгах документов есть еще и другие документы, которые, по моему мнению, должны быть оглашены хотя бы частично. При их зачтении я ограничусь лишь самым необходимым, и я бы предложил Суду соблюсти в данном случае тот же порядок, как и по делу подсудимого фон Риббентропа, т.е. чтобы я мог потом представить Суду отдельные документы в качестве доказательств. Это - речи подсудимого д-ра Франка, постановления, распоряжения, два свидетельских показания под присягой. Я думаю, что уже при представлении документов нужно занять какую-то позицию по отношению к тому, что излагается в них, причем всем документам должен быть присвоен соответствующий номер. До сих пор по делу подсудимого в качестве доказательства был представлен один единственный документ, показания д-ра Болера. Но я намерен в дальнейшем представить Суду по всей форме в качестве доказательств целый ряд других документов. Я хочу отложить это лишь потому, что у Суда нет еще сшитых книг документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда будут готовы эти другие книги документов, доктор Зайдль?

ЗАЙДЛЬ: Мне сказали, что они будут готовы уже сегодня вечером.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сколько времени, как вы предполагаете, займет представление этих книг документов?

ЗАЙДЛЬ: Я думаю, что двух часов будет достаточно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас Трибунал сделает перерыв.

/Перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, Трибунал хотел бы, чтобы Вы сейчас начали представление своих документов, и если эти документы уже были представлены в качестве доказательства в том случае, если Вы не хотите ссылаться на другие выдержки из этих документов, то Трибунал полагает, что Вам следует только сообщить нам, что это за документы и затем представить их в качестве доказательства, за исключением тех случаев, когда для Вас важно будет сослаться на какой-либо отдельный документ. Если это будут новые документы, Вы, несомненно, представите их в качестве доказательства и дадите краткие комментарии, которые Вы сочтете необходимыми. Но Трибунал надеется, что Вы сможете закончить представление документов сегодня днем. Что касается остальных книг документов, которые у Вас имеются, то мы поняли Вас так, что у Вас имеются все документы на немецком языке, и потому Вы можете сейчас обратить наше внимание на эти документы.

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, по желанию Обвинения и, мне кажется, также по желанию Суда, я значительно сократил свои книги документов. Первые пять книг составляли первоначально больше 800 страниц, но в новом издании книг документов страниц значительно меньше. Сейчас у меня нет на руках этих книг на немецком языке. Я не в состоянии указать количество страниц в них и согласовать нумерацию страниц моих книг с нумерацией страниц в переводах. Я хотел бы просить подождать немного до тех пор, пока будут готовы пять книг документов в

H1198 – 0565

H1198 – 0566

новой редакции. В противном случае возникнет опасность, что нумерация страниц и нумерации отдельных доказательств не будет совпадать, что было бы очень нежелательно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что Вы вначале можете обратиться к первым трем книгам документов, которые имеются у Вас здесь и которые находятся также в нашем распоряжении.

ЗАЙДЛЬ: Если у Суда имеются первые три книги документов, то я начну сейчас. Я начну с тома первого. Первый документ на первой странице представляет собой Указ фюрера и рейхсканцлера от 12 октября 1939г. об управлении оккупированной польской территорией. В этом указе фюрера подробно говорится о предоставляемых генерал-губернатору полномочиях. В параграфах 5-м и 6-м говорится об ограничениях в компетенции генерал-губернатора, на которые уже ссылались свидетели д-р Ламмерс и д-р Бюлер. Этот документ уже представляли под № 2827-ПС. В книге документов Франка он значится под номером "Франк-док. № 2".

Я перехожу к 2-й странице книги документов. Этот документ представляет собой указ фюрера о создании статс-секретариата безопасности в генерал-губернаторстве от 7 мая 1942 года. Я цитирую параграф 2-й.

"Статс-секретарь безопасности является одновременно представителем рейхсфюрера СС, выступающего в данном случае в качестве рейхскомиссара по укреплению германской народности".

На странице 4-й я цитирую 4-й абзац: "Рейхсфюрер СС и начальник полиции Германии может давать непосредственно статс-секретарю безопасности указания, касающиеся работы по линии безопасности и укрепления германской народности". Это-"Франк, док. № 3".

За этим указом фюрера от 7 мая 1942г. идет указ фюрера

от 2 июня 1942г. о передаче определенного круга вопросов в ведение статс-секретаря безопасности. Я не знаю, имеется ли этот указ в вашей книге документов. Вероятно, включенный в книгу документов позднее, он еще не переведен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Каким числом датирован этот документ?

ЗАЙДЛЬ: 22 июня 1942 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У нас имеется документ от 27 мая 1942 года.

ЗАЙДЛЬ: Этот указ, очевидно, еще не переведен, так как он был передан позднее. Потом я внесу его в книгу документов. Это будет "Франк, док. № 4".

В § 1-м этого указа говорится:

"Перечисленный в приложениях А и В круг вопросов, которыми занималось управление полиции, переходит в ведение статс-секретаря безопасности". В приложении А перечисляется круг вопросов, которыми занималась полиция поддержания порядка /всего 17 пунктов, простите, я ошибся, 26 пунктов/, а в приложении Б перечисляется круг вопросов, которыми занималась полиция безопасности /21 пункт/.

Затем я перехожу к 5-й странице первой книги документов. Это - указ фюрера и рейхсканцлера о назначении чиновников и о лишении чиновников их званий в генерал-губернаторстве от 20 мая 1942г. Я цитирую из 2-го, второй абзац.

"В соответствии с настоящим указом в подчинение генерал-губернатору не входят чиновники, работающие по линии рейхсфюрера СС и начальника германской полиции, министерства внутренних дел и таможенно-пограничной охраны".

Я перехожу к странице 6-й книги документов, к указу фюрера и рейхсканцлера об укреплении германской народности от 7 октября 1939 года. Этот документ был уже пред"явлен Обвинением от США под номером США-205.

Следующий документ представляет собой письмо рейхсмаршала

H1198-0567

H1198 – 0568

Геринга начальнику полиции безопасности и СД от июля 1941г.

Господин ДОДД. Господин председатель, я предлагаю, чтобы при представлении документов оглашался номер доказательства с тем, чтобы мы лучше могли следить за процессом представления документов. Доктор Зайдль сказал, что сейчас он разбирает последний документ, но что этот последний документ еще не имеет номера доказательства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Последний документ был "Франк док. № 5"? Не так ли?

Господин ДОДД: "Франк, док. № 5" датирован 27 мая 1942г. Мы не знали этого. Мы не получили номера. Я извиняюсь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Номер мог быть и не назван, но я сам записал его в таком виде. Доктор Зайдль, постарайтесь каждый раз при представлении документа называть и номер доказательства.

ЗАЙДЛЬ: Хорошо. Этот документ уже имеет номер американского обвинения, а именно 509.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Подождите минуту. Возможно, я ошибся. Да, господин Додд, я думаю, что я ошибся. Доктор Зайдль не дал номера документу лишь потому, что он уже был представлен как доказательство США-205. Я ошибся. Это не был документ "Франк-5". Он дошел только до доказательства "Франк, док. № 4". Следующий документ - США-509.

ЗАЙДЛЬ: 509. Я перехожу к 10-й странице книги документов. В этом документе содержатся директивы ОКВ к варианту "Барбаросса". Он был уже пред"явлен под № США-125. Я цитирую второй абзац:

"Об"явление Восточной Пруссии и генерал-губернаторства областью боевых операций не входит в наши намерения. Однако, согласно неопубликованным указам фюрера от 19 и 21 октября 1939г., главнокомандующий сухопутными силами вправе приказать проведение мероприятий, необходимых для осуществления своей

военной задачи и для безопасности войск".

Я перехожу к II-й странице книги документов. Документ представляет собой распоряжение о порядке выполнения указа фюрера относительно генерального уполномоченного по использованию рабочей силы от 27 марта 1942г. Я цитирую параграф 4-й:

"Для проведения в жизнь задач, поставленных перед генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы, фюрер присвоил мне право давать указания высшим правительственным учреждениям, подчиненным им учреждениям, партийным органам и учреждениям приданных партии организаций, имперскому протектору, генерал-губернатору, военноначальствующим и начальникам гражданских администраций".

Это-доказательство "Франк, док. № 5".

Следующий документ находится на странице 12-й. Это - указ фюрера от 21 марта 1942г. о генеральном уполномоченном по использованию рабочей силы. Из этого указа вытекает, что полномочия последнего распространялись и на генерал-губернаторство. Это - "Франк, док. № 6".

9367

H1198 – 0569

H1198 – 0570

В документе на странице 13-й также говорится о функциях генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. Этот документ был пред"явлен обвинением от США под № США-206.

Документ на странице 15-й представляет собой письмо профессора Кубиевича, руководителя главного украинского комитета, подсудимому Франку. Он был уже пред"явлен обвинением от США под № США-178. Я хочу зачитать из этого документа только первое предложение, чтобы показать, каковы были отношения между подсудимым Франком и автором этого письма. Он пишет:

"По вашему желанию я посылаю вам это письмо, в котором я вкратце хотел бы изложить о некоторых безобразиях и неприятных явлениях, создающих особенно тяжелую обстановку для украинского населения в генерал-губернаторстве".

Я перехожу затем к странице 16-й книги документов. Это - выдержка из документа, который был уже пред"явлен обвинением от США мт под номером США-275. Это - отчет бригаденфюрера СС Штропа об уничтожении варшавского гетто. Я цитирую второй абзац пункта 2, из которого явствует, что приказ об уничтожении варшавского гетто был издан непосредственно рейхсфюрером СС Гиммлером.

"Рейхсфюрер СС, посетив в 1943г. Варшаву, отдал начальнику СС и полиции Варшавского района приказ перевести все расположенные на территории варшавского гетто военные предприятия со всем их оборудованием и рабочими в Люблин".

После 16 стр. должны итти письменные показания, которые были пред"явлены обвинением во время перекрестного допроса подсудимого д-ра Кальтенбруннера.

ПОКРОВСКИЙ. Насколько я понимаю, здесь произошла какая-то ошибка. Под тем номером, который был назван д-ром Зайдлем в его книге документов, имеется вовсе не документ, относящийся к варшавскому гетто, а документ руководителя полиции и СС Галицийского округа по вопросу о решении еврейского вопроса в Галиции. Я просил бы ммжт уточнить это обстоятельство.

ЗАЙДЛЬ. Документ на странице 16-й представляет собой отчет бригаденфюрера СС Штропа, пред"явленный уже обвинением от США под № США-275. Отчет фюрера СС Каммана, о котором, очевидно, говорит представитель советского обвинения, документ относительно еврейского вопроса в Галиции, находится на странице 17-й, т.е. на следующей странице. Очевидно, в книге документов советского обвинения не имеется 16-й страницы. После этого отчета бригаденфюрера Штропа (США-275) в новой редакции книги документов на стр.16а должно находиться письменное показание бригаденфюрера СС Штропа, которое было пред"явлено во время перекрестного допроса подсудимого Кальтенбруннера обвинением от США за № США-804. Это письменное показание имеет номер ПС-3841. Я не мог внести его в книгу документов, поскольку оно было пред"явлено обвинением тогда, когда я уже отдал книгу документов для перевода.

9369

H1198 – 0571

H1198 - 0572

На странице 166 будет новый документ, который также был пред"явлен во время перекрестного допроса подсудимого Кальтенбруннера, - письменное показание Карла Калеске.

Этот документ носит № США-803 и 3840-ПС.

Теперь, я перехожу к тому документу, который, очевидно, имел в виду представитель советского обвинения и в котором говорится о решении еврейского вопроса в Галиции. Этот документ находится на странице 17 и имеет номер США-277 и Л-18. Я цитирую дословно страницы 4-ю и 5-ю.

"После того, как в огромном числе случаев было установлено, что евреи, доставая дефицитные товары и т.д. оставались на работе, как незаменимые люди, мы должны были применить совершенно драконовские методы".

Теперь, я перехожу к абзацу 2. Я цитирую:

"В виду того, что администрация оказалась слишком слабой и не в состоянии справиться с создавшимся хаосом, мобилизацию евреев на работу взял на себя руководитель СС и начальник полиции. Существовавшие еврейские биржи труда, на которых работали сотни евреев, были распущены. Все справки о работе, выданные различными фирмами и учреждениями, об"явлены недействительными, а выданные евреям на биржах труда карточки становились действительными только после того, как на них ставилась печать полиции.

Я перехожу к странице 19-й книги документов. Это - письмо рейхсминистра и начальника имперской канцелярии рейхсфюреру СС и начальнику германской полиции Гиммлеру от 17 апреля 1943г. Документ имеет №№ 2220-ПС и США-175. Я цитирую:

"Во время наших переговоров 27 марта мы пришли к общему мнению, что следует составить материал, в котором обрисовать обстановку в генерал-губернаторстве и на котором можно будет построить намеченный нами доклад у фюрера.

"Собранный с этой целью обергруппенфюрером СС Крюгером материал уже направлен непосредственно нам. Я просил составить тезисы, отражающие важнейшие пункты всего материала, сделать его наглядным, подчеркнуть мероприятия, подлежащие проведению в жизнь".

"Эти тезисы я согласовал с обергруппенфюрером Крюгером и он полностью согласился с ними. Часть из них я пересылаю Вам". Подписано: "Д-р Ламмерс".

Я перехожу к 20-й странице книги документов. Я цитирую дословно: "Секретно. Содержание: положение дел в генерал-губернаторстве.

"Задачи германской администрации в генерал-губернаторстве состоят в следующем:

1. С целью обеспечения германского народа продовольствием, увеличить выпуск сельскохозяйственной продукции, беря на учет все возможные запасы. Местному населению, используемому на важной в военном отношении работе, выделить достаточные пайки, вывозя остальное для вооруженных сил Германии и германского народа".

Следующие пункты я выпускаю и перехожу к пункту "Б", в котором Крюгер и его заместитель критикуют мероприятия генерал-губернатора. Я цитирую дословно:

9371

H1198 – 0573

H1198 – 0574

"Администрация генерал-губернаторства не справилась с осуществлением намеченных в пункте "А" задач. Если в 1942 г. норму поставок сельскохозяйственных продуктов для вооруженных сил Германии и германского народа удалось выполнить более чем на 90 процентов и в общем покрыть требования Германии в рабочей силе, то теперь приходится констатировать следующее: эти результаты, достигнутые в 1942г., были единственными. Но этого, например, для вооруженных сил было доставлено только 40 тысяч тонн зерна; во-вторых, чтобы сделать возможным выполнение этих требований, нужно было прежде всего, создать те предпосылки организационного, экономического и политического характера, которые необходимы, если хочешь добиться успеха, не приведя всю экономику к катастрофе. Неуспех германской администрации об"ясняется самой системой этой администрации, осуществляемой лично генерал-губернатором. Это об"ясняется также неправильностью основной линии политики при решении всех вопросов, имеющих решающее значение при существующих в генерал-губернаторстве условиях.

"2. Суд германской администрации в генерал-губернаторстве.

"Стремления генерал-губернаторства с самого начала заключались в том, чтобы превратить генерал-губернаторство в государство, которое могло бы существовать совершенно независимо от Германии".

Затем я перехожу к 20-й странице отчета, к пункту 3-му, и цитирую дословно:

9372

"3. Должное отношение к местному населению может сложиться правильно только на основе чистого и урегулированного административного и экономического руководства. Только такая основа позволяет, с одной стороны, приходить к местному населению строго и, если нужно, сурово, а с другой стороны, поступать великодушно и, предоставляя некоторые свободы, прежде всего, в области культуры, вызывать у населения хоть какое-то удовлетворение. Без такой основы строгость усиливает сопротивление и подрывает уважение к немцам. Что такой основы нехватает, вытекает из вышесказанного. Вместо того, чтобы думать о создании ее, генерал-губернатор стимулирует стремление к самостоятельности в культурной жизни польского населения, что, само по себе выходит за пределы поставленной цели, а при господствующих условиях и, особенно, в связи с нашим военным положением в последнюю зиму может посчитаться за слабость, что приведет, безусловно, к совершенно противоположным результатам.

"4. Отношения между местными немцами, польским и украинским населением в генерал-губернаторстве.

"Многочисленны случаи, когда германская администрация не считается с интересами немцев, проживающих в генерал-губернаторстве, и выдвигает на первый план интересы поляков и украинцев с целью привлечь последних на нашу сторону. Существовала такая точка зрения, что переселенных из других областей немцев следует рассматривать не как переселенцев, ~~их~~ а просто "как сельскохозяйственных рабочих на время войны" Правовая основа для отчуждения собственности поляков до сих пор не создана.

9373

H1198 – 0575

H1198 – 0576

Плохому отношению к немецким рабочим со стороны их начальников-поляков не положен предел. Местных и имперских немцев обслуживали в польских больницах польские врачи довольно дорого и плохо.

Размещение детей имперских немцев из областей, подвергавшихся бомбардировкам, и детей, родители которых сражались у Сталинграда, на курортах генерал-губернаторства, встречало большие трудности, тогда как местное население проходило там курс лечения и пр.

"Широкие планы заселения Люблинского района в интересах местных немцев могли быть проведены без всяких затруднений, если бы рейхскомиссар по укреплению германской народности встретил со стороны немецкой администрации нужную поддержку и помощь".

Я перехожу к странице 24-й и цитирую дословно пункт "В":

"1. Олицетворяемая лично генерал-губернатором система администрации и неумение администрации поставить работу во многих областях, имеющих решающее значение, не только подорвали доверие местного населения к немцам и его желание работать, но и привели к тому, что поляки, в общественном отношении отделенные друг от друга пропастью и на протяжении всей своей истории, не представлявшие собою единого целого, об"единились теперь воедино в своей враждебности к немцам. Нет реального фундамента, на котором только и могли бы быть выполнены те задачи, выполнения которых требует от генерал-губернаторства

Империя, и достигнуты те цели, которые она преследует в генерал-губернаторстве. Невыполнение задач, поставленных перед всей администрацией, как, например, задач по укреплению германской народности должно было, естественно, привести к тому, что другие органы управления (рейхскомиссар по укреплению германской народности и полиции) взялись за выполнение этих задач".

Я перехожу к 27-й странице книги документов. Это - отчет генерал-губернатора фюреру от 19 июня 1943 года, о котором уже не раз говорили здесь. Этот документ уже представлялся американским обвинением под номером США-610, ПС-437.

Из этого документа до сих пор оглашались лишь страницы 10-11. Это как раз те самые пункты, которые самым строжайшим образом осуждались генерал-губернатором.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы сейчас говорите об отчете, который начинается на странице 20-й?

ЗАЙДЛЬ. Я говорю об отчете, который начинается на 27-й странице. Я уже закончил обсуждение отчета, начинающегося на 20-й странице.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какой номер вы дали тому документу, который находится на странице 20-й?

ЗАЙДЛЬ. Отчет на странице 20-й представляет собою существенную часть текста, который начинается на 19-й странице. У него уже есть номер США-175.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Понимаю.

ЗАЙДЛЬ. Сейчас я перехожу к документу на странице 27-й. Это меморандум, который уже неоднократно упоминался свидетелями и который был пред"явлен представителями

H1198-0577

H1198 – 0578

обвинения под № США-610. Из этого отчета обвинение зачитывало только страницы 10 и 11 (в моей книге документов это будут страницы 36-37-я), то-есть как раз те места, где генерал-губернатор критикует положение дел, квалифицируя их как перегибы полиции и жалуясь об этом фюреру. Я не собираюсь зачитывать здесь весь меморандум и перехожу к 27-й странице отчета. Это на 53-й странице книги документов. Я цитирую пункт 2.:

"2. Закрытие почти всех культурных учреждений в Польше вызвало недовольство даже в самых низших слоях польского населения. Средние и высшие слои польского общества претендуют на то, чтобы практика показала, что возможность действовать в области культуры отвлекает их от злободневных политических вопросов. Германская пропаганда повсеместно наталкивается на возражения поляков, состоящие в том, что принесенное германским господством ограничение культурной жизни не только ничем не отличается от большевистского бескультурья, но что оно дает полякам даже меньше возможностей участвовать в культурной жизни, чем это имеет место у советских граждан.

"3. Так же обстоят дела с высшими учебными заведениями и средними школами, которые закрыли. Хорошо продуманной целью закрытия этих учреждений является, конечно, снижение образовательного уровня польского населения. Осуществление этой цели с точки зрения военной необходимости, кажется не всегда находится в соответствии с интересами Германии.

Затягивание войны увеличивает заинтересованность Германии в мобилизации годных кадров из местного населения с целью использования их в различных областях знаний. Еще более значительным является тот факт, что закрытие школ и запрет участия в культурной жизни все в большей мере способствует усилению антигерманской деятельности заговорщических кругов польского населения под руководством польской интеллигенции. Что было невозможно во всей истории польского народа, что было невозможно даже в первые годы германского господства, а именно - сплочение польского народа, преследующее единую цель, но таящее в себе моменты процветания и гибели - это сплочение грозит медленно, но верно стать действительностью. Германское руководство не может пройти без внимания мимо этого процесса сплочения отдельных кругов польского населения, поскольку он связан с ростом сил сопротивления поляков. Германское руководство должно бы было путем определенных уступок в области культуры способствовать росту классовых противоречий и по возможности направлять один слой населения против другого.

"4. Мобилизация рабочей силы и методы ее проведения, являющиеся зачастую результатом неизбежного давления существующих условий при содействии умелой большевистской агитации, вызвали в самых широких кругах глубочайшую ненависть. Поддавшиеся этой агитации рабочие со всей решительностью переходят к активному сопротивлению, к саботажу и применению силы. Улучшение методов вербовки и устранение все еще дающих о себе знать недостатков в обращении с польскими рабочими в империи и хотя бы самая

9377

H1198 – 0579

H1198 – 0580

минимальная забота о членах их семейств, повысили бы настроение, которое перешло затем в желание работать и обеспечило бы рост производительности труда на пользу Германии.

"5/ К началу войны германская администрация была создана по принципу устранения из нее польских элементов, устранения их из всех важных учреждений. Имевшиеся налицо германские кадры были недостаточны как в количественном, так и в качественном отношении. В истекшем году, в результате необходимости дальнейшей мобилизации людей в армию, многие немцы должны были уйти. Уже и до этого мы были вынуждены привлекать к работе все больше и больше не немцев. При существенном изменении в обращении с польским населением и соблюдении необходимой предосторожности администрация могла бы привлечь польские элементы к более эффективному сотрудничеству. Без этого при современном положении с кадрами, не говоря уже о том, что людей еще будут отзывать, администрация не сможет преодолеть все трудности. Более активное участие поляков в работе администрации уже само по себе ~~полностью~~ дополнительно скажется на их настроении. Наряду с предложением перечисленных изменений следовало бы также изменить некоторые методы или, по крайней мере, на время боев в Европе отказаться от применения их.

9378

"I/ В специальных отчетах я уже изложил, что конфискация земли и выселение людей нанесли производству сельскохозяйственной продукции большой и непоправимый ущерб. Так же вредны эти мероприятия в области их воздействия на настроение населения. Одна лишь только конфискация большой части земли крупных польских помещиков, естественно, ожесточила даже те из затронутых ею слоев польского населения, которые обычно были настроены антибольшевистски. Однако их враждебное отношение в силу их немногочисленности и полной изолированности от масс народа далеко не столь важно, как отношение массы в основном мелкого крестьянства. Обусловленное причинами оборонно-политического характера выселение польских крестьян из области, которая включена в соответствующий план обороны, уже оказало неблагоприятное влияние на настроение и поведение многих крестьян. Выселение проводилось только в определенных районах. Кроме того, благодаря тщательной подготовке со стороны правительственных инстанций, оно было проведено без излишней жестокости. Выселение польских крестьян из Люблинского округа с целью поселения там немцев уже по одним своим масштабам имело большее значение. Рейхскомиссар по укреплению германской народности считал это мероприятие необходимым. К тому же, как я уже особо докладывал, это выселение проводилось в таком темпе и такими методами, что оно вызвало огромное ожесточение в кругах польского населения. За самое короткое время члены семей оказались оторванными друг от друга, работоспособные отосланы в империю, старики и дети отправлены в опустевшие еврейские гетто. Выселение проводилось в середине зимы 1942-1943г.г.; среди выселявшегося населения было много жертв, особенно среди стариков и детей. С выселением связано полное отчуждение движимой и недвижимой собственности у крестьян. У всего населения создалось представление, что данное выселение

9379

H1198 – 0581

H1198 – 0582

означало только лишь начало общего выселения поляков с территории генерал-губернаторства. Все были убеждены в том, что с поляками поступят так же, как с евреями. Для коммунистической агитации переселение в Люблинском округе явилось удобным случаем, чтобы со свойственной ей умелостью на долгое время отравить настроение населения во всем генерал-губернаторстве, вплоть до присоединенных к нему восточных областей. Вследствие таких мероприятий много людей в районах, подлежавших выселению, и даже в тех районах, которых оно не касалось, бежало в леса, причем значительная часть вливалась в партизанские банды. Следствием этого явилось необычайное ухудшение положения с точки зрения безопасности. Доведенные до отчаяния люди используются умелыми агентами для планомерной работы по срыву производства промышленной и сельскохозяйственной продукции".

"2/ Уже при первом упоминании о Катынском преступлении заговорили о том, что гарантия личной безопасности является непременным условием более интенсивного включения массы польского населения в борьбу против большевизма. Отсутствие защиты от произвольно чинимых арестов и расстрелов явилось главным аргументом коммунистической пропаганды. Публичные расстрелы стариков, женщин и детей , которые производились без ведома и распоряжения руководства, при всех обстоятельствах должны быть прекращены. Само собой разумеется, что это не касается публичных казней над бандитами и партизанами. Применение коллективных наказаний, от которых почти всегда страдают невиновные и которые выносятся населению, большей частью индиферентному к политике, обуславливает настолько плохое психологическое воздействие, что даже трудно представить себе всю его серьезность. Жестокие меры наказания и казни могут иметь место только после проведения соответствующего судебного процесса с сохранением хотя бы самых элементарных

правовых принципов и оглашением приговора. Пусть весь судебный процесс будет недостаточно полным, примитивным и импровизированным, с его помощью все-таки можно избежать или смягчить неблагоприятные последствия всех мер наказания, которые воспринимаются населением как выражение полного произвола. Кроме того, он уменьшит влияние большевистской агитации, которая изображает теперешние германские мероприятия лишь как пролог к будущим событиям. К тому же, коллективные наказания, естественно, направленные, главным образом, против невиновных, или, в худшем случае, против отчаявшихся или лиц, которых толкнули на совершение преступлений, не могут расцениваться, как признак силы господствующей власти, от которой население ждет, что она сама накажет террористов и освободит его тем самым от постоянно гнетущей его неуверенности".

Я перехожу к странице 37-й отчета и цитирую пункт 3-й:

"Наряду с перечисленными в пунктах 1 и 2 важнейшими принципами умиротворения населения генерал-губернаторства, необходимо представить и населению, не занимающемуся сельским хозяйством, гарантию сохранения его собственности, если конфискация ее не вызывается военной необходимостью. Всякое безвозмездное отчуждение и конфискация собственности, будь то промышленной, торговой, ремесленной или другой частной собственностью, ни в коем случае не должны иметь места, если только владелец или распоряжающийся имуществом не провинился перед германскими властями. Если же конфискация промышленных предприятий, кустарных производств или земельных угодий диктуется военной необходимостью, то и тогда следует избегать жестокости и предоставлять должную компенсацию. Действуя такого рода методами, мы, с одной стороны, стимулировали бы инициативу польских предпринимателей, а, с другой стороны, избежали бы нару-

9381

H1198 – 0583

H1198 – 0584

шения военно-экономических интересов Германии".

"4/ При оказании воздействия на настроение поляков не следует недооценивать значения того влияния, которое имеет на них католическая церковь. Я признаю, что католическая церковь всегда относилась к поборникам государственной независимости Польши. Уже после занятия Польши Германией многочисленные представители церкви оказывали свое влияние в этом направлении. Среди них было произведено сотни арестов. Многие священники были посажены в концлагери и расстреляны. Для того, чтобы завоевать поляков на свою сторону, необходимо, если не сотрудничество с церковью, то по крайней мере сохранение ее легального положения. Именно теперь, под впечатлением Катынского преступления, она безусловно может быть привлечена нами в целях усиления фронта сопротивления большевизму, поскольку она, в силу инстинкта самосохранения, должна отрицательно относиться к большевистскому господству в районе Вислы. Предпосылкой нашего успеха в этом деле является отказ в будущем от мероприятий, направленных против участия церкви в жизни страны или против ее владений, если эти мероприятия не будут обусловлены непосредственными интересами войны. До самого последнего момента закрытие монастырей, церквей и богоотворительных учреждений наносило ущерб...".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, я думал, что Ваши выдержки будут короткими. Но Вы сейчас уже прочитали со страницы 52 по страницу 65.

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, это единственный документ такого характера. Поскольку представители Обвинения зачитывали только такие места, в которых говорилось о событиях, резко осужденных самим обвиняемым доктором Франком, ~~то~~ я считал

своим долгом со своей стороны также процитировать порядочное количество текста, чтобы создать правильное впечатление об общей картине и показать, какую цель преследовал подсудимый Франк, составляя этот документ. Но я оглашу еще лишь несколько выдержек, после чего перейду к другому документу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я надеялся, что одна или две выдержки из этого документа могли бы показать то, что выдвигал подсудимый Франк, один или два абзаца.

ЗАЙДЛЬ: В таком случае я перехожу к следующему документу, господин председатель. На странице 68 находится письменное показание под присягой свидетеля доктора Бюллера, которое я пред"являл сегодня свидетелю. Этот документ имеет № Франк-I, 68-я страница книги документов. На странице 70 - документ США-473. Если я не ошибаюсь, этот документ был полностью оглашен Обвинением, и я только прошу Суд во время обсуждения дела Франка принять его к сведению.

На странице 72 находится письменное показание под присягой бывшего окружного воеводы доктора Альбрехта. Чтобы быть во всем точным, я должен сказать, что в данном случае перед нами не письменное показание под присягой в узком смысле этого слова. Фактически - это письмо доктора Альбрехта, которое он направил мне через генерального секретаря Трибунала. Я отослал это письмо ему обратно, чтобы он дал присягу в отношении достоверности содержания этого письма. Я должен сказать, что до сих пор такой заверенный протокол мне еще не возвращен, так что в настоящий момент этот документ может быть доказательством лишь как письмо. Я прошу Суд решить, будет ли это письмо, как таковое, принято Судом в качестве доказа-

H1198 – 0585

H1198 – 0586

тельства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я полагаю, что Трибунал уже ранее рассматривал этот вопрос, когда разбиралось Ваше ходатайство.

Если Вы оформите этот документ как письменное показание, данное под присягой, Вы, без сомнения, сможете приобщить его к делу.

ЗАЙДЛЬ: Хорошо, это будет документ под номером "Франк-7".

Я отказываюсь от оглашения первых пунктов, перехожу к странице 74 книги документов. Я цитирую дословно пункт 4:

"Борьба доктора Франка, направленная в интересах империи против эксплоатации и беспорядков в генерал-губернаторстве, конфликт с Берлином".

"Первая встреча с доктором Франком произошла вскоре после основания генерал-губернаторства осенью 1939 года в польском окружном городе Радоме, где десять воевод этого округа должны были докладывать о положении населения в управляемых ими районах и о проблемах наиболее быстрого и эффективного восстановления всей жизни страны, как экономической, так и административной. Больше всего бросалось в глаза то, что доктор Франк с особым вниманием и чуткой заботой относился к делам доверенной ему территории. Это выразилось в данном им указании, в котором говорилось, что генерал-губернаторство нельзя рассматривать как об"ект эксплоатации или нежизнеспособную область, и соответственно с этим с ним обращаться. Он считал генерал-губернаторство ячейкой порядка и областью интенсивного производства в тылу действующего фронта немцев, предпольем нашей родины и связующим пространством между тем и другим. Поэтому каждый лояльный местный житель данной страны может

претендовать на полную защиту со стороны германской администрации как гражданин генерал-губернаторства. Именно в этом духе он мыслил деятельность всех учреждений и экономических кругов, которая должна была постоянно проверяться контрольными учреждениями и лично им самим путем периодических инспекторских поездок с участием представителей соответствующих центральных учреждений. Так, например, в обоих управляемых мною воеводствах он в течение четырех лет три раза сам проверял мою работу.

В противоположность требованиям центральных берлинских инстанций, которые считали, что из генерал-губернаторства следует вывозить в империю как можно больше, то-есть больше того, чем оно могло дать, доктор Франк со всей энергией защищал государственную самостоятельность генерал-губернаторства, как страны близкой империи, и свою собственную независимость, как подчиненного непосредственно только главе всего государства, но не имперскому правительству. Он дал нам указания ни в коем случае не удовлетворять просьбы, которые будут поступать к нам от сотрудников центральных учреждений и министерств в Берлине на основе наших личных знакомств, и докладывать ему о всех случаях, когда мы ввиду этого попадем в конфликт со своим долгом сохранения верности своему государству. Благодаря этой твердой позиции Франк вызвал недоброжелательное отношение к себе со стороны берлинских правительственных кругов, а генерал-губернаторству было дано насмешливое прозвище "Франкрейх" /империя Франка/. Против генерал-губернатора Франка и всей администрации генерал-губернаторства в Германии началась клеветническая кампания, когда прискорбные неудачи и

9385

H1198 – 0587

H1198 – 0588

промахи отдельных лиц систематически обобщались и раздувались, а действительные достижения преуменьшались".

Я прошу принять к сведению все, что сказано в пункте 5-м этого отчета, а также все, что сказано в пункте 6-м. Я цитирую еще 7-й пункт:

"Доктор Франк-как противник насилия над местным населением и, в частности, как противник СС!

"В газетных сообщениях о Нюрнбергском процессе над военными преступниками, кроме эксплоатации и разорения генерал-губернаторства, говорилось также о порабощении польского населения, о насильственном угоне его в империю и других насильственных мероприятиях; все эти тяжкие преступления инкриминируются теперь д-ру Франку. Что касается актов насилия, то вина за них ложится не на доктора Франка, а, с одной стороны, на многочисленных ненемецких агентов и провокаторов, которые с невероятной интенсивностью развили свою подпольную деятельность для нанесения вреда действующему германскому фронту; с другой стороны, также на бывшего статс-секретаря безопасности в генерал-губернаторстве, обергруппенфюрера СС Крюгера и его инстанции. Мои наблюдения в этой области вследствие соблюдения во всей работе этих инстанций полной секретности очень незначительны.

Доктор Франк, наоборот, зашел в удовлетворении польских интересов так далеко, что его германские соотечественники часто упрекали его в этом. Что он, однако, действовал правильно, выступая на стороне законных интересов польского населения, об этом красноречиво говорит хотя бы тот факт, что всего лишь

через полтора года после поражения польского народа в "18-дневной войне" германские войска, выступившие против России, прошли через польскую территорию без заслуживающих внимания инцидентов, а по Восточной железной дороге были переброшены эшелоны с войсками вплоть до самых передовых позиций. В качестве железнодорожного персонала работали немцы, но ни одной диверсии не было".

Я перехожу к последнему абзацу на странице 79.

"Эта гуманная позиция доктора Франка, завоевавшая ему большое уважение и симпатию со стороны широких кругов местного населения, с другой стороны, приводила к тяжелым конфликтам с СС, в кругах которой лейтмотивом всех высказываний и действий было изречение Гиммлера: "Не любить, а бояться должны они нас". - Временами дело доходило до полного разрыва. Я хорошо помню, как доктор Франк во время своего посещения закарпатских районов/Станиславское воеводство, в Яремче на Пруте/, летом 1943г. во время прогулки со мной и моей женой в горьких словах выразил свое недовольство произволом членов СС, который так мешал его политической линии. Он назвал их тогда "черной чумой" и, заметив наше удивление по поводу его критики, он сказал, что, например, "нельзя бы было ничего сделать, если бы в один прекрасный день или ночь - органы гестапо без всякого повода арестовали бы мою жену и она бы навсегда исчезла, не имея возможности доказать свою невиновность на суде".

"Несколько времени спустя он произнес перед студентами в Гейдельберге - замечательную речь, которая была встречена бурной овацией. Он говорил о восстановлении германского правового

9387

H1198 – 0589

H1198 – 0590

государства в такой форме, в какой это отвечало бы истинным потребностям немцев. Когда он хотел повторить эту речь в Берлине, то, как это мне стало известно – из достоверного, теперь к сожалению, забытого источника, фюрер и рейхсканцлер, согласившись с предложением Гиммлера, запретил ему в течение четырех месяцев выступать с речами. Борьба доктора Франка против насильственных методов СС довела его до полного расстройства нервной системы, что создало необходимость в длительном отпуске. Насколько я помню, это было зимой 1943-44 года".

Я прошу Суд принять к сведению пункт 8-й и перехожу к странице 84-й книги документов, где находится письменное показание под присягой обергруппенфюрера СС Эриха фон дем Бах-Зелевского от 21 февраля 1946 года. Это показание значится под № Франк-8.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Этот свидетель давал показания?

ЗАЙДЛЬ: Этот свидетель был уже здесь допрошен Обвинением. После этого я ходатайствовал о разрешении или дать мне возможность допросить этого свидетеля еще раз, или же получить от него письменное показание под присягой . Насколько мне известно, 8 марта 1946 года Суд вынес решение, позволившее мне пред"явить письменное показание под присягой этого свидетеля, причем Обвинению предоставили право также еще раз допросить этого свидетеля в перекрестном допросе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

ЗАЙДЛЬ: Сейчас я перехожу к показаниям свидетеля по этому делу. Я цитирую буквально:

"В связи с распространением русских партизанских отрядов

за линию Буга на территории генерал-губернаторства, в 1942 году Гиммлер об"явил генерал-губернаторство "областью борьбы с партизанскими бандами". Тем самым на меня, как "начальника отрядов по борьбе с бандами", была возложена обязанность совершать поездки по генерал-губернаторству, собирать фактический и информационный материал и предлагать к рассмотрению отчеты и предложения по борьбе с партизанами".

"В общей информации, которую я получил от Гиммлера, последний отзывался о докторе Франке как об изменнике родины, который был заодно с поляками и которого он, Гиммлер, должен будет в самом ближайшем будущем разоблачить в глазах фюрера. Я помню два момента, в которых Гиммлер обвинял Франка:

"а/ На одном из с"ездов юристов в Германии Франк заявил, что "плохое правовое государство было бы ему милее, чем самое лучшее полицейское государство".

"б/ В одной речи, произнесенной перед польской делегацией, Франк, критикуя мероприятия Гиммлера, подорвал престиж уполномоченных по проведению этих мероприятий в жизнь, назвав их "воинствующими индивидуумами".

"После того, как во время своей поездки по генерал-губернаторству я лично на месте познакомился с положением дел, я разыскал в Кракове начальника СС и полиции Крюгера и генерал-губернатора Франка".

"Крюгер отзывался о докторе Франке очень недоброжелательно. Он считал его колеблющуюся политику в отношении поляков ответственной за положение в генерал-губернаторстве и, высказавшись за более жестокие и беспощадные методы руковод-

9389

H1198 – 0591

H1198 – 0592

ства, он заявил, что не успокоится, пока не добьется снятия предателя Франка. Во время беседы с Крюгером у меня создалось впечатление, что им руководят также личные мотивы и что он сам был бы не прочь стать генерал-губернатором".

"Затем у меня была длительная беседа с доктором Франком, которому я рассказал о своих впечатлениях, а Франк пространно говорил о новой политике в отношении поляков, целью которой он считал умиротворение последних путем уступок. Соглашаясь с моим личным мнением, доктор Франк считал причиною тяжелого положения в генерал-губернаторстве также следующее:

"а/ беспощадное проведение мероприятий по переселению сейчас, в середине зимы, в особенности бесцельное, бессмысленное переселение начальника СС Глобочника в Люблин, и

б/ слишком незначительное количество продуктов питания, имевшихся в генерал-губернаторстве".

"Доктор Франк охарактеризовал Крюгера и Глобочника как подлинных врагов политики умиротворения, которых необходимо было бы, по его мнению, отозвать".

"Будучи убежден, что в случае снятия Франка с занимаемого им поста его преемником будет еще более жестокий и непримиримый человек, я пообещал ему свою поддержку. Под строгим секретом я сказал Франку, что я также придерживаюсь его точки зрения, т.е. считаю необходимым устранить Крюгера и Глобочника. Ему было известно, что Гиммлер ненавидел его и добивался у Гитлера его отставки. При таком положении вещей ходатайство Франка об отзыве Крюгера и Глобочника Гиммлер не только бы не отклонил, но оно упрочило бы их позицию. Поэтому я предло-

жил Франку предоставить мне полную свободу действий, пообещав ему, что в ближайшее же время я смогу сменить обоих. Доктор Франк согласился с этим и я, используя военные ошибки, допущенные Крюгером и Глобочником, решил добиться у Гиммлера их отставки".

"?/ Варшавское восстание 1944 года...".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я должен напомнить Вам о том, что Вы намеревались в течение двух часов рассмотреть пять томов документов. Сейчас Вы потратили более часа [redacted] на представление документов лишь одного тома. Вы зачитываете фактически почти все документы этого тома, что противоречит указанию Трибунала. Вам сказали, что Вы можете делать короткие замечания о том, в какой связи находятся эти документы. Вы же делаете совсем другое.

ЗАЙДЛЬ: Тогда я прошу Суд принять к сведению письменное показание под присягой свидетеля фон дем Бах-Зелевского, начиная с 3-го пункта. В этом пункте рассматривается варшавское восстание 1944 года и вопрос о том, имел ли генерал-губернатор какое-нибудь отношение к подавлению его.

Я перехожу к 92-й странице книги документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В самом деле, выдвинуто ли в Обвинительном заключении какое-либо обвинение в связи с разгромом варшавского восстания в 1944 году?

ЗАЙДЛЬ: В самом Обвинительном заключении ничего не говорится об участии генерал-губернаторе в подавлении этого восстания. Однако представители Советского Обвинения пред"явили здесь телеграмму, в отношении которой, правда, не установлено, была ли она послана, но которая все же в какой-то степени говорит об отношении доктора Франка к варшавскому восстанию.

H1198-0593

H1198 – 0594

Я не имею намерения этого вопроса касаться более подробно и перехожу к 92-й странице книги документов. Этот документ представляет собой письменные показания под присягой Вильгельма Эрнста фон Пелезье. Суд разрешил послать ему опросный лист, сообщив мне также, что вместо опросного листа может быть представлено письменное показание под присягой. Я цитирую лишь два важных абзаца.

"Художественные ценности, привезенные во дворец в Кракове весною 1943 года, хранились там совершенно официально государственными органами. В беседе со мною доктор Франк всегда называл художественные ценности государственной собственностью генерал-губернаторства. Еще до моего прибытия в Польшу был произведен учет всех находившихся там художественных ценностей. Первый список, представлявший собою своего рода каталог с описанием предмета и данными о его происхождении, был отпечатан в виде книги. Это было сделано по поручению генерал-губернатора".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы снова полностью зачитываете нам письменные показания. Мы хотим...

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель. Я предполагал, что в тех случаях, когда свидетель лично не допрашивается на суде, допустимо оглашение его опросного листа или аффидевита, так как в противном случае содержание показаний свидетеля не войдет в протокол судебного заседания и, таким образом, не будет предметом обсуждения по данному делу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это правило было вынесено для того, чтобы подсудимые и их защитники имели бы перед собой все документы.

Поэтому все документы зачитываются перед микрофоном. Трибунал сейчас об"явит перерыв. Но я хочу сказать Вам, что Вы должны сократить пред"явление документальных доказательств. Вы пред"явили только одну книгу документов, потратив на это более часа, а у нас имеется еще четыре книги документов, которые мы должны рассмотреть; кроме этого, Вашему делу не приносит большой пользы оглашение таких длинных выдержек, поскольку процесс будет длиться еще несколько недель и сейчас Вам следует делать лишь такие замечания, которые раз"ясняли бы документы и устанавливали бы их соотношение с теми устными показаниями, которые здесь даются.

/Об"является перерыв до 10.00 24 апреля/.

9393

H1198 – 0595